

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1980

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

FAR EAST AND ADJACENT REGION IN THE MIDDLE AGES

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. V. E. Larichev

PUBLISHING HOUSE «NAUKA»
SIBERIAN BRANCH
NOVOSIBIRSK • 1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1980

Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск: Наука, 1980. 152 с.

Сборник представляет собой очередной выпуск трудов Комиссии по востоковедению СО АН СССР «История и культура востока Азии». В него включены статьи, в которых рассматриваются проблемы средневековой истории стран дальневосточного культурного региона, в том числе Приамурья, Приморья, Кореи, Маньчжурии и Китая. В публикациях включаются в оборот результаты изучения письменных источников, в которых содержатся сведения по истории Дальнего Востока в средние века.

Книга рассчитана на историков-востоковедов, археологов, а также всех, кого интересует древняя история востока Азии.

Ответственный редактор В. Е. ЛАРИЧЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. М. ГУБАЙДУЛИН,
В. М. НАДЕЛЯЕВ, Л. В. ТЮРЮМИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

С расширением археологических исследований в горно-таежной зоне Дальнего Востока, а также степных и пустынных районах Центральной Азии, прилегающих к нему на западе, все отчетливее прослеживаются взаимоотношения тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов с древним населением областей Восточной Азии, расположенных южнее. Чтобы выявить здесь магистральные тенденции в историческом процессе, следует осуществить длительные по временному протяжению экскурсии, проанализировать события за многие тысячи лет. Такое трудное научное предприятие требует приложения коллективных усилий специалистов ряда родственных отраслей гуманитарных наук и в первую очередь историков, археологов, этнографов и лингвистов. Вместе с тем конечная цель подобного рода исследований может быть достигнута лишь при многократном возвращении к отдельным, центральным по значению проблемам, при анализе их с подключением новых материалов и более углубленном и тонком изучении старых, давно известных фактов. Именно поэтому редколлегия издания «История и культура востока Азии» пришла к выводу, что сквозной обзор культурно-этнической политической истории населения этой части азиатского континента, предпринятый в трех предшествующих выпусках¹, необходимо продолжить в очередных томах издания, построив их по тому же хронологическому признаку: средние века, эпоха неолита и металла, древнекаменный век. Длительная по временной дистанции историческая перспектива, обширность территории, на которой в ходе десятков веков разворачивались историко-культурные события, протекали сложные этнические процессы, ставшие теперь объектом пристального изучения, позволяют

надеяться на позитивность итогов задуманных исследований.

В настоящем томе и серии последующих томов издания «История и культура востока Азии» будут рассмотрены отдельные проблемы истории и археологии Дальнего Востока и Восточной Азии на широком фоне событий, которые происходили на территории соседних с ними областей Центральной и Северной Азии. Если говорить о наиболее рациональной очередности в повторном «проходе» уже затронутых тем, то, пожалуй, в первую очередь следует обратить внимание на вопросы ранне-средневековой и средневековой истории Дальнего Востока и прилегающей к нему на западе восточной зоны Центральной Азии. В отличие от более ранних периодов, изучение которых ведется главным образом на основании безмолвных археологических материалов, последующие эпохи предстают перед нами в более ясном свете благодаря сохранившимся письменным источникам, которые открывают возможности детализировать картину событий во всей их многогранности и сложности. Экстраполирование выявленных при этом закономерностей на предшествующие периоды древнейшей истории народов Дальнего Востока и Центральной Азии позволит лучше представить характер взаимоотношений их друг с другом и с обитателями соседних территорий в эпоху камня и бронзы.

Исследование ранней истории Дальнего Востока и прилегающих к нему на западе областей Центральной Азии русские востоковеды вели на протяжении более двух веков. С этим исключительным по трудоемкости научным процессом связаны имена, составившие славу не только русского, но и мирового востоковедения: И. К. Россохин, А. Н. Леонтьев, Иакинф Бичурин, Палладий Кафаров, В. П. Васильев, А. В. Гребенщиков, И. И. Захаров, А. М. Позднеев, Н. В. Кюнер... Материалы, введенные ими в научный оборот, представляют собой важный научный арсенал исследователей истории и культуры востока Азии,

¹ *Сибирь*, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; *Сибирь*, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск, 1976; *Сибирь*, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978.

а разработанные принципы изучения исторических источников были восприняты, а затем и развиты новыми поколениями русских китаеведов, маньчжуристов и монголоведов. Последующие успехи в текстологическом анализе летописей, как и воссоздание на их основе сводных исторических трудов современных исследователей, стали возможны благодаря прочному фундаменту традиций, выработанных русской востоковедной школой. В настоящее время ведется работа по уточнению переводов известных ранее источников, готовятся к изданию новые материалы, проводится тщательное критическое изучение и сопоставление источников. Опыт такой работы как раз и представляет настоящее издание.

Среди разнородных аспектов сложной темы, связанной с ранней и средневековой историей Дальнего Востока и Центральной Азии, особый интерес вызывает вопрос о роли народов этой части континента в восточноазиатской истории и культуре. Уже неоднократно отмечалось, какой большой вред нанесли разработке этой проблемы китаецентристские теории и гипотезы, которым свойственны игнорирование или значительная недооценка роли в истории востока Азии коренного населения территорий, расположенных к северу от лессового плато. К ним можно отнести концепции о культурной пассивности и исторической инертности населения степного пояса Центральной Азии и горно-таежных областей Дальнего Востока. Бескомпромиссное разоблачение подобных теорий — задача актуальная, но отнюдь не простая, поскольку их авторы обосновывают свои взгляды ссылками на мнимо объективные исторические документы, на основании которых они как раз и представляют в совершенно определенном свете достижения древнекитайской цивилизации. Отдавая должное успехам ее создателей, которые, бесспорно, внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры, несправедливо оставлять без внимания богатое, своеобразное и неповторимое в его специфических особенностях культурное наследие тунгусо-маньчжурских и тюркско-монгольских народов. История тюркско-монголов и тунгусо-маньчжуров в аспекте взаимоотношений их с Китаем на протяжении десятиков веков ярко демонстрирует их истинную роль в коренных по значению событиях культурной и политической истории Восточной Азии. В этой связи достаточно вспомнить о тюркских и уйгурском каганатах, Бохае и Корё, Ляоской и Золотой империях и об обстоятельствах возвышения маньчжуров.

Этот вывод выглядит столь же оправданным и справедливым, если обратиться к событиям более раннего периода истории, когда китайские императоры, формируя направление внешней политики, вынуждены были в своих расчетах и акциях серьезно учитывать силу и

возможности Древнего Чосона и Когурё, гуннского и мохэского племенных союзов, а также других народов Центральной Азии и Дальнего Востока. По-разному складывались обстоятельства междоусобиц Китая с соседями на севере и северо-востоке, но безжизненные стереотипы их оценки тяжким грузом довели над придворными историографами, приводя в итоге к вольной или невольной фальсификации общей картины событий. В этом отношении история истинных взаимоотношений Китая с древнейшими обитателями Маньчжурии — сусенями, а затем с уцзи и мохэ представляется классическим по яркости образом, который стал одним из сюжетов публикаций в сборнике (статья «Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии»).

Последующие судьбы основного ядра тунгусо-маньчжурских народов тесно связаны с государством Бохай и Золотой империей чжурчженей. Политическая история чжурчженей в отечественной литературе оставалась долгое время слабо исследованной. Достаточно сказать, что пока опубликованы лишь краткие очерки истории империи Цзинь. В недавно изданной монографии М. В. Воробьева «Чжурчжэнь и государство Цзинь» собственно политической истории отведено небольшое место. Вот почему публикуемую в сборнике статью молодого востоковеда С. Т. Кожанова «Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь» можно рассматривать в какой-то мере как начальный этап восполнения этого пробела в отечественном чжурчженеведении. Работа С. Т. Кожанова посвящена рассмотрению предпосылок возникновения первых столкновений между чжурчженями и китайцами. Война закончилась, как известно, полной победой чжурчженей и включением в состав их государства более 25% территории Сунского государства.

Анализируя причины побед чжурчженей над Сун, С. Т. Кожанов не ограничивается рассмотрением только социально-экономических и политических факторов. Определенную роль в исходе борьбы сыграла специфическая этническая ситуация на севере Китая. Воспные действия 1125—1127 гг. наглядно продемонстрировали возросшую мощь молодой чжурчженской империи, утвердившей себя в начале XII в. в качестве ведущей политической силы дальневосточного региона.

Серию публикаций, сюжетно связанных с историей древней Маньчжурии, завершает статья В. С. Кузнецова «Нурхади — основатель маньчжурского государства». Личность этого выдающегося политического и военного деятеля, который взял на себя тяжкое бремя возрождения государственности у потомков чжурчженей, ранних маньчжуров, неоднократно привлекала внимание русских и зарубеж-

ных востоковедов. В. С. Кузнецов подробно, насколько позволяют имеющиеся в его распоряжении источники, рассмотрел обстоятельства возвышения Нурхади — его борьбу за единство маньчжуров.

Вторая половина сборника посвящена главным образом обзору событий центральноазиатской истории. В изучении востока Азии и прежде всего истории народов, обитавших в древние и средние века к северу от Великой Китайской стены, в бескрайних степных и пустынных просторах Центральной Азии, за последнее время наметился определенный поворот в сторону более тщательного и углубленного изучения китайских первоисточников. Значительные достижения ряда наук показали, что переводы, выполненные 100—150 лет назад, уже не удовлетворяют современным требованиям. Их использование сегодня, без риска допустить серьезные ошибки, невозможно без дополнительной сверки с китайским оригиналом. Поэтому перед исследователями со всей актуальностью встала задача первостепенной важности — дать новые переводы ранее опубликованных текстов. Такой новый перевод приводится в работе В. С. Таскина «Материалы по истории ухуаней и сяньби». Перевод и обширный комментарий предваряются в статье кратким очерком истории этих народов. Обзор написан на основании детального изучения В. С. Таскиным не только публикуемых источников, но и большого числа других китайских сочинений. Эта публикация наносит еще один удар по нелепым утверждениям некоторых современных китайских авторов об извечности господства Среднего государства над всеми так называемыми «варварскими» народами.

Важные аспекты центральноазиатской истории поставлены в статье А. Г. Малявкина «Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии». С древнейших времен отдельные родоплеменные подразделения и небольшие группы кочевников находили «убежище» у Великой Китайской стены. А. Г. Малявкин на основании тщательного изучения китайских источников подтвердил мысль о том, что предоставление властями Поднебесной так называемого «убежища» «варварам» было не бескорыстным. Кочевники расплачивались за это участием в агрессивных акциях китайской империи. Большое внимание уделено в статье практическому применению танскими императорами традиционного для Китая принципа «руками варваров — подавлять варваров». Этот коварный прием успешно применялся в первой половине VII в. в восточной части Центральной Азии. Тогда Танской империи с помощью сеяньто-уйгурской коалиции удалось разгромить Восточнотюркский каганат, а затем с помощью тюрков и уйгуров ликвидировать зарождавшееся сеяньтоское государство. На фо-

не этих событий важен вывод А. Г. Малявкина о том, что после разгрома Восточнотюркского каганата его территория не была включена в состав Танского государства. Это заключение подтверждается прямыми указаниями китайских источников.

Из последующих событий центральноазиатской истории привлекают внимание факты, связанные с киданями. История киданей в общих чертах известна, однако многие ее аспекты, особенно связанные с вопросами сравнительного изучения общественной жизни кочевых народов, нуждаются в дополнительных исследованиях. В немалой степени это относится к полной драматических страниц истории киданей после крушения империи Ляо. Эта тема затрагивается в статье Г. Г. Пикова «Некоторые вопросы экономики западных киданей». Основываясь на скудных источниках, а также учитывая, что империя западных киданей была создана племенами, социально-экономический строй которых известен, Г. Г. Пиков попытался путем сопоставления разрозненных косвенных данных, путем логического их осмысления и экстраполяции дать ответы на отдельные вопросы.

В сборнике помещена статья Е. И. Кычанова «Монголы в VI — первой половине XII в.», в которой решается остро дискуссионная проблема сложения монголоязычных племен. Круг такого рода вопросов в русской исторической литературе ранее не затрагивался. Е. И. Кычанов провел критический анализ первоисточников, в которых содержатся сведения о ранних монголах, и в итоге пришел к выводу о том, что раннемонгольские племена расселились сначала за пределами современной Монголии и мигрировали на ее территорию позже, сменив тюрков, которые господствовали здесь в предшествовавшие века. Ранее к тем же выводам пришел Л. Р. Кызласов, но на основании анализа иных материалов — древнемонгольских преданий, монгольского языка и отчасти самой истории монголов². По его мнению, древние монголы были лесными жителями и расселились к востоку и северо-востоку от современной Монголии.

Некоторые интересные аспекты этнической истории чжурчженей рассматриваются в статье В. В. Евсюкова «К этнической истории чжурчженей».

Таковы в кратком изложении проблемы дальневосточной и центральноазиатской истории, затронутые в очередном выпуске издания «История и культура востока Азии».

В. Ларичев

² Кызласов Л. Р. Ранние монголы. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура востока Азии, т. III. Новосибирск, 1975,

НАРОДЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА И ИХ РОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Археологические исследования на территории Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Центральной и Восточной Азии свидетельствуют о рано определившемся глубоком культурном и этническом своеобразии древнего населения бассейнов основных речных систем материковой части дальневосточного региона — Ляохэ, Нонни, Сунгари, Ялу, Тумангана, Уссури и Амура. В пределах этих областей располагалась одна из центральных по значению зон формирования могущественного на востоке Азии тунгусо-маньчжурского этнического пласта. Здесь же, главным образом на северных окраинах Дальнего Востока, расселялась часть палеоазиатских народов, история которых наглядно и живо раскрывает важные детали процесса освоения человеком горно-таежной и степной зон севера Восточной Азии, пограничных с Сибирью, и в то же время позволяет представить в какой-то мере сложность и многогранность культурно-этнических процессов в отдаленные эпохи. Было бы наивно, учитывая скудость сведений, оставшихся от тех далеких времен, со всей определенностью судить о своеобразии дальневосточного культурного региона в сравнении с собственно восточно-, центрально- и североазиатскими зонами культур древнекаменного века. И все же археологические материалы проливают свет на эту проблему¹. Исследования же, относящиеся к последующим эпохам — неолиту, эпохе бронзы и раннему железному веку, выявляют отчетливо выраженную оригинальность культур Дальнего Востока в сравнении их с соответствующими по времени культурами собственно Китая, в особенности бассейнов Хуанхэ и Янцзы, а также отчасти пустынно-степной зоны Монголии².

¹ Ларичев В. Е. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.—В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. Новосибирск, 1976; *Он же*. Палеолит Кореи.—Там же; *Он же*. Палеолит и мезолит Японии.—В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Вып. 3. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970.

² Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии.—В кн.: Археологический сборник, т. 1. Улан-Удэ, 1959; *Он же*. Древние

Начиная с последних веков до новой эры сведения о дальневосточных племенах появляются в письменных источниках, главным образом в официальных летописных хрониках. По этим своего рода «этнографическим наброскам» путешественников, дипломатов и лазутчиков предстают перед нами особенности жизни и быта древних обитателей Дальнего Востока, конкретные эпизоды политической и военной истории в том свете, в каком воспринимали их современники-соседи. Выявляется роль дальневосточных народов в полных драматических коллизий событиях на севере Восточной Азии в древности и эпоху раннего средневековья. Внимательный анализ летописных хроник, в которых содержатся разноразличные сведения о так называемых «восточных иноземцах», со всей очевидностью показывает, сколько здесь еще кроется неиспользованных возможностей для воссоздания правдивой истории, лишенной невольных искажений, злостных фальсификаций и заранее обдуманных передержек. Установление исторической истины особенно необходимо сейчас, когда в Пекине откровенно стремятся превратить историю в орудие политических спекуляций, в частности для обоснования территориальных притязаний к соседним государствам, в том числе к нашей стране³. Речь идет, в сущности, о разоблачении одного из вариантов давней китаецентристской идеи, полной презрения к миру так называемых «варваров» и «иноземцев», которым официальные предста-

культуры Северного Китая.—«Труды Отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала АН СССР», Владивосток, 1959, т. 1; *Он же*. Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура.—«Материалы и исследования по археологии СССР», 1960, № 80; *Он же*. Бронзовый век Северо-Восточного Китая.—«Сов. археология», 1961, № 1; *Он же*. Неолит и бронзовый век Кореи.—В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978; *Он же*. Неолит и бронзовый век Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.—В кн.: Дальний Восток и соседние территории в древности. Неолит и эпоха металла (в печати).

³ См., например: Тань Ци-сян, Тянь Жу-кан. «Открыватели новых земель» или грабители, вторгшиеся в Китай?—«Лиши яньцзю», 1974, № 1 (на кит. яз.).

вители императорских дворов Китая милостиво отводили единственную роль в культурной и политической истории — изъяслять покорность и подносить так называемую «дань» «владыкам Поднебесной».

О полной неоправданности таких амбициозных взглядов в свете исторической реальности свидетельствуют страницы политической и культурной жизни тунгусо-маньчжурских племен сушеней, илоу, уцзи, мохэ, а также народов Нижнего Амура и Крайнего Северо-Востока, их роль в событиях, развернувшихся на востоке Азии в древности и раннем средневековье.

О сушенях, загадочном народе севера, знали на востоке Азии, если верить начальным страницам истории Китая, посвященным деяниям пяти легендарных императоров, очень давно⁴. Однако конкретные сведения о них ограничивались по существу рассказами о том, как их посольства преподносили при визитах ко двору императоров древки стрел из дерева ку с насаженными на них наконечниками, изготовленными из камня ну. Несомненно, долгое время, по крайней мере до конца эпохи Хань, название «сушень» служило своего рода синонимом диких и экзотических людей Дальнего Востока, юга Маньчжурии. Не случайно в древнем сочинении «Чжунсинской» в одном ряду с ними перечислялись «длинноногие», «белокожие», «люди с разными ногами», «однорукие», «мужеподобные», «люди с тремя туловищами», «плодородные» и «женоподобные». В подобном же окружении они упомянуты и на страницах географического трактата эпохи Хань «Шаньхайцзина». Если такие фантастические представления о сушенях господствовали в период Ханьской династии, то что реального могли знать о них на востоке Азии за два тысячелетия до этого? И все же, несмотря ни на что, начиная с легендарной эпохи, сушени упоминались в летописях, с одной стороны, как народ, играющий в истории какую-то значительную роль, а с другой, — из-за отсутствия конкретных сведений о нем, — как нечто сказочно-фантастическое и почти по-

луреальное. При всей досадной скудости информации о сушенях, о их политической истории в период, предшествующий времени «Трех династий», слова о значительности роли древнейших обитателей Дальнего Востока — отнюдь не оговорка и не преувеличение.

Впервые имя народа сушень, или в другом, реже встречающемся написании — сишень и цзишень, упомянуто в записях о примечательных событиях времени легендарного императора Шуня («Ши цзи», гл. «Уда бэньцзи»: «Хуайнаньцзи», гл. «Юаньдаошунь»; «Дадай лицзи», гл. «Шаоцзянь»). Сообщение предельно просто: в 2021 г. до н. э. ко двору прибыло посольство племени сушень и преподнесло подарки в виде стрел с грубыми каменными наконечниками. Хронологическая точность события, как бы важно оно ни было, вызывает подозрение, поскольку речь идет об эпохе неолита, когда на территории Маньчжурии и Монголии существовала так называемая микролитическая культура, а в пределах Китая — культура яншао. Археологические материалы подтверждают контакты между ними, хотя трудно вообразить, чтобы уже на стадии новокаменного века, какой бы развитой ни казалась культура крашеной керамики бассейна Хуанхэ, велась точная фиксация происшествий вроде случившегося в 2021 г. до н. э. Однако оставим в стороне многие несуразности. Гораздо важнее рассмотреть здесь вопрос о том, что, согласно источникам, заставило сушеней появиться при дворе Шуня, ибо в ответе скрывается, как увидим далее, ключ к правильной оценке множества последующих сходных по характеру событий исключительного значения. Благодатный материал для размышления на эту тему дают комментарии Конфуция в «Лунь» в ответ на вопрос его ученика Цзай Во о годах правления Шуня. Философ, оказывается, считал далеко не случайным, что именно к этому правителю пришли «с подарками своей кустарной промышленности» «варвары» всех четырех сторон Поднебесной: с севера — шаньжун, бэйфа и сушень; с юга — цзянжи и бэйху; с востока — чжани и даои; с запада — сижун, чайчжи, цюйшоу, ди и цян. Такое всеобщее движение народов к «центру Поднебесной», согласно утверждению Конфуция, объяснялось настоятельными и плодотворными усилиями Шуня по наведению порядка в Китае, укреплению мира в стране, широкому распространению в империи просвещения, его неуспянной заботой о расцвете культуры. «Варварам» в такой ситуации, если следовать логике рассуждений Конфуция, не оставалось ничего другого, как продемонстрировать «свою лояльность» по отношению к великому и просвещенному сыну Неба. Вот почему, оказываясь, сушени послали посольство и преподнесли двору стрелы с каменными наконечниками.

⁴ Описания сушеней — илоу см. в «Хоу Хань шу», гл. 75; «Сяньго чжи», «Вэй чжи», гл. 30; «Цзинь шу», гл. 97; сведения о сушенях имеются также в сочинениях: «Го юй», гл. 5; «Ши цзи», гл. 1 и 47; «Хань шу», гл. 6 и 27; «Шоюань», гл. 18; «Дадай лицзи», гл. 7 и 11; «Шицзин», предисловие. Отдельные тексты переведены на русский язык: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1951. См. также: Ларичев В. Е. Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах сушень — илоу. — Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1964, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3; Ikeuchi Hiroshi. A study of Su-shen. — "Memoirs of the research department of the Toyo Bunko", 1930, № 5; Wada S. The natives of the Lower reaches of the Amur river as represented in Chinese records. — "Memoirs of the research department of the Toyo Bunko", 1938, № 10.

Такого рода сообщения иногда используются как неоспоримые факты исторической действительности для подтверждения весьма сомнительных, но далеко идущих заключений. Вместе с тем многое в этих сведениях вызывает сомнение, заставляет относиться к ним скептически. Во-первых, один за другим вступали на престол до предела «обремененные» добродетелями императоры Юй династии Ся, Тан-ван династии Шан, Вэнь-ван династии Чжоу. В разделе «Шаоцзянь» сочинения «Дадай лицзи» по поводу каждого из них с поразительным однообразием и нудной стереотипностью одних и тех же выражений повторяется мотив восхищения деяниями великих в своем недостижимом для простых смертных совершенстве китайских правителей древности. С тем же отсутствием выдумки каждый раз отмечается как одно из высших результатов их мудрой деятельности, своего рода знамение угодного Небу труда — приход с подарками все тех же «потрясенных варваров» четырех сторон света. В качестве примера можно привести текст одного из разделов указа 134 г. до н. э. императора У-ди, приведенный в гл. 6 «Хань шу». Обращаясь в нем к владыкам позднего периода Чжоу Чэн-вану и Кан-вану, У-ди прославлял их за отмену наказаний, за безграничное распространение их царственных добродетелей, которые, по его мнению, достигли даже птиц и животных. Панегирик У-ди по адресу предков завершался традиционно величавым аккордом: из-за границы пришли сусуни, бэйфа, цюйшоу, ди и цян, чтобы ни больше, ни меньше как предложить им свою покорность! Предки же У-ди тоже составляли по таким торжественным случаям соответствующие указы.

Во-вторых, настороженность и критицизм к подобным самодовольным заявлениям вызывает анализ тех немногих упомянутых в источниках событий политической истории сусуней эпохи Инь и Чжоу, в которых роль одной из древнейших групп племен Маньчжурии выглядит во многом иначе, чем стараются представить официальные историографы императорских дворов Китая. Обратимся сначала к эпизоду преподнесения сусунями стрел с каменными наконечниками чжоускому князю У-вану, который, «проложив дорогу к северным и южным варварам», победоносно завершил борьбу с последним иньским императором Чжоу-синем. Факт поднесения стрел подтверждается притчей все того же Конфуция, изложенной в гл. 5 «Луюй», в биографии философа из «Ши цзи», а также в «Хань шу». Существо события изложено следующим образом: когда Конфуций находился в княжестве Чэнь, то однажды случилось невиданное, как будто специально ниспосланное Небом, чтобы продемонстрировать окружающим широту и глубину познаний почетного гостя князя Минь-гуна: во внутрен-

ний двор строений упала стая кречетов, сраженных стрелами из дерева ку с каменными наконечниками. Удивленный Минь-гун приказал слугам подобрать убитых птиц и вместе со стрелами отнести их в дом, где жил Конфуций, и спросить его, что за диковины упали ему во двор. Гость, как и следовало ожидать, оказался на высоте, сразу же сказав: «Птица — род кречета, происходящего из страны Сусуень, а стрелы с каменными наконечниками тоже доставлялись издалека, они употреблялись сусунями». Далее Конфуций рассказал хозяину дворца старую историю о том, как сусуни поднесли в дар чжоускому князю У-вану древки стрел из дерева ку с наконечниками из камня ну. У-ван гордился таким подарком из немыслимо далекой страны, считал их знаком широких границ влияния его царственных добродетелей на дальние народы и в назидание потомкам приказал Юну сохранить стрелы и выгравировать на гуа (оперенной части древка) слова: «Стрелы, подаренные племенем сусуень». Строго следуя традиции, Юн составил указ о «дани» сусуней. Позже, выдавая дочь замуж за Ху Гуна из семейства У, которого У-ван назначил главой княжества Чэнь, он подарил ей из своей сокровищницы часть сусуньских стрел как знак установленных теперь родственных связей с Ху Гуном. Такой дар человеку, не находившемуся в кровном родстве с владыкой Поднебесной, служил в дальнейшем, по словам Конфуция, напоминанием о необходимости соблюдать верность монарху и одновременно означал, что Ху Гуна и впредь предстояло получать часть подарков, доставляемых ко двору отдаленными народами, в том числе сусунями. И действительно, с тех пор княжеству Чэнь выделяли из подношений стрелы из дерева ку с каменными наконечниками. В заключение рассказа Конфуций предложил своему господину Минь-гуну, чтобы он отдал распоряжение чиновникам порыться в старых кладовых. По его утверждению, они непременно должны найти там сусуньские стрелы. Можно представить поэтому удивление главы княжества Чэнь, когда подчиненные, произведя поиски в сокровищнице, обнаружили в золотом ящике сусуньские стрелы! Эта легендарная история содержит в себе, по-видимому, зерно истинных событий. Во всяком случае, известно внимание, с которым относился к сведениям о далеких иноземцах великий философ древнего Китая. Так, раздумывая над нескончаемыми беспорядками в своей стране, он, «питая гнев», однажды произнес знаменитые слова о том, что только у девяти племен иноземцев можно жить в спокойствии и порядке. Конфуций с негодованием отвергал традиционно презрительное отношение представителей правящей элиты княжеств собственно Китая к варварам-иноземцам, которых они неизменно «подозревали» в неве-

жестве, отсталости, сохранении «древнего» в обычаях и культуре.

Когда Минь-гун высказал нечто подобное в связи с эпизодом со стрелами, Конфуций, опровергая такие заключения, произнес, негодуя: «Почему следует презирать их? Благородный муж обитал там. Имел также учеников, имел желтого феникса». Далее последовали не менее примечательные слова: «Я верю в древнее и люблю его. Я ревностно ищу в нем познание». Если к сказанному добавить, что, судя по отдельным сведениям, Конфуций желал жить в краю иноземцев, называя его «безыскусным и обильным источником человеколюбия и почтения, превосходства и справедливости», то уважительное отношение философа к соседним с Китаем народам окажется бесспорным.

Однако главное заключается не в самом факте поднесения стрел сушенями, а в событиях, которые стояли за ним, в подоплеке контактов между чжоуским племенным союзом и сушенями. Оказывается, ранее, готовясь к решающим сражениям с иньцами, У-ван, тоже, собственно говоря, глава «варварского» до недавнего времени союза чжоуских племен, сначала «заручался поддержкой» сушеней, «варваров» севера. По-видимому, уже тогда сушени пользовались на востоке Азии громкой славой храбрых ратников, и У-ван специально продумал и осуществил план подключения их к борьбе с Инь. Теперь не восстановить обстоятельств переговоров послов У-вана с вождями сушенских племен. Но важен факт старания его непременно «заручиться поддержкой» тех, кто находился в стратегически важном районе — в тылу Инь на севере. Стоит ли разяснять, что в предстоящей борьбе заручаются поддержкой не вассалов, а союзников — равноправных партнеров? Не менее примечательна история последовавшей затем борьбы У-вана с восставшими против него братьями Гуанем и Цаем, которые, пытаясь выйти из состава Чжоу, поставили молодое государство на грань катастрофы и распада. В этот решающий момент У-ван снова обратился за помощью к сушеням, и, очевидно, именно они главным образом и помогли ему ликвидировать смертельную для судьбы страны угрозу.

Учитывая общую ситуацию в бассейне Хуанхэ в начале эпохи Чжоу, нельзя не прийти к заключению, что сушени представляли собой далеко не простую пешку в сложной политической игре, которая велась тогда на востоке Азии. Не менее любопытны сведения по истории сушеней периода, последовавшего за временем правления Чэн-вана и Кан-вана, когда, если верить «Шу цзин», дикие племена на востоке были разбиты, а сушени принесли дань. Чего стоят на самом деле такие записи, раскрывает рассказ о том, как сушени в годы чжоуского князя Му-вана по каким-то причи-

нам, возможно, из-за очередных попыток Китая «проложить дороги» в их коренные земли, стали инициаторами союза всех «девяти племен восточных иноземцев». Присвоив себе новое имя суйи, сушени двинули свои войска прямо на столицу могущественной империи Чжоу. «Свирепствуя», как сообщает источник, они успешно продвигались на запад и через некоторое время достигли Хуанхэ. Чем закончился беспрецедентный по смелости и масштабам поход тех, кого презрительно и несправедливо называли порой «вассалами» Чжоу, остается тайной. Вероятно, Му-вану в конце концов как-то удалось утихомирить разбушевавшихся северян. Известно только, что когда позже циньский князь попытался обезопасить свои границы от нападений восточных иноземцев, то прежде всего он приказал министру Инбо составить повеление о подкупе сушеней. Однако, по-видимому, их не удалось тогда вывести из игры. Эта история с дерзкой военной операцией союза племен «девяти восточных иноземцев», который возглавили вожди сушеней, не оценена пока историками в той мере, в какой она того заслуживает. Между тем в ней, пожалуй, в наиболее яркой форме раскрывается истинный характер взаимоотношений Китая с сушенями, лишенных стереотипно унылой однозначности.

Подводя итоги изложенным выше событиям доханьской эпохи, невозможно не увидеть тенденциозности оценок источниками так называемой «дани» сушеней императорским двором Китая. Сведения о подношениях сушеней представляют собой очевидный результат прямой фальсификации, в особенности когда речь заходит об эпизодах времен глубочайшей древности — легендарной эпохи пяти императоров. Бесспорно прав был японский историк-востоковед Хироси Икэути, впервые обобщивший такого рода факты, когда отмечал, что подобные истории следует воспринимать как пустое краснобайство⁵. По его мнению, у древних китайцев сложились весьма специфические представления об идеальном правительстве, не останавливаясь перед прямой подтасовкой фактов, они старались каждый раз показать, как появление в Китае «всеблагого императора» неизменно служило сигналом для прибытия посольств с подарками от «варварских» племен всех сторон света. Цель таких невинных, на первый взгляд, упражнений очевидна: придворные историографы подчеркивали тем самым безграничную силу морального влияния идеального правителя, непревзойденные добродетели которого будто бы так влияли на окружение, что в Китае не могли не появиться посольства «варваров» с изъявлениями покорности. Такая традиция, однажды появившись,

⁵ *Ikeuchi Hiroshi. A study of Su-shen.— Memoirs of the research department of the Toyo Bunko, 1930, n. 5.*

затем канонизировалась и впредь не нарушалась, чем и объясняются стереотипно стандартные фразы источников об «умиротворении варваров» и об уплате ими дани Китаю. «Традиционный идеал» покрывал туманом реальность истории. Поэтому если в «Цзо чжуань», например, в описании событий правления чжоуского князя Цзин-вана отмечается, что земли сушеней, янь и бо являются северными землями Китая, то, как ни парадоксально, истина здесь заключается только в том, что на север от Чжоу расселялись перечисленные племена.

Однако Хироси Икэути в своем суперкритицизме заходит, пожалуй, слишком далеко, заявляя, что посольства сушеней вообще не прибывали к императорским дворам доханьской эпохи и что сведения о них — пустые выдумки. Приведенные выше эпизоды из политической истории иньско-чжоуской эпохи, в которых фигурируют сушени, показывают, что дело обстоит далеко не так просто. Подарки сушени действительно подносили. Об этом свидетельствуют, в частности, «Бамбуковые анналы» («И чжоу шу»), где отмечается, что цзиньени (так называли сушеней) преподнесли императору Чжоу большого оленя или лося. Но следует отнестись критически к выводам, которые делали придворные историографы на основе такого рода фактов. Отчетливо прослеживается таинственная закономерность появления послов сушеней в самые, пожалуй, критические моменты китайской истории. Поневоле возникает подозрение — не провоцировались ли порой престижные для политических сил появления посольств сушеней с дарами в виде экзотических стрел из дерева ку с насаженными на них каменными наконечниками пу? На глубоко замаскированную подоплеку появления посольств, очевидно, обусловленную все теми же морально-престижными канонами китайского двора, наталкивает сначала несколько неожиданный эпизод, связанный с попытками министра Инбо подкупить сушеней ради безопасности северных границ Китая. Возникает, естественно, мысль о иных возможных аспектах установления контактов с сушенями. И эту мысль подтверждают события бурной истории конца эпохи Инь, периода Трех царств — Вэй, У и Шу, а также Западной и Восточной Цзинь, охватывающих хронологический отрезок времени в несколько веков.

Каких-либо сведений о сушенях, в том числе сообщений о прибытии их посольств с традиционными подарками, нет в хрониках эпохи Цинь и Хань. Источники более позднего времени прямо и с нескрываемым оттенком удивления и даже осуждения отмечают, что в «блестящие годы» правления императоров династий Цинь и Хань послы сушеней не посещали Китай. В главе «Сушень» «Цзинь шу» встречаются примечательные слова: «Даже

славные династии Цинь и Хань не смогли заставить их платить дань!» Правда, в «Хань шу» при описании событий 1-го года эры правления юанькан знаменитого У-ди приводятся сведения об указе императора, в котором он гневно осуждал сушеней за то, что они не пришли ко двору. Можно ли отсюда сделать вывод, что в годы, предшествующие эпохе Хань, сушени приходили в Китай? Вероятнее всего, нет — У-ди гневался чисто риторически. Во всяком случае подобный вывод не противоречит фразе «не смогли заставить их платить дань», а, напротив, подтверждает ее. Сушени, несомненно, сохраняли полную независимость от Хань. Такое предположение, как увидим далее, находит естественное объяснение в событиях политической истории Маньчжурии и Кореи последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры. В документах более позднего времени встречается значительное количество упоминаний о приходе послов сушеней в Китай и, что значительно важнее, впервые появляются бесценные в своих подробностях истинно этнографические по характеру описания как самого народа, так и земель, которыми он владел.

Остановимся, однако, на анализе одной из главных проблем. Какие обстоятельства вызвали приход первых после очень длительного перерыва посольств сушеней, что в действительности скрывалось за такими дипломатическими акциями и каким образом удалось собрать сведения о жизни одного из племен «восточных иноземцев», об особенностях их страны и месте ее расположения в пределах границ северных земель.

Учитывая предшествующий анализ событий, связанных с сушенями, можно априори предполагать далеко не случайный факт первого появления их послов в период, когда на севере Китая окрепло могущество государства Вэй. Именно тогда в «Анналах государя Минди» в главе 3 «Вэй чжи» в записи пятого месяца 4-го года эры цинлун (236 г. н. э.) появилась знаменательная фраза: «Племя сушеней подарило стрелы ку». Как и правители двух других царств, на которые распалась взорванная противоречиями, раздорами и войнами империя Хань, вэйский император Минди всеми силами стремился продемонстрировать свое величие перед соперниками-соседями. Можно ли представить более весомый показатель своих добродетелей и влияния на дела всей Поднебесной, чем прибытие ко двору послов легендарных сушеней, тех самых, которые преподносили стрелы из дерева ку Шуню, Юю, а также целой череде могущественных чжоуских правителей? К тому времени хитроумный Минди, накапливая силы к предстоящей борьбе с соперниками, активно готовился к захвату Ляодуна, где с поздниханьского времени делами в губернаторстве Пинчжоу

вершило, сохраняя полную независимость от Китая, семейство Гун-сунь, главная резиденция которого находилась в Сянпине (современный Ляоян). Пинчжоу, где тогда правил сын Гун-суня Вэнь-и (он же Юань), располагалось в беспокойном соседстве с восточными иноземцами, в том числе с могущественным корейским государством Когурё, племенами фуюй, а также сушенями. Однако угроза, нависшая над Пинчжоу со стороны Вэй, не без основания представлялась Вэнь-и смертельной, во всяком случае не сравнимой с тем, что можно было ожидать при самом неблагоприятном развитии событий во взаимоотношениях с «восточными иноземцами» («дунъи»), т. е. с корейскими и тунгусо-маньчжурскими племенами Дальнего Востока. В такой ситуации появление посольства сушеней в 236 г. н. э. при дворе Мин-ди следует рассматривать скорее всего как остроумный предупреждающий шаг Вэнь-и, который, демонстрируя как посредник свою лояльность Вэй, организовал прибытие послов из страны, с которой он, судя по всему, поддерживал контакты. Задуманная акция, однако, не привела к желанным результатам. В 238 г., через два года после того как Мин-ди принял посланцев сушеней, экспедиционная армия Вэй под руководством полководца Ван Цзи обрушилась на Ляодун, положила конец самостоятельности Пинчжоу и как следствие происшедших изменений лишила власти Вэнь-и. Согласно сведениям из географического раздела «Цзин шу» «Дилицзи», Пинчжоу сначала превратили в одну из провинций царства Вэй, а затем включили в состав вэйской провинции Ючжоу. Поскольку правители Вэй теперь сами решали сложные проблемы взаимоотношений с «восточными иноземцами», в том числе, разумеется, и с сушенями, в Сянпине им пришлось создать специальное административное подразделение «дунъи цзяовэй», или «ху дунъи цзяовэй», задача которого заключалась в «сдерживании» иноземцев и «наблюдении» за событиями в районе Дальнего Востока, где расселялись корейские и тунгусо-маньчжурские племена. Таким образом, в результате прямых контактов с членами посольства, а также при посредстве «дунъи цзяовэй» создавались предпосылки для накопления конкретных сведений о народе сушень. Нужно иметь в виду, что всему прочему, что около 245 г. н. э., во время правления Ци-вана, китайцы предприняли новую военную экспедицию с целью порабощения государства Когурё. Армию Вэй возглавлял губернатор округа Сюаньту Ван Цзи, который по приказу полководца Му Цю-цзяня, преследуя когурёского государя, дошел до границ сушеней и даже будто бы «попрал их очаги». Сведения об этом содержатся в «Вэй чжи». Кроме того, это подтверждается текстом, выбитым Ван Цзи на каменной стеле, обнаруженной японскими археологами на горе Вань-

ду в уезде Цзиань пров. Гирич. В тексте сообщается о результатах военной акции. Первые столкновения китайцев с отрядами сушеней отражены летописцами при описании народа сушень в разделе «Илоу» хроники «Вэй чжи».

Не менее примечательно время прибытия ко двору Вэй второго посольства вождя племени сушень Жунцзи. Оно зафиксировано на страницах «Вэй чжи» через 26 лет после появления первого посольства и за три года до падения династии: в 3-м году эры правления цзинь-юань последнего императора Чэнь Лю-вана (262 г. н. э.). Закулисная сторона события, после которого особенно четкими стали представления о сушенях, настолько симптоматична, что для раскрытия истинного значения его и тайных движущих причин нужен специальный обзор с привлечением материалов, собранных Хироси Икэути и подвергнутых им тщательному анализу. О приходе посольства сушеней в 262 г. н. э., как записано в главе 4 «Вэй чжи» «Анналов Чэнь Лю-вана» в перечне событий четвертого месяца 3-го года эры правления цзинь-юань, вэйский двор узнал из сообщения, которое доставили императору из префектуры Ляодун. В нем содержались сведения о прибытии посла племени сушень, который поднес разнообразные подарки. Среди них, помимо «некоторого количества» традиционных древков стрел из дерева ку, а также 300 каменных наконечников находились никогда ранее не упоминавшиеся в перечне даров сушеней 30 луков, 20 различных военных доспехов, изготовленных из шкур животных, рога и железа, и, наконец, самое ценное — 400 соболиных шкурок. Далее, согласно тексту главы 2 «Цзин шу», последовали события, на первый взгляд, необъяснимые: Чэнь Лю-ван отдал распоряжение отправить подарки посольства сушеней в управление дацзяньцзюню (генералиссимусу) Сыма Чжао. Смысл такого шага объясняется, однако, положением, которое занимал тот при вэйском императорском дворе. Отец будущего основателя западной цзиньской династии Сыма Яня, носившего затем в императорском ранге имя У-ди, Сыма Чжао захватил к тому времени неограниченную власть при дворе и приобрел абсолютный контроль над государственными делами. Ему еще предстояло в следующем году официально занять пост главы правительства непоправимо клонившейся к упадку династии Вэй, а император, уже не пытаясь замаскировать свою обреченность и открыто демонстрируя перед подчиненными истинное соотношение сил, приказал передать дар знаменитых сушеней тому, кто обладал в государстве реальной властью и, следовательно, заслужил такую честь. Не исключено, правда, что его заставили сделать так.

Жест этот полон глубокой символики. Его значение раскрывается в «Цзинь шу», когда в той же главе о сушенях неожиданно говорится

о том, что они точно так же пришли с наконечниками к чжоускому двору, когда Чжоу-гун принял на себя регенство «в защиту» Чэн-вана. Затем сушени тысячу лет не появлялись при императорских дворах, и только вот сейчас, когда Сыма Чжао стал премьер-министром государства Вэй (исходя из реальной власти, конечно же, регентом Чэн Лю-вана), сушени как благодетель, а для кого-то трагический признак предстоящих перемен власти снова появились при дворе императора. Этим, однако, дело не ограничивается, поскольку столь же глубоко значительна по подтексту последующая передача Чэн Лю-ваном дара сушеней не кому-нибудь, а именно Сыма Чжао, по существу его сопернику. К счастью, понять подтекст в данном случае можно. Дело в том, что подобный же прецедент в истории уже отмечался и не случайно он связан с чжоуским князем Чжоу-гуном, возвышение которого знаменовало собой прибытие сушенских послов. В предисловии к «Шу цзин», а также в «Ши цзи», «Шан-шу дачжуань» и «Шаюань» рассказывается история о том, как Тан Шу, брат чжоуского императора Чэн-вана однажды послал ему три зерна необычного злака, произрастающего на склонах холмов. Стебли его соединялись в один общий колос, достигая в высоту уха человека, а зерна были настолько крупными и тяжелыми, что заполняли телегу. Зерна, доставленные во дворец, Чэн-ван, однако, приказал отправить на восток в военный лагерь Чжоу-гуна, который не замедлил воздать хвалу правителю в трактате «Послание зерен». Давая объяснение феномену, он говорил, что три растущие в один колос зерна представляют собой знак благополучия, гармонии и единения Поднебесной. А разве сейчас, на 6-м году его, Чжоу-гуна, регенства не царит спокойствие над всей страной Чэн-вана? Не при его ли, Чжоу-гуна, неустанных стараниях созданы кодексы этикета и определены музыкальные стандарты? Поэтому как знак всеобщего умиротворения следует оценивать прибытие с севера послов племени сушень, подаривших стрелы с каменными наконечниками. О том же свидетельствует приезд на трех слонах послов южного племени юэшань. Они пришли настолько издалека, что пришлось неоднократно расспрашивать о дороге. Послы преодолели множество труднопроходимых гор и рек и натерпелись такого страха, что даже рассказать невозможно. Теперь они прибыли и дарят тому, о ком прошли вести по всему миру, несколько белых фазанов. Затем произошло самое знаменательное — Чэн-ван передал подарок послов юэшань, как, очевидно, и стрелы сушеней, тому, кто, по его мнению, на самом деле заслужил их — регенту Чжоу-гуну. Знаменательная аналогия!

Таким образом, если возвратиться к анализу на удивление сходного эпизода, рассказанного

на страницах летописи цзиньской династии «Цзинь шу», то невозможно не заметить, что источник намекает на сравнение Сыма Чжао с Чжоу-гуном. Смысл аналогии заключается в следующем: как добродетелен должен быть Сыма Чжао, как силен у него характер и высоко положение, чтобы, как в золотые времена чжоуской династии, при дворе снова появились сушени, а подарки их император переадресовал ему. Дошло ли до сознания современников Сыма Чжао символическое значение события? На такой вопрос, вскрывающий самое существо подоплеки события, связанного с приходом на Ляодун послов сушеней, можно ответить утвердительно. Оказывается, Сыма Чжао постарался сделать так, чтобы соседние государства узнали о знаменательном происшествии и, по достоинству оценив его, восторжествовали. В главе 28 «Вэй чжи» помещена биография вэйского полководца Чжун Ху-эя, который возглавлял в 263 г. н. э. войска «Западной экспедиции», направленной против государства Шу. Желая по-настоящему запугать правителя Шу, он отправил ему послание, где, используя самые высокопарные выражения, расхваливал Чэн Лю-вана как государя, возвысившего благодаря священным добродетелям и счастливому просвещению престол династии Вэй, а также превозносил его первого министра, безмятежно мудрого и искренне преданного императору Сыма Чжао. Далее в послании отмечалось, как Чэн Лю-вану и Сыма Чжао удалось объединить всех в гармонии, что оказало благотворное воздействие на сотни диких в варварстве племен. Как знак наивысших достижений мудрой политики и укрепления могущества государства отмечался тот факт, что Сыма Чжао с тем же успехом мог бы похвастать, что вэйскому двору платили дань не просто послы, а даже вожди племен хань и вэймо. Вместе с поданными прибыли они в столицу, согласно сообщению главы 4 «Вэй чжи», в седьмой месяц 2-го года эры правления цзинь-юань императора Чэн Лю-вана, т. е. в 261 г. н. э. Если Сыма Чжао не сделал этого, то объяснить подобную скромность можно лишь тем, что народы хань и вэймо, расселившиеся на границе древней Кореи, мало кто знал на востоке Азии. Иное дело сушени, которые прислали послов на следующий год. Их имя прославлено деяниями выдающихся владык дома Чжоу.

Итак, письменные источники оставляют мало сомнений в том, что Сыма Чжао в полную меру использовал приход послов сушеней на Ляодун для поднятия собственного престижа, чем и объясняются намеки летописцев на исторические прецеденты. Полный захват власти семейством Сыма — вот конечная цель ажиотажа вокруг посольства сушеней 262 г., т. е. за три года до падения династии Вэй. А пока Чэн Лю-вану не оставалось ни-

чего другого, как расплачиваться из собственной казны за затею своего честолюбивого премьер-министра Сыма Чжао — послы суненей отбыли в столицу с подаренными императором их вождю Жүцзи несколькими кусками золотой парчи, шелковой материи и небольшим войлочным ковриком цзи.

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать, что сунени и через две тысячи лет после первого появления их имени на страницах хроникальных записей продолжали играть однажды отведенную им в канонических традициях роль перста Неба, указующего на праведность и могущество императора или стоящего за его спиной лица. В случае с Сыма Чжао возникает, кроме того, редкостная возможность приоткрыть завесу над святой святых закулисной стороны дела и прояснить истинный характер взаимоотношений Китая с миром «восточных иноземцев». Неожиданное для начала второй половины III в. н. э. расширение сведений о суненях с описанием деталей жизни и быта незнакомого народа, на которые мог обратить внимание лишь чужестранец, оказавшийся в поразительно непривычном для него мире, со всей определенностью показывает, что Сыма Чжао не просто воспользовался счастливой случайностью прибытия на Ляодун суненей, а, заранее обдумав и разработав «операцию», послал к ним своих людей с дарами, которые «спровоцировали» благовопитанного вождя Жүцзи на ответное посольство с подарками вэйскому государю. Возможно, правда, «заманивание» послов суненей в 262 г. так же, как за год до того прибытие вождей племен хань и вэй от границ древней Кореи, организовали догадливые чиновники «дунъи цзяовэя» Ляодуна, наблюдавшие и сдерживавшие «восточных иноземцев». Лукавые подданные Чэн Лю-вана чувствовали, как ослабла власть государя, и решили подыграть тому, кто обладал реальной властью. Но суть случившегося не менялась — сунени, которые за четверть века до этого призваны были провозгласить возросшее могущество царства Вэй, теперь приглашались объявить его печальный конец. В этом и состоит существо исторического эпизода.

Уверенность в том, что так оно на самом деле и было, придает то обстоятельство, что Сыма Чжао, расчищавший путь к становлению нового государства Западная Цзинь, не первый установил традицию «провоцирования» посольства чужестранцев для укрепления престижа и расширения популярности. Его предшественники — на том же сомнительном поприще достаточно именитые и известные в китайской истории деятели. В частности, поразительно сходную «операцию» за два с половиной века до того блестяще осуществил знаменитый реформатор эпохи Хань Ван Ман. Эта история тем более обращает на себя внимание, что и

Ван Ман, как затем и Сыма Чжао, несомненно, подражая чжоускому регенту Чжоу-гуну, при выполнении задуманного «сработал» не совсем чисто и оставил «следы», которые во всей подноготной раскрывают истинные обстоятельства прибытия соседей ко двору того или другого правителя Китая. В главе 18 «Хань шу», где описываются события первого месяца весны 1-го года эры правления юань-ши Чэн-ди (1 г. н. э.), как и в главе 99 «Хань шу», где помещена биография Ван Мана, внезапно появляются сообщения о неожиданном прибытии ко двору посольства того самого племени юэшань, посланцы которого во времена Чэн-вана с трудом и после многочисленных расспросов добрались до столицы Чжоу на трех слонах, чтобы в знак восхищения установлением мира и порядка в Поднебесной поднести владыке несколько белых фазанов. Впрочем, стоит ли всерьез говорить о неожиданности, если далее говорится, что в течение нескольких лет правления вдовствующей императрицы, матери Чэн-ди, страну заполонила небесная добродетель и жители ее наслаждались миром, а делами заправлял регент дасыма (генералиссимус) Ван Ман, достойный всяческих похвал в службе императрице. Послы юэшань, как и в чжоуские времена, подарили двору фазанов — одного белого и двух черных, а императрица, по предложению Ван Мана, приказала передать диковинных птиц императорскому мавзолею. Весь двор и члены правительства сделали вид, что они потрясены деликатным шагом регента и стали на все лады превозносить добродетели Ван Мана, подсказывая недогадливым, что преподнесение «дани» фазанами от племени юэшань очень напоминает такое же происшествие, случившееся тысячу лет назад в благословенные времена Чэн-вана династии Чжоу. Вдовствующей императрице не оставалось ничего другого, как наградить Ван Мана, без сомнения, равного в усердии по службе чжоускому регенту Чжоу-гуну, новым титулом аньхань-гун.

Можно было подумать, что Ван Ман не предпринимал каких-либо действий и просто ловко использовал благоприятно сложившуюся ситуацию для продвижения по служебной лестнице, удовлетворения собственного тщеславия и лестного для честолюбца восхваления своей персоны дружным хором придворных льстецов. Но ко двору в то же время помимо послов южноазиатских юэшань прибыли посланцы из страны Хуанчжи, расположенной за 30 000 ли от Хань на восточном побережье Индии. Они привели с собой и подарили вдовствующей императрице живого носорога. Поистине Ван Ман имел право, обращаясь к государыне, самодовольно объявить, что нет далеких и чужестранных народов, не приходящих к ним с жаждой добродетели. Есть, однако, веские основания предполагать, что как

двор, так и императрица лишь делали вид, что не знают, отчего на самом деле прибыли в Хань послы юэша́нь из страны Хуанчжи и поднесли «дань». Ведь в разделе географии «Дили чжи» той же хроники «Хань шу» в главе 28, где рассказывается о Юэ, с наивной простотой и благодушием сообщается, как будущий узурпатор прав императора династии Хань Ван Ман послал подарок государю страны Хуанчжи, вынудив его тем самым направить в ответ послов с живым носорогом. Что касается юэша́нь, то в биографии Ван Мана, включенной в главу 99 «Хань шу», с той же непосредственностью описывается, как он с помощью Ичжоу стремился получить для себя выгоду, используя «благоприятный признак» дани юэша́нь — белых фазанов. Ван Ман без каких-либо околичностей предложил вынудить «варваров» юга подарить ханьскому двору белых фазанов. Предложение всемогущего генералиссимуса следовало воспринимать как приказ, после чего из Хань направили на юг подарки, «провоцируя» «варваров» юэша́нь на поднесение того, что затем перечислялось в хронике как «дань». Многие посольства от благовоспитанных правителей юэша́нь и страны Хуанчжи действительно прибыли, все остальное стало для Ван Мана, как говорится, «делом техники» ловкого и прожженного в дворцовых интригах политика.

Как видим, Сыма Чжао не пришлось ломать голову над разработкой сценария, связанного с «операцией» по прибытию ко двору Вэй посольства сусеней. Сыма Чжао, не мудрствуя лукаво и не претендуя на оригинальность, заимствовал «метод» у Ван Мана, а тот, в свою очередь, у Чжоу-гуна.

Примечательно, что много позже, когда составлялась «Цзинь шу», официальная летопись династии Западная Цзинь, историографы заметили, как мало примечательной с точки зрения прибытия иноземных послов была деятельность премьер-министра вэйского двора Сыма И, отца Сыма Чжао и деда У-ди, основателя новой династии. И вот тогда-то в главу 1 «Цзинь шу», где помещено жизнеописание Сыма И, которому присвоили посмертно имя Сюань-ди, придворные летописцы ничтоже сумняшеся вставили эпизод о прибытии в 240 г. н. э. в столицу вэйского императора Ци Ван-фана послов «дикого восточного племени Во» (японцев), народа янчжи (Восточный Туркестан) и вождей знаменитого племени сяньби, живших к югу от Сунгари. Все они, разумеется, поднесли «дань» и сделали подарки. В свете описанных уже эпизодов кажется закономерным последовавший затем эпизод, когда государь «отдал славу» события тому, кто ее в действительности заслужил, т. е. Сыма И. Беда лишь в том, что в официальной хронике вэйской династии «Вэй чжи» нет ни строчки о знаменательном прибытии послов во, янчжи

и сяньби. Фальсификация, таким образом, налицо, как очевидны и ее причины — желание во что бы то ни стало прославить Сыма И, а также стремление, не останавливаясь перед любыми подлогами, объяснить прибытие послов далеких стран его высокими добродетелями. А ведь такие невинные, на первый взгляд, «проделки» играющих в беспристрастность сочинителей династийных историй станут затем основанием для территориальных притязаний!

Между тем вся эта возвеличенная ссылкой на традиции и многозначительные знамения игра, по-видимому, ясная современникам тех, кто, наращивая силы, неудержимо рвался к власти и престолу, имела лишь один, бесспорно, положительный итог — благодаря лазутчикам Ван Мана, которые оставили свои отчеты о путешествии в «страны юго-западных морей» (их включили затем в раздел географии «Хань шу»), историки располагают теперь сведениями о племени юэша́нь и стране Хуанчжи, как и обо всем встреченном на пути к ним. Идея же плагиатора Сыма Чжао последовать примеру Ван Мана и направить агентов в страну сусеней предоставила в распоряжение исследователей ранней истории Маньчжурии первый связный и достаточно подробный рассказ о жизни обитателей юга Дальнего Востока начала нашей эры. Раздел, посвященный сусеням, из династийной хроники «Цзинь шу» представляет собой, без сомнения, отчет доверенных людей Сыма Чжао, подосланных в земли вожда Жуцзи. Но агенты Сыма Чжао, строго говоря, не нашли на юге Маньчжурии тот народ, который носил название «сусени». Жуцзи возглавлял в действительности племя, самоназвание которого звучало в произношении лазутчиков из Китая как «илоу». В свете сюжетов, описанных ранее, возникает, естественно, проблема: на самом ли деле илоу и есть те же сусени чжоуской эпохи, как старается уверить «Цзинь шу»; не связываются ли илоу с сусенями намеренно, чтобы непременно поднять престиж Сыма Чжао, ибо кто же в Китае знал илоу.

После уяснения тайных пружин, движущих «операциями» Чжоу-гуна, Ван Мана и Сыма Чжао, не менее существенно раскрытие истинного характера и смысла «дани» императорским дворам Китая со стороны иноземных народов. Соседей, оказывается, провоцировали на ответные дары, но у себя затем, сочиняя указы, расценивали подобное, не имея на то никаких оснований, как показатель покорности «варваров», вассалитета, просьбы покровительства и даже включения в состав Поднебесной. Очевидно, вначале вожди племен не отдавали себе отчета в том, что означали титулы, которыми их награждали, препровождая ответные дары, и почему земли, подвластные им, неожиданно получали чужеземные названия. Но значительно позже чжурчженский государь Агу-

да, основатель Золотой империи, уже нещадно порол своих послов, соблазнившихся однажды принять китайские титулы. Народы Дальнего Востока к тому времени досконально уяснили традиции «владык Поднебесной» и оценили их хитроумные уловки. Раскрытие истинного смысла организации прибытия в Китай посольств сушеней с «данью» затрагивает жизненно важную проблему изначального суверенитета и национальной независимости народов Дальнего Востока. Последующие сведения о сушенях, в частности, по времени связанные с годами правления сына Сыма Чжао — Сыма Яня, который после свержения Вэй стал императором и принял имя У-ди, касаются предельно краткого упоминания о их «посольстве» и предоставлении «дани» двору новой династии Западная Цзинь. Еще более примечательны столь же сухо протокольные сообщения о прибытии посольств сушеней в последующие годы. Но как меняется картина политической обстановки на севере Китая именно в те периоды, когда на страницах хроник вновь внезапно появляются сведения о поднесении сушенями традиционных даров в виде каменных наконечников стрел!

Что касается честолюбивого У-ди, то его уже вряд ли могли удовлетворить дары сравнительно близко расселившихся от Ляодуна сушеней. По-видимому, не случайно в записях 3-го года эры Тай-ши (267 г. н. э.), т. е. через два года после того, как он занял императорский трон, в «Цзинь шу» в разделе о варварах (гл. 4) сообщается о прибытии с подарками представителей четырех племен бэйли: 20 000 семей жили на расстоянии 200-дневного путешествия верхом на север от границ сушеней — янюню, 20 000 семей расселились в 50 днях пути верхом от бэйли — коумохань, 30 000 семей обитали в 100 днях пути от янюнь, земли ицунь отстояли на 150 дней путешествия верхом от коумохань и на 50 000 ли от страны сушеней. Протяженности всего евразийского континента не хватит, чтобы определить границы распространения слухов о мудром правителе У-ди! Возникают, однако, большие сомнения в подлинности события или во всяком случае в столь значительной отдаленности мест обитания четырех племен, расселившихся к северо-западу от сушеней. Трудно, в частности, понять, почему о землях этих племен и их обычаях, как отмечается в «Цзинь-шу», «ничего не известно», если при дворе У-ди действительно побывали упомянутые в тексте хроник «небольшие посольства с дарами их земли». Разве чиновникам, ведавшим связями с «варварами», не представился уникальный случай расспросить о дальних странах и людях, которые владели ими? Создается впечатление, что У-ди был не очень заинтересован в прибытии посольства от сушеней. Как ни странно, сушени впервые упоминаются

лишь в главе 3 «Цзинь шу», где описываются события двенадцатого месяца 5-го года эры правления сяньпин У-ди, т. е. 279 г. н. э. Запись предельно скупа, и из нее можно узнать лишь, что пришли сушени и поднесли обычные для их даров стрелы из дерева ку и каменные наконечники стрел. Итак, посольство сушеней прибыло ко двору только на 12-й год установления господства в Северном Китае новой династии Западная Цзинь. Невероятная в других условиях незаинтересованность владыки трона! Столь же сдержанно упомянуто прибытие послов сушеней в 280 г. — никаких подробностей, кроме факта, что они «снова пришли». И все-таки особое отношение к сушеням отмечается в «Цзинь шу» даже при таких кратких заметках, поскольку другие племена в годы правления У-ди часто не называются по имени. О них лишь следует догадываться. Например, сообщается о преподнесении подарков послами 10, 17 или 30 племен Востока — названия их не приводятся, в чем нельзя не заметить явного пренебрежения по отношению к «варварам» со стороны двора У-ди и летописцев. Тем примечательнее, что даже в плотном потоке посольств от соседей государства Западная Цзинь во вторую половину правления императора У-ди сушени дважды упомянуты особо. Итак, сушеней, несмотря ни на что, чттили. Еще живы были воспоминания о их роли в эпохи легендарных императоров и могущественных правителей династии Чжоу.

Однако факт прибытия ко двору посольства сушеней и преподнесения ими подарков снова обретает значительность в последующее время, когда на севере Китая начинаются очередные потрясения, обостряется политическая борьба между отдельными группами феодальной знати и усиливается натиск в бассейн Хуанхэ кочевых племен, что в конце концов приводит к полному развалу империи Западная Цзинь и образованию обособленных государств, слабых и маловлиятельных. За первым же после длительного перерыва сообщением о поднесении подарков сушенями в Цзянцзо (низовья Янцзы), отмеченном в главе 6 «Цзинь шу», скрываются серьезные события. На сей раз сушени поднесли стрелы и каменные наконечники стрел в восьмом месяце 2-го года эры правления тай-син императора Юань-ди, т. е. в 319 г. н. э., на второй год после того как он, образовав новое государство Восточная Цзинь, обосновался на Янцзы в Цзянкэ (Нанкине) — столице новой империи. Кажется маловероятным, чтобы сушенские послы прошли в тот тревожный период так далеко на юг ради приветствия только что образовавшегося государства. Но так оно, как выясняется, и было. В сочинении «Дахуан бэйцзин», включенном в «Шань хай цзин гуанчжу», сообщаются некоторые подробности происшествий.

Оказывается, подарки двору Юань-ди поднесли не сами сусуны, а посланник главы провинции Пинчжоу и Ляодуна Цай Би, чиновник по имени Гао Хуэй. Он доставил в Цзянкап не только наконечники стрел, но также луки и древки. При этом еще в Пинчжоу заметили, что наконечники стрел сусунов очень похожи на бронзовые или костяные (по-видимому, их изготовили из темного шифера). Когда посла сусунов спросили об этом, он ответил, что такие предметы произошли из страны среди морей. Именно контакты с нею позволили им приобрести такое оружие.

Что в действительности скрывалось за визитом Гао Хуэя на берега Янцзы, позволяло раскрыть некоторые материалы, собранные Хириси Икэути. Оказывается, в начале IV в. н. э. в огромной степени усилилась роль в дальневосточных делах корейского государства Когурё и по существу сошло на нет влияние стремительно клонившейся к упадку империи Западная Цзинь. Дело дошло до того, что когда вождь племени сяньби Муюн Гуй занял на юге Маньчжурии г. Дацзичэн, то основателю государства Восточная Цзинь не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре — «назначить» Муюн Гуя главой пров. Пинчжоу. Разумеется, правителя Когурё Ифули такая чисто символическая мера не испугала, и он начал непрерывные атаки на Ляодун, сферу давнего влияния корейских племен. Отразить продвижение войск Ифули сяньбиец Муюн Гуй не мог. Посольства восточных племен, столь многочисленные во вторую половину правления западноцзиньского князя У-ди, прекратились уже в первые годы после вступления на трон его преемника Хуэй-ди. Именно тогда на севере Китая вспыхнула так называемая «война восьми князей», которая продолжалась 16 лет (291—306 гг. н. э.). Всюду происходили стычки с войсками «пяти племен ху» — сяньбийцы завоевали северо-западное побережье залива Чжили, дуньи — Ляоси, а сам Муюн Гуй провозгласил себя правителем префектуры Цзянли, включая нижнее течение р. Далинхэ. Кроме того, вне границ Ляодуна значительное влияние приобрело племя юйвэнь. На Ляодуне между тем происходили не менее трагичные по последствиям события, которые в итоге привели к окончательному падению влияния там Западной Цзинь. В 309 г. н. э. правитель префектуры Ляодун Пан Пэнь убил Ли Чжэна, руководителя «дуньи цзяовэя», учреждения, наблюдавшего за «восточными иноземцами». Это событие послужило своего рода сигналом для атаки сяньби, кочевавших за пределами Великой стены, на Ляодун. Сяньби захватили большую часть районов полуострова и господствовали там на протяжении двух лет. Новый губернатор и очередной руководитель «дуньи цзяовэя» оказались бессильными предпринять

что-либо, и в такой ситуации лишь Муюн Гуй оказался единственной силой, способной обуздать вышедшие из подчинения племена сяньби. Победа, однако, не привела к коренному изменению обстановки. К тому же империя Западная Цзинь буквально разваливалась на глазах — хунну захватили вскоре Шаньси, в 311 г. их вождь Люй Цун овладел сначала столицей Лояном, а в 316 г. — Чанъанем. Самой ценной добычей хунну стали в первом случае император Хуэй-ди, а во втором — Минь-ди. Так прекратила свое существование Западная Цзинь.

Трудно представить, что через три года после такой оглушительной катастрофы, когда трон Цзинь наследовал бежавший на Янцзы правнучатый племянник знаменитого Сыма Чжао Лань Ван Жуй, он же Юань-ди, сусуны вдруг вздумали направить своих послов с «данью» в неведомый им Цзянкап. Правда, согласно сообщению «Дахуан бэйцзин», сусуновское посольство прибыло лишь на Ляодун к главе его Цуй Би, который тогда сосредоточил в своих руках судебную власть в провинции Пинчжоу и возглавлял «дуньи цзяовэй». Но для каждого непредубежденного наблюдателя ясно, каким беспомощным оставался тогда Ляодун, который атаквали с одной стороны сяньби, а с другой — войска Когурё. Цуй Би проявлял изворотливость, стараясь столкнуть Когурё, дуань и юйвэнь с их очевидным конкурентом Муюн Гуем. Именно на те тревожные дни, когда в 319 г. Цуй Би сколачивал коалицию, и приходится прибытие на Ляодун посольства сусунов. Более нелепую ситуацию для поднесения «дани» трудно вообразить, если учесть, что влияние китайцев на Ляодуне в то время было полностью сведено на нет. Ясно, что сусуны после некоторого перерыва опять выступили в своей традиционной роли племени, призванного самим фактом прихода своего посольства поднять престиж очередной в истории Китая личности.

Учитывая, что Цуй Би в борьбе с Муюн Гуем удалось привлечь на свою сторону Когурё, соседа сусунов на юге Маньчжурии, организовать прибытие посольства не составляло труда. Цуй Би, как можно догадаться, преследовал при этом по крайней мере три цели: поднять свой престиж как главы наспешенной коалиции, запугать, если это вообще можно вообразить, вождя сяньби Муюн Гуя и, наконец, следуя по стопам Ван Мана и Сыма Чжао, основать на севере страны собственную династию. А пока ему не оставалось ничего другого, как с помощью даров сусунов, демонстрируя перед Юань-ди, основателем восточноцзиньской династии, свое влияние на севере, отослать подарки на берега Янцзы, тем самым столь своеобразным способом приветствовать возрождение династии Цзинь. На сей

раз, однако, сушени не помогли очередному честолюбцу. Когда победа, кажется, была совсем близка и войска коалиции Цуй Би окружили столицу Муян Гуя Цзичэн (современный Цзиньсян, пров. Ляонин), вождю сяньби неожиданно удалось поссорить своих противников, а затем, разгромив их, заставить умолять о мире. Цуй Би пришлось бежать в Когурё и расстаться навсегда с головокружительными замыслами. Что касается Ляодуна, то этот район вошел затем в состав владений Муян Гуя. Так закончился очередной выход сушеней из небытия дальневосточной истории. То, что их посольство на Ляодун было спровоцировано Цуй Би, подтверждает факт отсутствия упоминания о «дани» сушеней вплоть до конца династии Восточная Цзинь. К тому же вообще остается не ясно, на самом ли деле сушени приходили на Ляодун, ибо стрелы, принесенные ими, почему-то напоминали по форме те, что использовались в самом Китае. Разница заключалась лишь в том, что стрелы сушеней были изготовлены из камня, китайские же — из металла.

Следующее появление сушеней отмечено в источниках, в том числе в «Цзинь шу», в перечне знаменательных событий 330 г. н. э. и связано с примечательными обстоятельствами. Посольство сушеней прибыло на сей раз в г. Сянго (современный Шуньдесянь, пров. Чжили) к Ши Ляю, новоявленному императору, хунну по национальной принадлежности, который по собственной инициативе провозгласил установление новой династии Поздняя Чжао. Поскольку на этот же год приходятся многочисленные сообщения о прибытии со всех сторон Поднебесной ко двору Ши Ляя посольств соседних народов, которые, если верить записям в хрониках, торопились преподнести «дань», то возникает желание разобраться и на сей раз в закулисной стороне дела. Начало сюжета восходит к 318 г. н. э., когда умер Лю Цун, главный инициатор разгрома государства Западная Цзинь и основатель новой династии Поздняя Хань. Трон через некоторое время занял один из его военачальников генерал Лю Яо, который перенес столицу в Чанъань и назвал свое государство Раннее Чжао. Он-то и назначил одного из представителей хуннской знати Ши Ляя, в недавнем прошлом служившего с ним, гуном Чжао. Однако Ши Ляя, человека честолюбивого и претендующего на большее, такой оборот дела явно не устраивал, и он вскоре провозгласил себя императором, обосновавшись в г. Сянго. Свое государство он назвал Позднее Чжао. Таким образом, царство Поздняя Хань распалось на две части, предопределив неизбежность столкновения двух генералов-соперников, которые не могли смириться с тем, что их власть в Северном Китае небезраздельна.

Так оно и случилось. Через 9 лет, в 328 г.

Лю Яо направил свою армию к столице Ши Ляя г. Лоян и осадил его. Однако удача не сопутствовала ему — войска Ши Ляя нанесли сокрушительное поражение армии Лю Яо, сам он попал в плен и был казнен. Династия Ранняя Чжао прекратила свое существование, а Ши Ляй стал единственным правителем на севере Китая. Вот тогда-то в 330 г. он по совету своих приближенных принял новый титул хуанди и занял императорский трон. Первая задача, которая встала перед ним, заключалась, как обычно, в обеспечении популярности новой династии и внутри страны, и среди соседей. Ши Ляй объявил амнистию, отдал приказ о прощении преступников, осужденных менее чем на 3 года, отменил для всех налоги на недоимки за предшествующий год и торжественно провозгласил новую эру правления — цзянь-пин. Его приближенные стали распространять по империи слухи о чудесных явлениях: в Цзинь, оказывается, сразу же выросли деревья с необычайно переплетенными ветвями, в Ваньсяне на листья травы и деревьев выпала сладкая роса. Счастливые знамения должны были продемонстрировать высокие качества нового правителя и благосклонность к нему Неба. Что касается внешнеполитических акций, то в главе 105 «Цзинь шу» не случайно отмечается внезапный поток посольств соседей Позднего Чжао, желающих, как говорилось в таких случаях, «получить справедливость». По отдельным намекам источника можно догадаться, что большинство их организовали или спровоцировали лазутчики двора Ши Ляя. И вот уже в Лоян со всех сторон доставляются необычайные «туземные продукты» — редкие ценности, удивительные животные, в том числе белые антилопы, белые фазаны и белые зайцы. В такой обстановке сушени, разумеется же, не могли не прийти и не поднести свои знаменитые стрелы и их каменные наконечники. В 330 г. посольство сушеней действительно прибыло ко двору и преподнесло свой традиционный дар. Сушени снова, в который уже раз, терпеливо выполнили предназначенную им восточными традициями роль.

Счастливые предзнаменования, которые так кстати осенили начало правления новой династии выходцев из знати народа хунну, не благоприятствовали, однако, прямому наследнику Ши Ляя, его сыну Хуну. Императорский трон вскоре самозванно занял один из старых сподвижников Ши Ляя, его племянник Ши Цзилун, или, как его называли, Шиху, представитель правящей верхушки хуннского племени цзе. С его именем связывается в «Цзинь шу» и ряде других источников очередное, после длительного перерыва, упоминание племени сушень. Если суммировать не очень многочисленные и небогатые сообщения о прибытии посольства сушеней ко двору Ши Цзи-луна, то

станет очевидно, что события развивались следующим образом. В 335 г. н. э. этот правитель Позднего Чжао перенес свою столицу в город Е (современный Чжандесянь, пров. Хэнань). Перед Ши Цзилуном, как и перед его предшественником Ши Лэем, возникла проблема возвеличения своего восшествия на престол. Поскольку на его глазах развертывалась «операция» по заманиванию посольств соседей чиновниками Ши Лэя, то Ши Цзи-лун решил не мудрствовать лукаво и по-военному прямолинейно «спровоцировать» прибытие посольства сушеней. Земли их располагались, согласно представлениям чиновников двора, в 15 000 ли на северо-восток от Е. И действительно, послам сушеней потребовалось целых 4 года (примечательно — ровно столько времени прошло после захвата трона Ши Цзи-луном), чтобы добраться до Хэнани и принести в Е подарки из каменных наконечников и стрел, изготовленных из дерева ку. Сушени, поднося «дань», будто бы так объяснили причину своего решения совершить столь продолжительное путешествие: им бросилось в глаза, что их коровы и лошади три года подряд спали, обратив головы на юго-запад. Сушени поняли такое явление как явный признак того, что именно в тех местах находится могучая страна. Вот почему они и пришли ко двору Ши Цзи-луна. Что касается того, как Ши Цзи-лун намеревался использовать факт преподнесения «дани» сушенями, то в главе 96 «Цзичжи тунцзянь» сохранилось описание одного из эпизодов, проливающих свет на эти обстоятельства. Оказывается, Ши Цзи-лун, очевидно, в том же 340 г., по совету главного секретаря Ван Бо, для возвеличения своего могущества и устрашения одного из потенциальных соперников повелел послать стрелы из дерева ку и каменные наконечники сушеней хуннскому вождю племени шухань Ли Шоу. Намерения Ши Цзи-луна очевидны — подарок соседу демонстрировал, насколько далеко распространялось благотворное влияние его как высокосовременного и могучего правителя империи Поздняя Чжао. История эта, может быть, и не заслуживала бы столь подробного описания, если бы не финал ее. Ли Шоу, конечно, превосходно знал, что представляет собой генерал-император Ши Цзи-лун, чтобы, получив от него многозначительный дар, с иронией бросить в ответ фразу, которая прозвучала в стиле классических канонических записей о «варварах» китайских династийных хроник: «Послы племени цзе (император Ши Цзи-лун, как отмечалось ранее, был вождем хуннского племени цзе. — В. Л.) принесли нашему двору и предложили нам дань — из стрел ку!» Более исчерпывающе при всем желании невозможно обрисовать истинное значение для соседей правителя Ши Цзи-луна с его дутыми амбициями.

Итак, сушени в случае, если они действительно приходили в Е в 340 г. н. э., как и много раз ранее, были спровоцированы или, если сказать деликатнее, приглашены на поднесение подарков. В свете сказанного есть ли смысл вообще дискутировать по вопросу, представляют ли стрелы и наконечники сушеней «дань» или «подарки». В заключение нельзя не обратить внимание на тот факт, что в «Цзинь шу» хронология предоставления даров велась по годам правления императоров Западной или Восточной Цзинь, хотя они во многих случаях не имели никакого отношения к прибытию послов сушеней ко дворам тех государств, которые возникли на потерянных для китайцев землях севера страны. Здесь в действие вступали все те же каноны, которые не позволяли замечать то, что неприятно видеть. Однако если рассеять туман традиций летописания, то станет очевидным факт господства в послеханьское время в бассейне Хуанхэ и прилегающих к нему на севере районах центральноазиатских народов хунну и сяньби, а также Когурё (в последнем случае имеются в виду Ляодун и Южная Маньчжурия).

Последние два прихода посольств сушеней с дарами относятся ко времени Южных и Северных династий. Первый визит датируется одиннадцатым месяцем 3-го года эры правления дамина сунского императора Сяо У-ди, т. е. 459 г. н. э. В главах 6 и 97 хроники «Сун шу» указывается, что этот год примечателен прибытием посольства Когурё, которое преподнесло в дар туземные продукты, и визитом послов сушеней. Последние пришли издалека, ибо им, как отмечается, пришлось «повторно объясняться», т. е. неоднократно расспрашивать о дороге. Сушени подарили Сяо У-ди стрелы из дерева ку и каменные наконечники. Если учесть, что в тот же год «Западная область», т. е., по-видимому, Восточный Туркестан, прислала тапчующих цирковых лошадей, то можно не сомневаться в закулисной стороне и подоплеке прибытия посольств: Сяо У-ди потребовалось поднять свой престиж. В связи с этим нельзя не обратить внимание на одну примечательную деталь: в главе 6 «Сун шу» указывается, что сушени сами поднесли «дары», а в главе 97, где собраны сведения о Когурё, сообщается, что стрелы и наконечники дарили Сяо У-ди когурёсцы, а не сушени. Следовательно, учитывая традиции, невозможно отделаться от впечатления, что Когурё недвусмысленно демонстрировало Сун свою значимость, посылая им стрелы сушеней. Но составители «Сун шу», фальсифицируя факты, представили дело так, что сушени сами преподнесли дар сунскому двору. Знакомые по канонам махинации, которые вскрываются в данном случае лишь потому, что составители «Сун шу» не свели концы с концами. Они не

заметили, как может быть разоблачена их хитрость при анализе записи в разделе о Когурё. Кроме того, могли ли в самом деле сусуни сами, преодолев территорию такого могущественного корейского государства, как Когурё, преподнести подарки самостоятельно? По-видимому, нет, ибо еще ранее, в годы правления Дай У-ди, императора династии Поздняя Вэй, границы Когурё на севере достигали пределов территории, занятой ранее племенем фуюй, соседей сусуней. Владелец Когурё Чжан Шоу-ван, как сообщается в главе 100 «Вэй шу», не без гордости поставил в 435 г. в известность посла Дай У-ди Ли Ао, что на юге границы его государства отстоят от Ляодуна на 1000 ли и доходят до пределов «Малого океана», на востоке достигают Чжачэн (современный Цзюйцзыцзе). В такой ситуации ничего, кроме педоумения, не может вызвать запись в «Сун шу» о том, что Ли Ао прибыл к Чжан Шоу-вану, который уже 47 лет занимал престол, с задачей ни больше, ни меньше как сообщить ему предписание о назначении его от имени вэйского императора своим вассальным правителем Когурё. Такая фальсификация могла просто обезоружить, если бы не постоянные встречи с ее образцами в других случаях. Подарок правителя Когурё Чжан Шоу-вана стрел и наконечников сусуней императору Сун Сяо У-ди следует рассматривать как знак могущества и полной независимости Когурё от Китая. Многоопытный знаток традиций Поднебесной, Чжан Шоу-ван, один из правителей «восточных иноземцев», не может не вызвать восхищения в свете такого деликатного дипломатического маневра. Если же послы Когурё и сусуней прибыли вместе, то такой совместный визит тоже вряд ли мог настроить на оптимистический лад Сяо У-ди, что бы ни записали затем услужливые летописцы двора.

Последнее посольство сусуней прибыло в Китай почти через 100 лет — в седьмой месяц 5-го года эры правления тьянбао династии Северная Ци, т. е. в 554 г. н. э. В «Сун шу» помещена скупая строчка о приходе посла к императору Вэнь Сюань-ди с уплатой «дани». Но достаточно припомнить, что такое событие относится ко времени, когда прошло 4 года после свержения Вэнь Сюань-ди своего предшественника, императора династии Восточная Вэй Сяо Цзин-ди. Разве не те же 4 года потребовались сусуньским послам, чтобы достигнуть Е — столицы незадачливого хвастуна Ши Цзи-луна, правителя династии Поздняя Чжао? Не случайно, возможно, и прибытие ко двору Вэнь Сюань-ди в ту же эру правления тьянбао двух посольств северо-восточных соседей сусуней — племени шивэй. Странно, однако, что они прибыли ранее сусуней, расположенных ближе к Северному Китаю: в 552 и 553 гг. Из-за отсутствия фактов нельзя утверждать с уверенностью, но можно предполагать, что

прибытие посольств сусуней и шивэй как всегда спровоцировали догадливые подданные жаждущего славы и могущества Вэнь Сюань-ди. Есть, наконец, еще одно веское соображение, которое усиливает сомнения в добровольности визитов сусуней в двух последних случаях, если эти визиты вообще исторический факт, а не фальсификация придворных канцелярий, главная забота которых всегда состояла во всемерном поднятии престижа владык трона Поднебесной. Дело в том, что, начиная со второй половины V в. н. э., название «сусуень» на страницах хроник нельзя не рассматривать как анахронизм, ибо в Китае тогда превосходно знали, что в тех местах, где, как считалось ранее, живут сусуень — илоу, в действительности обитают уцзи или мохэ. Только особые, вряд ли благовидные цели заставили авторов летописаний вновь обратиться к легендарному имени. Они взывали к нему, надеясь, что оно, как и во многих случаях ранее, поразит воображение современников и увеличит политический капитал тех, кто в тот момент, по-видимому, остро нуждался в нем.

Выявленные выше и не допускающие иных толкований обстоятельства позволяют со всей ясностью представить, какова истинная цена записям о подношениях «дани» императорским дворам Северного Китая сусунями и другими племенами юга Маньчжурии, а также Дальнего Востока, которые бесконечной чередой сменяли друг друга на протяжении нескольких веков. Ни о каком даже символическом подчинении их Китаю не может быть и речи. Сусуни, действительно, иногда приходили в Китай, но или, как во времена Чжоу, «свирепствовали в сражениях с противниками», или направляли посольства, да и то лишь тогда, когда их «приглашали», а по существу провоцировали на ответный визит «вежливости». Итак, в стране, где символика давно стала нормой жизни, в том числе политической, появление сусуней с эпохи Чжоу превратилось в показатель «совершенства правителя».

В источниках танской и последующих эпох посольства сусуней больше не упоминаются. Причина этого не только в появлении нового самоназвания маньчжурских и дальневосточных племен — уцзи, но главным образом в воинственно агрессивной политике правительства танской империи по отношению к народам северо-востока, которые, почувствовав силу, отбросили камуфляж и маскировку фиктивного подданства. Их больше не удовлетворяла «бумажная» зависимость далеких народов, порождение большого воображения тех, кто жаждал власти, и тех, кто подыгрывал им, создавая видимость подчинения. Армия Тан, приступая к активным действиям, нацелилась на первую жертву — государство Когурё.

Обратимся к анализу сведений, которые позволяют представить, кто же такие легендар-

ные сушени, они же илоу, чье особое место в истории Восточной Азии не подлежит сомнению.

Прежде всего следует решить вопрос о том, где расселялись сушени и какие народы соседствовали с ними. Указания в источниках о географии их страны предельно кратки, что еще раз свидетельствует о скудости сведений о центральных районах Маньчжурии и Дальнем Востоке в первые века нашей эры. Известно, однако, что границы территории, занятой племенами сушень, на юго-западе и юге соприкасались с владениями древних корейских племен — северных и южных воцзюй, а также фуюй (пуё). Земли фуюй на юге отделяли владения сушеней от бассейна р. Ялу, центра Когурё, а на западе — от степняков-кочевников сяньби, расселявшихся вдоль Шара-Мурени и Ляохэ. На север и северо-восток от всех этих территорий как раз и находилось «древнее владение сушень». Как сообщается в главе 17 «Шань хай цзина», горы Буханьшань располагались в пределах страны сушеней. Название их явно происходит от тунгусского слова «букан» — «небо». Следовательно, горы назывались аборигенами «небесными». Очевидно, речь идет о горной стране Чжанбайшань или, по другой транскрипции, Тайбашань и Тутайшань (современное название — Чанбайшань). От фуюй страну сушеней отделяло пространство в 1000 ли, которое путешественники преодолевали, по одним сведениям, за 60, а по другим — за 10 дней. Если, однако, фуюй занимали в припограничном с сушенями районе земли в долине р. Альчук, то приведенные цифры вызывают сомнения. Очевидно, люди Сыма Чжао, чтобы придать большую значимость событиям, намного отодвинули от фуюй границы земли сушеней и увеличили количество дней, необходимых для перехода к ним. От Ляодуна границы страны сушеней отстояли на 1500 км (отсчет, очевидно, велся от центра района — Ляояна). Сначала северные пределы их владений оставались неизвестными, но затем появились сообщения о том, что они достигали р. Жошуй. По заслуживающему доверия мнению Х. Икэути, речь шла об отрезке р. Сунгари в районе Саньсина, где она и теперь принимает в свое русло р. Хурху. Центральный район, занятый племенами сушень — илоу, располагался где-то в районе Нингуты. Определив ориентировочно положение ряда географических пунктов, с помощью которых приоткрывается хоть какая-то перспектива очертить контуры южных границ страны сушень, обратимся к сведениям о пределах ее на востоке и западе. Что касается простирания ее в восточном направлении, то указания здесь достаточно определенные — там земли сушень ограничивались водами

Желтого моря. Нет серьезных оснований сомневаться в том, что речь идет в данном случае о Японском море, омывающем прибрежные районы Дальнего Востока. На западе и северо-западе сушени граничили, как отмечает «Цзинь шу», с территорией племени коумохань, которое упоминалось ранее в связи с прибытием его посольства ко двору императора У-ди. Но в таком случае ближе к сушеням расселялись еще два племени, посольства которых в то же время как будто бы прибыли к У-ди, — бэйли и янъюнь, а за коумохань находились владения ицзюнь. И все-таки сказать что-либо определенное о местах расселения бэйли, янъюнь, коумохань и ицзюнь невозможно, поскольку расстояния и время пути к ним от столицы У-ди явно неправдоподобны и приведены лишь для того, чтобы, как всегда, поразить воображение потомков рассказами о том, насколько далеко распространялись слухи о великих добродетелях основателя новой династии. Можно лишь высказать предположение, что четыре племени владели, вероятно, долиной р. Нонни и землями в верховьях Амура. Помимо того в главе 97 «Цзинь шу», в разделе, посвященном бэйли и трем другим племенам, упоминаются еще шесть «владений», которые в 290 г. н. э. прислали посольства в район Ляодуна к главе «дунъи цзяовэя» Хэ Куну. В тексте, однако, перечисляются лишь названия «владений» и имена их вождей — Моунуго (вождь Ичжи), Вэйлимоулогу (вождь Шачжичэньчжи), Юйли-вэйлиго (вождь Цзямоучэньчжи), Пудуго (вождь Иньмо), Шэнюйго (вождь Малу), Шалоуго (вождь Шаюцзя). Каждую группу прибывших возглавляли главный и второй посланники. Вряд ли правдоподобно, в свете известного о сушенях, замечание летописца о том, что посольства прибыли с желанием «обратиться к просвещению». Гораздо важнее представить, какие из расположенных к северу, северо-западу или северо-востоку от сушеней земли могли заселять перечисленные шесть племен. Задача эта пока неразрешима.

Отсутствие в хрониках сведений о том, насколько далеко протянулась страна в северном направлении, создает, на первый взгляд, непреодолимые затруднения в определении названий северных соседей сушеней. Тем не менее, если привлечь для решения этой сложной проблемы краткие указания о северо-восточных землях, содержащиеся в ханьских географических трактатах «Шань хай цзин» и «Хуайнаньцзы», то можно хоть в какой-то степени, весьма приближенно попытаться осветить поставленный вопрос. Так в раздел «Хайвай бэйцзин» «Шань хай цзина» включено описание Сюаньгугу — «страны черноногих людей», Маоминьго — «страны волосатых людей» и

лаоминь — «народа лао»⁶. Южнее других располагалась земля «черноногих людей». Ее название, как сообщается, связано с черным цветом нижних конечностей и с тем, что эти люди «одеты в рыбу», т. е. в одежду из обработанных шкурок рыб. Вообще же у китайцев север ассоциируется, согласно канону о пяти элементах, с черным цветом — и отсюда может идти название «черноногие». Но четкое упоминание о такой характерной черте, как одежда из рыбьих шкурок, явно перекликается с средневековыми известиями о «рыбекожих» обитателях севера Дальнего Востока, и поэтому трудно отказаться от мысли, что речь идет о каком-то народе Амура. Севернее «страны черноногих людей» располагались земли «волосатых людей». При описании отмечено, что на теле их растут волосы. Такой признак в характеристике дальневосточных обитателей настолько специфичен, что сразу припоминаются айны, заселявшие в древности приустьевую часть Амура, Сахалин и Хоккайдо. Не меньший интерес вызывает упомянутый вслед за тем в «Шань хай цзин» народ лао. Согласно исследованиям К. Сиратори, слово «лау» в языке гиляков означает «великая река», и поэтому, возможно, под названием «народ лао» подразумеваются именно гиляки, которые заселяли нижнюю часть долины Амура. Сообщения трактата «Шань хай цзин» подкрепляются краткими указаниями «Хуайнаньцзы», составленного дядей ханьского князя У-ди Мой Анем. Среди народов, населявших, по его мнению, пространства между северо-востоком и юго-востоком, он, помимо «гигантов», «чернозубых» и «воспитанных», упомянул тех же «черноногих», «волосатых» и лао. Именно последние три народа следует, за неимением более достоверных сведений, признать за соседней сушеней на севере. Они, вероятно, заселяли низовья Сунгари, Уссури и долину Амура до его устья, и в их описаниях смутно угадываются черты гольдов, айнов и гиляков, сведения о которых стали более определенными лишь через тысячу лет.

В «Цзинь шу» при общей оценке территории, которую контролировали сушени, отмечается, что земли их простирались с востока на запад и с севера на юг на несколько тысяч ли. Климат и почвы в этих местах холоднее, чем в стране племени фуюй. Описания географических особенностей скупы и однообразны. В источниках говорится лишь о том, что в стране сушеней преобладают скалистые труднопроходимые горы и узкие долины. Путеше-

ствие по ней небезопасно, ибо дороги там круты, «коварны» и затруднены для проезда на телегах и лошадях. Кроме того, из страны сушеней удобно плавать на судах, чем сушени и пользуются, осуществляя военные вторжения в пределы племени северных воцзюй, по другому названию — чжигуолюу. Таких намеков достаточно, чтобы, без особой боязни допустить грубую ошибку, прийти к твердому убеждению, что сушени расселялись к востоку от степей Маньчжурской равнины в покрытой дремучими лесами северной половине Восточно-Маньчжурской горной страны.

Из общих сведений к важнейшим, с точки зрения этнической характеристики, относятся беглые замечания «Хоу Хань шу» и «Вэй чжи» о языке сушеней. В той и другой хронике совершенно точно определяется, что по языку этот народ отличался от всех окружающих восточных иноземцев, т. е. главным образом тех, кто относился к корейским родоплеменным группам вэймо — фуюй, воцзюй, когурё. С тем большим основанием можно говорить о несходстве языка сушеней с языком кочевых племен степей Внутренней Монголии — сяньби. По всей видимости, строй языка сушеней был тунгусо-маньчжурским. Речь сушеней обращала на себя внимание краткостью и сдержанностью. По физическому типу сушени не отличались, как сообщает «Вэй чжи», от фуюй. Экономика их характеризовалась разносторонностью занятий населения, динамичностью изменений в них, что можно объяснить оживленными контактами с соседними культурно-хозяйственными ареалами Дальнего Востока. Некоторые различия в описании хозяйства разными источниками можно объяснить также тем, что записи о сушенях делались в разное время, да и племена их могли специализировать свои занятия в зависимости от особенностей географического окружения и климата, далеко не одинаковых в разных местах центральных районов Маньчжурии. Сушени умели обрабатывать землю, сеяли пять родов хлеба, т. е. пшеницу, гаолян, клейкое просо, рис и сою. Из домашних животных особенно любили разводить свиней, но кроме того содержали быков и лошадей. Из ремесел развивали, очевидно, ткачество, поскольку в источниках отмечается умение сушеней делать из волокон пшени и изготовлять пеньковые ткани. Сохранились также сведения о том, что ткань изготовляли из щетины свиней и пряли волосы для приготовления материи. Возможно, в последнем случае имеется в виду шерсть овец, но утверждать такое с уверенностью нельзя, ибо в «Цзинь шу» отмечается, что овец сушени не содержали. Важнейшей отраслью хозяйства оставалась охота, в частности, промысел пушного зверя, в особенности популярного на востоке Азии

⁶ Wada S. Op. cit.; см. также: Halde I. B. *du. Description of the Empire of China*. Vol. II; Schlegel G. *Problemes geographiques. Les peuples etrangers chez les historiens chinois* 1. Fou Sang-Kouo. — "Toung Pao", 1892, vol. III, N 2; XI. Hiouen — kouo — kouo. — "Tung Pao", 1893, vol. V, n. 5.

соболя. Жили сушени разрозненными и не очень многочисленными родо-племенными коллективами. Возглавляли их вожди, которые ко времени эпохи Цзинь уже не избирались соплеменниками, а передавали свою власть по наследству от отца к сыну, что свидетельствовало о господстве патриархально-общинного строя. Ранее независимые друг от друга, к концу III в. н. э. они подчинялись «Великому предводителю», т. е., очевидно, главе общеплеменного союза, настоятельная необходимость создания которого в тот период диктовалась политической обстановкой на Дальнем Востоке. В источниках содержатся факты, свидетельствующие о появлении на рубеже II и III вв. н. э. социального и имущественного неравенства. Так, жилище семьи вождя отличалось значительными размерами, а при захоронении знатных членов рода количество погребальной пищи увеличивалось во много раз. О появлении частной собственности, возможно, свидетельствует также предание казни каждого, кто совершит грабеж, чего, впрочем, согласно сообщениям путешественников, в стране почти не наблюдалось. Приобретение повозки или колесницы считалось признаком большого богатства. Своей письменности сушени не имели и поэтому при заключении договоров довольствовались словесными уверениями. Вообще так называемый «восточный церемониал» оставался сушеням неведом, поэтому считалось, что законы и обычаи у них не установлены. В частности, удивление и даже осуждение путешественников вызывало отсутствие при потреблении пищи обычных среди восточных иноземцев кухонных досок, т. е. небольших столиков цзу и сосудов для мяса доу. Соседей шокировало также «некультурное обращение» друг с другом, не очень опрятный вид тела и одежды сушеней. Следует, однако, иметь в виду, в каких тяжелых условиях жили сушени, и учитывать сравнительно низкий уровень развития экономики и культуры, достигнутый ими к первым векам нашей эры.

Приступая к описанию обычаев и образа жизни сушеней, как они представлялись участникам военной экспедиции Ван Ци и ла-зутчикам, посланным к илоу, замыслившим захват власти Сыма Чжао, следует прежде всего остановиться на тех атрибутах, которые доставили славу древнему народу Дальнего Востока, — на древках из дерева ку и наконечниках из камня ну. Традиционность поднесения их в дар соседям, в том числе Китаю, сделала и то и другое своего рода «визитными карточками» сушеней. Судя по разрозненным и порой противоречивым сведениям, рассматриваемым по летописным источникам, дерево ку напоминало так называемый «волшебный прут», иначе говоря, тысячелистник сибирский. Внешне ку походило на цзинь — кустарник

терновника красноватого цвета, а листья напоминали листья вяза⁷. Китайцы называли дерево ку сушеней «чживэйцзин», что означает в буквальном переводе «фазаний хвостатый терновник». Высота его достигала 3,5 м. На прутьях терновника не было колючек. Древесина ку не случайно привлекала внимание воинов и охотников сушеней: она отличалась исключительной прочностью и упругостью, а также, что не менее важно для поддержания в постоянной готовности боевого снаряжения, почти не подвергалась воздействию колебаний влажности воздуха. Что касается территории распространения ку, то деревья такого типа наиболее характерны для Дальнего Востока. Заросли его упоминаются в источниках при описании танскими авторами Ляодуна, а также юга Маньчжурии, в частности, священных небесных гор — Буханьшань. Здесь на северных густо поросших лесами склонах в местности Хэйсунлин («Лес черных сосен») росло множество деревьев ку. Обычно они встречались у подножий скалистых обрывов, где рос также орешник. Следует, однако, подчеркнуть, что ку обычны для территории Маньчжурии, очевидно, и для прилегающих к ней районов Дальнего Востока — Приморья и Приамурья. Ареал распространения дерева ку охватывал, по-видимому, также некоторые районы бассейна Хуанхэ. Известно, например, что в Шаньси и Шэньси, местах противоборства степных кочевников Центральной Азии и земледельцев, из прутьев ку любили плести корзинки, после обработки («изгибания») изготовляли заколки для волос. Однако лишь в Маньчжурии и на Дальнем Востоке и только сушени использовали прутья из дерева ку для изготовления древков стрел. Традиция такая сохранялась долго. Во всяком случае в VII в. и позже мохэ, потомки легендарных сушеней, и те, кто составил затем ядро чжурчженского племенного союза, согласно летописным известиям, к востоку от одного из мохэских племен (фу-не), продолжали применять древки с каменными наконечниками. Дерево ку не случайно использовалось для древков стрел — подобное оружие считалось на востоке непревзойденным по силе и прочности. Воины полагали, что такие древки лучше по качеству, чем изготовленные из бамбука ли или дере-ва пзинь.

Не меньший интерес вызывает ответ на вопрос о том, что представлял собой камень ну. Несмотря на противоречивость сведений древних авторов, включая эпоху Мин, можно все же воссоздать особенности сырья, которое

⁷ Подборку сведений о ку см.: Bretschneider E. *Botanicum Sinicum*. Vol. II. The Botany of Chinese classics. Shanghai, 1892.

использовалось народами Дальнего Востока для изготовления наконечников стрел, поскольку камень ну и в последующие эпохи привлекал внимание аборигенного населения. Камень ну хранился как необычное сокровище, и его можно было купить только за определенное количество зерна или за отрез материи. Видимо, за ну следует, во-первых, принять многоцветные халцедоны и яшмы (не их ли в летописи называют «изумрудами?»), которые распространены в пристепной части долины Сунгари и по р. Хурхэ. Согласно преданиям, в ну превращались кусочки сосновой смолы, которые попадали в воду и находились в ней тысячелетия, пока не приобретали свойства камня. Цвет такого камня варьировал от черного до желтого и белого, а при осмотре внутренней структуры камня в ней нетрудно было отметить прожилки, напоминающие волокна древесины. Камни такого рода были настолько прочны, что оставляли царапины на железе, поэтому их использовали для заточки лезвий режущих инструментов из металла. С помощью ну можно было просверливать отверстия в других породах камня. Ну описывались также как один из сортов окаменевшего дерева черного и темно-голубого цвета. Такая разновидность ну появлялась, согласно преданиям, после того как ветки вязов и сосен попадали в воду и в течение очень многих веков волны реки носили их, пока они не окаменевали. Мастера по изготовлению наконечников отыскивали окаменевшую древесину, отдавая предпочтение сорту каменного вяза перед несколько уступающими по качеству ветками окаменевшей сосны. Во времена господства в Маньчжурии чжурчженей окаменевшее дерево — мухуаши — добывалось в дельте Амура, поскольку местные жители ценили такой сорт камня за его остроту и твердость — наиболее подходящие качества при изготовлении наконечников стрел. Шину, как и каменные ну, считались в древние времена легендарных сушеней одним из экзотических товаров чжурчженей. Добывание окаменевшего дерева было для жителей Амура делом не простым — оно сопровождалось сложным ритуалом, восстановить детали которого теперь невозможно. Известно лишь, что прежде чем отправиться на сборы сырья для наконечников, людям, согласно строгим правилам, следовало «помолиться богам». Есть достаточно достоверные сведения, что камень ну добывался в коренных отложениях горных пород. Где-то на северо-западе страны, вероятнее всего в низовьях р. Хурхи или в бассейне Сунгари, ниже района современного г. Саньсина, по рассказам самих сушеней, располагалась гора, на склоне которой можно было найти камень, отличающийся такой твердостью, что изготовленные из него наконечники стрел рассекали железо. Перед походом к горе за таким камнем каждый обра-

щался с мольбой к духам. Очевидно, к значительно более позднему времени относятся сведения о том, что ну представляет собой камень, который после «обжига» становится особенно крепким и острым. Возможно, речь в данном случае идет о железной руде, о ее плавке и последующем изготовлении из металла «сильных и острых» инструментов.

В хрониках сохранились описания стрел и луков сушеней — их главного оружия на охоте и войне. Длина стрел составляла 1 фут 2 дюйма, 1 фут 5 дюймов или 1 фут 8 дюймов. Луки изготавливались сушенями из дерева тап, т. е., очевидно, из черной березы, широко распространенной в Маньчжурии, Корее, в Приморье и Приамурье. Благодаря особым качествам черной березы луки отличались исключительной мощностью, упругостью, прочностью, крепкостью; стрела стремительно соскальзывала с тетивы и сохраняла убийную силу до 400 шагов. Длина луков составляла 3 фута 5 дюймов или 4 фута. По дальности боя луки и стрелы сушеней не уступали такому совершенному типу оружия, каким считался на востоке Азии рубежа нашей эры арбалет, или самострел. Эффект оружия многократно увеличивался от того, что стрелы перед тем, как пустить их в дело, опускали в яд. Раненный отравленной стрелой непременно погибал. Сушени довели до совершенства искусство владения луком и на охоте или на войне били почти без промаха, наводя ужас на врагов. Поэтикой поэтому становится запись в хронике о том, что соседи боялись их луков и стрел. Достаточно сказать, что при стрельбе они могли намеренно целить и попадать в глаз человеку. Если стрела поражала врага, то такое древко старались вернуть назад, чтобы снова использовать его в бою. В завершение сюжета, связанного с описанием военного снаряжения, следует сказать, что в сражениях воины сушеней защищались «доспехами» из шкур животных, железа, костей и рога. Следовательно, они умели изготавливать панцири из костяных и железных пластинок.

Земля сушеней, как следует из кратких записей в летописях, славилась на востоке Азии соболями и красной яшмой. Там же произрастало дерево лочан, из коры которого после обработки сушени получали волокнистый материал, пригодный для прядения и последующего изготовления из его нитей материала для одежды. Правда, согласно записям в «Цзинь шу», лочан произрастал в землях сушеней лишь тогда, когда в Поднебесной восходил на трон правитель величайших добродетелей, но подобного рода лесть государю со стороны составителей династийных хроник слишком тривиальна, чтобы обращать на нее внимание.

Несмотря на предельную краткость летописных текстов, посвященных описанию сушеней, их образ жизни и быт представлены в ярких и живых картинах. Поселки сушеней распола-

гались среди гор в глубоких долинах. Из-за холодной зимы и жаркого лета им приходилось пользоваться двумя разновидностями жилищ. Когда выпадал снег и наступали морозы, семьи занимали теплые углубленные в грунт землянки. Чем глубже вырывался котлован для такой постройки, тем почетнее считалось жилище. Однако подобное могли себе позволить лишь «богатые». Порой землянки сооружались так, что, спускаясь в котлован, приходилось переступать девять ступенек. Очаг располагался посередине, и в него сваливали все отбросы. Работая или отходя ко сну, обитатели жилища занимали места вокруг очага. Летом проживание в душных, прокопченных за зиму землянках становилось невозможным, поэтому семьи переселялись в постройки, которые называются в «Цзинь шу» в буквальном переводе «гнезда на деревьях». Но как неверен перевод «живут в пещерах», в «ямах», или в «дуплах» вместо «живут в землянках», так и здесь подразумеваются, по-видимому, легкие дома на сваях, срубленные из дерева, или простые шалаши. Поселки сушеней не окружались стенами крепостного типа, поскольку, как отмечается, племена «благополучно ладят меж собой и даже не нападают друг на друга». Зимняя одежда сушеней резко отличалась от летней. Сильные морозы и ветры заставляли их облачаться в платья, изготовленные из холста или волос, а сверху надевать шубы, сшитые из свиных шкур. Неприкрытые части тела, вероятно, прежде всего лицо, предохранялись от опалющего действия стужи несколькими слоями свиного жира. Когда же наступала летняя жара, то вся лишняя одежда сбрасывалась и сушени ходили обнаженными, прикрываясь спереди и сзади полоской ткани шириной около 64 см. Поэтому, очевидно, владения сушеней порой называли страной обнаженных. Чтобы до конца представить облик сушеней, следует подчеркнуть и такую важную этнографическую деталь: волосы они заплетали в косички. Сидеть любили «в позе цзицзюй», т. е. на корточках, поджав ноги, отчего вид их напоминал чужеземца веялку. Когда сушени ели мясо, то каждый полученный кусок помещали между ступнями ног. В зимнее время замерзшее мясо оттаивали несколько неожиданным способом — на него садились и прогревали теплом своего тела. В качестве посуды для варки пиши использовали глиняные сосуды типа ли, иначе говоря, триподы, которые давно вышли из употребления в других районах Дальнего Востока. В них входило несколько больше 4—5 л воды. Печей сушени не сооружали, а готовили еду прямо на очагах открытого типа. Воду брали не из колодцев, как их соседи, а, по-видимому, просто из ручьев или рек. Поскольку в стране отсутствовали залежи соли, сушеням приходилось восполнять недостаток ее в организме, потребляя болтуш-

ку из золы какой-то определенной породы дерева или плавника, который долгое время находился в воде. Точных указаний об этом в источниках нет.

Не меньший интерес вызывают довольно подробно описанные свадебные и погребальные обряды сушеней. Прежде всего следует заметить, что женщины племени до вступления в брак пользовались относительной свободой, из-за чего автор «Цзинь шу» с неудовольствием упомянул распущенные нравы сушеней. Однако он не мог не отметить целомудренности замужних женщин, заботливых отношений мужа и жены. Молодой человек, который надумал жениться, брал птичье перо и вставлял его в прическу своей избранницы. Девушка выражала свое согласие стать его женой тем, что оставляла перо в волосах. Затем «по обычаям вежливости» мужчине следовало жениться на избраннице. Если же девушку не устраивало предложение, то перо возвращалось незадачливому жениху. В летописях отмечается суровый, злой и даже свирепый характер сушеней. Такая нелестная характеристика обусловлена не только неистовством их в сражениях с врагами, но, по-видимому, главным образом отношением племени к пожилым людям и умершим. При благоговейном отношении к предкам в Китае и громадном значении, которое придавалось там культу мертвых, неуважительное отношение к старикам и безразличие к умершим не могли не поразить чужеземца. Действительно, сушени особенно ценили в соплеменниках силу и мужество, которые проявлялись в полную меру у людей, находившихся в расцвете сил. Старики же при суровой, полной невзгод жизни племени представляли обузу, почему ими, как записано в «Цзинь шу», «пренебрегали». Об умершем сушени «не печалились и не терзались», «не горевали и не рыдали». Однако внимательное изучение текста «Цзинь шу» показывает, что такое равнодушие к смерти близких объясняется отнюдь не бесчувствием и бессердечностью. Оказывается, заплакать над умершими отцом или матерью, женой, мужем или даже ребенком означало показать свою слабость и «потерять мужество». Вот почему сушеням приходилось сдерживать и прятать свои чувства. Особенно тяжело приходилось женщине: безгранична была печаль ее при смерти ребенка, горе терзало ее и при потере мужа. Следует к тому же учитывать, что, согласно сведениям из раздела «Восточные иноземцы» сочинения «Тайпин юлань» (гл. 784), она, «овдовев, никогда более не выходила замуж». Погребальные церемонии сушеней состояли в следующем: умершего в день смерти уносили в глухое место, где выкапывали могилу. Тело помещали в саркофаг, сколоченный из бревен или досок, и опускали в яму. Затем на гроб клали предварительно зарезанных свиней. Они предназначались, как отмечалось в

«Цзинь шу», в качестве пищи для умершего. Положенные при захоронении обряды выполнялись с уважением, хотя и без оплакивания. Даже тело убитого за грабежи среди соплеменников не оскверняли, а помещали в гроб и закапывали в могильной яме. Некоторые дополнительные и важные подробности погребальных обрядов сушеней содержатся в «Тайпин юйлань». В этом сочинении уточняется количество свиней, которых приносили в жертву умершему как его погребальную пищу. Оказывается, после смерти богатых закапывали до тысячи животных, а когда умирал бедный — девять. Кроме того, засыпая могилу землей, сушени оставляли снаружи конец веревки, которую привязывали к гробу. На нее лили отвар, полученный при варке свинины. Такой обряд, очевидно, кормления умершего, выполнялся до тех пор, пока конец веревки не начинал гнить. В записи отмечается также, что обряды, связанные с памятью об умершем, выполнялись не через строго определенные промежутки времени.

В заключение описания сушеней — еще два важных эпизода из почти полностью забытой политической истории их страны. Первый выясняется благодаря записям в «Вэй чжи». Ханьский князь У-ди напрасно негодовал и выпускал гневные указы по поводу отсутствия посольств сушеней в годы его правления и вообще в эпоху Хань, поскольку самые северные из восточных иноземцев находились тогда в чрезвычайно сложных отношениях с фуюй, своими соседями на юге и юго-западе. Влияние фуюй в стране сушеней зашло настолько далеко, что последним пришлось выплачивать непомерную «дань». Притеснения фуюй к 220 г. н. э. стали так унижительны и тяжелы, что сушени, народ свободолюбивый и гордый, восстали и до 226 г. н. э. покончили с влиянием фуюй в своих землях. По-видимому, именно к этому времени и относится образование у сушеней племенного союза, во главе которого встал «Великий предводитель». Следовательно, в первой четверти III в. н. э. разложение первобытнообщинного строя, с одной стороны, и консолидация сушенейских племен — с другой, ограничили власть отдельных вождей. Логически рассуждая, можно прийти к выводу, что лишь подчиненные единой воле сушенейские племена могли ликвидировать влияние фуюй, а также успешно отразить последовавшие затем неоднократные попытки фуюйцев покорить их.

Второй эпизод связан с вторжением с территории Когурё в южные пределы земли сушеней военачальника Ван Ци, посланного в 245 г. н. э. полководцем Му Цю-цзянем, который по приказу императора Мин-ди преследовал государя Когурё. Ван Ци удалось пройти «очень далеко», до берегов «Великого моря».

Отряды агрессоров пересекли территорию, населенную племенами воцзюй, но затем столкнулись с отрядами сушеней. Возможно, действия Ван Ци на севере действительно были в какой-то мере успешными. О поправлении сушенейских очагов самодовольно сообщалось в записи на каменной стеле, воздвигнутой на горном перевале в уезде Цзиань (бассейн Ялу). Однако эпизодическая военная операция не могла привести к серьезным последствиям. После ухода экспедиционного корпуса Ван Ци сушени по-прежнему продолжали господствовать на севере Дальнего Востока. В этой связи заслуживает внимания сообщение «Хоу хан шу» о постоянных грабительских нападениях сушеней на своих северных соседей на юге — воцзюй или чжигуолю. Вторжения осуществлялись в теплое время года на судах, из-за чего воцзюй приходилось с наступлением лета скрываться в глубине ущелий неприступных гор. Дерзкие походы храбрых воинов сушеней приводили в трепет поселения соседних племенных союзов, прежде всего фуюй и воцзюй. Ответные военные акции не успокаивали сушеней — они успешно отражали атаки соседей. Судя по отдельным туманным намекам в источниках в последующее время сушени находились в дружеских отношениях с Когурё. Это государство достигло в тот период апогея своего могущества. Возможно, однако, совместный приход в Китай посольств Когурё и сушеней отражает в какой-то мере зависимое положение последних, но сказать что-либо определенное о их взаимоотношениях трудно.

Как уже указывалось, начиная с IV в. название «сушень» исчезло, за исключением редчайших случаев, со страниц династийных хроник и разделов труда «Восточные иноземцы». Племена, заселявшие большую часть территории Маньчжурии, Приморья и Приамурья, стали описываться в эпоху Поздняя Вэй как уцзи или во времена Суй и позже как мохэ⁸. Ареал обитания их охватывал бассейн рек Нонни, Сунгари, Уссури, а также долину среднего и нижнего течения Амура, начиная от впадения в него Сунгари. В западные пределы уцзи — мохэ включалась часть степной территории Маньчжурии — в «Бэй ши» и «Суй шу» упоминались как достопримечательность их страны озера с солоноватой и жесткой водой и солеными испарениями, из-за чего кустарники и деревья, произраставшие на берегах водных бассейнов, покрывались налетом соли. В «Синь Тан шу» отмечалось, что на этой территории встречаются соляные ключи, а воздух тех мест горяч и прозрачен. Ничего подобного в сырых

⁸ Сведения об уцзи и мохэ включены в гл. 100 «Вэй шу», гл. 94 «Бэй ши», гл. 81 «Суй шу», гл. 98 «Тан хуэй-яо», гл. 219 «Синь Тан шу», гл. 199 «Цзю Тан шу». Переводы разделов об уцзи — мохэ из двух первых источников см.: Бичурин Н. Я. Указ. соч.

и холодных землях Маньчжурии быть не могло, и, следовательно, речь идет о степных пространствах, расположенных к востоку от Внутренней Монголии, где, согласно «Бэй ши», уцзи соседствовали сначала с тюрками, а позже с киданями, с которыми они имели непрерывные столкновения. По мнению японского историка-востоковеда Вада Сэй, эта пограничная с докочевыми племенами зона располагалась где-то около современного оз. Чаган-нора, западнее городов Фууй и Бодуне. Именно по этим местам, западной киданьской межей в обход территории соперника уцзи могущественного Когурё проходило в 477 г. к вэйскому двору знаменитое посольство Иличжи, рассказ о чем последует далее. На юге уцзи соседствовали на довольно значительном расстоянии с Когурё, земли которого располагались теперь на севере в пределах, ранее занятых племенем фууй, т. е. в полосе к югу от современного г. Гирин. Соседями уцзи на юге в бассейне р. Тумэнь-ула были также северные воцзюй, иначе называемые доумолоу. Последних уцзи, согласно записи в «Бэй ши», «всегда презирали». Впрочем, и остальные владения на юге тоже не пользовались благосклонным вниманием сильнейших из «восточных иноземцев». В сферу южных территорий уцзи по-прежнему входили «большая, шириной свыше 3 ли, река Сумо (Сунгари) и «обоготворяемые горы» Тайбайшань, т. е. Чанбошань. Согласно «Бэй ши» и «Суй шу», в долинах и на склонах священных «Небесных гор» в изобилии встречались леопарды, тигры, бурые медведи и волки, которые, однако, никогда не нападали на людей. Согласно правилам, уцзи тоже не трогали их, а проходя по тем горам, трепетали от страха и даже не смели мочиться, чтобы не осквернить святыни. Поэтому, путешествуя, они всегда брали с собой специальные сосуды. К северо-западу от территории, занятой уцзи, в бассейне Верхнего Амура, Шилки и Аргуни, Зеи и Буреи расселялись монголоязычные племена шивэй, а также тунгусы, дидэгуань и улохоу. На востоке земли уцзи ограничивались, как и ранее у сусеней, водами «Великого моря», хотя никаких конкретных сведений о приморских племенах источники по-прежнему не содержат. На северо-востоке, т. е. в бассейне Нижнего Амура, на Сахалине, Хоккайдо, Курильских островах, Камчатке и Чукотке жила целая группа племен, которые следует перечислить особо, рассматривая вопрос о расселении в пределах Дальнего Востока семи отдельных племен мохэ эпохи Суй.

Сведения о потомках сусень — илоу и уцзи к V в. расширились настолько, что о мохэ этого периода уже можно говорить не как о некоем едином целом, а как о совершенно конкретной группе родственных племен, которые, однако, оставались независимыми друг от друга. На крайнем юге территории расселения их располагались земли лимо мохэ (они же сумо мохэ)

и байшань мохэ. Лимо владели районами, прилегающими к бассейну верхнего течения Сунгари севернее Гирина, а байшань — расположенным юго-восточнее горным массивом, прилегающим к Муданьцзяну. Они-то и тревожили постоянными набегами северные границы Когурё и потомков северного воцзюй — доумолоу, которые жили в долине р. Хэлань (Муданьцзян). Севернее лимо в районе современного Бодуне, где сливаются Нонни и Сунгари и последняя круто поворачивает на северо-восток, расселялись бодо мохэ, иначе гудо мохэ. Еще далее от них на северо-восток около современного Харбина вдоль южных берегов Сунгари, где протекает один из ее самых известных правых притоков — р. Альчук, располагались земли племени аньчэгу мохэ, а на восток от гудо мохэ на берегах низовьев и среднего течения притока Сунгари р. Хурхи, т. е. к северу от все тех же доумолоу, жили фуэне. Племена хаоши мохэ, или гуши мохэ, занимали территорию ближе к низовьям Сунгари в районе современного г. Саньсина, или Цзямусы, а самое могущественное из мохэских племен хэйшуй мохэ расселялось по берегам Амура от устья Сунгари и до устья Уссури. Какие племена заселяли бассейн нижнего и среднего течения Уссури и большую часть восточной прибрежной территории Приморья, долгое время, по существу вплоть до эпохи Золотой империи, оставалось неизвестным. В «Бэй ши» отмечалось лишь, что в землях, расположенных восточнее владений фуэне мохэ, население использует стрелы с каменными наконечниками. Поэтому, очевидно, составители «Бэй ши», а также «Суй шу» пришли к выводу, что в Приморье располагается древнее владение Сусень, «сильнейшее среди восточных иноземцев». Поистине неистребимым остается у народов востока Азии представление о непрерывной связи каменных наконечников с народом сусень!

Каждое из семи перечисленных выше племен мохэ занимало строго определенную территорию. Согласно записи в «Тан пу», самые крупные племена владели землями, протянувшимися на 300—400 ли, а самые малые — на 200 ли. О количестве населения в каждом племени мохэ можно отчасти судить по числу воинов, которое они могли выставить. Так, согласно данным «Бэй ши», сунмо мохэ и бодо мохэ формировали отряды численностью по 7000 «храбрых» ратников, а байшань мохэ — всего 3000 воинов. Однако неизвестным остается, сколько воинов выставляли хэйшуй мохэ, которые, согласно сообщению «Суй шу», намного превосходили остальные мохэские племена по мощи военных формирований. Несмотря на относительно небольшое число воинов каждого племени, вместе они составляли значительную силу, с которой нелегко было справиться. Во всяком случае мохэ безбоязненно

и непрерывно тревожили отчаянными набегами границы такого могущественного государства, как Когурё. Удачью и храбростью славилась конница мохэ на востоке Азии. Во время игр, охоты и празднеств оттачивали они свое мастерство. По записям в «Бэй ши» и «Суй шу» известно, какое сильное впечатление произвел в 581 г. на императора Вэнь-ди танец послов мохэ на пире, данном при дворе в их честь. Пляска настолько живо и правдоподобно имитировала сражение, что пораженный и не сумевший скрыть тревоги Вэнь-ди сказал своим приближенным: «Между Небом и Землей есть же такие существа, которые только и думают о войне! Что может быть выше этого?» Единственная мысль успокоила потрясенного императора при оценке воинственного танца — мохэские племена «очень удалены от Среднего государства» и «лишь племена сунмо и байшань близки».

Племена мохэ, если верить сообщениям «Синь Тан шу» и «Тан хуэйяо», заселяли не только бассейн Сунгари и долину Среднего Амура. От устья Уссури, своего рода центра хэйшуй мохэ, далее на восток по Амуру начинались земли сымо мохэ. В 10 днях пути от них по той же реке располагались владения цзюньли мохэ, а еще в 10 днях плавания жили кушо, или цзюйшо мохэ. От последних в 10 днях пути на юго-восток расселялись моицзе мохэ. Приблизительная разметка пути вниз по Амуру от устья Уссури показывает, что сымо мохэ обитали, очевидно, где-то в районе оз. Болен и р. Горин, т. е. вблизи г. Комсомольска-на-Амуре, цзюньли мохэ — около г. Мариинска, кушо мохэ — в устье Амура и на Сахалине, моицзе мохэ, очевидно, те же айны, — на Хоккайдо. По-видимому, глубоко прав Вада Сэй, который, исходя из современных названий племен, а также картины расселения народов Нижнего Амура в сравнительно недавнем прошлом, как она представлялась по результатам исследований Л. Шренка, сопоставил сымо с тунгусскими племенами самаилов, цзюньли с гилеми или гилияками эпохи Золотой империи чжурчженей и юань монголов, а кушо и моицзе с куи и, следовательно, с айнами⁹. Если сымо и цзюньли можно сопоставить с людьми, одетыми в рыбью кожу времен сушеней, как они описывались на рубеже нашей эры в «Шань хай цзине», то кушо и моицзе как раз и займут место загадочного «волосатого народа», который, согласно тому же источнику, обитал на крайних северо-восточных границах Приморья. Таким образом, значительно расширились и уточнились представления о расселении племен бассейна Нижнего Амура, хотя сравнительно подробное описание их жизни, быта и культуры относится к гораз-

до более позднему времени. Что касается земель, расположенных к северу и северо-востоку от устья Амура и Сахалина, то, согласно «Синь Тан шу», а также «Вэньсянь туикао» (гл. 347) и «Тун дзянь» (гл. 200), за пределами Северного моря (Охотского?) в 15 днях пути на корабле на север от территории расселения моше мохэ и на северо-восток от хэйшуй мохэ жил народ люгуй. Судя по описанию их страны: земля окружена с трех сторон морем, живут также на островах, речь идет о Камчатке и прилегающих к ней Курильских островах и, следовательно, о населяющих огромный полуостров камчадалах. Мохэ знали и о еще более далеком пароде из страны, «протянувшейся бесконечно» на север, — путешествуя в течение месяца в том направлении, можно было достичь земель народа ечаго. Люди тех мест, судя по описаниям, украшали себя кабаньими клыками и пожирали друг друга. По-видимому, такие известия относятся или к корякам, или к чукчам, которые в более поздние времена жили на крайнем северо-востоке Азии.

Таким образом, в V—VII вв. н. э. сведения о народах Дальнего Востока ограничивались фактами из жизни племен, расселявшихся вдоль главного речного пути района — долины Сунгари, а также Амура и далее по морскому пути, связывающему земли Амура с Сахалином, Хоккайдо, Курильскими островами, Чукоткой и Камчаткой. Труднодоступные горные и болотистые районы, расположенные к востоку от Сунгари, в том числе Приморье, оставались большей частью белым пятном на географической и этнической карте Дальнего Востока, поскольку никто из путешественников не рисковал проникать туда. Этническая принадлежность племен Сунгари и Амура представлялась весьма туманно тем, кто собирал и включал в хроники известия о них. В самом деле, учитывая одинаковые окончания «мохэ» в названиях племен от истоков Сунгари и до Хоккайдо, можно подумать, что все они родственны. Однако если еще можно говорить о каких-то родственных взаимоотношениях мохэ с Сунгари и хэйшуй мохэ (гольды или нанайцы) Среднего Амура с тунгусоязычными сымо мохэ, то палеоазиатов цзюньли мохэ, цзюйшо мохэ и моицзе мохэ, т. е. гилияков и айнов, нельзя присоединять к группе семи племен мохэ Маньчжурии и Приамурья. Они отличались друг от друга по языку и, конечно же, по чисто антропологическим характеристикам, хотя сведений об этом в источниках нет и сказанное можно подтвердить лишь ретроспективными аналогиями. В данном случае слово «мохэ» отражает факт не этнического родства, а подчеркивает природно-географические особенности мест обитания племен, т. е. расселения их вдоль долин крупных рек, в районах, изобилующих водой. Недаром поэтому лингвисты слово «мохэ» связывают с тун-

⁹ Гольды называли айнов куш. Отсюда, очевидно, и происходит название айнов — кушо мохэ.

гусо-маньчжурским «поречане» — «жители рек». Вместе с тем нет оснований сомневаться в родстве этническом и языковом тунгусо-маньчжурских племен, начиная от лимо мохэ с верховьев Сунгари и кончая хаоши и хэйшуй мохэ с ее низовьев, а также Среднего Амура.

Картины жизни и быта уцзи мохэ во многом напоминают известное об илоу — сунень. В частности, язык уцзи мохэ характеризуется в «Вэй шу» как «уникальный» среди языков восточных иноземцев, принадлежащих главным образом к группе древнекорейских племен. Ранее сделанный вывод о том, что обитатели бассейна Сунгари говорили на языке тунгусо-маньчжурской группы народов, подтверждается именем посла уцзи Иличжи, посетившего двор императора Северной Вэй Сяо Вэнь-ди. «Иличжи», как справедливо отмечал Вада Сэй, — китайская транскрипция маньчжурского слова «элцин» — «посол». Следовательно, уцзи — мохэ, как и ранее сунень — илоу, говорили на одном из древних вариантов тунгусо-маньчжурского языка. Особого внимания заслуживают новые сведения, которые расширяют представления о коренных обитателях внутриконтинентальных областей Дальнего Востока. Согласно «Вэй шу», «Тан шу» и «Цзю Тан шу», уцзи и мохэ по-прежнему не научились строить наземных домов, а на прибрежных возвышенных местах речек или на склоне горы сооружали жилища полуподземного типа, т. е. землянки. Для жилой постройки они вначале вырывали котлован, затем наклонно с упором один на другой ставили столбы, поддерживающие «деревья», которые перекрывали сверху котлован. Деревянные конструкции засыпали в конце строительства землей, вследствие чего снаружи землянки выглядели как куполообразные могильные холмы, на что как раз и обращено внимание в записи «Цзю Тан шу». Вход в землянку располагался не сбоку, а на самом вершине купола, откуда вниз вела приставная лестница с несколькими ступеньками. Теперь становится понятной реплика «Цзинь шу» о 9 ступенях в самых удобных, больших и богатых домах суненей — речь и тогда шла о куполообразных землянках с входом наверху. Группа таких жилищ образовывала поселок, который, согласно «Вэй шу», защищала стена, сбитая наподобие плотины, т. е. своего рода крепостной вал. Надежные и теплые, но темные такие жилища не отличались удобствами. Не случайно поэтому в «Вэй ши» отмечается, что мохэ — самые нечистоплотные из восточных иноземцев. Особенно поражало чужестранца умывание рук и лица мочой. С наступлением тепла мохэ покидали свои пропахшие дымом зимние жилища, и, как сообщается в «Цзю Тан шу», у них начиналась кочевая жизнь. «Двигаться смотря по достатку в траве и воде» — это словосочетание обычно применялось в летописях при характеристике быта кочевых племен Цент-

ральной Азии. Употребленное по отношению к мохэ, оно раскрывало их полукочевой образ жизни летом. Ранее сунень, очевидно, придерживались тех же принципов, поскольку им приходилось покидать землянки и поселяться в постройках типа «ласточкиных гнезд», которые правильнее представлять как легкий переносной чум, а не строение на сваях, как предполагалось ранее. К зиме мохэ вновь возвращались в свои укрепленные поселки.

Особенности экономики сунгарийских и среднеамурских мохэ действительно позволяют предполагать наличие у них в качестве одной из отраслей хозяйства отгонного скотоводства, в частности разведения лошадей. Однако развитие земледелия, для которого характерно применение плуга, а в качестве тягловой силы — пары лошадей, не позволяет представить мохэ как кочевников. Основная масса населения жила оседло. Мохэ охотились на соболей в окрестной тайге и горах, ловили рыбу в реках, пахали землю, «подталкивая плуг вперед», сеяли просо, пшеницу, рис, сою, а из овощей — мальву. Рис использовался не только в пищу, но и для приготовления водки, для чего зерна злака разжевывались, а затем из них варилось вино. Люди крепкого сложения, мохэ никогда не пьянели. О прочной оседлости их свидетельствует также пристрастие к разведению свиней. Свиноводство представляло собой главную отрасль животноводства мохэ. Свинину они употребляли в пищу, а из кож свиней, как и сунень, шили шубы. Богатые семьи, по-видимому, представители родо-племенной знати, владели крупными стадами в несколько сотен голов. Мохэ разводили собак, из шкур которых тоже шили шубы. Судя по пристрастию женщин к холщевой одежде, важную отрасль хозяйственной деятельности представляло собой ткачество. Разведению лошадей тоже придавалось важное значение — мохэ-воины не представляли себе жизнь без коня. Помимо упомянутой одежды из шкур животных и холста мохэ носили эффектные головные уборы, вероятно, парадные: на севере, согласно записям в «Тан шу», амурские мохэ украшали их перьями хвоста фазанов и клыками дикого кабана, а на юге сунгарийские мохэ — хвостами леопардов и тигров. Волосы мохэ, согласно «Цзю Тан шу», заплетали в косы, они свешивались у них вниз.

В источниках отмечены неожиданные подробности свадебного и погребального обрядов. В «Бэй ши» относительно первого записано так: «При браках женщина надевает холщевую юбку, мужчина одевается в шубу из свиной кожи, а в волосы втыкает хвост леопарда... В первый вечер брака жених приходит в дом невесты, берет невесту за груди, и ревность прекращается. Если же женщина блудно спознается с посторонним мужчиной и мужу скажут об этом, то муж убивает жену, а потом, раскаиваясь, непременно убьет и сказавшего, почему у них

прелюбодеяния никогда не открываются»¹⁰. При захоронениях покойников клали в могилу без гроба. И вообще могильную яму вырывали лишь в том случае, если кто-то умирал весной или летом. Покойника опускали на дно могильной ямы, ставили перед ним погребальную пищу, совершали жертвоприношения, а затем засыпали его землей. Вместе с умершим мужчиной хоронили его убитого коня. В завершение обряда над местом погребения сооружалась деревянная «хижина», чтобы, как поясняется в «Вэй шу», могилу не мочил дождь. На самом же деле, судя по этнографическим данным, с постройкой домика над погребенным связывались сложные религиозные представления мохэ, которые остались неизвестными. Осенью и зимой погребальный обряд по каким-то причинам не предусматривал захоронение в земле и осуществлялся на открытом воздухе. Трупы нередко становились приманкой для ловли соболей. Подбираясь к умершим, соболи попадались в ловушки, расставленные вокруг умершего.

Названные источники содержат новые сведения относительно военного снаряжения мохэ. Воины мохэ, сильные, отважные, умелые, славились на Дальнем Востоке. Их луки и стрелы, не знающие промаха, приводили в ужас соседей. В «Тан шу» отмечается большое мастерство, с которым мохэ сражались в пешем строю. Но еще более прославила себя в битвах конница мохэ, высоким было искусство ведения боя в конном строю. Недаром при борьбе за Ляодун армию танского Китая возглавляли и привели к успеху главным образом полководцы из племенных вождей мохэ¹¹. Длина лука, главного оружия войны и охоты, не превосходила 1 м. Длина стрелы вместе с наконечником составляла около 40 см. Однако уменьшение лука, по сравнению с луком сусеней, не привело к ослаблению его убойной силы. Как отмечено в хрониках, луки мохэ украшались роговыми пластинками. Но такие пластинки служили, конечно же, не украшением а предназначались для увеличения упругости и, следовательно, мощи оружия. Таким образом, мохэ владели луками так называемого усиленного типа, конструктивные новшества были введены ими ради удобства использования оружия, в особенности в седле. Вместе с тем, следуя традициям сусеней, мохэ не отказывались от использования яда, которым смазывали наконечники стрел. В «Бэй ши» сохранилось описание некоторых подробностей, связанных с приготовлением яда. Оказывается, его варили в строго определенное время года — в седьмом и восьмом месяце лунного календаря. Чтобы представить исключительную силу яда, следует сказать, что неосторожности тех, кто готовил его, достаточно было, чтобы пары, поднимаю-

щиеся над посудой, могли умертвить человека. Согласно «Бэй ши», яд использовали для обработки стрел, которые применялись при охоте на птиц и зверей.

Отмеченные ранее изменения в жизни потомков сусеней — мохэ наводят на мысль о значительных сдвигах социального плана и в общественной структуре, в частности о разрушении первобытнообщинных коллективов, более узком проявлении имущественной дифференциации членов рода, об усилении роли «аристократической» верхушки родо-племенных объединений и их вождей. Однако сведения, касающиеся такой кардинально важной проблемы, предельно скупы, иногда для восстановления некоторых деталей приходится прибегать к логическим заключениям. Можно лишь отметить, что у мохэ были богатые и бедные семьи. Отдельные племена продолжали сохранять независимость друг от друга. «Правитель», т. е. племенной вождь мохэ, как и у сусеней, назывался Великий Мофо Маньду. Власть вождя по-прежнему передавалась от отца к сыну, что свидетельствует о господстве патриархально-родового строя. Вождь безраздельно господствовал над соплеменниками, и во владении у него находилось значительное количество рабов. Рабство, по-видимому, носило патриархальный характер. Таким образом, эволюция общества шла замедленными темпами по сравнению с соседними Когурё и даже воцзюй. Вместе с тем бурные события политической истории мохэ IV—VII вв. — взаимоотношения с тюрками, киданями, Когурё и Китаем эпох Вэй, Сун и Тан — во всем блеске показывают, насколько стремительно возрастала роль тунгусо-маньчжурских племен в судьбах народов Дальнего Востока. Процесс консолидации разрозненных и разобщенных ранее племен бассейна Сунгари и Амура, начало которого восходит к раннему средневековью, поставил на очередь для решения сложных политических проблем и прежде всего отстаивание национальной независимости и самостоятельности их перед угрозой соседей, главным образом суйского, а затем танского Китая. Страницы политической истории мохэ, насколько их удастся восстановить в связи с событиями в Когурё, вызывают исключительный интерес и заслуживают пристального внимания.

Вожди племен мохэ в сложной обстановке противоборства могучих сил оказались на высоте положения: они вели тонкую дипломатическую борьбу, мастерски играя на противоречиях своих наиболее опасных потенциальных противников. С этой точки зрения примечателен первый же из отмеченных в источниках визит посла мохэ Иличжи в 477 г. ко двору императора династии Северная Вэй Сяо Вэнь-ди, когда в анналы впервые заносится имя племен уцзи. Если принять на веру сообщение «Вэй шу», то можно подумать, что главная цель посоль-

¹⁰ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 70.

¹¹ Wada S. Op. cit.

ства заключалась в том, чтобы, преподнеся дань в виде табуна из 500 лошадей, выразить покорность владыке Поднебесной, а затем уже между прочим испросить разрешения у «великой державы», используя водные пути, напасть на Когурё совместно с другим корейским государством — Пякче. Сяо Вэнь-ди наставительно напомнил Иличжи, что его народ, как и Когурё и Пякче, — даннические владения империи Северная Вэй и поэтому им следует жить в мире между собой, не приносить друг другу вреда. Можно вообразить удивление посла Иличжи, представляющего еще неизвестный в Вэй народ уцзи, когда он услышал от Сяо Вэнь-ди септенцию о вассалитете своего правителя. Не исключено, правда, что он знал нравы, царившие многие века при дворах «великой державы» и, как делало большинство суверенных правителей народов Дальнего Востока в таких случаях, пропустил мимо ушей самодовольное заявление государя, позволяя ему тешиться грезами. Ведь Иличжи предстояло решить дипломатическую задачу — завлечь в борьбу с Когурё армию империи Северная Вэй и тем самым способствовать победе уже сложившейся коалиции уцзи — Пякче. Как можно было всерьез представить, что Иличжи испрашивал у владыки разрешения атаковать Когурё, когда сам посол в речи своей Сяо Вэнь-ди сообщал ему, что вождь уцзи уже захватил на северных границах Когурё десять поселков? Неужто Сяо Вэнь-ди оказался столь непонятливым, что принял совершенно очевидное предложение о союзе за испрашивание разрешения на войну?

Как и следовало ожидать, закулисная сторона дела, на которую составители летописей по обычаю набросили густой туман, выглядит совершенно иначе. Оказывается, посольство Иличжи прибыло ко двору Сяо Вэнь-ди как раз в тот период, когда Когурё начало экспансию в пределах Пякче и, по-видимому, на север — в сторону границ уцзи. Во всяком случае точно известно, что в 477 г. армия правителя Когурё Чаншоу вторглась на территорию Пякче, разгромила войска своего южного соседа и даже захватила столицу государства — г. Вэй-ли. Такая ситуация свидетельствовала о полном нарушении политического равновесия на Дальнем Востоке — возникала реальная угроза усиления влияния Когурё в Корее и на юге Маньчжурии. Тревога правителей племен уцзи находит поэтому естественное объяснение. Однако было ясно, что ни объединенные усилия уцзи и Пякче, ни тем более по отдельности две силы, противостоящие могущественному Когурё, не могут ликвидировать смертельную опасность. Действительно, сопротивление Пякче и удар уцзи по Когурё с севера, когда, если верить словам Иличжи, им удалось захватить десять поселков, расположенных в пределах территории, некогда занятой племенем фуюй, не реши-

ли проблемы. Вот тогда-то, очевидно, по тайной договоренности с правителем Пякче, вожди уцзи и направили Иличжи ко двору Сяо Вэнь-ди, поставив перед послом сложную дипломатическую задачу — вовлечь в борьбу армию Северной Вэй. Когурё при всем своем могуществе вряд ли выдержало бы войну на три фронта — таким выглядит стратегический замысел союзников уцзи и Пякче. Прощупать почву на предмет союзничества с Северной Вэй могли только уцзи, поскольку Пякче, отрезанное от материковой части Восточной Азии территорией Когурё, не могло направить посольство к Сяо Вэнь-ди. Уцзи такое дипломатическое мероприятие могли осуществить с большими надеждами на успех. Разумеется, при враждебных отношениях с Когурё проход посольства по прямой к границам Северной Вэй исключался, и поэтому-то Иличжи пришлось идти таким необычно длинным кружным путем. По его рассказу, посольство сначала плыло на лодках на запад по Нонпи до р. Тор-усу или Дали. Здесь Иличжи затопил свое судно, вышел на южный берег реки и отправился сухим путем по восточномонгольским степям к р. Ляохэ. Затем маршрут посольства пролегал по западным киданьским границам к хр. Хэлун. Обратный путь Иличжи проходил теми же местами. Следует в связи с этим обратить внимание на тот примечательный факт, что кидани дважды пропустили через свою территорию Иличжи и, следовательно, сочувственно относились к миссии уцзи и Пякче. Такое обстоятельство находит последующее объяснение в жалобах на «притеснения» со стороны Когурё не только уцзи и Пякче, но и киданей. Следовательно, Когурё действительно представляло собой в конце V в. н. э. наибольшую опасность для большинства окружающих его народов. В свете сказанного позиция племени уцзи и его активная борьба на дипломатическом и военном фронтах не может не вызвать одобрения. Первый выход его на арену, где противоборствовали главные силы Дальнего Востока, выглядит достойным славного имени их далеких предков сушней.

Возникает естественный вопрос, какой реальной силой обладала в то время Северная Вэй, которая назойливо, как и предшествующие ей династии, напоминала о даннических отношениях к Китаю «восточных иноземцев»? Ответ на него предельно прост и заключается, по существу, в реальных результатах миссии Иличжи ко двору императора Сяо Вэнь-ди. Его государство не обладало сколько-нибудь значительным могуществом, чтобы вмешаться в войну, вспыхнувшую на севере. По крайней мере совладать с Когурё Северная Вэй явно не могла, ибо в противном случае Сяо Вэнь-ди, конечно же, не замедлил бы воспользоваться благоприятно сложившейся для него ситуацией и извлечь из нее максимальные выгоды, в пер-

вую очередь присоединить к своим владениям территорию такого опасного для Китая соперника, каким неизменно выступало перед ним на северо-востоке Когурё. Именно так поступил через полтора столетия в сходных обстоятельствах танский Вэнь-ди, он же Гаоцзу, о чем речь пойдет далее. Но как можно сравнивать мощь Северной Вэй с силой танской династии, сплотившей Китай в единое государство? Теперь становится понятным, почему посольство Иличжи окончилось безрезультатно и Сяо Вэнь-ди ограничился в ответах на недвусмысленно выраженные ему предложения о союзе туманными и совершенно неуместными рассуждениями о вассалитете противников и пустопорожними благопожеланиями о мире между Пякче, уцзи и Когурё. За ними совершенно определенно скрыто полное бессилие Северной Вэй, боязнь, неготовность и нежелание ее вмешаться в борьбу с Когурё, прикрытые, однако, из-за боязни «потерять» лицо, ни к чему не обязывающими разглагольствованиями или, как писал в таких случаях Хироси Икэути, красноречием. Вряд ли это могло удовлетворить Иличжи и пославших его правителей уцзи и Пякче, обеспокоенных угрозами, нависшей над их странами.

Высказанное предположение о реальных военных возможностях Северной Вэй подтверждается событиями последующих десятилетий. Если бы Сяо Вэнь-ди действительно обладал достаточным авторитетом, чтобы влиять на ход событий, развернувшихся на территории Дальнего Востока в конце V — начале VI вв., то можно не сомневаться, что его призыв к миру между соперниками уцзи, Когурё и Пякче был бы услышан. Но дело обстояло как раз наоборот. Уцзи не собирались возвращать Когурё отнятую у него богатую и, очевидно, стратегически важную территорию с 10 поселками, которые располагались, по мнению Хироси Икэути и Кайсабуро Хино, в долине р. Хуэйфахе, а согласно предположению Вада Сэй, — около современных небольших местечек Юйшу и Учан, что находятся к востоку от северной части р. Сунгари¹². Не исключено, что уцзи даже расширили занятые ранее районы, и, следовательно, нападение на Когурё, согласованное ранее с Пякче, вопреки призывам к миру Сяо Вэнь-ди все же состоялось. Удар нанесло и Пякче, которое захватило у Когурё важный район Шэло, где добывался драгоценный камень — белый нефрит. Такой вывод подтверждают слова посла Когурё Жуйсифо, сказанные им в Восточном зале дворца императору Северной Вэй Сюань У. Гость обратил внимание государя на то, что среди привезенных им подарков нет золота и белого нефрита. Когурё не могло послать в дар ни того, ни другого, поскольку золото добывалось раньше в местности Кацзе, а белый нефрит — в Шэло.

Первый район, расположенный на территории фуюй, захватили уцзи, которые «выгнали фуюй», а второй присоединило к себе Пякче¹³. Заявление Жуйсифо о том, что уцзи «выгнали фуюй», как раз и подтверждает мысль о продолжавшихся атаках уцзи на северные границы Когурё. Посолявно стремился подогреть негодование Сюань У и усыпить его подозрительность относительно военных действий армии Когурё как на севере, так и на юге, ибо Северную Вэй отнюдь не могла радовать перспектива усиления соседа за счет уцзи и Пякче. Можно подумать, что Сюань У, как и Сяо Вэнь-ди в случае с Иличжи, посоветует Жуйсифо жить в мире с соперниками. Наивное предположение в свете традиционной и коварной политики Китая в отношении варваров «разделяй и властвуй!». Сюань У сказал послу Когурё явно подстрекательские слова: «Лукавым неприятелям из девяти иноземцев действительно должно объявить войну... Надлежит совершенно высказать достоинство и доброе расположение и чрез это принудить два народа возвращать вам произведения прежних ваших земель»¹⁴. Примечательно, что все это, следуя все той же пресловутой традиции сюзеренитета и покровительства, объявлялось ни больше, ни меньше как «воля» Сюань У государю Когурё. Китайский двор неуклюже лавировал между противоборствующими сторонами, сталкивая их друг с другом. Сюань У, как и Сяо Вэнь-ди, не обладал серьезными возможностями для вмешательства в борьбу на севере, и поэтому ему не оставалось ничего другого, как занять ни к чему не обязывающее место некоего непрошенного третейского судьи, свисока поучающего и наставляющего «заблудших». Провоцирование китайскими императорами Когурё на войну с соседями, возможно, вызванное надеждами на ослабление корейцев и их противников, не мешало им, однако, спокойно продолжать прием посольств уцзи — мохэ. Длинную череду записей о приходе их с подарками можно найти в летописях. Прибытие послов отмечено в 485—486, 489, 493 (посол Жэньсофэй и 500 чел. свиты), 503 (посол Хулигуй — 20), в 541, 545—547, 564—565, 567, 572—573 гг. Какие-либо подробности о визитах не сообщаются, взаимный обмен «данью» мохэ и Китая следует рассматривать как меновую торговлю, не более того. Мохэ доставляли южному соседу лошадей, стрелы, «местные произведения», а взамен увозили на север товары, которыми славился Китай.

Особого внимания, однако, заслуживает первое посольство мохэ ко двору суйского императора Вэнь-ди (Гао-цзу) в 581 г., поскольку последующие десятилетия ознаменовались событиями, свидетельствующими о коренных изме-

¹² Wada S. Op. cit.

¹³ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 56.

¹⁴ Там же.

нениях во взаимоотношениях мохэ, Когурё, Пякче и Китая. На Дальнем Востоке из-за угрозы агрессии на север набравшего силы Среднего государства сразу же начали складываться новые союзнические комбинации, в которых мохэ отводилась исключительно важная роль. Поэтому не случайно, по-видимому, сохранились подробности прибытия ко двору Вэнь-ди посольства мохэ. Диалог между посланцами и Вэнь-ди поневоле заставляет припомнить историю с Ши Цзи-луном, к которому, если верить источнику, сушени пришли, заметив, что их коровы и лошади три года спали, обратив головы на юго-запад, где, как показывала такая примета, располагается «великая страна». Мохэ сказали будто бы так: «Мы..., живучи в отдаленной стране, слышали, что в Среднем государстве есть святой муж: посему приехали поклониться ему и увидеть лицо святого. Желаем вечно быть рабами его». Вэнь-ди, в свою очередь, произнес такие слова: «Я буду считать вас своими детьми, а вы должны почитать меня как отца»¹⁵. Составителям династийных хроник при чтении такого рода вставок нельзя отказать в стойком следовании традициям. Последующие строки «Бэй ши» разъясняют, однако, существо дела: Вэнь-ди «запретил» мохэ и киданям нападать друг на друга и заниматься грабежами. Отсюда может следовать только один вывод — посольство мохэ прибыло не для того, чтобы лицеизреть «святого», а с целью организации совместного с суйским государем нападения на своих соседей киданей. Далее в хронике описывалась знаменитая военная пляска мохэ на пире Вэнь-ди в честь посольства, когда император с большим облегчением размышлял о благе того обстоятельства, что «дети» и «рабы» его, к счастью, живут далеко от его государства. Фальсификация картины переговоров Вэнь-ди и мохэ становится особенно очевидной в свете последовавших событий, связанных с агрессией Суй против Когурё, и роли, которую сыграли в них те, кто совсем недавно просился «вечно быть рабами» Среднего государства. После 581 г., когда посольство Когурё тоже побывало при дворе Вэнь-ди, суйский двор начал осуществление планов разгрома и включения в пределы территории Поднебесной своего главного соперника на Дальнем Востоке — государства Когурё. Достаточно привести лишь два высказывания Вэнь-ди, чтобы понять, какие настроения господствовали тогда в среде правящей верхушки окрепнувшей империи: «Я люблю всех живущих, как младенцев», «В Поднебесной все суть мои подданные»¹⁶. Первым практическим шагом в атаке на Когурё стал захват в 582 г. войсками Вэнь-

ди соседних с ним на юге областей, которые контролировались домом Чень. Затем вблизи территории Когурё появились лазутчики и заметно оживились передвижения суйских армий. Правитель Когурё Тан не без оснований опасался, что следующей жертвой станет его страна. Когурёсцы, готовясь к предстоящей борьбе, начали привлекать на свою сторону племена мохэ и киданей, очевидно, разъясняя, чем грозит захват Китаем соседних с ними территорий. Одновременно они стали усиленно укреплять границу, мобилизовывать армию, запастись провиантом. Велись усиленные наблюдения за передвижениями китайских войск. Все эти мероприятия вызвали негодование Вэнь-ди, который давно выискивал удобный предлог для начала войны. Он не замедлил направить «грамоту за большой государственной печатью». В послании, составленном в 597 г., Вэнь-ли обвинял Тана в том, что тот «ядом отравляет приверженность» Китаю мохэ и киданей, всячески «притесняя» их. Из текста выясняется также, что подозрения о намерениях Суй возникли у Тана сразу же, как он узнал о засылке агента Вэнь-ди с целью «успокоить (его) соседей и... узнать о расположении тамошних жителей, внушить им правила управления»¹⁷. Но Тан, прекрасно понимая, что значит «внушать правила управления», естественно, стал «стеснять чиновников, опасаясь, чтоб они не разведывали». Однако этого оказалось Вэнь-ди достаточно, чтобы предъявить Когурё грозный ультиматум: «Государь! Если ты очистишь сердце, переменишь поведение, то сделаешься лучшим моим вельможею, и тогда не для чего мне заботиться о выборе другого какого-либо»¹⁸. Подобные беспрецедентные в отношениях между государствами обвинения Вэнь-ди основывались на весьма зыбкой почве: «Восприняв повеление Неба, люблю питать земные народы..., в Поднебесной все суть мои подданные».

Тан не ответил на «грамоту» суйского двора, а его преемник на престоле Юань в следующем году произвел нападение на армию Вэнь-ди. Важно, что ядро войск Юаня, ворвавшегося в пределы Ляоси, составлял десяти тысячный отряд конницы мохэ. Несмотря на неоднократные хвастливые заверения Вэнь-ди о том, что для разгрома Когурё достаточно одного полководца, даже участие его самого в войне, как и походы его преемника Ян-ди в 611, 613, 614 гг., не привели к сколько-нибудь заметному перелому в войне. Значительную роль в успешном отражении агрессии Суй против Когурё сыграли отряды мохэ. Последовавшие затем события подтверждают такой вывод.

¹⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 72.

¹⁶ Там же, с. 84.

¹⁷ Бичурин Н. Я. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

Решающий нажим на Когурё начался, когда в Китае пришли к власти представители новой династии — Тан. Их отношение к соседям, в том числе к народам Дальнего Востока, нашло отражение в высокомерной сентенции вельмож основателя династии Гао-цзу в ответ на его размышления о том, стоит ли настаивать на вассалитете Когурё: «Срединное государство в отношении к иноплеменным народам, как солнце в отношении к звездам. Невозможно не подчинить»¹⁹. Не удивительно поэтому, что когда танский военный советник Чжань Сунь-ши начал, следуя приказу Гао-цзу, хоронить трупы китайских воинов, павших в сражениях при династии Суй, и разрушать памятники, сооруженные когурёсцами в память побед, в Когурё поняли, что готовится новая война. Ответом на провокационную политику Тан стало сооружение грандиозной оборонительной стены, протянувшейся на 500 ли от земель фуюй на северо-востоке и до моря на северо-западе. Решающие столкновения Китая с Когурё развернулись в 645 г. Император Тай-цзун, потеряв надежду на умиротворение Когурё с помощью соседей, в том числе мохэ, вторгся со стотысячной армией на его территорию и захватил ряд городов. Когда началась осада крепости Аньши, сразу же стало ясно, как относятся вожди племен мохэ к очередной войне Китая с Когурё: их отряды прибыли к стенам осажденного города. Тай-цзун, обсуждая создавшееся положение, особо выделил роль мохэ в предстоящих событиях. Корейцы, по его словам, должны окопаться на горах, а мохэсцев они пустят грабить у китайцев быков и лошадей. Но, как выяснилось вскоре, мохэ отводилась далеко не простая роль. «Неприятели всегда впереди ставят лучшую мохэскую конницу», — с ужасом отмечали танские полководцы. Противостоять ей сами китайцы не могли. Поэтому когда тюркский военачальник Ашине Шени попытался провести разведку с тысячей конников, его отряд немедленно оттеснила на север мохэская конница. Победа выглядела настолько впечатляюще, что обрадованный полководец войск Когурё Гао Янь-шоу счел исход сражения предопределенным: «С китайцами не трудно справиться»²⁰.

Однако самоуспокоенность Гао Янь-шоу стоила ему на следующий день поражения. Остатки его разбитой армии сдались Тай-цзуну. Необычным было отношение императора к захваченным в плен: проползшему через весь лагерь на коленях Гао Янь-шоу и старому полководцу Гао Хой-чжэню победители не только сохранили жизнь, но и пожаловали новые чины, а 30 000 воинов Когурё они с миром отпустили по домам. Столь удивительные милосердие и доброта императора к недавним

врагам не распространились только на мохэсцев. «Сражавшиеся очень упорно», мохэсцы оказались единственными, кого жестоко и изощренно наказали, — 3000 пленных воинов китайцы живьем закопали в землю. Решение Тай-цзуна о безжалостном уничтожении мохэ представляется, на первый взгляд, необычным, поскольку в том же рассказе настойчиво подчеркиваются милосердие, любовь императора к людям, в том числе к побежденным врагам, его простота в обращении с воинами, вместе с которыми он терпеливо сносил трудности похода на Когурё. Правда, политику всепрощения Тай-цзуна легко понять — он всеми мерами старался привлечь на сторону Тан упорно сражавшиеся войска и жителей осажденных городов Когурё. Варварская расправа с пленными воинами мохэ выглядит исключением в тщательно продуманной тактике «всепрощения». Насколько же безгранично прогневался император, чтобы в случае с мохэ поступиться своими принципами милосердного монарха. Мохэ не просто пали жертвой прихоти владыки, а понесли наказание за необыкновенное упорство, храбрость и самоотверженность, проявленные до конца в отгремевших сражениях. Кроме того, следует учесть, что, вопреки приказам Тай-цзуна, мохэ не выступили в самом начале войны против Когурё, как поступили, следуя призывам императора, турки, кидани, а также Пякче и Силла. Удар с севера мохэской конницы мог бы привести к быстрому разгрому Когурё, чего танский Китай, кстати, не мог добиться в последующие годы, несмотря на победу под стенами Аньши.

Чем же, однако, объяснить такой поразительный факт, что мохэ не выступили в 645 г. на стороне Китая в его борьбе против Когурё? К тому же взаимоотношения мохэ с Китаем отнюдь не отличались однозначной враждебностью — отряды мохэ во главе с вождем Тудиззи и его преемником Цзиньсином ранее, в первые десятилетия VII в., принимали самое активное участие в войнах Суй, а затем Тан в областях, прилегающих на юге к границам Когурё. Более того, одно время они даже возглавляли армии танской империи при их операциях в районе Ляодуна. Что же случилось на сей раз и как можно понять позицию мохэ в необычайно тяжелой для народов Дальнего Востока ситуации, связанной с агрессией Тан на север за пределы Ляодуна? Во всяком случае можно решительно отклонить предположения о том, что участие войск мохэ в сражениях с Тай-цзуном определялось вассальной зависимостью их от Когурё. Если бы на самом деле такая зависимость существовала, а так называемые «притеснения» представляли собой захват территории или вмешательство во внутренние дела мохэ, то можно не сомневаться, что они вряд ли бы упустили возможность

¹⁹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 101.

²⁰ Там же, с. 111.

пресечь притязания Когурё и расправиться со своим врагом с помощью Китая. Именно так они поступали в других случаях. Однако в середине VII в. позиция племен мохэ заметно изменилась. Вопреки планам и надеждам Тай-цзуна, в самом начале войны 645 г. они отказались представить свои войска правителю области Инчжоу Чжан Цяю, а через некоторое время открыто выступили как союзники Когурё в боях под стенами Аньши. Вот почему Тай-цзун не упомянул в указе, где перечислялись его сателлиты в предстоящих сражениях, войска мохэ. Все это свидетельствует прежде всего о том, что «притеснения» мохэ когурёсцами представляли собой не что иное, как мелкие пограничные стычки, в которых, возможно, более повинны были «склонные к набегам и разбоям» мохэ, чем когурёсцы. Такого рода столкновения сразу же пришлось отбросить перед лицом страшной угрозы — экспансии Китая на северо-восток.

Но гораздо важнее другое. Мохэ выступили на стороне Когурё в самый неблагоприятный для последних период войны с Китаем. Тай-цзун к тому времени взял и сжег крепости Шаби и Ляодунчен, вынужден был капитулировать после упорного сопротивления Баййичен, а танские военачальники уже планировали захват Цзяньбао и Аньши, после чего судьба столицы Пхеньсяна предрешилась окончательно. Именно в такой поистине критический момент мохэ решили оказать поддержку Когурё. На столь смелый шаг не мог пойти вассал. Сделал его, конечно, добровольный союзник в борьбе с общей опасностью.

Чтобы оценить дальновидность такого решения, нужно подчеркнуть, что не все народы Дальнего Востока и Центральной Азии, занятые порой мелкой междоусобной грызнёй, ясно понимали последствия агрессии Тан на Дальнем Востоке. Так, кидани и тюрки нашли выгодным присоединиться к войскам Тай-цзуна, чтобы наказать «притеснителей» Когурё. Те и другие не осмелились игнорировать призыв императора, поскольку не видели пужды в том, чтобы противостоять Китаю. Им казалось, что поддержать Тай-цзуна — значит выиграть. Такую же позицию заняли два корейских княжества — Пякче и Силла. Ранее они сделали немало, чтобы спровоцировать войну, а когда она началась, стали на сторону Тан, в значительной мере осложнив сопротивление Когурё. Неспособные объединить в единое государство все корейские княжества, Пякче и Силла предпочли видеть разгромленным своего врага Когурё, правители которого постоянно угрожали поглотить их территории. Даже Пякче, недавний союзник Когурё по захвату у Силла 500 ли земель, оказалось на стороне Тан: жители Пякче, узнав, как под

ударами стенобитных орудий и «каменного дождя» начали рассыпаться стены и дома в крепости Ляодунчен, преподнесли Тай-цзуну латы, украшенные золотом, и «гору» червонного золота.

Сказанное неизбежно приводит к выводу о проницательности и дальновидности вождей племен мохэ. То, что они выступили в сложившейся политической обстановке на стороне жертвы агрессии — Когурё, означает понимание ими, не в пример тюркским и киданьским вождям, а также правителям государств Пякче и Силла, губительности последствий экспансии Китая в пределы земель народов Дальнего Востока. Победа Тай-цзуна над Когурё, которое издавна как щит прикрывало мохэские племена от проникновения на их территорию киданьцев, означало бы появление на их границах куда более опасного противника. Вслед за оккупацией Когурё наступила бы очередь мохэ. Вот почему их вожди к удивлению Тай-цзуна приняли решение выступить на стороне Когурё. Мудрость и мужество мохэ тем более очевидны, что ни у кого тогда не возникало ни малейших сомнений в победе мощного, находящегося в расцвете сил Танского Китая. Изменить казавшееся неизбежным можно было, лишь отбросив мелкие распри и решение несущественных спорных проблем ради объединения сил против общего врага.

Итак, мохэ оказались единственными из всех восточных иноземцев, кто, помимо Когурё, продемонстрировал свою самостоятельность в выборе пути, обнаружив полную формальность своих так называемых «вассальных» взаимоотношений с Китаем, разработал своеобразную политическую программу. Без риска преувеличения можно сказать, что в провале планов Танского Китая относительно окончательного покорения северо-востока не последнюю роль сыграли мохэ. Они превратились в силу, которую не могли тогда не принимать во внимание как Когурё, так и Китай. Вот почему Тай-цзун оказался в конце концов неспособным сломить военный союз мохэ и Когурё.

После смерти Тай-цзуна Когурё и мохэ неоднократно объединяли свои силы для совместных нападений на союзников Китая. Так, в 654 г. государь Цан и мохэские войска атаковали киданей и захватили г. Синьчен. Непогода и недостаток вооружения вынудили армию союзников возвратиться. В пути их дважды настигали кидани, в первый раз кидане были наголову разбиты, во второй раз, когда, «пустив палы», вступили в сражение, те снова потерпели поражение. Характерно, что Цан немедленно сообщил новому императору Китая Гао-цзуну о своей победе над союзниками Китая в недавней войне с Когурё. Очередной, еще более значительный вызов был брошен киданям в 655 г., когда вновь «синьлосцы» принесли жалобу, что Когурё и мохэ отняли у них

тридцать шесть городов»²¹. К Когурё и мохэ присоединились затем Пякче. Круг замкнулся. Жалоба Силла, которая в 643 г. привела к прямому военному столкновению между Китаем и Когурё, снова повторилась. Только на сей раз союзником Когурё кроме Пякче выступили мохэ, без которых корейцы теперь, кажется, не предпринимали ни одной крупной политической и военной акции. Китай лишился возможности начать на севере новые крупные военные операции против двух могущественных и удивительно единодушных союзников и присоединившегося к ним Пякче. Посланные императором военачальники Су Ди-фан и Чунь-сю смогли покорить только Пякче, а Когурё и мохэ остались безнаказанными. Кратковременные походы против них китайцев приводили к незначительным победам, чередующимся с поражениями. Такая неопределенность продолжалась до тех пор, пока Ли Гюнь-кю, правитель округа Юйчжоу, встревоженный неудачными военными операциями, не подал «представление», в котором в отчаянии бессилия говорилось, что «когурёсцы суть низкие подлецы, не заслуживающие, чтобы тревожить для них целое государство... По моему мнению, выгоднее не воевать, нежели воевать, выгоднее не уничтожать, нежели уничтожать»²². Китай в то время так и не смог сломить сопротивление союза мохэ и Когурё. Только после смерти правителя Гайсувыня в условиях начавшейся вражды и раздоров его сыновей Наньшеня, Наньгуя и Наньчяня, которые умышленно провоцировали и всячески подогревали враги, Китаю удалось в 668 г. оккупировать Когурё. Посланник армии Гя Янь-чжун, который докладывал императору о делах, так объяснял неудачу Тай-цзуна в прошлом: «Покойный государь предпринял поход для наказания виновных и не успел в своем предпринятии, потому что тогда неприятели не имели несогласия (выделено мною, — В. Л.) между собой. Ныне Наньшень со своими братьями в сильной ссоре...»²³.

Но даже после тотального разгрома Когурё мохэ и корейцы вскоре снова попытались нанести удар тем, кто заигрывал с Китаем. В 661 г. престол в Силла перешел к Фаминю, который придерживался иной политики по отношению к Когурё и мохэ, чем его предшественник Чуньсю. Об этом свидетельствует, в частности, принятие Фаминем в 674 г. «войска гаолийских мятежников»²⁴ и нападение на Пякче. В войне и на этот раз, но уже на стороне Силла, приняли участие мохэ. Они организовали большую морскую экспедицию и неожиданно напали на «южные пределы» Пякче. Им-

ператор, разгневанный принятием Фаминем местных когурёсцев и его совместным с мохэ нападением на Пякче, послал военачальников Лю Жэнь-чюя, Ли Би и Ли Цзин-сиша «совершенно усмирить» бунтовщиков. В 675 г. произошло решительное сражение около г. Цичжун. Летописец отметил, что Лю Жэнь-чюй «побил и в плен взял множество мохэсцев»²⁵. Через два года произошло новое выступление Когурё, которое возглавил Цан. Восстание при самом активном участии мохэ произошло в 677 г., «когда образовались внутренние округа и все протестовали», что резиденцию «восточного наместника» поместили в Аньдуне, а не в Сипьчене²⁶. Речь шла, по-видимому, о размещении ставки «наместника» (Цана) на окраине страны, ближе к Срединному государству. Но «истерзанная» страна уже не могла оказать Китаю серьезного сопротивления, и восстание удалось быстро подавить. Цана сослали в Цинчжоу, его сподвижников удалили в Хэнань и Лунъю, а в Аньдуне оставили только «слабые и бедные» семейства.

Политической линии мохэ не откажешь в последовательности. В сложной обстановке взаимной борьбы государств и племенных объединений «восточные иноземцы» (Когурё, Пякче, Силла, кидани, тюрки) то становились врагами Китая, то снова превращались в его союзников, а затем опять во врагов. Только мохэ большей частью не знали колебаний. Их вожди значительно раньше, чем кто-либо, поняли коварную политику правителей Поднебесной «с помощью варваров — управлять варварами». Прежде всего этим, по-видимому, объясняется союзническая верность мохэ своему соседу на юге — Когурё в его ожесточенной борьбе с Суй и Тан. По той же причине мохэ затем помогали Пякче и Силла в тех случаях, когда те, нападая друг на друга, проводили политику, направленную против главного противника — Китая.

Победа Гао-цзуна над Когурё не привела, да и не могла привести к прямой аннексии Тан южных районов Дальнего Востока, поскольку Китай в этот период не обладал, по-видимому, достаточным для решения такой задачи военным и экономическим могуществом. Не случайно поэтому, стоило начаться в Поднебесной очередному взрыву «потрясений» и «смут», в особенности усилившихся в годы правления императриц Уши и Вэйши, как результаты похода Гао-цзуна на север оказались сведенными на нет. На территории, занятой племенами сунмо мохэ, куда, спасаясь от войск Гао-цзуна, бежало большое количество когурёсцев, стали подниматься города, окруженные крепостными стенами. На развалинах Когурё вскоре возникло могущественнейшее на Дальнем Востоке государство Бохай — страна высокой культуры

²¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 118, 126.

²² Там же., с. 118.

²³ Там же., с. 121.

²⁴ Там же., с. 132.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же., с. 123.

и просвещения, известная далеко за ее пределами. Основателем Бохая стал вождь сунмо мохэ Цицик Чжунсян, который после разгрома Когурё сразу же расширил свои владения и занял район хр. Моушань. Новые территориальные приобретения сунмо мохэ последовали в 696 г., когда одновременно с нападением киданей на Северный Китай Цицик Чжунсян форсировал с армией р. Ляошуй и захватил северо-восточную часть хр. Чанбошань. Танскому Китаю не оставалось ничего другого, как признать свершившееся. Внук Цицика Чжунсяна Уачжи Да Туюй принял титул императора, и хотя Китай не признал такое событие законным, сделать что-либо реальное и вмешаться в ход дел на Дальнем Востоке оказался бессильным — 228 лет процветало государство Бохай, достойный наследник культуры и могущества Когурё, а также племенного союза сунгарийских мохэ²⁷.

По-иному сложилась судьба самого северного из мохэских племен — хэйшуй мохэ, которое по-прежнему расселялось по берегам Амура от устья Сунгари до устья Уссури. По существу здесь, как и на юге в низовьях Сунгари у сунмо мохэ в момент их союзнических отношений с Когурё при отражении агрессии Тан, сформировался со временем племенной союз. Во всяком случае все попытки Бохая подчинить себе «процветающие и разделенные на 16 групп (племен?)» хэйшуй мохэ также ни к чему не привели²⁸. Амурские мохэ создали собственную армию, соорудили на своих северных и южных границах «частокоты» и успешно отражали попытки отрядов Бохая вторгнуться на их территорию. Борьба Бохая с северными племенами затянулась на десятилетия. Много раз императоры Бохая объявляли об окончательном умиротворении хэйшуй мохэ, но, судя по тому, что вожди их посылали свои посольства к соседям, в том числе в Китай, минуя посредниче-

ство Бохая и «не уведомляя его владык», амурские мохэ до конца сохраняли свой суверенитет. Можно поэтому представить меру негодования и в то же время опасения бохайского императора У-и, когда он узнал о проходе на юг очередного посольства амурских мохэ. Его пугала перспектива заключения ими союза с другими соседями Бохая с целью нападения на границы дальневосточной империи.

Период возвышения и особой политической и военной активности хэйшуй мохэ датируется X в. н. э. К территории, которую они контролировали в то время, относились не только бассейны Среднего Амура, но также верхняя половина Сунгари. Именно тогда еще до возвышения киданей и нападения их на Бохай среди хэйшуй мохэ стало выделяться могущественное племя нюйчжэнь. Так впервые около 926—934 гг. в источниках появилось название «чжурчжэнь», по которому всех хэйшуй мохэ вскоре стали называть «ньюйчжэнь». В течение последних десятилетий существования государства Бохай чжурчжэни неоднократно вторгались в пределы южных территорий и армия Бохая не без значительных усилий отражала нападения своих северных соседей. В свете таких фактов ни о каком подчинении хэйшуй мохэ или чжурчжэней Бохаю, а тем более далекому Китаю не могло быть и речи. Когда кидани в 926 г. разгромили Бохай, то на передовую линию борьбы за независимость народов Дальнего Востока с кочевниками степей и Китая вышли чжурчжэни, далекие потомки легендарных суненей юга Маньчжурии.

Но сюжеты, связанные с Бохаем и чжурчжэнями, заслуживают особого разговора. Сейчас же, даже после сравнительно беглого обзора событий на Дальнем Востоке, в которых в качестве действенных сил выступали древние тунгусо-маньчжурские племена сунень, илоу, уцзи и мохэ, становится ясно, насколько важную роль играли они в политической истории восточноазиатского региона. Проблема эта остается перспективной для дальнейшей, более углубленной разработки.

²⁷ Матвеев З. Н. Бохай.—«Тр. Дальневосточного гос. ун-та», 1929, сер. 6, № 8; Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 136—137.

²⁸ Wada S. Op. cit.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ МЕЖДУ ИМПЕРИЯМИ СУН И ЦЗИНЬ (1125—1127 гг.)

Создание военно-феодалного государства Цзинь явилось закономерным результатом развития чжурчженских племен и сыграло выдающуюся роль в истории Восточной Азии XII — начала XIII в.

Провозглашение независимости привело к вооруженному конфликту с империей Ляо. Попытка киданей усмирить непокорных подданных военным путем не увенчалась успехом: армия киданей потерпела поражение¹. Усилия империи Ляо заключить союз с Корё для борьбы против чжурчженей тоже оказались тщетными, ибо подобный союз ставил под удар цзиньских армий и корёсцев, в памяти которых были свежи последствия вооруженных и дипломатических конфликтов с чжурчженями при Юн Гване, в результате чего Корё было вынуждено уступить чжурчженям военные крепости². В результате успешных военных действий чжурчжени стали расширять свои территории путем захвата владений Ляо. Умело используя попытку бохайца Гао Юн-чана восстановить в 1116 г. государство Бохай, чжурчжени овладели землями, на которых некогда пахотился Бохай, включая и Восточную столицу киданьской империи — Ляоян. В результате территориального роста империи Цзинь к концу 1117 г. было завершено соединение «независимых» чжурчженей с «мирными», проживавшими на полуострове Ляодун³.

Недальновидная политика императора Ляо Тянь-цзо⁴, не учитывавшая сложившегося со-

отношения сил, привела к полному разрыву дипломатических отношений. Но только что образовавшееся чжурчженское государство пока еще не в состоянии было само справиться с Ляо. Этому препятствовали незрелость государственных институтов, этническая разобщенность, неналаженность экономической структуры. Необходим был союзник. Таким союзником представлялось китайское государство. Приходилось считаться с тем, что корейцы стремились придерживаться хотя бы внешнего нейтралитета и отклонили к 1117 г. предложение Агуды признать сюзеренитет Цзинь⁵; в известной мере на это повлиял и конфликт из-за крепости Баочжоу на р. Ялу⁶.

Сунские правители, в свою очередь, тоже видели положительные стороны в подобном союзе, надеясь вернуть после разгрома Ляо отторгнутые киданями земли⁷. Кроме того, предполагалось, что война с киданями ослабит чжурчженей и тогда Сун вновь сможет играть главенствующую роль в этом регионе. Намечалось также, что чжурчжени сами разгромят Ляо, а потом вернут Сун земли, захваченные киданями, за денежную компенсацию⁸. Но это не устраивало Цзинь. Поэтому миссия сунского посла Ма Чжэна не принесла желаемых результатов⁹.

Лишь после окончательного разрыва между Ляо и чжурчженями было заключено в 1120 г.

caty: Liao (907—1125). Philadelphia, 1949, p. 600, 608, 744 (index).

⁵ Rogers M. C. The Regularisation of Koryo-Chin Relations (1116—1131). — "Central Asiatic Journal" (Hague), 1961, vol. VI, N 1, p. 58—59.

⁶ «Цзинь ши», гл. 2.

⁷ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 341. Одним из выразителей этих идей был крупный сановник Тун Гуань, входивший в клику «шести разбойников», которая на протяжении первой четверти XII в., при императоре Чжао Цзи (Хуэй-цзуне, 1100—1125 гг.), держала в своих руках всю власть. См.: Смоллин Г. Я. Антифеодалные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XI в. М., 1974, с. 386.

⁸ Шэнь Ци-вэй. Сун-Цзинь чжаньчжэн ши-люэ. (Краткий очерк войны между Сун и Цзинь). Ухань, 1958, с. 12.

⁹ Там же, с. 216.

¹ «Цзинь ши», гл. 2, с. 23 (Изд. «Сыбу бэйяо»).

² История Кореи (с древнейших времен до наших дней), т. 1. М., 1974, с. 128.

³ Формирование чжурчженской народности началось с середины VI в. и полностью завершилось в первой четверти XI в. В X—XI вв. чжурчжени были главным культурно-этническим компонентом Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья, причем часть их располагалась на землях Ляо («мирные»), а часть — на северо-востоке Маньчжурии, в Приморье и Корее («независимые»). См.: Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975, с. 31—38.

⁴ Тянь-цзо (1101—1125 гг.) — последний император государства Ляо (киданское имя — Аго). См. о нем: Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese So-

предварительное соглашение между Сун и Цзинь против киданей. Соглашением предусматривалось участие китайцев на стороне чжурчженей в случае войны с Ляо. Был оговорен и размер выкупных платежей, которые обязалась выплатить китайская сторона за возвращение округов.

К этому времени обнаружилась полная неспособность киданьской империи противостоять внешним врагам. Положение усугублялось дальнейшим разложением правящей элиты. Произошел раскол империи: один из родственников императора — Елюй Цюнь — провозгласил себя императором, взяв под контроль южные земли империи. Немаловажную роль сыграли довольно частые переходы киданьских вельмож и военачальников на сторону Цзинь. Так, в 1121 г. к чжурчженям бежал Елюй Юйду, один из крупных вельмож, родственник императора. Он был хорошо принят чжурчженями, поставлен во главе цзиньских армий, под его руководством в 1122 г. чжурчжени захватили город Дадин — Среднюю столицу империи Ляо. Позднее, в период войны между Цзинь и Сун, он стал членом Военного совета¹⁰. Правда, в конце концов Елюй Юйду все же изменил и чжурчженям — это произошло в 1132 г., во время похода против Елюй Даши¹¹, создавшего к тому времени империю Западное Ляо в бассейне рек Или и Сыр-Дарьи. С группой своих приближенных он пытался скрыться, но по требованию Цзинь «племенной цзедуши Тугусы схватил и казнил Елюй Юйду, а также всех его сыновей. Положив их головы в футляр, преподнес императору Цзинь»¹². Неудачи — военные и дипломатические — усиливали процесс разложения правящей верхушки Ляо, что создавало благоприятные условия для дальнейших побед чжурчженей.

Китайская сторона пока не стремилась активно участвовать в войне. Суны придерживались традиционного принципа китайской внешней политики: «руками варваров — подавлять варваров». Результатом этой пассивности явилось поражение китайских армий при попытке захвата Яньцзина в 1122 г. В том же году город был взят чжурчженями, но они обязали китайскую сторону выплатить сумму налогов, которую вносили ранее жители Яньцзина¹³.

Город был передан китайцам, но, покидая Яньцзин, чжурчжени, наряду с полученным за него и за шесть округов выкупом, вывели

большое количество ценностей и богатых людей. Кроме того, они оставили за собой несколько прилегающих округов, которые китайцы считали своими. Омрачил отношения с Сун и эпизод с изменой начальника округа Пинчжоу бояйца Чжан Цзюэ, который освободил часть китайцев, уведенных чжурчженями из Яньцзина, и бежал в Сун. «Из-за того, что Сун приняла мятежника, обвинили Сун. Потребовали выдать Чжан Цзюэ. Ван Ань-чжун казнил Чжан Цзюэ. Переслали его голову в футляре в Цзинь»¹⁴. И подобные случаи не были единичны. Все это осложняло и без того небезоблачные отношения с сунами.

Понимая неотвратимость войны со своим вчерашним союзником, чжурчжени стремились обезопасить себя от конфликтов с тангутами и Корё. Тангутское государство Западное Ся в силу географической близости и династийных связей с киданьским двором принимало непосредственное участие в событиях на северо-востоке Китая, пытаясь разными средствами помочь киданям. Тангуты организовывали даже нападения на границе с Сун (которая вела военные действия на юге киданьской империи), стремясь тем самым отвлечь силы китайцев и облегчить положение киданей.

Западное Ся служило пристанищем для императора Тянь-цзо и его приближенных после поражения, нанесенного киданям в 1122 г. В этом же году цзиньские войска появились у границ тангутского государства. После битвы киданей с чжурчженями у заставы Цзюйюнгунань, когда императору киданей пришлось отступить на запад, тангуты отправили 30-тысячную армию на выручку. Ей удалось нанести несколько поражений войскам Цзинь, но в решающем сражении на р. Ишуй чжурчжени сумели все же одержать победу. Это не могло не охладить военный пыл тангутов. Но и чжурчжени не были заинтересованы в том, чтобы иметь в лице Западного Ся врага, сильного и мощного. Поэтому в 1123 г. чжурчжени предложили тангутам заключить мир, поставив, правда, условие — выдачу императора Ляо. Но тангуты продолжали принимать у себя беглых киданей. Стремясь любым путем нейтрализовать Западное Ся, чжурчжени решили передать им несколько приграничных киданьских областей. В благодарность за это тангуты обещали быть верными¹⁵. Но, как оказалось на деле, эти области контролировались китайцами. Поэтому тангуты продолжали оказывать помощь киданям.

Для того, чтобы добиться нейтралитета тангутов, в 1124 г. вновь был издан императорский указ, по которому «отрезали Западному Ся земли к северу от Сячжай, к югу — до гор Иньшань, а также земли племени ишиде к западу

¹⁰ «Цзинь ши», гл. 3, с. 30; гл. 133.

¹¹ Елюй Даши (1087—1143 гг., правил с 1124 г.). См. о нем: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Собр. соч., т. I. М., 1963, с. 386—445; Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I. London, 1910, p. 208—222; Moule A. S. Rulers of China, 221 B. C.—A. D. 1949, Chronological Tables. London, 1957, p. 98; Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. Op. cit., p. 620—642.

¹² «Цзинь ши», гл. 3, с. 33.

¹³ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 110—111.

¹⁴ «Цзинь ши», гл. 3, с. 31.

¹⁵ Там же, гл. 134, с. 825.

от озера Тулупу»¹⁶, паходившиеся на севере Шаньси, т. е. область Тяньдэ. Одновременно десять округов в Шаньси было передано сунам. Но повторилась прежняя ситуация: китайцы, заняв бывшие киданьские земли, заодно овладели и территорией, обещанной тангутам¹⁷. Правда, в том же году тангуты все же признали сюзеренитет Цзинь. Ляоский император потерял последнее убежище, и в 1125 г. в ущелье Юйдугу цзиньский полководец Ваньянь Лоуши пленил его¹⁸.

Таким образом, тангуты стали союзниками Цзинь. Этому способствовало не только военное могущество чжурчженей, не только страх, который тангуты испытывали перед молодым воинственным государством. Помимо этих причин, много объясняющих в военных, политических и дипломатических взаимоотношениях двух государств, большую роль играла зависимость тангутской экономики от торговли с Китаем, позже — с Цзинь. Экономические структуры Западного Ся и Северного Китая¹⁹ взаимодополняли друг друга: тангуты сбывали скот, соль, мед, воск и пр., китайцы же продавали или чаще обменивали изделия из фарфора и лака, пряности, чай, металлы, шелк и др. Эта экономическая зависимость тангутов «давала в руки сунского, а позднее чжурчженского правительства ощутимое средство воздействия на политику тангутского государства»²⁰. Угроза оказаться отрезанными от постоянного рынка сбыта и приобретения товаров имела для Западного Ся, Сун, а затем и Цзинь не меньшее значение, чем перспектива войны.

Осторожность и гибкость проявили цзиньские дипломаты и в отношениях с Корё. Контакты между народами этих двух государств сложились издавна — с середины X в. Первоначально они имели форму эпизодических наездов чжурчженей в Корё, но постепенно развились до регулярных дипломатических отноше-

ний между двумя государствами²¹. Связи с Корё в значительной степени способствовали ускорению культурного развития чжурчженей, приобщению их к более высокой корейской культуре. Не случайно до конца XI в. между этими народами существовали в основном мирные отношения. Но несмотря на нейтралитет Корё в ходе военных действий между Ляо, Цзинь и Сун, корёские правители не упускали случая расширить свои территории: например, Корё сумело вернуть под свою власть крепость Баочжоу (по-корейски Поджу), которая с тех пор стала именоваться Ыйджу²².

Несмотря на многочисленные конфликты на чжурчженско-корейской границе, Цзинь стремилась не осложнять отношений с Корё в преддверии войны с Сун. Так, в ответ на допесение Ваньянь Хулагу о том, что во время охоты на морских котиков и соколов «хайдунцин» корёсцы напали на чжурчженей, Уцимай (к этому времени сменивший на престоле Агуду) повелел: «Из-за мелочи начались военные действия. Не будем об этом широко объявлять. Отныне нельзя самоуправно действовать, не получив приказа». Чжурчжени были прекрасно осведомлены о планах Корё, но конфликт был бы невыгоден для Цзинь. Поэтому последовало предписание: «Враги (т. е. Корё.— С. К.) лицемерны. Все, имеющие с ними контакты, не должны нарушать обычных норм. Если нападут, давать отпор. Готовиться к этому. Если кто осмелится первым напасть на врага, то, хотя и будет иметь военные победы, обязательно наказывать нарушителя»²³.

Эта осторожность в отношениях с Корё сыграла положительную роль, чжурчжени сумели обеспечить себе мирную границу и на востоке. Позже, после первых побед в Китае, положение изменилось, и Цзинь потребовала признания вассальной зависимости Корё. В 1126 г. «в начале 6-й луны... правитель Гаоли (Корё) Ван Кай отправил посла преподнести [императору Цзинь] манифест, где назвался вассалом»²⁴. В дальнейшем на северо-востоке установилось мирное равновесие. Цзинь была занята войной с Сун. Корёсцам же не позволяла вести активную внешнюю политику внутренняя обстановка в Корё, характеризовавшаяся ослаблением центральной власти, усилением междоусобиц²⁵.

Образование империи поставило чжурчженей перед необходимостью решать задачи организации своей экономики (включая экономику

¹⁶ Там же, гл. 3, с. 29.

¹⁷ Позже, в начале 1126 г., когда чжурчжени нанесли поражение сунским войскам, тангуты овладели Тяньдэ и Юньчжун, но вскоре Ваньянь Лоуши изгнал их оттуда. В качестве компенсации правителю Западного Ся пожаловали грамоту, где он именовался «государем», до этого чжурчжени именовали его «ваном» или даже «цзедуши». См.: «Цзинь ши», гл. 134, с. 825.

¹⁸ «Цзинь ши», гл. 3, с. 29, 30. См. также биографию Ваньянь Лоуши в «Цзинь ши», гл. 119.

¹⁹ Более подробно см.: Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 79—99.

²⁰ Кычанов Е. И., Лубо-Лесниченко Е. И. Монетное обращение в Хара-Хото.— В кн.: Страны и народы Востока, вып. XI. М., 1974, с. 51—52. Начало регулярной торговли Западного Ся с Цзинь относится к 1128 г., причем чжурчжени проводили ту же торговую политику, что и суны. Источники не сообщают о торговле с Южной Сун. Подробнее о торговых отношениях Западного Ся и Цзинь см.: Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства, с. 96—97.

²¹ Воробьев М. В. Корейско-чжурчженские отношения X—XII вв. в свете этнической географии.— В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, вып. 15. Л., 1972.

²² См.: История Кореи (с древнейших времен до наших дней), с. 128.

²³ «Цзинь ши», гл. 3, с. 30.

²⁴ Там же, гл. 3, с. 31; гл. 135.

²⁵ См.: История Кореи (с древнейших времен до наших дней), с. 126—129.

новых, присоединенных территорий) для удовлетворения нужд растущего населения, а также для обеспечения всем необходимым новых государственных институтов, возникавших по мере расширения и совершенствования аппарата управления. Это было нелегко, если учесть, что чжурчжени совсем недавно перешли на стадию государственности. Необходимо было, помимо всего прочего, отказаться от традиционного взгляда на земледелие как на второстепенное, не самое главное занятие. Многоплановость экономики чжурчженьского государства тоже накладывала отпечаток на решение этих задач. Кроме того, единого хозяйственного уклада к моменту образования империи у чжурчженей не было. Да и вряд ли он мог быть, поскольку их племена проживали в разных зонах, ощути-мо различающихся климатическими условиями. «Культурные» (или «мирные») чжурчжени обитали на юге Маньчжурской равнины, где климатические условия и характер почв благоприятствовали развитию скотоводства и земледелия. «Независимые» (или «немирные») чжурчжени проживали по Сунгари, Амуру и в горах Чапбайшань, где земли требовали большего количества удобрений, иной техники обработки, иных культур²⁶, что затрудняло занятие земледелием, поэтому они занимались преимущественно охотой, рыболовством. Род хозяйственной деятельности определял и образ жизни — в большинстве своем чжурчженьские племена были оседлыми.

Значительным разнообразием отличалась экономика народов, которые вошли в состав Цзинь в результате расширения территории империи. Причем некоторые из них (китайцы, кидани) по уровню развития превосходили чжурчженей.

Пестрота, сложный характер экономической структуры молодой империи в значительной мере осложняли задачи политического и государственного строительства, которые в этот период выступили на первый план. Было бы неверно расценивать факт возникновения у чжурчженей собственного государства как результат «культурного» влияния Китая, рассматривать буддизм и китайскую административную и законодательную систему в качестве решающих факторов государственного объединения²⁷. Нельзя не согласиться с мнением, что подобный взгляд связан с «неточной оценкой роли китайской цивилизации и этноса в формировании многих культур и народностей Дальнего Восто-

ка»²⁸. Ведь уже к началу XII в. общеплеменной союз чжурчженей вступил в стадию «варварского» государства²⁹. А затем оно переросло в военное раннефеодальное государство, где имела государственная собственность на землю, наделная система и где главенствующая роль принадлежала военным.

Совершенно естественно, что в период бурного государственного и культурного строительства чжурчжени пользовались достижениями киданей, китайцев и корёсцев. Но перенимая готовые формы, они вкладывали в них свое содержание, отвечавшее их требованиям. Полной идентичности не могло быть, поскольку по социальному строю чжурчжени XII в. сильно отличались от сунского общества³⁰. И заимствование не было неосмысленным, механическим — чжурчжени сумели критически оценить то, что было достигнуто их соседями³¹. Чжурчжени создали свою самобытную культуру, причем уровень ее развития был достаточно высоким, иначе они оказались бы неподготовленными к заимствованию достижений других народов, к контакту с дальневосточным миром³². Поэтому представляется неоправданным рассматривать чжурчженей в момент начала войны с Сун как «варваров», как некую деструктивную силу.

После завоевания Северного Китая чжурчжени вывезли оттуда не только предметы роскоши, но и книги, религиозные, философские и прочие сочинения, предметы культа, а также представителей различных видов искусства, ремесла³³. Следовательно, они понимали значение культурных ценностей. При этом не стоит упускать из виду, что все эти ценности предназначались для удовлетворения резко возросших потребностей верхушки чжурчженьского общества. Надо учитывать и то, что при выборе предметов духовной культуры завоеватели руководствовались зачастую советами китайских чиновников, перешедших на службу к чжурчжени.

Вместе с тем молодое государство испытывало немалые трудности в области экономики;

²⁸ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 353.

²⁹ Кычанов Е. И. К вопросу о ранней государственности у чжурчженей. — Тр. Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1968, т. VI.

³⁰ Воробьев М. В. Некоторые спорные вопросы этнической и культурной истории чжурчженей. — В кн.: Страны и народы Востока, вып. XV. М., 1973, с. 248. Кстати сказать, заимствование структуры государственного аппарата с известными поправками произошло уже после завоевания Китая, что доказывает самостоятельность возникновения государства чжурчженей.

³¹ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 318.

³² Окладников А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — История СССР, 1968, № 6, с. 41.

³³ См.: Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 347, 366—367; Он же. Некоторые спорные вопросы этнической и культурной истории чжурчженей, с. 250.

²⁶ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь, с. 90; Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. Op. cit., p. 95, 434 (note 153).

²⁷ Такой точки зрения придерживается, в частности, японский исследователь Ямамото Тацуо. См.: Тихвинский С. Л. Китай в эпоху развитого феодализма (периоды Тан и Сун) и соседние государства Восточной Азии. — В кн.: Китай, Япония. История и филология. М., 1961, с. 74.

система управления тоже не была еще отработана. Столь ощутимая незавершенность государственных и хозяйственных институтов ставила чжурчженей перед необходимостью поисков выхода из острой и сложной ситуации — такой выход могла дать война с сунами. К тому времени в чжурчженском обществе происходил процесс образования сельских военизированных общин мэнъянь и моукэ, которые служили экономической и военной опорой государства. В случае возникновения грозной опасности община могла в сжатые сроки выставить вооруженных воинов³⁴. Подобная форма объединения способствовала выработке у чжурчженей осознания себя как этнической общности, стимулировала процесс консолидации племен в одно целое, что создавало предпосылки побед над Ляо, а позже и над сунами. Весь ход развития политической и экономической истории Цзинь вел к войне с Сунской империей.

Политическое и экономическое положение Сунского государства в первой четверти XII в. было сложным. Обострившиеся внутри- и межклассовые противоречия подтачивали могущество империи. Участились восстания — ответ социальных низов на усиление экономического, политического и духовного гнета феодального государства. Было бы, однако, неправомерно утверждать, что с ростом феодального гнета происходило неуклонное ухудшение материально-производственной основы всей без исключения массы крестьянства, иначе просто-напросто невозможно объяснить довольно высокий уровень развития экономики Сунской империи в целом³⁵. О хозяйственном прогрессе свидетельствовали рост и развитие городов³⁶, подъем ремесленного производства, расцвет торговли, расширение сети транспортных коммуникаций. Все это усложняло социальную жизнь Среднего государства.

Сунская династия имела в своем распоряжении огромную армию — уже к середине XI в. ее численность достигла 1,5 млн. чел.³⁷ Содержание столь огромного контингента войск, безусловно, требовало колоссальных расходов, которые ложились тяжким бременем на крестьянские хозяйства. Протест угнетенных масс находил выход в крестьянских и городских вос-

станиях, чаще всего сравнительно небольших, но происходивших зачастую одновременно в разных районах. Опасаясь новых вспышек антифеодального движения, стремясь предотвратить возникновение крупных восстаний, господствующий класс старался использовать все доступные ему средства для обуздания крестьянства и социальных низов города, в том числе расширение и совершенствование аппарата чиновников и армии. Тяжелые последствия для населения, особенно северных районов Китая, имели вооруженные конфликты Сунской империи с киданями и тангутами, позже с чжурчженями. Среднее государство в результате войн с Ляо утратило часть владений, население которых попало под чужеземное иго. Дипломатические и военные поражения пагубно сказывались на экономическом благосостоянии народа: помимо всего прочего, китайская сторона была вынуждена расходовать огромные средства на выплату дани.

Территориальные потери Сунской империи имели не только экономические и политические последствия, но и этнические. На протяжении длительного времени некоторые северные владения Китая, в частности округа Яньшаня, подвергались нашествию различных некитайских народов, зачастую попадали в зависимость от них. С течением времени завоеватели ассимилировались или уходили³⁸, но в результате изменились и сами китайцы, проживавшие в этих районах. Дело, может быть, не столько в изменении антропологического типа северных китайцев, хотя и это немаловажно, сколько в том, что яньцы утратили четкую национальную ориентацию. Ослабление этнической общности позволило чжурчженям привлекать к себе на службу большое количество чиновников китайского происхождения, что впоследствии помогло чжурчженским войскам относительно быстро овладеть северными территориями Китая.

В первой четверти XII в. Ляо было занято своими внутренними делами, а кроме того, на него обрушились армии молодой империи чжурчженей, поэтому оно не проявляло былой активности на границах с Сун. Но это не принесло особого облегчения, ибо в 1114 г. началась шестилетняя война с тангутским государством, нанеся ощутимый урон материальным и людским ресурсам Китая³⁹.

Как уже упоминалось выше, Сунская империя пыталась вернуть отторгнутые киданями территории, заплатив за них чжурчженям. Предполагалось, что, уничтожив своего врага Ляо силами чжурчженских армий, Сунская империя сумеет вернуть утраченное величие

³⁴ Кычанов Е. И. Сведения источников XII в. о чжурчженях, монголах и татарах. — В кн.: Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. 1960, с. 29.

³⁵ Более подробно этот вопрос рассмотрен в книге: Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 182—190.

³⁶ О своеобразии китайского средневекового города как аппарата бюрократической машины Китая см.: Стужжина Э. П. Политика китайского государства по отношению к городу (XI—XIII вв.). — «Народы Азии и Африки», 1971, № 6, с. 44; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с. 220.

³⁷ Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 178.

³⁸ Таскин В. С. Киданьский император на китайском престоле. — В кн.: История и культура востока Азии, вып. 3. Новосибирск, 1975, с. 83—98.

³⁹ Кычанов Е. И. Очерки истории тангутского государства, с. 226—227.

и вновь займет господствующее положение в регионе. Подобная дипломатическая близорукость была одним из проявлений глубокого социально-политического кризиса, охватившего Сунскую империю. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что эта сложная обстановка совпала с царствованием императора Чжао Цзи (1082—1135 гг.), известного под храмовым именем Хуэй-цзун. Чжао Цзи был талантливым художником, способствовавшим расцвету китайского изобразительного искусства, сделавшим много для организации художественных сил Китая⁴⁰. Но как политический деятель Чжао Цзи ничего собой не представлял. В его правление власть сосредоточилась в руках улюминавшихся «шести разбойников». Стремясь любыми средствами обогатиться и утвердиться у власти, они во всем угождали императору, удовлетворяя за счет государственной казны его дорогостоящие прихоти⁴¹.

Практика введения дополнительных повинностей и налогов для покрытия расходов императорского двора на предметы роскоши была широко распространена в Китае. Особенно тяжело эти «нововведения» отражались на населении юга и юго-востока страны⁴². Усиление податного гнета наталкивалось на сопротивление пизов китайского общества, нередко принимавшее форму открытых антифеодальных выступлений. Наиболее крупным среди них было восстание 1120—1122 гг. под руководством Фан Ла⁴³. Насколько серьезной угрозой

⁴⁰ Пострелова Т. А. Академия живописи в Китае в X—XIII вв. М., 1976, с. 66—82. В императорских дворцах хранилось большое количество редких книг, ценных изделий из камня и бронзы. Но предметом особого внимания Чжао Цзи была коллекция картин, содержащая 6192 картины.—См.: Fairbank J. K., Reischauer E. O. East Asia. The Great Tradition. Boston, 1960, vol. 1, p. 228.

⁴¹ Для возведения «Дворца многолетнего блаженства» — одной из прихотей императора Чжао Цзи — был введен дополнительный налог, обеспечивающий поставку двору всевозможных редкостей. См.: Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 391—392. Характеристика Чжао Цзи как правителя, который нисколько не пекся о государственных делах, а также описания его дворцов и павильонов, наполненных всевозможными редкостями, нашли отражение в народном творчестве Китая.—См., например: Разоблачение божества. Средневековые китайские повести. Перевод и комментарий В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович М., 1977, с. 226—227, 306 и др.

⁴² Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 389—391.

⁴³ Подробный анализ причин этого восстания, его хода, идеологической окраски, общей направленности содержится в работах: Смолин Г. Я. «Воззвание Фан Ла» (из истории крестьянского антифеодального восстания 1120—1122 гг.).—В кн.: Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. М., 1970; Он же. «Разбойники из Цинси» — источник по истории крестьянского восстания 1120—1122 гг. под руководством Фан Ла.—В кн.: Историкография и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. 2. Л., 1968; Он же. Учение «Минцзяо» как идеологический источник крестьянских восстаний в Китае XII—XIII

представлялось для сунской династии это восстание, говорит и тот факт, что на его подавление были направлены войска, предназначенные для совместных с чжурчженями военных действий против киданей. Это вызвало отсрочку военной экспедиции Сун и Цзинь, что не могло не омрачить отношений с чжурчженской империей⁴⁴. В результате карательного похода под предводительством Тун Гуаня восстание было потоплено в крови, мирное население понесло колоссальные потери: в общей сложности погибло более 3 млн. чел.⁴⁵ Хотя эта цифра, по всей вероятности, сильно завышена, она дает представление об уроне, который понес юго-восток империи. К тому же огромный ущерб был нанесен экономике этих районов. Так подрывались могущество и оборонноспособность государства. Сунская империя становилась сравнительно легкой добычей для захватчиков.

В 10-й луне 1125 г. «император повелел всем войскам атаковать Сун». Перед началом войны в чжурчженской армии были сделаны новые назначения: на командные должности поставлены члены императорской фамилии. Цзиньские армии обрушились на Китайскую равнину двумя потоками: армии под командованием Чжаньмохи из Юньчжоу двинулись к главному городу Шаньси — Тайюани, а Ханьлибу с армией направился из Пинчжоу и атаковал Яньцзин. После битвы на берегах р. Байхэ, где сунские войска потерпели поражение, китайские военачальники Го Йо-ши и Дун Цай сдались чжурчженям, за что им пожаловали фамилию императорского рода Ваньян⁴⁶. Го Йо-ши перешел на службу к Цзинь и участвовал в войне против Сун⁴⁷. Подобные случаи не были исключением. Кроме того, чжурчжени, играя на антикитайских настроениях киданей, сумели привлечь их на свою сторону в войне с Сун, что усиливало мощь чжурчженских армий.

Чжурчженские армии успешно развивали наступление. Чжаньмоха овладел округом Шочжоу, затем его войска покорили Дайчжоу, находившийся в 120 км к северо-востоку от Тайюани. Стремительному продвижению чжурчженей способствовало и то, что многие города

вв.—В кн.: Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1968; Он же. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 393—443.

⁴⁴ Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае..., с. 433, 503 (прим. 43).

⁴⁵ Там же, с. 439—440.

⁴⁶ «Цзинь ши», гл. 3, с. 30.

⁴⁷ По происхождению Го Йо-ши был бохайцем, служил начальником гарнизона Яньцзина, возглавлял народное ополчение Ляодуна, которое состояло из местного, главным образом бохайского, населения. Это ополчение было создано с появлением там чжурчженей. После выдачи Цзинь бохайца Чжан Цзюэ китайской стороной он возненавидел китайцев. Перейдя к Цзинь, стал одним из помощников Цзунвана. Был сведущ в делах Сун, его советы ценили.

сдавались без боя⁴⁸. Сунские военачальники терпели поражения и отступали.

В самом начале войны Чжао Цзи отрекся от престола в пользу своего сына Чжао Хуаня (1096—1156 гг.), известного под храмовым именем Цинь-цзун и правившего под девизом «Цзин-кан» (1126—1127 гг.). Падение Западной столицы сунов — Лояна и последовавшая за этим осада Восточной столицы — Бяньцзина (Кайфына) осложнили и без того тяжелую для Китая ситуацию. Осажденные упорно сопротивлялись. На каждой из четырех стен городского вала было по 12 тыс. солдат, вооруженных луками с подставками, использовались камни и кирпичи для метания. Чжурчжени предпринимали усиленные попытки взять город. При осаде они употребляли огненные стрелы с лодок, нанося китайцам значительные потери; применяли своеобразные «зажигательные бомбы», изготовлявшиеся из глиняных сосудов, начиненных порохом. Серьезную угрозу представляли осадные башни с метательными устройствами, широко применялись штурмовые лестницы⁴⁹.

Жители Бяньцзина устраивали ответные вылазки: «Призвали крепких мужчин сто человек, вышли из стен города, подложили десять штурмовых лестниц, напали на бандитов, убили и отрезали десять голов; в ушах имелись золотые колечки». Отличившихся награждали «вином, серебром, узорчатой парчой, пирами и другим. Все воины радовались наградам». Но положение осажденных было нелегким, «стрелы утыкали стены, как иголки шкуру ежа, солдаты умирали от сильных рап»⁵⁰.

Несмотря на героизм защитников города, общая обстановка, сложившаяся в стране, вынуждала китайцев идти на заключение перемирия. Поэтому в лагерь к чжурчженим был отправлен посол Ли Чжэн с просьбой о перемирии. Для сбора средств, необходимых для уплаты затребованной чжурчженими контрибуции повелели населению сдать золото, серебро, шелк, тафту и прочие ценности в казну. Кроме того, Цзинь потребовала заложников из числа членов императорской фамилии. Ими сделали Чжао Гоу и шаоцзя (старший государственный советник) Чжан Ван-чана, одного из лидеров группы китайских феодалов, выступавших за примирение с чжурчженими на основе удовлетворения всех их требований; вместе с ними последовали к чжурчженим и члены их охраны. Для определения полной суммы контрибуции и выработки окончательных условий перемирия в ставку Ваньянь Цзунвана, которая к тому времени была рас-

положена на северо-западе от Бяньцзина в Моутогане⁵¹, сунская сторона отправила второе посольство⁵². Примечательно, что в переговорах со стороны Цзинь принимал участие житель Яньцзина некий Ван Жуй.

Условия, поставленные чжурчженими, были жесткими и унижительными для китайцев: сунцы должны были уплатить 5 млн. ланов золота, 50 млн. ланов серебра, по 1 млн. кусков узорчатого и пестрого шелка, по 10 тыс. голов верблюдов, мулов и ослов. Помимо этого, чжурчжени обязывали Сунскую империю передать Цзинь земли трех «торжков» — пограничных областей Тайюань, Чжуншань и Хэцзян, отказаться от претензий на киданьское наследство к северу от Хуанхэ. Жителям Яньцзина и Юньчжоу, которые оказались изгнанными из родных мест, позволялось вернуться домой. Цзинь настояла на том, чтобы в качестве гаранта соблюдения условий сунцы отправили к ним заложников. Особенно унижительным для Сунской династии было требование относиться к чжурчженской империи, «как племянник к дяде»⁵³. На этих условиях чжурчжени соглашались снять осаду Бяньцзина.

Цзинь-цзун повелел уплатить контрибуцию, но удалось собрать всего 5 млн. ланов серебра и 1 млн. ланов золота. Чжурчженим принесли письменную присягу верности, предоставили, по их требованию, новую карту пограничных земель. В этих документах сунский император именовался племянником, а император Цзинь — дядей⁵⁴.

Китайцы не теряли надежды заключить союз против Цзинь с империей тангутов, продолжали склонять к бунту перешедших на службу к чжурчженим киданей, посылая к ним «секретные письма»⁵⁵ и не спешили с предачей чжурчженим пограничных областей. Осаду Бяньцзина чжурчжени сняли, поскольку сказывалась нехватка провианта. Вместе с тем, учитывая, что Сун не спешит выполнять условия договора, армии под командованием Ваньянь Цзунхана продолжали осаду Тайюаня.

Вторжение чжурчженей пагубно сказалось на положении мирного населения Северного Китая, обернулось тяжкими испытаниями для экономической, социальной и политической си-

⁵¹ Иные это территория на северо-западе уезда Кайфынсянь, пров. Хэнань. В период Сун она называлась Тяньсыцзянь, славилась выращиванием лошадей. См.: Цыюань, т. 1. Шанхай, 1948, с. 233.

⁵² «Цзинь ши», гл. 3, с. 30; «Цзинкан яолу», гл. 1, с. 14.

⁵³ «Цзинь ши», гл. 3, с. 30; «Цзинкан яолу», гл. 1, с. 15. Это означало признание сюзеренитета Цзинь. См.: «Мэн-да бэй лу». Факсимиле ксилографа, пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н. П. Мункуева. М., 1975, с. 130, комм. 116.

⁵⁴ «Цзинкан яолу», гл. 1, с. 15; «Цзинь ши», гл. 3, с. 31.

⁵⁵ Они представляли собой восковые шарики, в которые были закатаны послания. См. *Иннокентий*, Полный китайско-русский словарь, т. 1. Пекин, 1909, с. 479, № 3875; «Цзинь ши», гл. 3, с. 30.

⁴⁸ «Цзинкан яолу», сер. «Цуншу цзинчэн», гл. 1, с. 8; «Цзинь ши», гл. 3, с. 30—31.

⁴⁹ «Цзинкан яолу», гл. 1, с. 3, 12, 13.

⁵⁰ Там же, с. 13.

стемы Сунской империи. В результате резкого ухудшения положения крестьянства на севере складывалась ситуация, грозившая вылиться в открытый протест. Эпицентр народных антифеодальных восстаний переместился к этому времени на юго-восток страны, но это не означало, что повстанческая активность масс в других районах, в частности на севере, утасла. Среди причин, вызвавших восстания на севере, помимо общих, присущих, как правило, всем крестьянским восстаниям, были и специфические, порожденные условиями чужеземного нашествия. Наглядный пример являет ход восстания крестьян Хубэя и Хунани в 1130—1135 гг. под руководством Чжун Сяна и Ян Юэ⁵⁶. Вмешательство извне в самом широком плане повлияло на содержание массовой борьбы китайского народа, особенно на севере страны, где в этой борьбе своеобразно переплелись мотивы патриотические — освобождения страны от чжурчженей — с мотивами социальными, классовыми. На первый план постепенно выступили освободительные мотивы, хотя и социальные, антифеодальные так или иначе находили свое выражение⁵⁷.

Военные действия наносили огромный ущерб экономике этих районов, вызывая сильные разрушения. Крайне тяжелым было и положение пленников, захваченных чжурчженями⁵⁸. Мирное население терпело лишения. Практика введения тяжелых поборов усугубляла ущерб, нанесенный военными действиями. Захват территорий сопровождался ограблением, вывозом культурных и материальных ценностей. Эта политика получила название «соу шань, цзянь хай» («обшаривать горы, обыскивать моря»). Многие населенные пункты были сожжены, большой урон понесло сельское хозяйство: «места, где прошли чжурчженни, превращались в такие места, где не было ни риса, ни зайцев. Куда ни глянь, на тысячу ли неспаханное поле»⁵⁹.

Народные массы решительно поднялись на борьбу. Крестьяне создавали свои армии для отпора чужеземным поработителям⁶⁰.

Чжурчженские войска временно ушли на север; последовавшее за этим краткое затишье неоднократно нарушалось мелкими стычками между войсками; зачастую это было результа-

том недоразумений. Например, сообщается, что сунские воины обстреляли из луков небольшую группу цзиньских солдат, одного человека убили, а двух ранили. Как выяснилось позже, солдаты были посланы для переговоров. Стремясь загладить свою вину, китайская сторона уплатила 10 тыс. ланов золота и устроила угощение, чтобы не вызвать карательной экспедиции⁶¹.

Характер действий сунской стороны во многом определялся и тем, что при дворе шла борьба так называемых партий «войны» и «мира». Однако представляется неверным сводить причины поражений китайцев исключительно к вероломной политике и предательству «капитулянтов»⁶². Такая трактовка, очевидно, страдает излишней прямолинейностью в объяснении факторов социально-экономического и политического кризиса, который переживал Китай. Хотя, несомненно, партии патриотов и капитулянтов, находясь у руля государственной власти, влияли на конкретные формы политики Китая. Как известно, с именем одного из лидеров патриотически настроенных сановников — Ли Гана связаны многие страницы борьбы с чжурчженями. С первых дней войны он предлагал вести решительную борьбу: «Необходимо возглавить обученную армию, успокоить сердца народа. На основе этого крепко обороняться»⁶³. Безусловно, деятельность Ли Гана и его сторонников сыграла важную роль в освобождении территорий, занятых войсками Цзинь, тем более, что китайский народ самоотверженно боролся против иноплеменного нашествия. После снятия осады столицы Ли Ган был отстранен от постов и подвергся опале.

Нападение сунских войск на лагерь Цзунвана послужило чжурчженям поводом для повторного наступления и осады Бяньцзиня⁶⁴. Возобновление военных действий осенью того же года привело к тому, что под контролем чжурчженей попали новые города и области: Лундэфу, Цзечжоу, Синьле и многие другие. Китайские армии терпели одно поражение за другим⁶⁵. Более чем 250-дневная осада Тайюаня, наконец, завершилась, и в начале 9-й лунны чжурчженни овладели и этим важным стра-

⁶¹ «Цзинкан яолу», гл. 2, с. 29.

⁶² Такой подход характерен для историков КНР. См., например: *Очерки истории Китая*. Под ред. Шан Юэ. М., 1959, с. 303—304, 317 и др.; *Шань Ци-вэй*. Указ. соч., с. 23—26, 31 и др.; *Дэн Гуан-мин*. Некоторые вопросы борьбы Южной Сун против Цзинь.—«Линши янцзю», 1963, № 2 (на кит. яз.).

⁶³ «Цзинкан яолу», гл. 1, с. 8.

⁶⁴ «Цзинь ши», гл. 3, с. 31. В «Цзинь ши» указывается, что численность сунских войск достигла 400 тыс. солдат. По мнению А. Г. Малявкина, ближе к истине сообщение «Ган му», где указана цифра 10 тыс. чел. Эта же цифра приведена и в «Цзинкан яолу». См.: *Малявкин А. Г.* Комментарий к русскому переводу маньчжурского варианта «Цзинь ши», выполненному Г. М. Розовой, № 235 (рукопись).

⁶⁵ «Цзинь ши», гл. 3, с. 31.

⁵⁶ *Смолин Г. Я.* Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130—1135 гг. М., 1961.

⁵⁷ Об этом упоминается в статье Хуа Шаля, посвященной, правда, несколько более позднему периоду. См.: *Хуа Шань*. Политика Цзинь в период правления императора Ши-цзуня и вопрос о восстаниях китайцев.—«Вань шичжэ», 1956, № 1 (на кит. яз.).

⁵⁸ *Воробьев М. В.* Чжурчженни и государство Цзинь, с. 145—146.

⁵⁹ *Си Фэн*. Некоторые вопросы преподавания в средней школе истории династий Сун, Ляо, Цзинь и Юань.—«Линши цзяосюэ», 1955, т. XI, № 1 (на кит. яз.).

⁶⁰ «Цзинкан яолу», гл. 3, с. 53; *Шань Ци-вэй*. Указ. соч., с. 48—54.

тегическим пунктом. Затем армия Чжаньмохи направилась к Бяньцзину, туда же после покорения Чжэньдина (где был убит правитель города Ли Мяо⁶⁶) устремились и армии Цзунвана. На помощь им была послана армия во главе с Ваньянь Хонюем. Положение чжурчженских армий было нелегким, сказывались болезни, пехватка провианта. В начале 11-й луны армии Ханьлибу и Чжаньмохи соединились под стенами Бяньцзина. Попытка разбить чжурчженей китайцам не удалась, их войска потерпели поражение.

Сунские правящие круги надеялись вторично ценой территориальных уступок, выплаты дани удовлетворить требования империи Цзинь. Правящая верхушка со страхом взидала на рост античжурчженского патриотического движения северокайского населения, усматривая в нем силу, которая могла привести империю к серьезным потрясениям. Боязнь такой перспективы заставляла сунцов любой ценой идти на соглашение с врагом, что вызывало возмущение и недовольство социальных низов, а также патриотически настроенных военачальников и гражданских деятелей. Например, полководец Цзун Цзэ⁶⁷ выдвинул план совместной обороны сразу нескольких населенных пунктов с небольшими гарнизонами в каждом: при нападении на один из них остальные должны были прийти ему на помощь. Осуществление такого плана могло принести большую пользу. Однако разобщенность действий, отсутствие взаимосвязей между разными звеньями сопротивления не позволяли претворить его в жизнь. Мешали и разногласия в стане военачальников-патриотов, в результате чего противодействие врагу, как правило, велось раздельно со стороны регулярной армии и ополчения.

Чжурчжени продолжали попытки взять Бяньцзин, население которого ожесточенно оборонялось. Намерение верхушки вновь заключить предательское соглашение с чжурчженями вызвало возмущение жителей главной столицы. Толпы народа прорвались на территорию императорского дворца, желая увидеть императора и уговорить его продолжать оборону. Однако попытки населения и патриотически настроенных военачальников были безуспешными. В результате ожесточенных атак чжурчжени овладели городскими стенами, хотя упорное сопротивление горожан оказалось серьезной преградой на пути чжурчженских армий. Капитулянтство сунских верхов дало возможность чжурчженям в конце 11-й луны покорить Бяньцзин. В пригороде столицы — Цинчэне, где находилась ставка чжурчженей, было заключено соглашение о капитуляции ки-

тайцев. А после второго «визита» императора Цинь-цзуну в ставку цзиньских войск было объявлено, что нынешний император, а также его отец Хуэй-цзун, наследник престола и многие другие члены императорского дома будут заложниками⁶⁸. Сунских императоров отправили на север страны, позже Хуэй-цзуну пожаловали титул «гуна с темной добродетелью» и Цинь-цзуну — «дважды темного хоу», причем доставили их в Верхнюю столицу чжурчженей «как простолюдинов — на телеге»⁶⁹.

Кан-ван Чжао Гоу, который вел военные действия против Цзинь, вместе с Цзун Цзэ, Ван Бо-янем и другими полководцами, остался одним из последних представителей императорской фамилии и некоторое время спустя, в начале 5-й луны 1127 г. был провозглашен в Гуйдэ верховным правителем Среднего государства.

Чжурчжени, чтобы закрепить свое господство на отторгнутой у сунцов территории, создали «царство Великое Чу», возведя на престол Чжан Бан-чана⁷⁰. Попытка на практике осуществить традиционный принцип китайской внешней политики: «руками варваров — подавлять варваров» по отношению к самим китайцам оказалась, однако, безуспешной — новое государственное образование вскоре обнаружилось полной нежизнеспособностью, в отличие от «Великого Ци» во главе с Лю Юем, которое в 30-х годах XII в. было создано чжурчженями как «буферное» государство и просуществовало несколько дольше, чем царство Чжан Бан-чана, сыграв заметную роль в сунско-цзиньских отношениях.

Постепенная стабилизация верховной власти сунской династии во главе с Чжао Гоу⁷¹, ставшая возможной, несмотря на территориальные и иные потери, благодаря сопротивлению чжурчженскому нашествию широких слоев населения, а также части регулярных войск правительства под командованием полководцев-патриотов, обеспечила сохранение государственных институтов, армии, управленческого аппарата империи. Китайское государство продолжало жить, борьба китайского народа за освобождение не прекратилась.

⁶⁸ Общее число заложников достигало почти 470 чел. См.: *Материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь*. (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964, с. 620.

⁶⁹ «Цзинь ши», гл. 3, с. 31.

⁷⁰ См. его биографию в «Цзинь ши», гл. 77, а также в «Сун ши», гл. 475.

⁷¹ Кан-ван Чжао Гоу известен под храмовым именем Гао-дзун (1107—1187 гг.). См.: «Цзинь ши», гл. 3, с. 31; «Цзинькан яолу», гл. 16, с. 347. В 1130 г. в результате заговора Мяо Фу и Лю Чжэнь-яня (см. их биографии в «Сун ши», гл. 475) ему пришлось отречься в пользу своего 3-летнего сына. Лишь противодействие Чжан Цзюня, Чан Цзюня (см. их биографии в «Сун ши», гл. 361, 369) и других помогло ему вернуться к власти.

⁶⁶ См. его биографию в «Сун ши», гл. 447.

⁶⁷ См. его биографию в «Сун ши», гл. 360.

НУРХАЦИ — ОСНОВАТЕЛЬ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Становление маньчжурского государства явилось знаменательным событием в исторических судьбах Дальнего Востока и связано оно с именем Нурхацы.

Личность Нурхацы и его деяния уже привлекали внимание исследователей. Суждения относительно причин появления маньчжурского государства составляют целую гамму: от иррациональных до несущих в себе проблески материализма. Некоторым авторам рождение маньчжурского государства казалось удивительным, уникальным феноменом. «Рассказ о возвышении маньчжурской династии,— писал, к примеру, Е. Кемп,— подобен роману, и никакой параллели для него не следует искать на страницах истории»¹.

В. Горский подробно рассмотрел генеалогию Нурхацы, осветил основные вехи его военной и политической деятельности, следуя в значительной степени за текстами официальных источников. Отдавая должное личным качествам Нурхацы, которые сыграли немалую роль в исторических судьбах маньчжуров, Горский в то же время пытался объяснить маньчжурский феномен причинами объективного порядка, в частности, условиями географической среды. «И в эти времена глубокого невежества и варварства частные свойства страны, щедро наделенной дарами природы, сообщили племенам благотворное направление, резко отделившее их от кочевых народов и послужившее прочным основанием самобытной истории маньчжуров»².

Среди побудительных мотивов, которыми определялась деятельность Нурхацы, Горский выделял китаефобию. Враждебное отношение Нурхацы к правившему в Китае дому Мин явилось реакцией на недружественные действия минских властей. Собственно история возвышения Нурхацы — это от начала и до конца история борьбы против империи Мин, против ее поползновений на самостоятельное существование маньчжуров.

Подобного же мнения, в частности, о том, что своими действиями китайские власти превратили Нурхацы в своего заклятого врага, придерживался и Дж. Росс. Он акцентировал внимание на убийстве в 1583 г. деда и отца Нурхацы, к чему были причастны китайские власти. Это событие в конечном счете обернулось против них, и они были повержены³.

Э. Паркер считал, что в основе деятельности Нурхацы было стремление его сплотить воедино всех тунгусов. Этому так или иначе препятствовали китайские власти, что и привело к вооруженным столкновениям⁴.

А. В. Гребенщиков исследовал роль внешнеполитического фактора в возвышении Нурхацы как объединителя чжурчженских общин. «Внешнее событие, т. е. незаконное поведение китайских мандаринов и вице-короля, жестоко и несправедливо нарушившего данное в 1586 г. двором разрешение маньчжурам селиться и строить жилища близ границ тогдашней Ляодунской провинции, а также нападение в 1610 г. китайских войск и опустошение ими страны побудило всех сплотиться вокруг одного старшины из семьи Гиоро» (т. е. Нурхацы.— В. К.)⁵.

Мнение о том, что на враждебные действия Нурхацы спровоцировали сами минские власти, поддерживали и некоторые историки КНР, в частности Ли Гуан-би⁶.

Итак, освещению тех или иных моментов деятельности Нурхацы посвящена значительная литература, но сводных исследований о нем как государственном деятеле нет. Настоящая статья и призвана восполнить в какой-то мере этот пробел.

В середине XVI в. чжурчжени не представляли собой единой политической общности. Они разделялись на ряд родо-племенных объединений, между которыми и внутри которых

³ Ross J. The Manchus, or the reigning dynasty of China. Their rise and progress. London, 1880, p. 9.

⁴ Parker E. H. China. London, 1901, p. 58.

⁵ Гребенщиков А. В. Маньчжуры, их язык и письменность.—«Известия Восточного Института», Владивосток, 1912, т. XLV, вып. 1, с. 12.

⁶ Ли Гуан-би. Мин чао шилуэ. (Краткая история династии Мин). Ухань, 1957, с. 153.

¹ Kemp E. G. The face of Manchuria, Korea and Russian Turkestan. London, 1910, p. 11.

² Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома.—В кн.: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 13.

постоянно шли междоусобицы. Используя разобщенность чжурчженей, их соседи — императорский Китай и королевская Корея — пытались подчинить себе чжурчженские земли. В этой обстановке непрерывных внутренних потрясений и нажима извне «прорицатели говорили, что во владении Маньчжоу вот-вот появится совершенный муж. Он положит конец смутам, объединит все уделы. А затем первая жена Сянь-цзу, Хитара, на 38-м году правления минского Цзя-цзина родила возвышенного императора Тай-цзу»⁷. Итак, «мессией» чжурчженей, как гласит официальная цинская хроника, предопределено было стать сыну одного из чжурчженских старшин, канонизированному как Сянь-цзу. В миру он был известен как Такши или Таши.

Установка официальной историографии на то, что именно в племени маньчжоу появится человек имярек, которому высшими силами предопределено объединить чжурчженей, мифична. Миф этот был призван выполнить определенную социальную задачу — убедить, что высшие силы сподобили Нурхаца (канонизированного как Тай-цзу) на его великое предприятие. Но вместе с тем эта мифическая установка, очевидно, отражает подсудно назревшее стремление чжурчженей к единству, к возрождению былой государственности. Несомненно, предания седой старины напоминали о «золотых временах», когда чжурчжени выступали перед соседями не как разобщенные родо-племенные группы, а как могучее государство Цзинь. Наличие государственности создавало особый внутренний мир, оно же заставляло держаться достойно в отношении соседей.

Итак, Нурхаца, сын одного из владельцев чжурчженского удела маньчжоу Таши, появился на свет в 1559 г. в крепостце Хэгуала у подножья гор Хулань-Хада (на территории нынешнего Северо-Восточного Китая)⁸. Десяти лет Нурхаца лишился матери и воспитывался второй по рангу женой Таши. В 1583 г. погибли отец и дед Нурхаца. Обстоятельства их смерти довольно противоречивы. Но убийство своих близких Нурхаца позднее выставил первоочередной причиной войны против правившего в Китае дома Мин. С гибелью отца Нурхаца унаследовал несколько хижин в Хэгуала. Положение Нурхаца, однако, было незавидным, к тому же близкие его родичи не скрывали вражды к нему.

В условиях тогдашней действительности, когда сила выступала исходным и окончательным аргументом и служила показателем дееспособности, Нурхаца и обратился к ней. Для начала самым подходящим объектом явился старшина племени суксухуэ Никань-Вайлань. Он был причастен к гибели отца и деда Нурхаца. И, кроме того, претендовал на главную роль среди соплеменников Нурхаца⁹. Сведя счеты с Никань-Вайланем, Нурхаца не только совершил акт кровной мести, но и получил шанс повысить собственный престиж: «идут за сильными». Незавидное положение, в котором он доколе пребывал, давало Нурхаца ощутить всем своим существом смысл этой немудреной сентенции.

В 1584 г. он овладел острогом Турунь, ставкой Никань-Вайлани. Это стало поворотным моментом в дальнейшей судьбе Нурхаца. Удача прибавила сил. Не теряя времени, он сразу же переключился на другие близлежащие поселения и подчинил их. Успехи Нурхаца побуждали его родственников пойти с ним на мировую. От этого он стал еще сильнее.

Молва о Нурхаца как о смелом, удачливом атамане множила ряды его дружины. К нему шли и иноплеменики, недовольные своими старейшинами. Например, о Цзисыха и его младшем брате Цзипукэда говорится, что, разочаровавшись в своем правителе, они примкнули к Нурхаца¹⁰. За два года (1584—1586) он подчинил удел дунъю, завладел населенными пунктами уделов хунхэ, чжэчэнь, суксухуэ. Расширение подвластной Нурхаца территории усиливало его в военном и экономическом отношениях. С увеличением числа подданных возрастало количество воинов, которое он мог при случае выставить. В то же время рост численности производительного населения увеличивал личное богатство Нурхаца. У него стало больше традиционных продуктов маньчжурской земли, которые пользовались спросом на китайском рынке (меха, мед, жэньшэнь, кони, жемчуг). На немаловажное значение внешнего обмена в деле усиления могущества Нурхаца обратил внимание В. Горский. «Торговля целой страны сосредоточилась во владении Нурхаца, — писал он, — которое благодаря своему выгодному расположению победило соперничество других уделов»¹¹. Будучи заинтересованным в товарообмене с обитателями «варварской периферии», минский двор в 1588 г. разрешил людям Нурхаца торговать в Фушуне, Куаньдяне, Айяне, Цинхэ. Из расширения торговли с Ки-

⁷ Юйпи лидай тунцзянь цзилань. (Высочайше утвержденное собрание материалов «Всеобъемлющего зеркала» в порядке очередности династий), (б. м.), (б. г.), гл. III, л. 4а. (далее — ЮПЛДТЦЦЛ).

⁸ По преданиям, сама внешность младенца якобы свидетельствовала о его высоком предназначении. Будучи 13 месяцев от роду, как гласит легенда, он имел лицо дракона и глаза феникса, а голос у него гудел, как громадный колокол. См.: Ross J. Op. cit., p. 4.

⁹ Wada S. Some problems concerning the rise of Tait-su, the founder of Manchu dynasty. — In: Memoirs of the research department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1957, № 16, p. 37—38.

¹⁰ Циньдин Шэнцзин тунцжи. (Высочайше утвержденное сводное историко-географическое описание Шэнцзина), (б. м.), (б. г.), гл. 72, л. 1а.

¹¹ Горский В. Указ. соч., с. 45.

таем Нурхацци не преминул извлечь для себя ощутимые экономические выгоды, хотя это вовсе не было на руку Минской империи.

Отношения между империей Мин и чжурчженями складывались весьма сложно. Начатое Нурхацци объединение чжурчженских племен шло вразрез с интересами империи Мин. Для ее правителей более выгодно было видеть чжурчженей разобщенными родоплеменной рознью. Минский двор считал чжурчженей, поддерживавших сношения с ним, своими вассалами. Руководствовался он при этом догмой, согласно которой взаимоотношения империи с иноземцами не могли строиться на основе равенства — только по принципу «сюзерен — вассал». Формально этот вассалитет проявлялся в следующем. Территория чжурчженей, имевших сношения с минским государством, для правительства последнего представлялась разделенной на караулы и посты. Их возглавляли чжурчженские племенные вожди и родоначальники, которые получали от минского двора различные чиновные звания и печати. Соответственно рангу выдавалось определенное количество удостоверений на право «подносить дань» и торговать в пределах империи. «Подношение дани» чжурчженями служило для властей империи свидетельством лояльности чжурчженских вождей. На деле же это была форма своеобразного обмена, притом порою экономически невыгодного для китайской казны. Обязательные ответные подарки нередко превышали по стоимости «дань»¹². Существо вассалитета чжурчженей со всей наглядностью раскрывается в признании ляодунского воинского начальника Чэнь Юэ. «Хотя (чжурчжени. — В. К.) и считаются на словах вассалами или охраной империи, на деле на них нельзя положиться: когда они находят это выгодным, то являются ко двору, а в другое время производят вторжения в границы. На последнее их зачастую толкали бесчинства и притеснения со стороны китайских пограничных властей.

Постоянного устойчивого мира у империи Мин с чжурчженями не было. Трудно сказать, кто именно и когда нанес первый удар. Каждая из сторон не упускала случая «воздать должное» другой. В литературе же довольно устойчиво бытует трафаретное представление, далекое от подлинного состояния дел: «дикие чжурчжени совершают неспровоцированные набеги на китайские пограничные

города, средоточие цивилизации». Набеги с целью получения добычи действительно играли немалую роль в жизни чжурчженских общин. Но справедливости ради следует подчеркнуть, что сами китайские власти нередко провоцировали чжурчженей на вторжения в пределы империи. Минские чиновники были горазды поживиться за счет «варваров», призывали их продавать по выгодным для себя ценам доставленные на рынок товары. Китайское пограничное начальство, используя распри среди чжурчженей, предпринимало вторжения в их земли¹³. Оно не упускало случая беспощадно расправиться с чжурчженями, по тем или иным причинам для него неудобными. Заподозренным в нелояльности рубили головы¹⁴.

Встает вопрос, как складывались отношения у Нурхацци с империей Мин, прежде всего с пограничным китайским начальством. Маньчжурская (цинская) хроника повествует о том, что уже месь Нурхацци Никань-Вайланю привела к известным коллизиям между Нурхацци и китайским пограничным начальством. Насколько они были серьезны, трудно судить. Японский исследователь Сэй Вада, акцентируя внимание на том, что в минских анналах Никань-Вайлань не фигурирует, считает его роль во взаимоотношениях Нурхацци с Минами преувеличенной авторами цинской хроники. Кроме того, он отмечает, что не в его, Нурхацци, интересах было тогда идти на конфликт с минскими властями, которые протезировали Никань-Вайланю¹⁵.

Рассуждения Сэй Вада не лишены известного логического смысла. Но он не принял во внимание следующее обстоятельство, которое отметил китайский исследователь Мэн Сэнь. Всю эту историю с Никань-Вайланем минское пограничное начальство попросту скрыло от двора, опасаясь осложнения обстановки во вверенном ему районе. Поэтому инцидент с Никань-Вайланем, когда Нурхацци требовал его выдачи у китайских властей, не стал известен минскому двору и не нашел отражения в минской династийной хронике «Мин ши лу»¹⁶.

К 1589 г. Нурхацци объединил под своим началом все земли, которые в представлении минских властей составляли территорию караулов Цзяньчжоу и Маолян. Вожди здешних племен, которые прежде утверждались в звании военачальников китайскими властями и получали соответствующие печати, что давало минскому двору основание считать их своими вассалами, выбыли из числа таковых. Теперь от их имени единолично выступал Нур-

¹² В свете сказанного выше нельзя согласиться с тем, как трактуется вопрос «о даннических отношениях» между чжурчженями и империей Мин на страницах «Истории Китая с древнейших времен до наших дней» (М., 1974). «Их вождь Нурхацци... отказался выплачивать традиционную дань Китаю» (с. 148). Складывается впечатление, что речь шла об уплате дани одной стороной, находящейся в фактической зависимости от другой. В действительности же дело сводилось к демонстрации формальной лояльности.

¹³ Путята Д. В. Очерки Маньчжурии. — «Военный сборник», 1892, № 11, с. 176.

¹⁴ Васильев В. П. Описание Маньчжурии. — «Записки ИРГО», СПб., 1857, кн. XII, с. 14.

¹⁵ Wada S. Op. cit., p. 41, 63.

¹⁶ Мэн Сэнь. Мин Цин ши лунь чжу цзи кань. (Сборник материалов по истории династий Мин и Цин). Пекин, 1959, т. 1, с. 173. Неубедительной представляется

ха. Усиление его власти зашло уже столь далеко, что китайское пограничное начальство вынуждено было рекомендовать пожаловать маньчжурскому правителю более высокий титул, чем он до этого имел¹⁷. В 1589 г. Нурха-ци был удостоен звания дуду-цянши. Спустя 6 лет ему присвоили почетный титул лунху-цзянцзюня и стали жаловать ежегодную субсидию. Показными мягкостью и великодушием минский двор рассчитывал прибрать Нурха-ци к рукам.

Однако все эти пожалования лишь окрыляли Нурха-ци в его устремлениях, диаметрально противоположных расчетам Минов. Нурха-ци стремился объединить под своим началом чжурчженьские племена. Минские же власти мечтали видеть их разобщенными, источающими друг друга взаимными ссорами.

Покорив в 1594 г. чанбайшаньские племена, Нурха-ци позволил себе передышку от ратных дел. Он сосредоточил внимание на упрочении своего государства. За очень короткое время ему удалось спаять все ранее завоеванные уделы в единое целое. Самостийности родовых старшин был положен конец. Личным мужеством в боях, щедростью при дележе награбленной добычи Нурха-ци завоевал доверие рядовых дружинников. На их симпатии опирался в борьбе с попытками прежних родовых вождей оспаривать его верховную власть. Когда речь шла о ней, для Нурха-ци не существовало никаких сдерживающих начал морального свойства. Показалось ему, что непомерно возвысился его родной брат Шурга-ци, как тут же последний был убит¹⁸. В то же время для укрепления внутренней сплоченности Нурха-ци сурово карал измену и прочие бесчестные поступки.

Предписания типа «не кради», «храни верность», имевшие силу закона, относятся еще к началу деятельности Нурха-ци по собиранию чжурчженьских земель. И упомянутые заповеди следует рассматривать как первые шаги в деле создания маньчжурского законодательства. По мере развития у маньчжуров государства и гипотеза Сэй Вада относительно того, что Никань-Вайлань, возможно, не реальное историческое лицо, а обобщенный образ. При этом Сэй Вада исходит из посылки, что имя Никань-Вайлань по смыслу означает «китайский мандарин», «китайский сановник», «Никань» по-маньчжурски — «китаец», «вайлань» — от «вайлан» — «сановник», мандарин». См.: *Wada S. Op. cit.*, p. 44.

Сама по себе смысловая реконструкция собственного имени по существу мало что дает. Тот же Сэй Вада упоминает человека по имени Ванцзя-вайлань (ibid, p. 63). Известно племя ванцзя. Тогда, если следовать методике Сэй Вада, надлежит и под «Ванцзя-вайланем» подразумевать ванцзяского сановника. И, наконец, пример из других времен и из другого ареала. Среди казахов владетелей XVIII в. известен Урус-султан. Его тоже можно превратить в некое неопределенное понятие «русский султан».

¹⁷ Отец Нурха-ци имел звание чжихуэя, пожалованное ему Минами. Звание это унаследовал и Нурха-ци.

¹⁸ *Мэн Сэнь*, Указ, соч., с. 174—182.

ственности на смену обычаю приходит право. Интересы упрочения маньчжурского государства настоятельно требуют урегулирования его внутренней жизни не по обычаю родовой общины, не по заповедям семейного уклада, а согласно кодифицированным правовым нормам. В 1616 г. Нурха-ци строжайшим образом запретил князьям (бэйле) чинить самосуд. «Одному человеку, — гласил указ Нурха-ци, — нельзя выносить решения по тому или иному делу. В противном случае возникнут смуты»¹⁹. Следом же он распорядился ввести в практику судебное разбирательство с выяснением всех обстоятельств свершения того или иного проступка.

В 1599 г. для пополнения казны Нурха-ци наладил добычу золота и серебра. Поощрялись ремесла. Примечательно свидетельство корейца Ха Се Кука о том, что все кузнецы, виденные им в ставке Нурха-ци, были чжурчженьями²⁰.

Передышка от войн была недолгой, она послужила лишь подготовкой к очередной кампании против оставшихся независимыми чжурчженьских вождей. «В ставке Нурха-ци, — доносил в 1595 г. своему королю Ха Се Кук, — кузнецы коуют оружие, не зная ни дня передышки». Нурха-ци простер виды на чжурчженьские уделы хулуьского объединения (хада, хойфа, ула, ехэ) и на более отдаленные племена: варка, хурха, воцзи. Хулуьские вожди уже пытались встать на пути Нурха-ци. По инициативе ехэских старшин в 1593 г. против него сложилась коалиция 9 племен (ехэ, хада, ула, хойфа, хорчин, сибо, гуалча, чжушэли, нэин). Тогда это разноплеменное воинство потерпело сокрушительный разгром, и хулуьские вожди поспешили пойти на мировую. Подчинением в 1599 г. хада Нурха-ци начал покорение хулуьского объединения. Борьба была длительной и упорной. Нурха-ци пускал в ход все: и меч, и подкупы. Непокорные беспощадно вырезались, их селения предавались огню. Отсутствие единства среди вождей хулуьских племен облегчало Нурха-ци его задачу.

Помимо полководческого таланта ратным успехам Нурха-ци содействовала новая военная организация, введенная им. В 1601 г. Нурха-ци перешел на новый принцип формирования армии. Он отказался от родового или поселенческого принципа при комплектовании воинских подразделений. Эта реформа была подготовлена теми количественными и качественными изменениями, которые произошли в жизни

¹⁹ *Сяо И-шань*. Циндай тунши. (Сводная история династии Цин), т. 1. Шанхай, 1931, с. 54.

²⁰ *Ли Чжо-силлок*. (Хроника династии Ли), гл. 69. — Цит. по: *Чжэн Тянь-тин*. Цин жугуань цян маньчжоу-цзу ды шэхуэй синчжи. (О характере маньчжурского общества до вторжения Цинов в Китай). — *Лиши янь-цзю*, 1962, № 6, с. 90.

чжурчженских общин, сплачиваемых воедино Нурхади. Прежде всякий раз, когда предпринималась какая-либо военная кампания или проводилась охота, выступало все мужское население рода или поселения. Сколько пойдут людей, заранее не было известно. Каждому человеку выдавалась одна стрела. Каждую десятку возглавлял старейшина рода или поселения. Десятки составляли отряды — «нюру», т. е. «много стрел», во главе нюру стоял начальник — нюруэчжэнь²¹. Эта военная организация и соответствующий ей институт вождей были порождением родо-племенного уклада. В процессе объединения старые родовые или поселенческие узы рвались. Целые общины меняли свое прежнее место обитания, их вожаки, которые не выказывали лояльности Нурхади, сходили на нет. Вместе с тем численность воинов под его началом росла. Это был качественно иной по своему составу контингент, сформированный не только из чжурчженей, порвавших со своей общиной или оторванных от нее, но и из иноплеменников, в частности монголов.

В условиях, когда войны составляли одну из сторон жизнедеятельности государства Нурхади, назрела необходимость придать этой возросшей численности людей, находящейся под началом верховного предводителя, единые организационные формы и соответствующее положение руководство. Исходной единицей становится нюру, но уже с определенной численностью — 300 чел. А нюруэчжэнь выступает теперь не как предводитель ополченцев, а как офицер, т. е. военный чиновник, состоящий на государственной службе. Нюру составили знамена или корпуса²². В 1601 г. их было 4, в 1614 г. добавилось еще 4 знамени²³.

Для упрочения самостоятельности маньчжурского государства Нурхади не только предпринимает внешнеполитические и военные меры, но и проводит экономические мероприятия. Чтобы ослабить зависимость Маньчжурии от Китая и Кореи по закупкам хлеба, он всемерно форсирует расширение площади запашки. В 1615 г. было предписано в каждой нюру

на 10 чел. выдать 4 волов и на пустошах завести хлебопашество²⁴.

Увеличение численности населения серьезно занимало внимание правителя Маньчжурии. Войны были одной из форм жизнедеятельности военно-феодального государства Нурхади. Они требовали постоянного восполнения людских ресурсов. Это достигалось путем покорения других уделов, военных походов в отдаленные территории с целью захвата пленных. Предпринимал Нурхади меры и к увеличению естественного прироста населения. Например, в 1611 г. было выявлено свыше 1 тыс. мужчин, не имевших возможности завести семью. По предписанию Нурхади, части из них дали жен, а другим из казны выдали средства, чтобы сами женились²⁵.

К началу XVII в. родо-племенное объединение чжурчженей под началом Нурхади обрело известную внутривластную стабильность. Важное значение в деле национальной консолидации подвластного Нурхади населения имело появление в 1599 г. маньчжурской письменности. До этого в переписке с минскими властями маньчжурские предводители использовали чжурчженскую письменность и прикладывали китайский перевод. В повседневном быту переписка (служебная и личная) велась на монгольском языке. Сам Нурхади знал китайскую и монгольскую письменность, однако, выражал неудовлетворение тем, что в его уделе бытует чужая письменность. В 1599 г. он приказал своему секретарю Эрдэни и Гэдаю создать маньчжурскую национальную письменность. Появление ее способствовало осознанию национальной общности у ранее разрозненных чжурчженей.

Вместе с тем углублялся процесс социального расслоения населения. В результате войн росло богатство знати. Она все более обособлялась от родовой массы соплеменников. Патриархальные отношения изживали себя. Им на смену приходили отношения классовой общности с присущим им аппаратом государственной власти.

Возглавляемое Нурхади объединение весомо заявило о себе и на международной арене. В ставку Нурхади стали приезжать посланцы корейского двора, монгольских правителей. Однажды минское начальство увидело пограничные знаки, отделяющие владения Нурхади от территории империи Мин. В таких условиях дело неминуемо шло к официальному объявлению в Восточной Азии нового государства. В 1616 г. Нурхади возвестил о появлении Поздней Цзиньской империи и о принятии им императорских атрибутов. Годом своего правления он дал девиз «Тянь-мин». С та-

²¹ Хуанчао ваньсянь тункао. (Энциклопедия Ваньсянь тункао, августейшей династии), (б. м.), (б. г.), гл. 77, л. 26.; *Мэн Сянь*. Указ. соч., с. 219.

²² 300 воинов составляли нюру под командой нюручжангина или цзолина, 5 нюру — чалэ (полк) под началом чалэчжангина или цаньлина, 5 чалэ — кушай под командой дутуна, 2 кушай — знамя. См.: *Путята Д. В.* Очерки Маньчжурии, с. 179.

²³ По мнению Е. Паркера, в этом сказалась давняя традиция. У чжурчженей времен империи Цзинь, в состав которой входила и часть собственно Китая (1113—1234 гг.), была такая же военная организация. В основе своей она восходила к киданьской. Из 8 маньчжурских знамен 3 были высшей степени в сравнении с 5 остальными, так же, как и у киданей, имелись 3 «высшие палатки». См.: *Parker E. H.* Op. cit., p. 244—245.

²⁴ *Цин Тай-цзу*. Ухуанди шилу, гл. 2, л. 8; Цит. по: *Чжен Тянь-тин*. Цин жугуань цянэ маньчжоуцэу ды шэхуэй синчжи.—«Липи яньцзю», 1962, № 6, с. 95.

²⁵ Там же, с. 93.

ким девизом выпускал монету²⁶. Стал рядиться в желтые одежды и, не отставая от минского императора, говорил о себе «Мы».

Эта акция имела исключительно важное политическое значение. Объединение чжурчженских племен, которых минские правители считали своими вассалами, теперь было возведено в ранг независимого государства. Престижу минского двора был нанесен серьезный удар. Согласно догмам неоконфуцианской идеологии, лишь император Китая, как Сын Неба, являлся владыкой всех народов и земель. Иноземные правители, поддерживающие сношения с китайским двором, могли титуловаться с позволения императора Китая лишь «ванами». Тут же «варвар из Цзяньчжоу», «вассал» империи, поставил себя наравне с владыкой Поднебесной. Прецедент Нурхади был направлен против основополагающего принципа внешней политики минского Китая. Само название новой империи — Поздняя Цзинь — звучало многозначительно. Государство Нурхади выступало преемником прежней чжурчженской державы, в состав которой входила и часть собственно Китая.

Появление независимого маньчжурского государства минский двор встретил враждебно. Проявилось это не только в эмоциях, но и в действиях. Чтобы заставить правительство империи Мин признать факт существования нового государства и уважать его границы, а также не препятствовать поглощению им родственного удела ехэ, Нурхади провел военные демонстрации. Но следом же предложил правительству империи Мин решить дело миром. В ответ оно предприняло решительную попытку покончить с «варваром-самозванцем», посмеявшимся бросить вызов Сыну Неба. В 1619 г. китайская армия двинулась на владения Нурхади²⁷. 240 тыс. минских солдат Нурхади противопоставил 60 тыс. своих воинов²⁸. И они победили. «Эти люди... лучше (чем нападавшие. — В. К.) знали свою страну и сознавали, что их национальное существование в опасности. Они также знали Нурхади и были готовы выполнять его приказы»²⁹. Маньчжуры, воору-

женные в основном луками и стрелами, отстояли свое государство от превосходящей по численности минской армии, имевшей пушки и пищали.

В организации отпора минским войскам еще раз наглядно проявилось незаурядное полководческое дарование Нурхади. По оценке А. В. Гребенщикова³⁰, Нурхади не уступал по военному мастерству Фридриху Великому и Наполеону. Разгром китайской армии в Маньчжурии предрешил судьбу г. Кайюань, самой северной минской крепости на Ляодуне. Взяв Кайюань, осенью того же 1619 г. воины Нурхади завладели территорией ехэ. Таким образом, в 1619 г. империя Мин окончательно утратила влияние на территории к северо-востоку от Ляодуна, где возникло маньчжурское государство во главе с бывшим «данником» Нурхади. В последующие семь лет Нурхади сумел изгнать китайцев с территории к востоку от р. Ляохэ.

Своей новой столицей Нурхади сделал Мукдэн (бывший Шэньян)³¹. Выбор на него пал не случайно: город господствовал над дорогами, ведущими в Пекин, Монголию, Корею. Четыре года ушло на отстройку новой столицы. В 1625 г. в Мукдэн переехал маньчжурский двор.

Постройка дворца и парадных зданий не поглотила всецело Нурхади. Разместив свою ставку в Ляояне, он руководил дальнейшими операциями против Минов. Маньчжуры почти вплотную приблизились к Великой стене. В 1626 г. Нурхади безуспешно пытался взять город-крепость Нинъюань. Исход сражения не в его пользу решили европейские пушки, поставленные на стенах Нинъюаня³². Залпы «грозных западных пушек» прозвучали заунывным звоном для «восточного варвара». Громадные потери, напрасно понесенные под стенами крепости Нинъюань, очевидно, сильно потрясли Нурхади. Сразу сдало здоровье. Не поправили его минеральные воды в Цинхэ. Смерть застала Нурхади в небольшом селенье, когда он возвращался в свою столицу Мукдэн. Произошло это осенью 1626 г., ему было тогда 68 лет. Но созданное им государство не умерло с ним. Его сын утвердился на императорском троне в Пекине, положив начало маньчжурской династии в Китае. По иронии исторических судеб китайские аристократы, на протяжении поколений привыкшие смотреть на соседние народы как на толпы дикарей, склонялись ниц перед потомком «варвара из Цзяньчжоу».

²⁶ Гребенщиков А. В. Указ. соч., с. 57.

²⁷ Односторонний подход к проблеме «Империя Мин и Маньчжурия» прослеживается в соответствующем разделе «История Китая с древнейших времен до наших дней» (М., 1974). «Военно-феодалная знать маньчжуров для упрочения своего положения нуждалась в постоянной военной добыче. Объектом ее устремлений наряду с Кореей и Монголией стал Китай» (с. 148). Однако, как свидетельствуют факты, еще до того, как Нурхади объявил войну империи Мин, ее правители силой оружия пытались установить в Маньчжурии удобный им порядок. В свое время В. Л. Котвич выступил против традиционной установки китайской историографии относительно причин конфликта маньчжуров с минским Китаем. «Движение маньчжуров началось как реакция против отрицательных сторон деятельности китайцев среди инородцев». См.: Котвич В. Л. Маньчжурская литература. — В кн.: Литературы Востока, вып. 2. Пг, 1920, с. 118.

²⁸ Li Ung Bing. Outlines of Chinese history. Shanghai, 1914, p. 288.

²⁹ Ibid., p. 288—289.

³⁰ Гребенщиков А. В. Указ. соч., с. 12.

³¹ Точнее «Мукдэн хотонь», что по-маньчжурски означало «город возвышения». См.: Стариков В. С. Из истории возникновения городов в Маньчжурии. — В кн.: Страны и народы Востока, вып. XVIII. М., 1976, с. 193.

³² По одним данным, эти пушки были отлиты немцами (Ross J. Op. cit., p. 54), по другим сведениям — сняты с голландского брига, потерпевшего кораблекрушение. (James H. E. M. The long white mountain. London, 1880, p. 40).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ УХУАНЕЙ И СЯНЬБИ

Начиная с глубокой древности Китай развивался не как отдельное, изолированное государство, а в тесной связи с окружающими его народами, в непрерывной борьбе с ними. Поэтому неудивительно, что уже в наиболее ранних письменных памятниках — иньских гадательных костях, чжоуских надписях на бронзе и в литературных произведениях доциньской эпохи — можно найти упоминания о многочисленных соседях Китая.

При династии Хань выдающийся китайский историк Сыма Цянь (145?—87 гг. до н. э.) впервые включил в официальную историю Китая главы, посвященные соседним государствам. Это нововведение превратилось в традицию, и во всех последующих официальных историях, за исключением Историй династий Чань и Северная Ци, имеются аналогичные главы. Особенно большую ценность для науки представляют сведения по истории кочевых народов, обитавших к северу от Китая, главным образом на территории современной МНР. Охватывая в совокупности более двух тысяч лет и рисуя жизнь многочисленных кочевых племен на различных этапах общественного развития, эти материалы позволяют создать динамическую картину кочевого образа жизни в Азии.

Сведения китайских источников о различных кочевых народах неоднократно привлекали внимание русских и советских ученых. В 1851 г. основоположник научного китаеведения в России Н. Я. Бичурин издал переводы из китайских источников, в которые включил материалы по истории ухуаней и сяньбийцев, извлеченные из «Истории Поздней династии Хань»¹. Его перевод значительно превосходил по точности имевшиеся переводы иностранных авторов. Однако длительный срок, отделяющий нас от выхода в свет работы Н. Я. Бичурина, естественно, вносит коррективы в ее оценку.

Успехи археологии, этнографии, истории, лингвистики и других наук выдвигают новые требования к качеству перевода². В свете современных научных достижений становятся видны недостатки переводов Н. Я. Бичурина. Прежде всего Н. Я. Бичурин не уделил должного внимания предварительной текстологической работе. В старых ксилографах, которыми он пользовался, содержится сплошной текст без единого знака препинания. Для правильного прочтения текста необходимо разбить его на абзацы и расставить внутри каждого абзаца знаки препинания, т. е. прочесть текст палеографически, чего не сделал Н. Я. Бичурин. Недостаточное внимание к текстологии привело во многих случаях к неправильному прочтению текста. Конкретно это выразилось в слиянии конца одной фразы с началом другой, превращении прямой речи в косвенную, косвенной в прямую, смещении абзацев, что меняет субъект действия. Допущены ошибки в переводе. Отсутствует комментарий, без которого во многих случаях текст перевода понятен лишь историку-китаисту. Имеются многочисленные пропуски отдельных слов, выражений и абзацев. Выпущена или оставлена без перевода номенклатура китайских чиновников.

Эти же недостатки характерны и для переводов, относящихся к истории ухуаней и сяньбийцев. Приводя сведения об этих народах, Н. Я. Бичурин ограничился лишь переводом материалов из «Истории Поздней династии Хань», оставив в стороне данные «Саньго чжи» («Описание периода трех государств»). Следует, однако, сказать, что во времена южных и северных династий сунский император Вэнь-ди (424—453 гг.), найдя текст «Саньго чжи» весьма кратким, приказал сановнику Пэй Сун-чжи дополнить его комментариями. При комментировании материалов по истории ухуаней и

¹ Иакинф (Бичурин Н. Я.). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картой на трех больших листах. Спб., 1851. (Переиздано в 1950 г. в Издательстве АН СССР. — Ред.)

² Думан Л. И. О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — В кн.: Материалы конференции «Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение». М., 1977, ч. II. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968, с. 3—5.

сяньбийцев Пэй Сун-чжи использовал ныне утерянный труд Юй Хуаня «Вэй-шу» («История династии (Цао) Вэй»). Хотя этот труд во многом совпадает с «Историей Поздней династии Хань», некоторые его страницы более полно раскрывают внутреннюю жизнь ухуаней и сяньбийцев, а поэтому он может служить дополнением к тексту «Истории Поздней династии Хань».

Именно поэтому в 1961 г. Н. В. Кюнер издал перевод материалов об ухуанях и сяньбийцах из «Саньго чжи»³. Однако предложенный перевод неудовлетворителен. Приведем примеры. Например, в «Саньго чжи» говорится: «Что касается сюнну, то они находились в непосредственной близости от Среднего государства и, если хуские всадники вторгались на юг, три границы [т. е. восточная, северная и западная] терпели бедствия от врага. В связи с этим военачальники Вэй [Цин] и Хо [Цюй-бин] неоднократно посылались в походы, они глубоко вторгались, во время нападений на север, в земли сюнну, неумоимо преследовали шаньюя, отобрали у него тучные земли и в дальнейшем сюнну стали оборонять укрепленную линию, назвав себя вассалами, причем из поколения в поколение все более слабели. В эру правления Цзянь-ань (196—249) шаньюй южных сюнну Хучуцянь прибыл ко двору и был оставлен для услужения, а правого сянь-вана послали надзирать за его владением, таким образом, сюнну согнулись ниже, чем когда-либо в прошлом при династии Хань».

Этот же отрывок Н. В. Кюнер переводит так: «А вот сюнну особенно теснили Китай. Когда хуская конница вторгалась на юг, то три границы терпели от врагов. Поэтому неоднократно посылались охранные войска, [чтобы] глубоко пропикнуть в походе на север, до конца преследовать шаньюя, отобрать у него богатые земли. Поэтому они [сюнну] поселились у Великой стены, назвались вассалами. Веками они падали и ослабевали, в годы Цзянь-ань (196—220) получили кличку «кухонный источник». Шаньюй явился ко двору, затем оставлен для придворной службы. Повелено правому (западному) Сянь-вану (И. Б. Чжуки-князю) управлять его государством, и сюнну смиренно перешли в Китай».

Иероглифы *Вэй*, *Хо чжи цзян* «военачальники Вэй [Цин] и Хо [Цюй-бин]» Н. В. Кюнер переводит как «охранные войска», по-видимому, исходя из значения иероглифа *вэй* — «охранять», а имя шаньюя Хучуцянь, опять-таки исходя из значений иероглифов *ху* — «звать», *чу* — «кухня» и *цянь* — «источник», передает словами «получили кличку „кухонный источник“», которая якобы была дана сюнну.

Не поняв фразы: «В эру правления Цин-лун

(233—236) император разрешил Ван Сюну послать искусного фехтовальщика на мечях, который заколот [Кэбинэна]», Н. В. Кюнер переводит: «В годы правления Цинлун (233—237) император, прослышав о ван Сюне, отправил лазутчика с мечом, [лазутчик] заколот его». Здесь фамилия Ван превращена в титул.

В последний весенний месяц сяньбийцы собирались на р. Цзолашуй. Название р. Цзолашуй (*цзо* — «делать», *лэ* — «радость», *шуй* — «вода») Н. В. Кюнер переводит: «устраивали веселье на воде».

Итак, переводы Н. Я. Бичурина и Н. В. Кюнера, охватывающие основные материалы по истории ухуаней и сяньбийцев, не удовлетворяют требованиям современной науки, в связи с чем возникает необходимость в новом, более точном переводе.

Начиная с Сыма Цяня, китайские историки делят северные народы на три большие этнические группы — сюнну, дунху и сунь, что совпадает с принятым в настоящее время делением этих народов на тюркоязычные, монголоязычные и тунгусоязычные. В отношении суней вопрос ясен, к ним относились различные маньчжуро-тунгусские племена, но этническая принадлежность племен, входящих в группу сюнну и дунху, вызывает многочисленные споры. В связи с этим целесообразно, по-видимому, в первую очередь попытаться определить этническую принадлежность ухуаней и сяньбийцев, относимых китайскими историками к группе дунху.

Термин *дунху* появляется в Китае в период Чжань-го (403—221 гг. до н. э.), о чем свидетельствует запись Сыма Цяня: «На севере от царства Янь жили дунху и шаньжуны»⁴. Вероятно, царство Янь, занимавшее центральную и восточную части пров. Хэбэй и южные части бывшей пров. Жэхэ и современной пров. Ляонин⁵, страдало от набегов дунху и находилось с ними во враждебных отношениях. Так продолжалось до тех пор, пока в Янь не «появился мудрый военачальник Цинь Кай, который был послан заложником к ху, и ху стали доверять ему. Вернувшись [в Янь], он внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил их отойти более чем на тысячу ли... [Царство] Янь также построило длинную стену от Цзаояна до Синпина и образовало для защиты от ху округа Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун»⁶.

Термином *ху* китайцы в рассматриваемое время обозначали сюнну, термин *дунху*, букв. «восточные ху», по толкованию раннеханьского комментатора Фу Цяня, возник в связи с тем, что дунху жили к востоку от

³ *Сыма Цянь*. Исторические записки, гл. 110, с. 5а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

⁴ *Ван Бо-сян*. Шичзи сюань. (Избранное из «Исторических записок»). Пекин, 1957, с. 77, прим. 76.

⁵ *Сыма Цянь*. Указ. соч., гл. 110, с. 6а.

³ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Изд. Вост. лит. М., 1961.

сюнну⁷. Из этого объяснения можно сделать вывод, что под восточными ху имелось в виду не какое-то одно, а целый ряд этнически родственных племен, названия которых не сохранились в истории.

Потерпев поражение от Цинь Кая, дунху отошли от границ Китая, и их место заняли сюнну, против набегов которых царство Янь построило стену, точно так же, как это было сделано несколько раньше царствами Цинь и Чжао. Мнение проф. Сиратори о том, что стена была воздвигнута для защиты от дунху⁸, обоснованно и противоречит высказыванию Сыма Цяня, который, сообщая о постройке стен царствами Цинь, Чжао и Янь, пишет: «В это время из семи борющихся царств, в которых носили пояса и шапки чиновников, три царства граничили с сюнну»⁹. О дунху нет и речи, они были отброшены от границ Китая. Через длительное время дунху потерпели новое сокрушительное поражение от сюннуского правителя Маодуня, после чего рассеялись и часть их осела у горы Ухуань, от которой и возникло племенное название ухуань. Около ста лет ухуани находились в зависимости от сюнну, принося им дань в виде крупного рогатого скота, лошадей и овечьих шкур¹⁰. Так продолжалось до 119 г. до н. э., когда ханьский военачальник Хо Цюй-бин разбил сюнну в их левых землях, после чего часть ухуаней была переселена к укрепленной линии пяти округов — Шангу, Юйянь, Юбэйпин, Ляодун и Ляоси — и им было поручено следить за передвижениями сюнну¹¹. С этого времени ухуани становятся известными в Китае и китайские историки дают первые описания их обычаев и нравов. Основные материалы об ухуанях собраны Фань Е (398—445 гг.) в «Истории Поздней династии Хань», и именно эти материалы, содержащие языковые и этнографические сведения, важные для определения этнической принадлежности ухуаней, легли в основу данной работы.

Этническая принадлежность ухуаней

Лингвистические данные. Сохранилось два ухуаньских слова: этноним *ухуань* (древнее чтение по реконструкции Карлгрена *ogwān*) и название женского головного убора *гоуцзюэ* (древнее чтение по реконструкции Карлгрена *kukiwat*).

Этноним *ухуань* связывается с горой Ухуань, вокруг которой укрылась часть дунху, потер-

певших поражение от Маодуня. Что означает это название и где находилась гора, в текстах не сообщается, но то и другое с большой долей вероятности можно установить, основываясь на косвенных свидетельствах китайских источников.

Фань Е пишет об ухуанях: «По существующим обычаям высоко ценят смерть в бою. Тело покойника кладут в гроб и плачем выражают скорбь, но при похоронах умершего провожают с песнями и плясками. Откармливают собаку, которую ведут на цветном пнуре, а также берут лошадь, на которой умерший ездил, его одежду и вещи, все сжигают и провожают покойного. Они говорят, что поручают умершего собаке, чтобы она охраняла душу умершего при его возвращении на гору Чипань. Гора Чипань находится в нескольких тысячах ли к северо-западу от округа Ляодун, и на нее возвращаются души умерших, подобно тому как возвращаются на гору Дайпань души умерших в Среднем государстве»¹².

Чипань — китайское название, означающее «Красная гора», а понятие «красный» передается в монгольском языке словами *улан* или *улаган*, что фонетически, учитывая особенности китайской транскрипции, близко к *ухуань*. Скорее всего Ухуань и Чипань — названия одной и той же горы, переданные в одном случае на ухуанском, а в другом — на китайском языках. Показательно, что, рассказывая о сяньбийцах, Фань Е пишет: «В это время Синьчжицзэнь, старейшина чипаньских ухуаней в округе Юйянь, неоднократно совершал набеги на округ Шангу»¹³, а Ху Сань-син (1230—1287 гг.) в примечании к этой же фразе говорит: «По-видимому, Синьчжицзэнь происходил из племени у горы Чипань, жившего за укрепленной линией округа Ляодун»¹⁴. Оба автора говорят о горе Чипань как о месте обитания ухуаней, которые, как мы уже знаем на основании свидетельства Фань Е, жили у горы Ухуань, от которой и получили свое название.

Сиратори сомневается, что этноним *ухуань* произошел от названия горы, вокруг которой поселились ухуани, и предположительно связывает его с монгольским *ukhagan* и калмыцким *ukhân* — «мудрый» считая, что первоначально это было имя вождя, распространенное затем на все племя¹⁵. Возможно, он исходил из свидетельства, что у ухуаней «нет постоянных родовых фамилий, в качестве фамилии используется имя сильного старейшины»¹⁶. Но среди кочевых племен, относящихся к группе дунху, существовал обычай использовать для своего

⁷ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 5а.

⁸ Сиратори Куракиги. Дунху миньдзу као. (Исследование народов, входящих в группу дунху). Пер. на кит. яз. Фан Чжуан-ю. Шанхай, 1935, с. 7.

⁹ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 6а.

¹⁰ Фань Е. История Поздней династии Хань, гл. 90, с. 1а, 3а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

¹¹ Там же, с. 3б.

¹² Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 2б.

¹³ Там же, с. 9а, 9б.

¹⁴ Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Общее отражение событий, управлению помогающее), (б. г.), гл. 44, с. 1432. (Пекин, изд. «Гуцзи чубаньшэ»).

¹⁵ Сиратори Куракиги. Указ. соч., с. 53.

¹⁶ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 1б.

обозначения названия мест, где они жили. В частности, сяньби получили свое название от горы, около которой они проживали. О киданях говорится: «Киданьские племена и роды в сущности не имеют фамилий, каждый из них называется по названию места, где он живет»¹⁷.

По свидетельству Фань Е, гора Чишань, или Ухуань, лежала в нескольких тысячах ли к северо-западу от округа Ляодун. Определить по этим данным ее местонахождение невозможно, но, поскольку на ней обретали приют души умерших ухуаней и, следовательно, она считалась священной, можно утверждать, что находилась она в основных землях ухуаней, откуда в 119 г. до н. э. они были переселены Хо Цюй-бином. Возникает вопрос, где же располагались основные земли ухуаней.

«Новая История династии Тан» сообщает: «В правление императора Тай-цзуна среди северных варваров, которые сами смогли установить сношения [со Средним государством] были еще улохунь, называемые также улохоу или улоху. Они живут более чем в шести тысячах ли к северо-востоку от столицы (Чанъань). К востоку от них находятся мохэ, к западу — туцзюэ, к югу — кидане и к северу — ухуань»¹⁸. Если провести по карте от Чанъаня на северо-восток прямую линию длиной в 6 тыс. ли, что составляет приблизительно 3 тыс. км, оказываясь в бассейне Амура. Приведенное свидетельство дополняет «Старая История династии Тан»: «Свыше чем в двухстах ли к северо-востоку от улоху, к северу от реки Нахэ, живут потомки древних ухуаней, которые и ныне сами называют себя владением ухуаней... В трехстах ли к юго-востоку от ухуаней находится племя восточных шивэй. Они живут к северу от реки Яюэхэ, которая течет на юго-восток и сливается с рекой Нахэ»¹⁹. Сиратори отождествляет Нахэ с Амуром, а Яюэхэ — с Зеей и считает, что улоху занимали северные склоны Хинганского хребта. Отсюда владение ухуаней, лежавшее более чем в 200 ли к северо-востоку от улоху и в 300 ли к северо-западу от Зеи, находилось в бассейне верхнего течения Амура²⁰. Именно в этом районе и должна была лежать священная для ухуаней гора Чишань, или Ухуань.

Данные китайских источников и выводы Сиратори о местонахождении владения ухуаней подтверждаются также рассказом Сыма Цяня о походе Хо Цюй-бина в 119 г. до н. э. против сюнну. Во время этого похода Хо Цюй-бин, выступивший из округа Дай (северные части современных пров. Шаньси и Хэбэй), прошел свыше 2 тыс. ли, «насыпал холм и принес жерт-

вы Небу на горе Ланцзюйшань, принес жертвы Земле на горе Гуянь, дошел до Ханьхая и возвратился назад»²¹. Местонахождение гор Ланцзюйшань и Гуянь неизвестно, в то время как Ханьхай обычно отождествляется с пустыней Гоби. Однако в указе ханьского императора У-ди в связи с возвращением Хо Цюй-бина из похода говорится, что он пересек великую пустыню (т. е. Гоби), переправился через реку, название которой не указывается, затем перешел через горы Лихоу, переправился через р. Гунлюй, насыпал холм на горе Ланцзюйшань и принес жертвы Небу, насыпал жертвенник и принес жертвы Земле на горе Гуянь, поднявшись на которую смотрел на Ханьхай²². Как явствует из указа, горы Ланцзюйшань, Гуянь и местность Ханьхай находились не в пустыне Гоби, которую пересек Хо Цюй-бин, а на севере, за ее пределами. Термин Ханьхай — букв. 'море птичьих перьев' — по объяснению Чжан Шоу-цзе (VIII в.) обозначает большое озеро, на котором птицы линяли и выводили своих птенцов²³. Вполне возможно, что этот термин был связан не с каким-то определенным озером, а относился к целому району. Примеров подобного словообразования в китайском языке много. Так, *жэнь-хай* — 'море людей' означает большое скопление народа; *шу-хай* — 'море деревьев' — тайгу и т. д. Можно думать, что под названием Ханьхай имелся в виду бассейн верхнего течения Амура, славящийся вплоть до настоящего времени обилием водоплавающей птицы.

Согласно данным современной науки, в древности монгольские племена расселялись в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргуни и бассейну Амура в его верхнем течении, т. е. в том же районе, где жили ухуани. Уже сам этот факт — достаточно веское основание отнести ухуаней к одному из древних монгольских племен.

После того как Хо Цюй-бин разбил сюнну в их левых землях и подошел к владению ухуаней, они «были переселены за укрепленную линию пяти округов — Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляодун [и Ляоси] следить в интересах династии Хань за передвижениями сюнну»²⁴. Конечно, это были не все ухуани, большая часть их до-прежнему жила на своих родных землях, причем так продолжалось по крайней мере до периода династии Тан. Цель переселения ухуаней ясна. Они издавна находились во враждебных отношениях с сюнну, и ханьский император У-ди, который более 30 лет вел с последними непрерывные войны, хотел иметь в лице кочевников-ухуаней разведчиков, которые сво-

¹⁷ Е. Лун-Ли. Цидань го чжи. (История государства киданей), (б. г.), гл. 23, с. 1а. (Изд. «Сае шаньфан»).

¹⁸ Оуян Сю. Новая История династии Тан, гл. 217Б, с. 10а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

¹⁹ Лю Сюй. Старая История династии Тан, гл. 199Б, с. 10а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

²⁰ Сиратори Куракичи. Указ. соч., с. 54.

²¹ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 26а.

²² Там же, гл. 111, с. 136, 14а.

²³ Там же, гл. 110, с. 26а.

²⁴ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 36.

евременно предупреждали бы его о передвижениях врага.

Второе ухуаньское слово — название женского головного убора *гоуцзюэ*, о нем сообщается: «Когда женщина достигает брачного возраста, она отрачивает волосы, которые делит на пучки и надевает [головной убор] гоуцзюэ, украшенный золотом и яшмой, похожий на имеющийся в Срединном государстве [головной убор] гобую»²⁵. По объяснению ханьского ученого Лю Си, гобую — головной убор китайских императриц, украшенный подвесными жемчужинами, качающимися при ходьбе²⁶.

Иероглифы *гоуцзюэ*, по реконструкции Карлгрена, имели в древности чтение *kukiwat*, а сам головной убор похож на головной убор монгольских женщин, известный по китайским средневековым источникам под названием «гугу». Его описания собраны Ван Го-вэем (1877—1927 гг.) и имеются в русском переводе Н. Ц. Мункуева²⁷. Этот перевод использован нами с некоторыми исправлениями.

В «Мэн-да бэй-лу» указывается: «Все жены вождей имеют головной убор гугу, для которого плетется из железной проволоки остов, напоминающий [китайскую] «бамбуковую жену» (бамбуковый ствол длиной около метра с отверстиями по всей поверхности. В жаркие дни этот ствол берут в обнимку и так спят. Бамбук отличается низкой теплопроводностью, даже в сильную жару воздух внутри ствола остается холодным и на спящего веет прохладой из отверстий. — Прим. Н. Ц. Мункуева), имеющий в высоту свыше трех чи. Его украшают черным с красным отливом шелком с затканым или вышитым узором или жемчугом и золотом. Вверху на остоле еще имеется (торчащая вертикально) палочка, которую украшают тканью черного цвета с красным отливом».

Приведенное свидетельство Ван Го-вэй снабжает следующими примечаниями: «В сочинении „Чанчунь чжэньжэпэ сююэци“ [сказано]: „Головной убор замужних женщин [у монголов] делается из бересты, имеет в высоту свыше двух чи и обычно обтягивается черной грубой тканью, а богатые используют [для этой цели] красный тонкий шелк. Верхняя часть [головного убора] похожа на [голову] гуся или утки, и его называют гугу. [Женщины] очень боятся, чтобы кто-нибудь не задел его. При входе в шатер и выходе из него [в этом головном уборе] они должны нагибаться».

В сочинении «Хэй-да ши-люэ» [говорится]: «[Я, Сюй] Тин видел изготовление гугу, при котором делается остов из березы, обтягиваемый тонким красным или золототканым шелком. Наверху прикрепляются четыре веточки ивы

или выкованные из железа прутья длиной в один чи, которые обертывают черным войлоком. По существующим вкусам высшие используют для украшения, как и при дворе нашей династии, зеленые перья зимородка или шелковую ткань всех цветов, чтобы они качались [при движении], а низшие пользуются [для этой цели] перьями фазана».

В стихотворении «Сянчэ цибэао» из сборника «Луаньцзин цзюан» поэта Ян Юн-фу [сказано]:

Колышатся [украшения, натянутые как] халат на гугу, [женщина] выдергивает длинные перья и передает их служанкам.

Согласно авторскому примечанию, «во всех случаях, когда [монголки] в гугу едут в повозках, а длина перьев на головном уборе выше одного чи, они выдергивают их и передают девишкам-служанкам, которые сидят напротив и держат их в руках. Если даже едут императорские жены на слонах, все равно бывает так».

В сочинении Ху Цзина «Наньсюнь дэнь тусян као» (часть вторая) [говорится]: «В „Юн-лэ дадянь“ под рифмой фу в рубрике „Монгольские головные уборы и одежда“ приводится цитата из „Сицзин чжи“: „[Остов] гугу покрывают темно-красным узорным шелком. Остов делается из бамбука, это дает прохладу, а сам остов легок. Высшим сортом считается большой [остов], следующим — средний и следующим — маленький. Передняя часть остола украшается крупным жемчугом, из которого нанизывают рисунки фениксов, драконов, башен, террас и т. д. Кроме того, нанизывают на длинную нить жемчуг или делают из него квадратные украшения, чтобы прикрыть швы. Вставляют также за нити [которыми прикрывают швы] крошечные букетики цветов [из жемчуга]. Делают также инкрустации из сплетенных из золотых нитей деталей, причем выше всего ценятся изображения пагод, украшенные драгоценными камнями. На макушке [остоле] имеется крестовина, в которой устанавливаются трубки для перьев, куда вставляются хвосты [петухов], употребляемые для головного убора цзигуань, добываемые на горе Утайшань. Ныне жители Чжэньдина разводят этих петухов из-за хвостов, которые очень дороги. Сзади в гугу втыкают пучки перьев, выкрашенные в разные цвета, похожие на веер в движении“».

Несомненная фонетическая и смысловая близость терминов *гоуцзюэ* и *гугу* дает основание говорить, что речь идет об одном и том же женском головном уборе, употреблявшемся как ухуанями, так и средневековыми монголами под одинаковым названием. Если это так, отождествление приобретает важное значение. Оно позволяет говорить о сходстве в одежде и языке ухуаней и монголов, а это — одно из доказательств монгольского происхождения ухуаней.

Этнографические данные. Подавляющее большинство этнографических данных,

²⁵ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 2а.

²⁶ Там же.

²⁷ Ван Го-вэй. Мэн-да бэй-лу. (Полное описание монголо-татар). Из Посмертного собрания сочинений г-на Ван Цзин-аня из Хайнина. Пекин, 1940.

приводимых в описании обычаев ухуаней, не может служить основанием для определения их этнической принадлежности. Занятие кочевым скотоводством с постоянными перекочевками в поисках травы и воды, охота на диких птиц и зверей, искусство верховой езды и стрельбы из лука, употребление в пищу мяса и кислого молока, уважение к молодым и пренебрежительное отношение к старым, существование левирата, высокое положение женщины в обществе наблюдаются не только у монгольских, но и у тюркских племен. И тем не менее имеются черты, более характерные для монголов, чем для тюрков. В частности, хотя те и другие жили в юртах одинаковой конструкции, у ухуаней выход из юрты был обращен на восток, к солнцу. Это же засвидетельствовал Фу Чжэп, ездивший послом от династии Сун к монголоязычным киданям и сделавший запись: «Все войлочные юрты киданей также обращены на восток»²⁸.

Ухуани брили головы, считая, что это приносит облегчение и удобство, в то время как сюнну, относящиеся скорее всего к тюркоязычным народам, сохраняли на голове волосы, что видно из жизнеописания военачальника Ли Лина, перешедшего на сторону сюнну. При ханском императоре Чжао-ди (86—73 гг. до н. э.) к сюнну был отправлен в качестве посла старый друг Ли Лина Жэнь Ли-чжэп, чтобы склонить его вернуться на родину. На пиршестве в честь прибывшего посла его принимали Ли Лин и Вэй Люй, сюннусец по происхождению, родившийся и выросший в Китае. Оба были в сюннуских одеждах, а их волосы на голове по сюннускому обычаю уложены в остроконечный пучок. На предложение вернуться в Китай Ли Лин ничего не ответил, а затем, погладив волосы, сказал: «Я уже надел хускую [сюннускую] одежду»²⁹.

Точно так же, как у ухуаней существовала священная гора Чишань, у монголоязычных киданей священной считалась гора Хэйшань. Е Лун-ли рассказывает: «В день зимнего солнцестояния... глава государства, обратившись лицом к северу, совершает преклонение горе Хэйшань, возливает вино и приносит жертвы духу этой горы. Как говорят, души умерших киданей находятся в ведении духа горы Хэйшань. Кроме того, кидане рассказывают, что все умершие находятся в ведении духа этой горы, не исключая и богатых. Гора Хэйшань у киданей подобна горе Дайцзун (она же Дайшань) у китайцев, которой подведомственны души всех умерших»³⁰. Приведенная цитата говорит об общности религиозных представлений у ухуаней и киданей.

Основываясь на свидетельствах о том, что ухуани занимали древние монгольские земли в бассейне верхнего течения Амура, учитывая возможности отождествить два сохранившихся слова — этноним *ухуань* и название женского головного убора *гоуцзюэ* — с соответствующими монгольскими словами и принимая во внимание наличие некоторых характерных обычаев, общих для монголов и ухуаней, можно предполагать, что ухуани относились к монголам и были первым монгольским племенем, о котором сообщают китайские источники.

Этническая принадлежность сяньби

После того как Маодунь нанес поражение дунху, они рассеялись в разные стороны. Одна часть бежавших осела у горы Ухуань, другая — у горы Сяньби, с названиями которых связаны этнонимы *ухуань* и *сяньби*. На новом месте сяньбийцы жили рядом с ухуанями и не поддерживали отношений со Средним государством. Из этого следует, что сяньбийцы, как и ухуани, занимали земли в бассейне верхнего течения Амура, искони заселенные монгольскими племенами. В правлении поздниханьского императора Гуан-у (25—58 гг.) они совместно с сюнну стали совершать набеги на северные китайские границы. В 49 г. сяньбийцы впервые прислали к ханьскому двору послов, установив таким образом отношения с Китаем.

Вопрос об этногенезе сяньбийцев уже давно привлек внимание японского профессора Сиратори. Его работа «Исследование народов, входящих в группу дунху», хотя и недостаточно аргументированная в лингвистическом отношении, представляет значительную ценность из-за большого количества фактического материала, а поэтому широко используется нами. К сожалению, из языка сяньбийцев сохранились только топонимические названия, но в большинстве случаев для них имеется буквальный китайский перевод, что облегчает определение их значений.

Лингвистические данные. 1. Гора Сяньби и этноним *сяньби*.

Фань Е пишет: «Сяньби так же [как и ухуани] ветвь [народа] дунху. Они отдельно осели у горы Сяньби, от которой получили свое название»³¹. Китайские источники по-разному определяют местонахождение горы Сяньби. В работе «Тун-дянь» танского ученого Ду Ю, с одной стороны, отмечается, что эта гора находилась в уезде Лючэн (главный город уезда стоял на месте современного населенного пункта Цзиньаньпу в 60 ли к юго-западу от уездного г. Чапли в пров. Хэбэй) и лежала к востоку от Цичэна, расположенного в 200 ли к юго-востоку от уездного города, а с другой стороны, гово-

²⁸ Е Лун-ли. Указ. соч., гл. 24, с. 26.

²⁹ Бань Гу. История династии Хань, гл. 54, с. 15а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

³⁰ Е Лун-ли. Указ. соч., гл. 27, с. 3а.

³¹ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 8а.

рится, что за укрепленной линией, в ста ли к северу от округа Ляоси также имеется гора Сяньби. Приведя указанные свидетельства, автор «Жэхэ чжи» («Описание Жэхэ») замечает: «Поскольку в Тун-дянь дается два местонахождения горы Сяньби, ясно, что уже во времена Ду Ю нельзя было определить ее местонахождение»³². В сочинении «Итун чжи»³³ приводится свидетельство «Истории Поздней династии Хань» о том, что сяньбийцы собирались в последнем месяце весны на р. Жаолэ, к югу от этой реки лежала киданьская область Дадифу, входившая в район Восточной столицы. Отсюда делается вывод, что где-то здесь должна была находиться и гора Сяньби. Однако р. Жаолэ, которую авторы «Итун чжи» отождествляют с современной Инцзиньхэ, протекает по территории трех уездов — Чифын, Цзяньчан и Чаоян, в связи с чем трудно определить, где находилась гора. Гу Цзю-юй (1631—1693 гг.) в главе 18 сочинения «Души фаньюй цзяю» отмечает, что «некоторые считают, что Сяньби — это другое название горы Циншань» и, ссылаясь на «Тун-дянь», говорит, что гора Циншань находилась в 190 ли к востоку от г. Лючэн³⁴. Хотя Гу Цзю-юй отождествляет гору Сяньби с Циншань, в «Старой Истории династии Тан», в части, посвященной киданям, указывается: «Кидане, являвшиеся вассалами туцзюэ, часто воевали с [племенем] си, а в случае неудачи укрывались в горах Циншань и Сяньби»³⁵. Из этого свидетельства ясно, что Сяньби и Циншань — разные горы.

Разобрав свидетельства китайских источников, Сиратори приходит к выводу о невозможности определить местонахождение горы Сяньби. В этом он совершенно прав. Искать гору Сяньби где-то вблизи границ Китая, как это делают китайские авторы, бесполезно. Ведь, по свидетельству Фань Е, «в начале династии Хань сяньбийцы так же [как и ухуани] были разбиты Маодунем и бежали в земли, расположенные далеко от укрепленной линии в округе Ляодун, где жили рядом с ухуанями, никогда не устанавливая связей со Средним государством»³⁶. Следовательно, если ухуани занимали земли в бассейне верхнего течения Амура, там же должны были находиться и сяньбийцы, жившие рядом с ухуанями, и там же должна была лежать гора Сяньби, от которой они получили свое название.

Проф. Сиратори предпринял интересную попытку определить значение слова *сяньби*. Он

обратил внимание на письмо ханьского императора Сяо-вэня сюннускому правителю Маодуню (174 г. до н. э.). В этом письме перечисляются отправленные подарки, среди которых золотой пояс, украшенный раковинами, и золотая пряжка для пояса, названная не китайским словом *суйпи*³⁷. Включенное в текст чужеземное слово вызвало многочисленные объяснения китайских авторов, собранные комментатором «Исторических записок» Сыма Чжэном (713—742 гг.). В своем комментарии он отмечает, что иероглифы *суйпи* в различных источниках пишутся по-разному. В «Истории династии Хань», в аналогичном тексте, стоят иероглифы *сипи*, причем, как считает Мэн Кан (180—260 гг.), они означают «большой пояс на талию», а Янь Ши-гу (581—645 гг.) говорит: «Сипи — это пряжка на поясе хусцев. Ее называют также сяньби или шиби, но все эти названия обозначают одну и ту же вещь»³⁸. В «Чжаньго цз» говорится, что Улин-ван, правитель владения Чжао, пожаловал Чжоу Шао украшенный раковинами пояс с золотой шиби, и, как считает комментатор Янь Ду, под шиби имеется в виду пряжка на кожаном поясе хусцев. В письме к Доу Сяню Бань Гу говорит о пожаловании ему пояса с золотой головой сиби. Однако наибольший интерес представляет толкование Чжап Яня (комментатора III в. до н. э.), который говорит, что *суйпи* — это «сяньби голодай и является названием зверя, предвещающего счастье; [племени] дунху любят носить такие пояса»³⁹. Как считает Сиратори, *сяньби голо* — не китайские слова, *дай* — кит. 'пояс', а «название зверя, предвещающего счастье» — перевод чужеземных слов на китайский язык.

В маньчжурском языке понятия «добрый знак», «знамение», «счастливое предзнаменование», «предвестие» передаются словом *саби*, производными от которого являются *сабинь-ту* — «самка баснословного зверя» и *сибитунь* — названия баснословного зверя, вышиною в сажень, у которого голова сайги: *gio*, хвост и попытка коровы, голова барана, ноги лошади, с одним рогом, на конце которого кусок мяса. Ему приписывают свойства милостивого, так что он не топчет червя и не мнет травы⁴⁰. Таким образом, слово, переданное в китайской транскрипции как *суйпи*, *сипи*, *сяньби* и *шиби*, фонетически близко к *саби* и имеет с ним аналогичное значение — «счастливое предзнаменование». Слово *голо* — «дикий зверь» фонетически близко к маньчжурскому *гуругу* и монгольскому *gürügesün ~ gürügesü* — «дикий зверь», «четвероногое животное»⁴¹. Отсюда *сяньби го-*

³² «Жэхэ чжи». (Описание провинции Жэхэ). По: Сиратори Кураки. Указ. соч., с. 21.

³³ «Итун чжи». (Географическое описание государства Мин). По: Сиратори Кураки. Указ. соч., 21.

³⁴ Гу Цзю-юй. Ду ши фаньюй цзяю. (Важнейшие замечания по географии, предназначенные для изучающих историю). По: Сиратори Кураки. Указ. соч., с. 21.

³⁵ Лю Сюй. Указ. соч., гл. 1996, с. 5а.

³⁶ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 86.

³⁷ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 15а.

³⁸ Бань Гу. Указ. соч., гл. 94, с. 126.

³⁹ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 15б.

⁴⁰ Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, с. 561.

⁴¹ Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844—1849, с. 2644.

лодай — 'пояс с прыжкой с изображением баснословного зверя, предвещающего счастье'⁴². Подобное толкование хорошо согласуется с данными современной археологии, в распоряжении которой имеется много золотых блях и пряжек с изображениями фантастических животных, найденных в Южной Сибири и относящихся ко времени существования государства сюнну.

Итак, название горы Сяньби, с которой тесно связан этноним *сяньби*, означало «гора, предвещающая счастье», или «счастливая гора».

2. Река Жаолэшуй. Местонахождение и происхождение названия. На берегах р. Жаолэшуй, которую в тексте «Вэй шу» Юй Хуань называет Цзялоэшуй⁴³, сяньбийцы собирались в последнем месяце весны и совершали свадебные обряды. Китайские авторы затратили немало труда для определения местонахождения этой реки. В частности, минский ученый Гу Цзю-юй (1631—1693 гг.) в главе 18 своего труда «Души фанюй цзяю» пишет: «Река Жаолэшуй находится к северу от караула Данин (в ста ли к северу от уездного города Пинцюань в Жэхэ). Также берет начало в горах Маюйшань, течет на северо-восток и впадает в Хуанхэ (Шара-Мурэн). После карательного похода войскового императора У-ди (Цао Цао) на север против ухуаней вождь [племени] кумоси учредил на ней свою ставку». Далее Гу Цзю-юй, ссылаясь на зафиксированные исторические факты, приводит многочисленные названия, под которыми р. Жаолэшуй упоминается в китайских источниках. Он отмечает: «В 3-м году эры правления Тай-нин (325 г.) Ши Лэ приказал Юйвэнь Цидэюю напасть на Мужун Хуая, для отражения которого Мужун Хуай послал своего сына Мужун Хуана. Цидэюй оказал сопротивление на р. Цзяошуй, но потерпел сильное поражение⁴⁴». Упоминаемая здесь р. Цзяошуй — другое название р. Жаолэшуй.

Эта же река известна под названием Жолошуй. В 13-м году эры правления Тай-юань (388 г.) Тоба Гуй разбил кумоси к югу от р. Жолошуй⁴⁵. Жаолэшуй называют также Цзяолошуй. Во 2-м году эры правления Лун-ань (398 г.), когда Мужун Бао перенес столицу в Лунчэн, ему посоветовали неожиданно напасть на кумоси, в связи с чем он переправился на севере через р. Цзяолошуй⁴⁶. Ссылаясь на сочинение «Ляо чжи», Гу Цзю-юй сообщает, что, потерпев поражение от Мужун Хуана, кумоси переселились в земли между Сун и Мо, но затем снова появились в районе к югу от р. Жаолэшуй и к северу от р. Вэньюйшуй. При династии Тан здесь было создано жаолэское генерал-губернаторство, получившее название от р. Жаолэ, которую называют также Хуанхэ

(Желтая река), поскольку она впадает в р. Хуаншуй (Шара-Мурэн). И, наконец, в сочинении «Бэйбянь шиши» говорится, что «река Хуанхэ (Шара-Мурэн) находится примерно в тысячу триста ли от Цзимыня. Река не очень широка и глубока. Большинство местного населения пасет на ней скот. Ее называют также Бэйхуанхэ или по-туземному Кара-Мурэн. Некоторые называют Хуанхэ Улунцзян».

Итак, по свидетельству Гу Цзю-юя, р. Жаолэшуй, или Цзялошуй, упоминается в китайских источниках под названиями Цзяошуй, Жолошуй, Цзяолошуй, Хуанхэ, Бэйхуанхэ, Кара-Мурэн и Улунцзян, но ни одно из них не отождествляется ни с одной из известных рек. Исходя из утверждения, что р. Жаолэшуй брала начало в горах Маюйшань, текла на северо-восток и впадала в Шара-Мурэн, можно думать, что Гу Цзю-юй имеет в виду современную р. Лаохахэ. Однако этому противоречит свидетельство, что кумоси жили к югу от Жаолэшуй и к северу от Вэньюйшуй, поскольку Вэньюйшуй — древнее название Лаохахэ. Возможно также, что под Жаолэшуй имеется в виду р. Инцзинхэ, протекающая по территории уезда Чифын и впадающая в Лаохахэ.

Более определенно свидетельство «Жэхэ чжи» («Описание Жэхэ»), в котором Жаолэшуй отождествляется с р. Инцзинхэ. В этом сочинении указывается: «В „Истории династии Вэй“ река Жаолэ называется Жолошуй, в „Шиллю го чуньцю“ — Цзялоэшуй и в „Тун-дянь“ — Жулохуаньшуй. Несмотря на разницу в названиях, все они относятся к одной и той же реке». В «Итун чжи» говорится, что Жаолэшуй — одно из названий современной р. Хуанхэ (Шара-Мурэн). Рассмотрим это утверждение. В комментарии к «Хань шу» только сообщается, что Жаолэшуй находилась к северу от области Инчжоу, в последующих же официальных историях «Суй шу» и «Тан шу» отмечается, что на берегах Хуаншуй жили кидане, а земли в бассейне Жаолэшуй принадлежали кумоси. В «Истории династии Вэй», в основных записях о деяниях основателя этой династии, а также в «Шиллю го чуньцю» указывается, что Тай-цзю переправлялся через Жаолэшуй во время карательного похода против кумоси. По свидетельству «Тун-дянь», кумоси распоряжались землями к северу от Жаолэшуй. Таким образом, несомненно, по р. Жаолэ жили кумоси.

Судя по материалам о киданях и кумоси в «Истории династии Тан», все киданские вожди, изъявившие покорность Китаю, назначались генерал-губернаторами области Сунмо. Название области возникло в связи с тем, что часть их владения была занята пустынной землей (мо), а часть — сосновым лесом (сун). В то же время изъявившие покорность вожди кумоси назначались генерал-губернаторами области Жаолэ, которая получила свое название

⁴² Сиратори Куракиги. Указ. соч., с. 21—26.

⁴³ «Сяньго чжи, Вэй шу», гл. 30, с. 5а.

⁴⁴ Сыма Гуан. Указ. соч., гл. 93, с. 2933.

⁴⁵ Там же, гл. 107, с. 3384.

⁴⁶ Там же, гл. 110, с. 3463.

от находившейся в ней, р. Жаолэ. В дорожных записях Фу Би, ездившего послом к киданям, рассказывается, что, выехав из Средней столицы на север и проехав 260 ли, он прибыл на подворье Чунсиньгуань, за которым попили старые киданьские земли, между тем как к югу от подворья лежали земли кумоси. Совершенно ясно, что территория, занятая кумоси, не переходила на север за хр. Сунсинлин и для названия области Жаолэ, которую они занимали, не могло быть использовано название реки, находившейся в землях киданей. Кроме того, в «Старой Истории династии Тан» в повествовании о киданях говорится, что они жили к югу от Хуаншуй (Шара-Мурэн), а в повествовании о кумоси сказано: «От реки Жаолэ, находящейся к северо-западу от Инчжоу, попадаешь в их владение». Приведенные свидетельства позволяют считать, что оба названия, Хуаншуй и Жаолэ, употреблялись самостоятельно и никак не могут относиться к одной и той же реке.

Из больших рек к северу от караула Данин имеется только одна — Инцзиньхэ, и именно ее в древности называли Жаолэшуй. Земли караула Данин при государстве Ляо входили в район Средней столицы, о котором сообщается, что он находился к югу от р. Жаолэ. Из этого ясно, что река протекала на севере указанного района. Кроме того, в «Ляо ши» говорится, что в области Гаочжоу имелась р. Лэхэ (автор «Жэхэ чжи» принимает ее за Жаолэ). Поскольку к югу от Гаочжоу в 140 ли лежала Средняя столица, р. Лэхэ находилась к северу от нее, что совпадает с современной р. Инцзиньхэ, протекающей к северу от областного г. Пинцзянь (обл. Пинцзянь занимала земли, входившие в государство Ляо в район Средней столицы).

В сочинении «Души фанюй цзяо» сообщается, что р. Жаолэ находилась к северу от караула Данин, брала начало в горах Маюйшань, текла на северо-восток и впадала в Хуанхэ (Шара-Мурэн). Это может быть только Лаохэ, вытекающая из гор Маюйшань, в то время как истоки Инцзиньхэ находятся далеко от этих гор. По-видимому, нельзя полностью полагаться на свидетельство «Души фанюй цзяо».

Утверждения «Жэхэ чжи» о том, что Жаолэ — современная р. Инцзиньхэ и что Хуанхэ и Жаолэ — разные реки, вызвали возражения проф. Сиратори. Он говорит, что в главе 196 сочинения «Тун-дянь» в примечании к названию р. Жаолэ отмечается, что она находилась в округе Лючэн. Главный город этого округа лежал вблизи современного уездного г. Чаоян, и, казалось бы, здесь же неподалеку должна была находиться и р. Жаолэ. Однако в главе 200 «Тун-дянь» в повествовании о кумоси сказано: «Распоряжались районом к северу от реки Жаолэ, т. е. древними сяньбийскими землями». Согласно примечанию к цитате, это «другое название Жулохуаньшуй, которое, по-ви-

димому, является искаженным названием Жаолэ». Кроме того, в следующем ниже примечании сообщается, что «кочевья кумоси находились более чем в двух тысячах ли к северо-востоку от современного города Лючэн». Отсюда ясно, что основные земли кумоси были расположены весьма далеко от Лючэна, поэтому р. Жаолэ, место их расселения, не могла находиться вблизи Чаояна.

Помочь определению местонахождения Жаолэ может, по мнению Сиратори, ее другое название — Жулохуань. Оно встречается в повествовании о племени уцзи в «Вэй шу» при описании дороги от Хэлуна (современный г. Чаоян) до их земель: «Более чем в двухстах ли к северу от Хэлуна находится гора Шаньюйшань. Через тринадцать дней пути от этой горы на север лежит гора Цилишань. Еще через семь дней пути на север подъезжаешь к реке Жулогуй, ширина которой более одного ли. Отсюда через пятнадцать дней пути на север доезжаешь до реки Тайлушуй. Далее через восемнадцать дней пути на северо-восток прибываешь во владение уцзи. В их владении имеется большая река, шириною свыше трех ли, которую называют Сумошуй». Об обратном пути из земель уцзи до Хэлуна рассказал посол уцзи Иличжи, прибывший в эру правления Янь-син (471—475 гг.) ко двору династии Северная Вэй. По его словам, «выехав из владения, он поднялся на лодке по реке Наньхэ и, двигаясь на запад, приплыл к реке Тайлихэ. Здесь он потопил лодку, вышел на южный берег реки и дальше двигался по суше. Затем переправился через реку Логу и по западной окраине киданьских земель прибыл в Хэлун».

При сопоставлении двух приведенных отрывков становится очевидным, что р. Логу, названная в аналогичном тексте «Бэй ши» Логушуй (гл. 94, л. 16а), соответствует Жулогуй, а р. Тайли, упоминаемая в «Бэй ши» под названием Тайяолушуй (гл. 94, л. 16а), — р. Тайлу. Разница в названиях объясняется, по-видимому, тем, что авторы «Вэй шу» и «Бэй ши» пользовались различными источниками.

Если отождествить приведенные географические названия с современными, то Хэлун — это город Чаоян; р. Тайлушуй (Тайлихэ), называемая в «Новой Истории династии Тан» Талоухэ, а в «Ляо ши» и «Цзинь ши» — Таоэрхэ, — современная р. Таоэрхэ; р. Сумошуй, упоминаемая в «Новой Истории династии Тан» под названием Сумошуй (два варианта написания) — современная Сунгари; р. Наньхэ, встречающаяся в «Вэй шу» под названием Нахэ, а в «Тан шу» под названием Нахэ, — Амур. Таким образом, путь до земель уцзи шел от Чаояна на север через аймаки Аохань и Наймань, далее через Шара-Мурэн, на северо-востоке до нижнего течения Таоэрхэ, откуда по Сунгари в Амур. Р. Жулогуй находилась примерно в 22 днях пути от Чаояна, а от нее в 15 днях

пути протекала Тайлушуй (Таоэрхэ), причем здесь нет никаких других рек шириной более одного ли, кроме Шара-Мурэн. Поэтому, основываясь на свидетельстве «Тун-дянь», что Жулохуань — искаженное название Жаолэ, последнюю можно отождествить только с Шара-Мурэн. «Тун-дянь» отождествляет Жулохуань с современной р. Инцзиньхэ, но тогда, чтобы проехать от Чаояна до Сунгари и переправиться через нее, было бы необходимо сделать большой крюк на северо-запад.

В главе 70 «Жэхэ чжи» приводится цитата из «Шилу го Чуньцю»: «Мужун Бао неожиданно напал на кумоси. В день цзи-вэй он выступил на север, а в день цзя-шэнь переправился через реку Цзяолэшуй, находившуюся в однодневном переходе от Лунчэна (Чаоян)». Упоминаемая здесь р. Цзяолэшуй — другая транскрипция Жаолэшуй, но тогда, исходя из сообщения, что она находилась в однодневном переходе от Лунчэна, ее нельзя отождествлять с Шара-Мурэн. Однако внимательно рассмотрим к тексту: Мужун Бао выступил в день цзи-вэй из Лунчэна, а в день цзя-шэнь прибыл на берега Цзяолэшуй, ему понадобилось на это 26 дней, поэтому в «Шилу го Чуньцю» допущена ошибка — вместо «однодневный переход» следовало сказать «месячный». Становится ясно, что Цзяолэшуй находилась далеко от Чаояна и ее нельзя отождествлять с Инцзиньхэ.

Рассмотрев свидетельства китайских источников и отождествив р. Жаолэ, или Цюлэ, с Шара-Мурэн, Сиратори приходит к выводу, что названия Жаолэ и Цюлэ — транскрипция не китайского слова, поэтому неудивительно, что эта же река называется в «Вэй шу» Жулогуй, Логуйшуй, Жолошуй и Жошуй, в «Бэй ши» — Логуйшуй, в «Шилу го Чуньцю» — Цзяолэшуй и Цзяошуй, в «Тун-дяне» — Жулохуаньшуй. В «Удай шицзи» об этой же реке говорится: «Кидане становятся известными в Среднем государстве, начиная с Поздней династии Вэй. Некоторые говорят, что они одного корня, но разной ветви с кумоси. Место, где они живут, называется Сяологэ моли. Моли означает река»⁴⁷. Значение названия Сяологэ раскрывается в «Цидань го чжи»: «В их землях есть две реки. Одна называется Бэймели моли, которую называют также Таовэйсы моли. Берет начало в горах Маюйшань, находясь к западу от Средней столицы, и течет на северо-восток. На китайском языке это так называемая река Тухэ (Земляная река). Другая называется Сяологэ моли (судя по тексту Удай ши в «Цидань го чжи» ошибочно вместо иероглифа *сяо* поставлен похожий на него иероглиф *ляо*), которую называют также Нюйгу моли. Берет начало в местности Пинди сунлин, к юго-западу от Жаочжоу, и течет прямо

на восток. На китайском языке это так называемая река Хуанхэ»⁴⁸.

Хуанхэ, или Хуаншуй, пишется в китайских источниках по-разному, в одних случаях Хуаншуй (Желтая река), в других употреблен иероглиф *хуан* — «желтый» с ключевым знаком *шуй* — «вода». Объясняя это расхождение, автор «Жэхэ чжи» в главе 71 говорит: «В „Старой Истории династии Тан“ в повествовании о киданях и в жизнеописании Ань Лу-шаня во всех случаях пишется Хуаншуй (Желтая река). Написание Хуаншуй (с другим иероглифом) появляется, только начиная с „Новой Истории династии Тан“, и его придерживаются более поздние истории государств Ляо и Цзинь. В „Итун чжи“ говорится, что так было сделано, чтобы установить различие с Хуанхэ». Таким образом, независимо от написания, Хуаншуй — Желтая река.

Понятие «желтый» в монгольских языках передается словами *шира*, *шара*, а при необходимости выразить неполноту качества к имени прилагательному прибавляется суффикс *ха*, *хан*. Поэтому *шира*, *шара* — «желтый», *шираха*, *ширахан*, *шараха*, *шарахан* — «желтоватый». Исходя из этого, Сиратори рассматривает названия *Жулогуй* и *Сяологэ* как транскрипцию монгольского *шараха*; *Жулохуань* как *шарахан*; *Цюлэ*, *Жаолэ*, *Жоло* и *Цяоло* как *шара*.

Итак, р. Жаолэ — современная р. Шара-Мурэн, а ее название — китайская транскрипция монгольского *шара* — «желтый».

3. Таньшихуай — выдающийся сяньбийский вождь. Фан Е свидетельствует: «Его отец Тоулухоу в прошлом три года служил в войсках сюнну, и в это время его жена, оставшаяся дома, родила сына. Когда Тоулухоу вернулся, это удивило его и он хотел убить ребенка. Однако жена сказала, что как-то днем, идя по дороге, она услышала удар грома. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на небо, ей в рот упала градинка, которую она проглотила, после чего забеременела и через десять месяцев родила сына. Этого ребенка, сказала жена, несомненно ждет необыкновенное, поэтому его следует вырастить и посмотреть, что его ожидает. Тоулухоу не послушал жену и выбросил младенца. Тогда жена тайно сказала домашним, чтобы они подобрали и вырастили ребенка, которому она дала прозвище Таньшихуай»⁴⁹.

Таньшихуай получил прозвище в связи с якобы ожидавшей его необыкновенной судьбой, о чем сказала мать. В монгольском языке понятия «чудо», «диво», «странность», «чудный», «дивный», «странный», «замечательный», «достопримечательный» выражаются словом *tangsq* или с уменьшительным суффиксом —

⁴⁷ Удай шицзи, гл. 72, л. 16. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958).

⁴⁸ Е Лун-ли. Указ соч., введение, с. 1а.

⁴⁹ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 136.

tangsuggan⁵⁰, транскрипцией которого и является прозвище Таньшихуай⁵¹.

4. Таньхань — название горы, находившейся более чем в 300 ли к северу от Гаолю, около которой Таньшихуай учредил свою ставку. По мнению Сиратори, г. Гаолю находился на северо-востоке бывшей области Датунфу (главный город области, современный Датун) в Шаньси, поэтому лежавшая от него в 300 ли к северу ставка Таньшихуай должна была находиться вблизи современного Чжанцзякоу. До возвышения сяньбийцев на этих землях жили ухуани, причем «особенно сильными и богатыми были жившие за укрепленной линией округа Шангу у горы Байшань»⁵².

На этом основании Сиратори высказал предположение, что Таньхань и Байшань — одна и та же гора, названная в первом случае на языке кочевников, а во втором — по-китайски. Байшань — букв. «Белая гора», а понятие «белый» выражается в монгольских языках словами *чаган*, *чхан*, китайской транскрипцией которых является Таньхань⁵³.

5. Р. Ухоуцин. Местонахождение и происхождение названия. Фань Е пишет: «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцин, занимавшую площадь в несколько сот ли. Вода в реке стояла на месте и не текла; в ней была рыба, которую не могли поймать. Услышав, что жители владения Вожань искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более тысячи семей и переселил их на берега реки [Ухоу]цин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище»⁵⁴.

Сиратори отождествляет р. Ухоуцин с современной Лаохахэ. Он отмечает, что в прошлом р. Лаохахэ была известна под различными названиями. В частности, в «Суй шу», в разделе, посвященном киданям, говорится: «Они жили по реке Тохэчэнь, в двухстах ли к северу от округа Ляоси»⁵⁵. В новой и старой историях династии Тан эта река называется Тухучжэнь, однако наблюдается различие в написании первого иероглифа⁵⁶. В «Цидань го чжи» читаем: «В их землях есть две реки. Одна называется Бэймели моли, которую называют также Таовэйсы моли. Берет начало в горах Майюшань, находящихся к западу от Средней столицы, и течет на северо-восток. На китайском

языке это так называемая река Тухэ [Земляная река]»⁵⁷.

Тохэчэнь, Тухучжэнь и Таовэйсы — китайская транскрипция иноязычного слова, означавшего, по свидетельству «Цидань го чжи», «земля», в связи с чем и возникло китайское название Тухэ (Земляная река). Это название употреблялось в хрониках государств Ляо⁵⁸ и Цзинь⁵⁹ и сохранялось по крайней мере до начала династии Цин, о чем говорит следующая цитата из «Души фанью цзияо»: «Река Тухэ берет начало в горах Майюшань, течет по южной части караула Данин, поворачивает на северо-восток к горе Муешань, находящейся в карауле Ноинь, и сливается с Хуанхэ (Шара-Мурэн)».

Происхождение названия Тухэ объясняется в главе 70 сочинения «Жэхэ чжи»: «Река Лаохахэ — то же, что и река Тухэ, причем до настоящего времени употребляется и то и другое название. В „Суй шу“ она называется Тохэчэнь, а в „Тан шу“ — Тухучжэнь, что является транскрипцией одного и того же названия. В „Ляо ши“ и „Цзинь ши“ ее называют Тухэ, сокращенной формой от Тухэчжэнь (т. е. взят только первый иероглиф *ту*)». Сиратори возражает против этого утверждения и считает, что Тухэ — не сокращенная форма от Тухэчжэнь, а перевод на китайский язык монгольского *toγosun* ~ *toγosu* — ‘пыль, земля’⁶⁰. На этом основании он полагает, что иероглиф *у* в названии р. Ухоуцин употреблен ошибочно вместо похожего на него иероглифа, имеющего чтение *дао*. В этом случае Ухоуцин следует читать как Даохоуцин, что фонетически близко к монгольскому *toγosun*.

Таким образом, большинство топонимических названий, упоминаемых в истории сяньби, благодаря буквальному переводу на китайский язык может быть отождествлено с соответствующими монгольскими словами. Первоначально, по свидетельству Фань Е, сяньбийцы жили рядом с ухуанями, занимавшими земли в бассейне верхнего течения Амура, которые издавна принадлежали различным монгольским племенам, одним из которых можно считать сяньби. Их обычаи походили на обычаи ухуаней, т. е. были более свойственны монголам, чем тюркам. Все это дает основание считать сяньбийцев, как и ухуаней, одним из древних монгольских племен.

Общественный строй ухуаней и сяньбийцев

Наиболее полные сведения об ухуанях и сяньбийцах дошли до нас благодаря труду

⁵⁰ Ковалевский О. Указ. соч., с. 1567.

⁵¹ Сиратори Куракиги. Указ. соч., с. 49.

⁵² Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 46.

⁵³ Сиратори Куракиги. Указ. соч., с. 51, 52.

⁵⁴ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 196, 20а.

⁵⁵ «Суй шу», гл. 84, с. 206.

⁵⁶ Лю Сюй. Указ. соч., гл. 200А, с. 2а.

⁵⁷ Е Лун-ли. Указ. соч., л. 1а.

⁵⁸ «Ляо ши», гл. 39, с. 16.

⁵⁹ «Цзинь ши», гл. 24, с. 76.

⁶⁰ Сиратори Куракиги. Указ. соч., с. 44.

Фань Е «История Поздней династии Хань». В кратком отрывке, посвященном обычаям ухуаней, Фань Е удалось отразить основные занятия ухуаней, рассказать о формах собственности на средства производства, обрисовать в общих чертах их общественную организацию. В то же время в рассказе о сяньби, за исключением отдельных деталей, нет сведений, позволяющих судить об их общественном строе. Однако все, что Фань Е сообщает об ухуанях, относится и к сяньбийцам, поскольку, по его словам, у них были одинаковые обычаи. Чтобы не повторяться, Фань Е рассказывает о первых более подробно, чем о вторых. Следуя за ним, мы также будем говорить лишь об ухуанях, имея в виду, что все сказанное справедливо и для сяньби.

Хозяйство ухуаней. Главным занятием ухуаней было кочевое скотоводство, о чем говорит принятая китайскими историками традиционная формула, применяемая в отношении всех кочевников: «пасут скот, отыскивая места с [хорошей] водой и травой». Пожалуй, наиболее ярко эта формула раскрыта сановником Чао Цо в докладе ханьскому императору Сюаню, в котором он писал: «Хусцы (сюнну) питаются мясом, пьют кислое молоко, одеваются в кожи и меха, не имеют ни городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, ни жилищ в полях, служащих пристанищем. Они живут, бродя по широким степям, подобно летающим птицам или бегающим зверям, останавливаются там, где есть прекрасная трава и вкусная вода, когда же трава кончается, а вода иссякает, переходят на другое место»⁶¹. Подобная система хозяйства может быть с полным правом названа первобытным скотоводством. «Самой характерной ее особенностью является минимальное вмешательство человека в совершающиеся естественно-исторические процессы»⁶².

Хотя Фань Е не сообщает, какие виды скота разводили ухуани, об этом можно судить, основываясь на косвенных свидетельствах. Например, в качестве свадебных подарков ухуани использовали крупный рогатый скот, лошадей и овец. Этими же животными они откупались от наказания. Ежегодная дань, которую ухуани платили сюнну, состояла из крупного рогатого скота, лошадей и овечьих шкур⁶³. Следовательно, основными видами животных были лошади, крупный рогатый скот и овцы. Скот давал мясо и кислое молоко в пищу, грубую и тонкую шерсть, из которой делали ткани для одежды. Искусные наездники и стрелки из лука, ухуани придавали важное значение охоте.

Таким образом, как и другие кочевые народы, они были номадами — пастухами и охотниками одновременно, но основу их экономической жизни составляло скотоводство.

Из-за ограниченности травяных ресурсов и количества дичи, скотоводство и охота не могли обеспечить всех потребностей в пище, приходилось изыскивать другие источники питания. В этой связи интересно сообщение о деятельности выдающегося сяньбийского вождя Таньшихуай: «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоу-цин, занимавшую площадь в несколько сот ли. Вода в реке стояла на месте и не текла; в ней была рыба, которую не могли поймать. Услышав, что жители владения Вождя искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на восток на это владение, захватил более тысячи семей и переселил их на берега реки [Ухоу]цин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище»⁶⁴. Очевидно, что сяньбийцы не знали рыболовства.

Занимались ухуани и земледелием, о чем свидетельствует Юй Хуань: «При возделывании земли время работ всегда определяют по крику кукушки. Земля благоприятна для произрастания черного проса и [растения] дунцян. Дунцян напоминает по виду пэнцао (*erigeron acris*), а его семена похожи на семена подсолнечника. Созревает в десятой луне»⁶⁵. Однако земледелие носило ограниченный характер. Об этом можно судить по набору сельскохозяйственных культур. Фань Е вообще не упоминает о земледелии, а Юй Хуань добавляет, что ухуани «в отношении обрушенного зерна всегда полагались на Срединное государство».

Предметы, необходимые для несложного кочевоего хозяйства, ухуани производили сами, причем существовало известное разделение труда. Женщины вышивали по коже, делали узорчатые вышивки, ткали шерстяные ткани, а мужчины изготовляли луки, стрелы, седла и уздечки, ковали оружие из металла и железа. Однако как бы ни были малы их жизненные потребности, ухуани уже были вовлечены в торговлю с соседними странами. Сообщения о торговле чрезвычайно скупы, но все же имеется несколько прямых указаний на ее существование. При Ван Мане ухуаням было объявлено, что они не должны больше платить налогов сюнну. Со своей стороны сюнну, руководствуясь старыми правилами, отправили по-

⁶¹ Бань Гу. Указ. соч., гл. 49, с. 13а.

⁶² Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1951, с. 114.

⁶³ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 3б.

⁶⁴ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 19б, 20а.

⁶⁵ Юй Хуань — автор ныне утраченного труда «История династии (Цао) Вэй», отрывок из которого приводится Пэй Сун-чжи.

сла требовать у ухуаней уплаты налога, причем за послом последовали сюннуские мужчины и женщины, желавшие торговать⁶⁶. Более важное значение имела торговля с Китаем. Известно, что кочевое скотоводство не может удовлетворить всех потребностей кочевников, поэтому ухуани были заинтересованы в получении из Китая ряда необходимых предметов: зерна, тканей, ремесленных изделий. Вместе с тем и земледельческому Китаю было экономически выгодно получать от кочевников, занимавшихся разведением скота в степях, живой скот, шкуры и т. д.⁶⁷

Собственность на средства производства. Скот, основное богатство ухуаней, находился как в частной семейной, так и в личной собственности. Подобный вывод можно сделать на основании многочисленных свидетельств источников. В частности, Фань Е отмечает, что «от старейшин и ниже каждый сам пасет скот и ведет хозяйство, не привлекая друг друга к выполнению трудовых повинностей»⁶⁸. При описании похоронного обряда говорится: «Берут лошадь, на которой умерший ездил, его одежду и вещи, все сжигают и провожают покойного»⁶⁹. Поскольку лошадь была верховой, она, несомненно, была собственностью того человека, который на ней ездил, точно так же, как его одежда и вещи. Согласно нормам обычного права, в случае грабежа или убийства членам кочевья разрешалось мстить самим, но если стороны не могли прийти к соглашению, они являлись к старейшине, который разрешал виновному откупиться от наказания лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами. Когда Таньшихуай был юношей, старейшина соседнего кочевья угнал скот, принадлежавший родителям его матери. Таньшихуай отбил его, бесстрашно напав на похитителя.

Любопытно свидетельство Бань Гу. После того как Ван Ман узурпировал престол, ухуаням было приказано не платить больше налогов сюнну. Когда сюнну, руководствуясь старыми правилами, стали требовать уплаты налога, ухуани убили приехавшего к ним посла. Разгневанный шаньюй отправил войска, которые разбили ухуаней и угнали в плен около тысячи женщин и детей. Затем ухуаням было объявлено: «Приходите выкупать с лошадьми, кожами и полотном». Более двух тысяч родственников угнанных в плен явились с имуществом и скотом выкупать их, но сюнну взяли выкуп, а явившихся задержали и не отпусти-

ли обратно⁷⁰. Характерно, что выкупать пленных явились не племя или род, а их родственники. Приведенные сведения убедительно говорят о наличии личной и частной семейной собственности. Никаких указаний о родовой собственности на скот или хотя бы о ее пережитках в источниках не содержится.

На вопрос о пастбищах проливает свет свидетельство о том, что «во главе каждого рода (ило) имеется небольшой вождь». Можно полагать, что в основном ухуани кочевали родами по более или менее определенной пастбищной территории. Если бы каждый передвигался со стадами, где ему вздумается, вождь бы не смог осуществлять свои права. Перекочевки родов проводились в границах территории, которая считалась собственностью того или иного кочевья или племени. В «Саньго чжи» говорится: «На восток от Гаолу и к западу от племени хуймо имелось несколько десятков сяньбийских кочевий, земли которых старейшины Кэбинэн, Мицзя и Сули прирезали к себе и управляли ими, имея между собой разграничительные границы»⁷¹. Из приведенной цитаты ясно, что каждое сяньбийское кочевье имело свои земли, которые усилившиеся старейшины Кэбинэн, Мицзя и Сули присоединили к себе, но, присоединив, опять-таки установили между собой границы. В пределах племенной пастбищной территории члены рода могли пасти скот без всяких ограничений, по собственному усмотрению, так как пастбища находились в общем пользовании. Подобный вывод подтверждается сообщением, что при образовании новой семьи семья жены щедро одаривала девушку, предоставляя место для жительства и все имущество.

В источнике употреблены слова «место для жительства». Как указывает Б. Я. Владимирцов, территория, на которой обычно кочевала какая-либо социальная единица, называлась *пунтук* или *пунг* по-монгольски и *yurt* по-тюркски; слова эти обозначали также «становище», «местожительство»⁷². Таким образом, «место для жительства» означает место для кочевания. Характерно, что участки для этой цели предоставлялись семьей жены, без вмешательства вождя.

Изучая общественный строй древних монголов, Б. Я. Владимирцов установил, что в XIII в., в эпоху монгольской империи, все племена и народы, входившие в состав монгольского государства, считались потомственными крепостными вассалами (*unagan bogol*) рода Чингис-

⁶⁶ Бань Гу. Указ. соч., гл. 94Б, с. 20а.

⁶⁷ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 56.

⁶⁸ Там же, с. 16.

⁶⁹ Там же, с. 3а.

⁷⁰ Бань Гу. Указ. соч., гл. 94Б, с. 20б.

⁷¹ «Саньго чжи», гл. 26, с. 76.

⁷² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 57.

хана. Власть рода Чингисхана выражалась в том, что один из родичей становился ханом, повелевающим всей империей; другие же члены рода, главным образом мужские его отпрыски, признавались царевичами, имеющими право на получение в наследственное пользование удела. Все царевичи, владельцы уделов, были вассалами монгольского императора. В свою очередь, все жившие на территории удела, включая степную аристократию в лице сотников, тысячников и темников, считались прежде всего вассалами царевича, которому данный удел был выделен, а затем вассалами монгольского императора как главы империи. Сотники почти всегда являлись вассалами тысячников, а тысячники очень часто оказывались вассалами темников. Получалась система вассальных отношений, довольно стройная, представляющая собой цепь вассалов и арриер-вассалов.

Право владения выделенным уделом выражалось в том, что «*nutug* (*yurt*), т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину *поуоп* или царевичу *köbegun*. ...Раньше владельцем *nutug*'а был род, потом вождь *bagatur*, *ха'ан* и т. п., во времена монгольской державы владельцем юрта-путука становится сеньор (*поуоп*, *köbegun*). В древне-монгольском обществе в период империи у кочевников владение земель выражалось в том, что *поуоп*, т. е. феодальный сеньор, царевич или «тысячник» руководил кочеванием зависящих от него людей (*ulus*), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья и указывая стоянки в определенных местах предоставленного ему нутука-юрта. Феодальный сеньор был действительно господином *ејен'ом*, распорядителем пастбищных территорий»⁷³.

Право сеньора распоряжаться пастбищами убедительно подтверждается ссылками на Рубрика и Платона Карпини, но их свидетельства относятся ко времени существования монгольской империи. Что касается более раннего периода, никаких доказательств, подтверждающих право вождя распоряжаться пастбищами, Б. Я. Владимирцов не приводит.

Право распоряжаться пастбищными территориями существовало у другого кочевого народа — сюнну, в период существования у него государства. Автор «Исторических записок» Сыма Цянь начинает описание политического строя сюнну со слов: «Со времени Шунь-вэя до Тоуманя прошло более тысячи лет, в продолжении которых [сюнну] временами усиливались, временами слабели, распадались и делились, но это было так давно, что невозможно выяснить и последовательно изложить перехо-

ды власти от одного правителя к другому. При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству, поэтому переходы власти от одного правителя к другому и названия государственных чинов [с этого времени] можно выяснить и изложить»⁷⁴.

Согласно изложенному, развитие сюннуского общества делится на два периода. Первый из них — от легендарного родоначальника сюнну Шунь-вэя до шаньюя Тоуманя (? — 209 г. до н. э.). Излагая историю этого периода, Сыма Цянь лишь повторяет отдельные исторические эпизоды, имеющиеся в сочинениях «Шан шу», «Го юй» и летописи Чунь-цю. Эти эпизоды даны в виде отрывков, разделенных обширными хронологическими промежутками, продолжительность которых в отдельных случаях более 300 лет. Сыма Цяню явно не удалось объединить и объяснить имевшиеся в его распоряжении отдельные факты и создать цельную, стройную картину. По-видимому, создавая это, историк отмечал, что за давностью лет «невозможно выяснить и последовательно изложить переходы власти от одного правителя к другому». Ясно одно — в это время у сюнну, которых великий историк называет жунами, не было собственного государства: «Все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собирались свыше ста [племен] жунов, они не сумели объединиться в одно целое»⁷⁵.

История второго периода начинается с правления шаньюя Маодуня, при котором сюнну настолько усилились, что стали государством, равным по силе Ханьской империи. Слово «государство» употреблено в тексте не случайно. Сыма Цянь постоянно оперирует им при описании периода после вступления Маодуня на престол. То, что сюнну в это время создали государственное образование, по-видимому, было общепризнанным среди китайцев. В подтверждение можно привести письмо императора Сяо-вэня, направленное в 162 г. до н. э. шаньюю Лаошану, в котором он писал: «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства»⁷⁶. Основываясь на свидетельствах Сыма Цяня, можно с уверенностью сказать, что политическая система сюнну к эпохе Маодуня претерпела значительные изменения по сравнению с первым периодом их истории. О политической структуре сюнну, сложившейся к эпохе Хань, в источниках имеются сведения, хотя и краткие.

Вот как описывает Сыма Цянь политическую структуру сюннуского общества: «Ставят-ся левый и правый сянь-ваны (букв. мудрый

⁷⁴ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 9а, 9б.

⁷⁵ Там же, с. 5а.

⁷⁶ Там же, с. 19а.

⁷³ Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 111, 112.

ван); левый и правый лули-ваны; левый и правый великий военачальник; левый и правый великий дувэй; левый и правый великий данху; левый и правый гудухоу. Сюнну называют мудрого «туци», поэтому старший сын [шаньюя] всегда назначается левым туци-ваном. От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников], всего 24 пачальника, для которых установлено звание ваньци (букв. темник.). Все сановники занимают должности по наследству. Три фамилии — Хуань, Лань и позднее появившаяся Сюйбу — считаются у сюнну знатными родами.

Все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне, против [округа] Шангу, и далее, грапча на востоке с Хуэйхэ и Чаосянь; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне против [округа] Шанцзюнь, и далее на запад, грапча с юэжи, ди и цянами; ставка шаньюя располагается против [округов] Дай и Юньчжун. Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый лули-ваны. Левый и правый гудухоу помогают [шаньюю] в управлении. Каждый из 24 начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувэйев, данху и цецзюйев»⁷⁷.

Фань Е дополняет описание Сыма Цяня: «Среди крупных сановников наиболее знатными считались левый сянь-ван, а за ним левый лули-ван, правый сянь-ван и правый лули-ван, которых называли четырьмя рогами. Далее шли левый и правый жичжу-ваны, левый и правый вэньюйи-ваны, левый и правый чжаньцзянь-ваны, которых называли шестью рогами. Как те, так и другие являлись сыновьями или младшими братьями шаньюя и становились шаньюями по старшинству»⁷⁸.

Хотя в тексте сянь-ваны, лули-ваны и другие в первом случае названы начальниками, носившими общее название темников, а во втором — сановниками, было бы неправильно рассматривать их как чиновников шаньюя, занимающихся управлением. Об этом говорят сами названия темников. Сыма Цянь или дает их в переводе на китайский язык, или использует сюннуские обозначения, добавляя к ним китайский титул ван — князь, который в эпоху Хань носили не чиновники, а лица, получившие от императора право на управление отдельными владениями. Фань Е, который в отличие от Сыма Цяня избегает перевода на китайский язык, во всех случаях добавляет китайский титул ван к сюннускому слову. Из дошедших

до нашего времени названий темников известно значение лишь одного, а именно — туци-вана, которое Сыма Цянь переводит на китайский язык как «сянь-ван» (мудрый ван). Очевидно, такое название обозначало не должность, а скорее всего титул или прозвище. Возможно, сходный характер имели и остальные названия темников.

По свидетельству Фань Е, темники, по крайней мере главные из них, являлись сыновьями или младшими братьями шаньюя. По видимому, в этом смысле следует понимать утверждение Сыма Цяня: «Все сановники занимают должности по наследству». Здесь под наследованием имеется в виду не переход власти от отца-темника к сыну, а занятие того или иного поста в зависимости от родственных связей с шаньюем. Право предоставления звания темника принадлежало шаньюю. Каждому из 24 темников выделялся участок земли для кочевания. Сыма Цянь, а вслед за ним и Бань Гу приравнивают подобные участки к владениям, по-китайски — «го». Под термином «го» в ханьское время подразумевались феодальные владения, которые император жаловал знати. Правители этих владений, носившие титул ван, были почти независимыми от центральной власти. Они могли сами назначать чиновников, собирать в свою пользу налоги, выпускать деньги, иметь собственные вооруженные силы. Как правило, землю предоставляли одновременно со званием темника, о чем в источниках имеется прямое указание. Так, когда шаньюй Худуэрши даогао жоти поставил своего племянника Би правым юэцзянь жичжу-ваном, он дал ему в управление южные пограничные земли и ухуаней⁷⁹. Кроме того, многочисленны косвенные свидетельства о наделении земель вместе с живущим на ней народом. В 85 г. до н. э. левый сянь-ван и правый лули-ван, которые не смогли занять престол (один по праву престолонаследия, второй по завещанию шаньюя Хулугу), хотели перейти со своим народом на сторону Хань. Их обида была так велика, что они уехали в свои земли и не желали больше приезжать на собрания в Лунчэн⁸⁰. Следовательно, оба князя имели свою землю и управляли жившим на ней народом.

Таким образом, понятие «выделенный участок земли», который можно рассматривать как удел, включало в себя определенную территорию и какое-то число живших на ней людей.

В пределах своих владений темники назначали тысячников, сотников, десятников, мелких князей, т. е. обладали теми же prerogativami власти, что и шаньюй, но только в меньших масштабах. Давая звание, темники наделяли тех, кому это звание предназначалось, землей

⁷⁷ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 96, 10а.

⁷⁸ Фань Е. Указ. соч., гл. 79, с. 76.

⁷⁹ Фань Е. Указ. соч., гл. 79, с. 16.

⁸⁰ Бань Гу. Указ. соч., гл. 94А, с. 31а.

для кочевания. Рисуя образ жизни сюнну, Сыма Цянь сообщает: «В поисках воды и травы [они] переходят с места на место, и, хотя у них нет городов, обнесённых внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли»⁸¹. Сыма Цянь как бы проводит сравнение образа жизни китайцев и сюнну. Китайцы, имевшие города, ведущие оседлую жизнь и занимавшиеся обработкой полей, противопоставляются своим кочевым соседям, переходившим с места на место в поисках воды и травы для скота. Однако, отмечая коренное различие в образе жизни двух народов, Сыма Цянь тут же находит и общее между ними: «Каждый тоже имеет выделенный участок земли». Вставляя в текст слово «тоже», историк хотел сказать, что каждый кочевник имел определенный земельный участок для содержания скота, подобно тому как оседлый земледelec имел участок земли для обработки. Это свидетельство хорошо согласуется с широко известным высказыванием Плано Карпини о монголах: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают темникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам»⁸².

Таким образом, все земли, принадлежавшие сюнну, находились под властью шаньюя, раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые, в свою очередь, падали земли своим приближенным. В общем существовала довольно стройная система, о которой ханьский евнух Чжунхан Юэ сказал: «Отношения между государем и подданными просты, а поэтому управление целым государством подобно управлению своим телом»⁸³. Схематически эту систему можно представить в следующем виде: шаньюй (глава государства) → темники (сыновья и ближайшие родственники шаньюя, стоящие во главе уделов) → тысячники → сотники → десятники.

Сходство политического строя монголов и сюнну в период существования государства позволяет говорить, что возникновение государства сопровождалось у кочевых народов значительными изменениями в социальной организации. Объединить враждующие племена и совершать крупные завоевательные походы можно лишь при наличии сильного аппарата централизованной власти, осуществляющей военное командование и управление народом, что достигалось путем установления феодальной земельной собственности. Переход от племенного владения и свободного общинного пользования пастбищами к феодальному вла-

дению земель и регламентации перекочевков — важный момент в истории развития социальных отношений у кочевых народов, свидетельствующий в пользу возникновения государства.

Общественная организация. Основой хозяйственной и социальной ячейкой ухуаньского кочевого общества была юрта (ло), или семья. Читаем: «Несколько сот или тысяч юрт образуют кочевье». При описании свадебного обряда отмечается, что семья жены «щедро одаривает женщину и провожает ее, предоставляя место для жительства и все имущество». Несомненно, подарки женщине, состоящие из всего необходимого для жизни, преследовали цель материально укрепить вновь возникшую семью.

Семьи (ло) объединялись в коллективы, называемые ило и бу. Перевод этих названий вызывает трудности. Н. Я. Бичурин переводит первый термин как «стойбище», а второй как «община (аймак)», в то время как Л. И. Думан дает перевод «стойбище» и «группа» или «кочевье»⁸⁴. Однако стойбище и кочевье означают одно и то же — стоянка кочевников, в то время как группа — слишком общее и неопределенное понятие, которое может обозначать любую совокупность людей, объединенную общностью интересов, деятельности и т. д. Разобраться в указанных терминах помогает книга акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов». Как указывает Б. Я. Владимирцов, основным элементом древнего монгольского общества (XI—XIII вв.) был род (obog — oboх), который «являлся довольно типичным союзом кровных родственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, союзом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства, но с общностью пастбищных территорий, с предоставлением некоторых особых прав младшему сыну при соблюдении известных прав в отношении к старшему, союзом, связанным институтом мести и особым культом»⁸⁵. «Роды (oboх) находились постоянно в движении и представляли собой величины очень непостоянные, благодаря непрерывным образованиям различных родовых объединений. Действительно, в XII веке, а вероятно, то же самое наблюдалось и раньше, монгольские роды живут отдельно, обособленно только в очень редких случаях; обычно же они образуют различные группы, которые монголы называли *irgen* и которые можно передать словами «племя» и «подплемя» и *ulus*, переводимое как «государство, удел»⁸⁶.

⁸⁴ Думан Л. И. Расселение нескитайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III—IV вв. до н. э. — В кн.: Китай: история, культура и историография. М., 1977, с. 55.

⁸⁵ Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 46, 58.

⁸⁶ Там же, с. 59.

⁸¹ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 16.

⁸² Плано Карпини. История Монголов. М., 1957, с. 45.

⁸³ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 17а.

Таким образом, структуру общественной организации монголов можно представить в следующем виде: семья (*ayil*) — род (*obog* — *obox*) — племя (*irgen*) — государство, удел (*ulus*).

Если приложить эту структуру к ухуаням, то термин *ло* следует переводить как 'юрта' или 'семья', *ило* — 'род', а *бу* — 'племя' или 'кочевье'. Интересно отметить, что в «Истории Поздней династии Хапъ» при описании Заднего владения Чэши вместо иероглифа *ло* употреблен иероглиф *чжан* — 'палатка', т. е. 'юрта', и дается пояснение, что юрта — то же, что и двор в Китае⁸⁷.

Ухуаньскому роду (*ило*) были свойственны почти все черты древнего монгольского рода (*obox*). Свидетельство Фань Е о том, что ухуаны «в гнев убивают отцов и старших братьев, но никогда не причиняют вреда матери, поскольку у матери есть сородичи и они стремятся, чтобы между отцами и старшими братьями не было взаимной вражды», позволяет говорить об экзогамности ухуаньского рода. В противном случае источник не упоминал бы о сородичах, а также об отцах и старших братьях, принадлежащих, судя по тексту, к разным родам. Из приведенной цитаты следует также существование института родовой мести. Причинение вреда матери, принадлежавшей к другому роду, вызывало ответные меры со стороны последнего, а этого ухуаны старались избегать.

О существовании среди ухуаней института родовой мести говорил китайский ученый Чжао И-цин. Обратив внимание на фразу «при сюннуском шаньюе Ияньти (в «Хань шу» — Хуяньти. — В. Т.) ухуаны усилились и раскопали могилу сюннуского шаньюя, чтобы отомстить этим за позор, связанный с поражением, который они потерпели от Маодуня»⁸⁸. Чжао И-цин снабжает ее следующим примечанием: «Ухуаньские старейшины не наследовали свой пост из поколения в поколение, но то, что по прошествии ста лет они стремились непременно отомстить за позор, связанный с поражением их государства, говорит, что им было знакомо мщение. Если позор падал на семью, за него мстили внуки и правнуки, если позор падал на владение, за него мстило все население владения. Разве только один циский Сян-гун мстил за своего предка в девятом поколении»⁸⁹. Циский Сян-гун весной на 4-м году правления Чжуан-гуна уничтожил владение Цзи, отомстив таким образом за своего предка в девятом поколении, который был в свое время оклеветан

правителем владения Цзи и живым сварен правителем Чжоу, поверившим клевете⁹⁰.

Существование когнатных отношений или их пережитков можно видеть в обычаях, по которому мужчина, женившись, пребывал в семье жены на положении слуги один-два года. У монголов имелся подобный же обычай, по которому молодого человека отдавали «в зятя» в семью его будущей жены⁹¹.

Во главе рода стоял вождь сяошуай (маленький предводитель). Несколько сот или тысяч юрт объединялись в кочевье. В частности, при поздниханском императоре Лин-ди (168—190 гг.) ухуаньское кочевье в округе Шангу насчитывало свыше 10 тыс., в округе Ляоси — свыше 5 тыс., в округе Ляодун — свыше 1 тыс. и в округе Юбэйпин — свыше 800 юрт⁹². Во главе кочевья стоял дажэнь, буквально «большой человек», или «старейшина». Старейшинам избирались лица, отличавшиеся храбростью, силой и умением решать спорные дела, наследственной власти не существовало. Японский ученый Янаи Ватару высказал предположение, что выборы старейшин проводились на советах, которые в истории монголов известны по китайским источникам под названием дахуэй — «большое собрание», а по Сокровенному сказанию — *xuriltai* или *xurultai*⁹³.

В. Я. Владимирцов отмечает, что у монголов «единство племени выявлялось в племенном совете *xuriltai* или *xurultai*, на котором участвовали главари родов, значительные лица и даже влиятельные вассалы, словом, представители высшего класса древнемонгольского общества. Подобные советы были известны и у отдельных родов; эти родовые или семейные советы родовичей — *игух* также назывались *xuriltai* ~ *xurultai* «сходка, сборище для совета». В *xuriltai*е таком невозможно видеть какое-либо организованное учреждение. Это никак не сейм, не парламент; это именно семейный совет родовичей, на котором обсуждаются случайно возникшие планы, в котором принимают участие только те, кто хочет и заинтересован. Ввиду подобного положения часто случалось, что части одного и того же племени ~ *irgen* оказывались в разных, даже враждебных и воюющих лагерях. Часто, в особенности на время войны, больших облавных охот и т. п., племенные советы выбирали вождей-предводителей, которые и в мирное время продолжали иногда оставаться вождями. Их обыкновенно называли хаанами. Но власть их была очень слабой и незначительной; все зависело от рода или группы родов, которые выдвигали того

⁸⁷ Фань Е. Указ. соч., гл. 88, с. 29а.

⁸⁸ «Саньго чжи, Вэй шу», гл. 30, с. 3а.

⁸⁹ Лидай гэцзу чжуаньцзи хуэйбянь. (Собрание сведений о различных народах в различные эпохи), т. 1. Шанхай, 1958, с. 743, 744.

⁹⁰ Чунь-цю. Гунъянчжуань чжэнь. Сер. Шисань цзинь чжушу, гл. 6, с. 180.

⁹¹ Владимирцов В. Я. Указ. соч., с. 48.

⁹² Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 6б, 7а.

⁹³ Янаи Ватару. Моко си кэнкю. (Исследования по истории монголов). О монгольском парламенте, т. е. хурулгае. Токио, 1930, с. 361.

или иного хаана. Можно также наблюдать, как у одного и того же древнемонгольского племени одновременно было по два и более хаанов. Титул хаана принимали порой и вожди совсем мелких объединений, состоявших из нескольких ветвей разных родов. Все это само собой характеризует, кто такие были монгольские хааны XI—XII вв. Если нельзя никаким образом монгольское племя признавать государством, то тем более нельзя тогдашних монгольских хаанов считать государями, царями, ханами и т. д. Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью. Власть древнемонгольского хаана была властью захватнической; трудно думать, чтобы племенные советы могли производить правильные выборы. Хааном «выбирали», т. е. им становился тот, кто мог и умел захватить «власть» при поддержке своих родичей, своего и близкого рода. Такие хааны редко бывали в состоянии передать свою власть своим потомкам, обычно она доставалась другим — лишнее подтверждение сказанного выше»⁹⁴.

Приведенная характеристика положения монгольского вождя, избираемого на курултае, по-видимому, может быть полностью отнесена и к ухуаням, и к сяньбийцам. Ухуань, по свидетельству Фань Е, «храброго и сильного, который может разбирать [возникающие] тяжбы, избирают старейшиной, наследственного преемства власти пет»⁹⁵. Выборы старейшин имели место и у сяньбийцев, о чем говорит следующий текст, относящийся к Таньшихуаю: «В возрасте 14—15 лет Таньшихуай отличался смелостью, физической силой и умом. Как-то старейшина другого кочевья похитил у родителей его матери крупный рогатый скот и овец. Таньшихуай один на коне погнался за похитителями, напал на них и никто, куда бы он ни устремился, не мог противостоять ему. Он отбил весь угнанный скот, после чего напуганные члены его кочевья подчинились ему. Затем он ввел предусмотренные законом запреты для решения дел между правыми и виноватыми, причем никто не смел нарушать их. В результате его избрали старейшиной»⁹⁶. Совершенно очевидно, что старейшинами выбирали людей смелых и мужественных, которые были в состоянии защищать интересы кочевья.

Каким образом избирались старейшины и на какой срок, в источниках не сообщается, об этом можно судить лишь по косвенным свидетельствам. Рассказывая о сяньбийцах, Фань Е пишет: «Их язык и обычаи сходны с ухуаньскими; только перед браком сначала бреют голову, устраивают большое собрание, в последнем месяце весны, на реке Жаолэшуй, пируют,

а по окончании пиршества соединяются браком»⁹⁷. Судя по приведенной цитате, сяньбийцы собирались на р. Жаолэшуй для совершения свадебного обряда. Однако эти собрания можно рассматривать и как хурилтай, на которых обсуждались различные дела. Приведем доказательства. Во-первых, слова «большое собрание» переданы китайскими перографами *дахуэй*, т. е. термином, которым в эпоху монголов китайцы обозначали хурилтай. Во-вторых, собрания для решения различных вопросов устраивались и у сюнну, о которых Сыма Цянь сообщает: «В первой луне [каждого] года все начальники съезжаются на малое собрание в ставку шапьюя и приносят жертвы. В пятой луне съезжаются на большое собрание в Лунчане, где приносят жертвы предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота»⁹⁸.

Еще более интересно свидетельство Фань Е: «Сюнну согласно обычаю три раза в год совершали жертвоприношения в Лунчане, где всегда в первой, пятой и девятой луне в день у приносили жертвы духу неба. После того как южный шаньюй изъявил покорность [династии Хань], стали совершаться еще жертвоприношения ханьскому императору. Используя жертвоприношения, сюнну собирали все кочевья, обсуждали государственные дела и устраивали развлечения — скачки лошадей и бег верблюдов»⁹⁹. Отсюда, если собрания у сюнну сопровождалась жертвоприношениями и развлечениями, напрашивается естественный вывод, что такие же собрания у сяньбийцев сопровождалась совершением свадебных обрядов. Все сказанное, на наш взгляд, позволяет говорить, что старейшины у ухуаней и сяньбийцев выбирались на племенных советах, известных в истории монголов под названием хурилтай.

Быт вождей и старейшин почти не отличался от быта рядовых кочевников. «От старейшин и ниже каждый сам пасет скот и ведет хозяйство, не привлекая друг друга к выполнению трудовых повинностей». Несмотря на отсутствие резкой имущественной дифференциации и эксплуатации, старейшины пользовались большой властью, закрепленной обычным правом. Нарушивший распоряжение старейшины подлежал наказанию вплоть до предания смертной казни. Когда старейшина ловил кого-нибудь из мятежников, ни один род не имел права принимать беглеца. Если старейшина вызывал кого-нибудь, ему достаточно было послать деревянную палочку с вырезан-

⁹⁴ Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 79, 80.

⁹⁵ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 16.

⁹⁶ Там же, с. 14а.

⁹⁷ Там же, с. 8а.

⁹⁸ Сыма Цянь. Указ. соч., гл. 110, с. 106.

⁹⁹ Фань Е. Указ. соч., гл. 89, с. 7а, 7б.

ными зарубками, получив которую пикто из членов кочевья не смел нарушить распоряжение.

Видное положение в ухуаньском обществе занимала женщина. «[Мужчины] при составлении расчетов и планов следуют мнению женщины и только военные дела решают сами»¹⁰⁰. Подобное положение женщины объяснялось ее непосредственным участием в системе кочевого хозяйства — она вышивала по коже, делала узорчатые вышивки, ткала шерстяные ткани. Кроме того, женщина была материально независима от мужа. Она приносила с собой в семью место для кочевания и все необходимое для жизни имущество. Как и у других кочевых народов Азии, у ухуаней существовал левират — «женятся на мачехах и сходятся с овдовевшими женами старших братьев».

Давая краткий обзор общественного развития ухуаней, Л. И. Думан высказывает мнение, что «у них, несомненно, еще сохранился родовой строй»¹⁰¹. Трудно, однако, согласиться с этим утверждением. В источниках нет никаких данных или хотя бы намека на существование родовой собственности, а напротив, говорится о частной собственности на скот и другое имущество. Частная собственность неизбежно вызывала, пусть хотя бы и не резкое, имущественное неравенство. Неравенство еще более усиливалось наличием торговли, которую ухуани вели не только между собой, но и с соседними кочевыми народами, например с сюнну и земледельческим Китаем. При таком положении вряд ли общество ухуаней можно назвать родовым.

Говоря о монголах, Б. Я. Владимирцов отмечает: «Древний монгольский род, родовое монгольское общество XI—XII вв. были очень далеки от состояния примитивного родового быта. Наши источники совсем по-другому рисуют древний монгольский род и «родовое» общество. Можно сказать, что в ту пору род у монгольских племен находился уже в стадии разложения, пройдя, очевидно, длинный путь эволюции, о котором точных сведений у нас не имеется»¹⁰². Это высказывание можно целиком отнести и к ухуаням, у которых разложение родового строя произошло в более отдаленные времена, а те явления, которые могут быть использованы в качестве доказательства существования родового строя, в действительности свойственны общественной и хозяйственной организации кочевого общества вообще.

Постепенно под влиянием внешних и внутренних факторов в общественных отношениях

происходят сдвиги, начинает меняться положение ухуаньских и сяньбийских старейшин. Начало этого процесса официально относится к 49 г. н. э. В 168 г. ухуаньские старейшины в округах Шангу, Ляоси, Ляодун и Юбэйпин сами объявили себя ванами, отказавшись от названия старейшин.

Изменения выразились не только в замене звания старейшины на титулы. Более существенно, что власть из выборной превратилась в наследственную. Фань Е сообщает, например, что после смерти Цюлицзюя, ухуаньского вана в округе Ляоси, в связи с малолетством его сына Лоубаня власть перешла к его племяннику Тадуню. В 196 г. Юань Шао, правитель области Цичжюу, пожаловал ухуанским вождям Тадуню, Наньлоу, Супунью и Уянью титул шаньюя, но наследственное преемство власти успело пустить настолько глубокие корни, что через некоторое время Наньлоу и Супунь отказались от титула шаньюя в пользу Лоубаня¹⁰³. У сяньбийцев наследование власти установилось с Таньшихуай. Кроме того, если раньше старейшины кочевали в отдельных районах самостоятельно, не зная над собой чужой власти, то Тадунь, принявший власть от умершего вана Цюлицзюя, уже распоряжался ухуанями, жившими в трех округах, и они ему подчинялись¹⁰⁴.

Еще большего могущества добился выдающийся сяньбийский вождь Таньшихуай. Он захватил все бывшие сюннуские земли, «которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. ли и были пересечены горами, реками, пресными и солеными озерами»¹⁰⁵. Обладая реальной военной силой, Таньшихуай совершал непрерывные опустошительные набеги на границы, и ханьский двор, будучи бессилем прекратить их, отправил посла присвоить Таньшихуаю титул вана и заключить с ним договор о мире, основанный на родстве, на что Таньшихуай ответил горделивым отказом. Он разделил захваченную территорию на три части: «Земли от округа Юбэйпин на восток до округа Ляодун, [владения] Фууй и [племени] мохуэй, на которых находилось свыше двадцати кочевий, составили восточную часть; земли от округа Юбэйпин на запад до округа Шангу, на которых находилось свыше десяти кочевий, составили среднюю часть; земли от округа Шангу на запад до округа Дуньхуан и усуней, на которых находилось более двадцати кочевий, составляли западную часть. Для управления каждой частью был поставлен ста-

¹⁰⁰ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 2а.

¹⁰¹ Думан Л. И. Указ. соч., с. 55.

¹⁰² Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 62, 63.

¹⁰³ Фань Е. Указ. соч., гл. 90, с. 7б.

¹⁰⁴ Там же, с. 7а, 7б.

¹⁰⁵ Там же, с. 14а, 14б.

рейшина, которые все подчинялись Таньшихуаю»¹⁰⁶.

Власть Таньшихуая носила вполне реальный характер. В частности, когда в 177 г. три китайских воссначальника выступили против сяньбийцев во главе 30 тыс. всадников, Таньшихуай приказал старейшинам в трех частях своих земель нанести контрудар, в результате которого китайские войска потерпели поражение, а незадачливых полководцев бросили в тюрьму.

Таким образом, происходил процесс объединения ухуаней и сяньбийцев и зарождения верховной власти, не получившей, однако, дальнейшего развития. В политической истории сяньбийцев огромная роль принадлежала Таньшихуаю, сумевшему силой соединить различные кочевья. Это искусственное объединение, сложившееся путем насильственного захвата чужих земель и державшееся благодаря личным качествам Таньшихуая, естественно, не могло быть прочным. При его наследниках, лишенных этих качеств, объединение распалось, поэтому сяньбийцы так и не смогли создать своего государства. Ухуани также находились на пути к созданию государства, но в 207 г. они потерпели сокрушительное поражение от Цао Цао, после чего более 10 тыс. юрт было переселено во внутренние районы Китая, где ухуани были постепенно ассимилированы китайцами.

Фань Е

История Поздней династии Хань

Глава 90

Повествование об ухуанях

Ухуани, собственно говоря, являются [потомками] дунху. Когда в начале династии Хань сюннуский [шаньюй] Маодунь уничтожил владение дунху¹, остатки народа укрылись у горы Ухуань, от которой и приняли свое название.

По существующим обычаям, будучи искусны в верховой езде и стрельбе из лука, занимаются охотой на диких птиц и зверей. Пасут скот, отыскивая места с [хорошей] водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места, домом служит куполообразный шалаш², выход из которого обращен на восток к солнцу. Едят мясо, пьют кислое молоко, одежды делают из грубой и тонкой шерсти. Уважают молодых и с пренебрежением относятся к старым. По характеру смелы и грубы. В гневе убивают отцов и старших братьев, но никогда не причиняют

вреда матери, из-за того что у матери есть сородичи и они стараются, чтобы между отцами и старшими братьями не было взаимной мести. Храброго и сильного, который может разбивать [возникающие] тяжбы, избирают старейшиной (дажап, букв. «большой человек»), наследственного преемства власти нет. Во главе каждого рода (ило) имеется небольшой вождь, а несколько сот или тысяч юрт (ло) образуют кочевье (бу). Когда старейшине пужно вызвать кого-нибудь, он вырезает зарубки на дереве, которые служат письмом, и, хотя нет письменных знаков, члены кочевья не смеют нарушать [полученное распоряжение]. Нет постоянных родовых фамилий, в качестве фамилии используется имя сильного старейшины. От старейшин и ниже каждый сам пасет скот и ведет хозяйство, не привлекая друг друга к выполнению трудовых повинностей.

При заключении брака [мужчина] сначала похищает девушку и вступает с ней в связь, а затем через полгода или сто дней посылает в качестве свадебных подарков крупный рогатый скот, лошадей и овец. Далее зять вместе с женой возвращается в ее дом, где каждый день совершает поклоны перед живущими в семье жены, вне зависимости от того, высокое или низкое положение они занимают, причем не кланяется только ее отцу и матери. После того как он пробудет в семье жены на положении слуги один-два года, семья жены щедро одаривает женщину и провожает ее, предоставляя место для жительства³ и все имущество.

По существующим среди них обычаям женятся на мачехах и сходятся с овдовевшими женами старших братьев, а когда [новый муж] умирает, женщина возвращается в семью прежнего мужа. [Мужчины] при составлении расчетов и планов следуют мнению женщины и только военные дела решают сами. Отцы и дети, мужчины и женщины садятся друг против друга на корточки. Считают, что бритье головы приносит облегчение и удобство.

Когда женщина достигает брачного возраста, она отрачивает волосы, которые делит на пучки и надевает [головной убор] гоуцзюэ, украшенный золотом и яшмой, похожий на имеющийся в Среднем государстве [головной убор] гобуюо.

Женщины умеют вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани; мужчины умеют делать луки, стрелы, седла и уздечки, ковать оружие из металла и железа.

Земля ухуаней благоприятна для произрастания проса (*panicum miliaceum*) и [растения] дунцянь. Дунцянь напоминает по виду пэнцао (*erigeron acris*), а его семена похожи на семена проса. Созревает в десятой луне.

Наблюдают за сроками вывода птенцов и кормлением молодняка у диких птиц и зве-

¹⁰⁶ Фань Е. Указ. соч., с. 15а.

рей, чтобы различать четыре времени года.

По существующим обычаям высоко ценят смерть в бою. Тело покойника кладут в гроб и плачем выражают скорбь, но при похоронах умершего провожают с песнями и плясками. Откармливают собаку, которую ведут на цветном шнуре, а также берут лошадь, на которой умерший ездил, его одежду и вещи, все сжигают и провожают покойного. Они говорят, что поручают умершего собаке, чтобы она охраняла его душу при ее возвращении на гору Чисань. Гора Чисань находится в нескольких тысячах ли к северо-западу от округа Ляодун, и на нее возвращаются души умерших, подобно тому как возвращаются на гору Дайшань⁴ души умерших в Среднем государстве.

Почитают души умерших и духов, приносят жертвы Небу, Земле, солнцу, луне, звездам, созвездиям, горам, рекам и покойным старейшинам, прославившимся своими подвигами. Для жертвоприношений используют крупный рогатый скот и овец, туши которых по окончании жертвоприношения сжигают.

По законам ухуаней, о которых они договорились между собой, нарушивший распоряжение старейшины считается виновным и наказывается вплоть до предания смерти. В случае грабежа или убийства членам кочевья разрешается мстить самим, но если дело не прекращается, являются к старейшине и докладывают о происшедшем, причем старейшина разрешает откупаться от [наказания] смертью лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами. Убийство своего отца или старшего брата не считается преступлением. Мятежников, которых ловят старейшины, роды (ило) не имеют права принимать, их изгоняют в дикие земли, лежащие в пустыне. В этих землях много ядовитых змей, и они лежат к юго-западу от динлинов и к северо-востоку от усуней.

С тех пор как ухуани были разбиты Маодунем, народ ослабел и постоянно подчинялся сюнну, ежегодно поставляя им крупный рогатый скот, лошадей и шкуры овец. В случае непредоставления [дани] в срок, сюнну забирала у них жен и детей⁵.

После того как военачальник сильной конницы Хо Цюй-бин⁶, посланный императором У-ди, разбил сюнну в их левых землях, ухуани были переселены за укрепленную линию пяти округов — Шангу⁷, Юйян⁸, Юбэйпин⁹ и Ляодун¹⁰ — следить в интересах династии Хань за передвижениями сюнну. Их старейшины раз в год являлись на аудиенцию ко двору, и с этого времени впервые был назначен надзирающим за ухуанями полковник¹¹, с жалованием в размере двух тысяч дань зерна в год, который, имея верительный знак, наблюдал за ухуанями и руководил ими, чтобы не допустить сношений с сюнну.

В правление императора Чжао-ди (86—73 гг. до н. э.) ухуани постепенно усилились

и, пользуясь этим, раскопали могилу сюннского шаньюя, чтобы отомстить Маодуню за нанесенную им обиду. Страшно разгневанные сюнну напали на востоке на ухуаней и нанесли им поражение. Услышав об этом, старший военачальник Хо Гуан¹² приказал Фань Миню, занимавшему должность зальского военачальника¹³, выступить во главе двадцати тысяч всадников из округа Ляодун для нападения на сюнну, но варвары уже успели отвести свои войска. Тогда Фань-ю, воспользовавшись тем, что ухуани только что потерпели поражение [от сюнну], напал на них, порубил более шести тысяч человек, взял с собою отрубленные головы трех князей и возвратился обратно¹⁴. После этого ухуани снова совершили грабительский набег на область Ючжоу, но были разбиты Фань Мин-ю.

В правление императора Сюань-ди (73—48 гг. до н. э.) ухуани стали понемногу охранять укрепленную линию, сдавшись и подчинившись [династии Хань].

Ван Ман, узурпировав престол, хотел напасть на сюнну, а поэтому собрал двенадцать армий¹⁵, приказав военачальнику Восточного края¹⁶ Янь Ю, во главе воинов из ухуаней и динлинов, расположиться в округе Дайцзюнь¹⁷, а их жен и детей держать в качестве заложников в окружных и уездных городах. Ухуани, для которых не подходила природная среда, боялись длительной стоянки в лагерях, поэтому несколько раз добивались аудиенции, чтобы просить отпустить их. Однако [Ван] Ман не соглашался отпустить ухуаней обратно, в связи с чем они подняли мятеж, а при возвращении [в свои земли] занялись грабежами. За это в округах перебили всех заложников, из-за чего ухуани затаили обиду на Ван Мана. Пользуясь этим, сюнну соблазнили влиятельных ухуаньских вождей предоставлением должностей чиновников, подчинив им остальных, которых [таким образом] стали держать в узде.

В начале правления императора Гуан-у ухуани, соединив свои войска с сюннскими, совершили грабительские набеги, причем особенно сильно от них страдали земли к востоку от округа Дайцзюнь. Они жили вблизи укрепленной линии, и если утром покидали свои юрты, то к вечеру подходили к городам и их пригородам, поэтому все семьи из пяти округов¹⁸ страдали от их преступлений и дело дошло до того, что окружные и уездные города оказались разрушенными, а народ разбежался. Особенно сильными и богатыми были ухуани, жившие за укрепленной линией округа Шангу у горы Байшань.

На 21-м году эры правления Цзянь-у [45 г.] император приказал Ма Юаню, занимавшему должность военачальника — усмирителя волн¹⁹, выступить во главе трех тысяч всадников через заставу Уюаньгуань и неожиданно напасть

на ухуаней, но они, заранее узнав об этом, бежали, обгоняя друг друга. [Ма Юань] преследовал бегущих и, обезглавив сто человек, двинулся в обратный путь. Ухуани напали на арьергарды отходившего Ма Юаня, и он днем и ночью бежал обратно. Когда [Ма Юань] дошел до укрепленной линии, у него [за время пути] пало свыше тысячи лошадей.

На 22-м году (эры правления Цзянь-у, 46 г.) в государстве сюнну возникли смуты²⁰. Пользуясь слабостью сюнну, ухуани нападали на них и наносили поражения, а затем, когда сюнну переселились на север, отойдя на несколько тысяч ли, и земли к югу от пустыни опустели, император послал ухуаням подарки [для привлечения на свою сторону].

На 25-м году (эры правления Цзянь-у, 49 г.) Хэдань, старейшина ухуаней в округе Ляоси, и другие, в количестве 922 человек, изъявили, во главе своего народа, покорность и прибыли ко двору для представления дани, поднеся рабов, рабынь, крупный рогатый скот, лошадей, луки, шкуры тигров, леопардов и соболей.

В это время ко двору для принесения поздравлений непрерывно прибывали варвары со всех сторон света, в связи с чем Сын Неба повелел устроить для них большое пиршество и одарить дорогими подарками. Некоторые из ухуаней пожелали остаться в качестве охранной стражи, поэтому император пожаловал восемьдесят одному ухуаньскому вождю титулы хоу, ван [и посты] начальников, поселил их в пределах укрепленной линии, разместив по пограничным округам, и приказал им привлекать единоплеменников, снабжать их одеждой и пищей, выполнять для династии Хань разведывательную службу и помогать в нападениях на сюнну и сяньбийцев.

В это же время Бань Бяо, занимавший должность делопроизводителя при блюстителе нравов, представил доклад: «По природе ухуани легкомысленны и коварны, склоны к набегам и грабежам. Если предоставить им на долгое время волю, не поставив человека, осуществляющего общее руководство, они, несомненно, снова начнут грабить местных жителей, а назначенные мелкие чиновники, ведающие переходящими на нашу сторону, боясь, не смогут контролировать их. Считаю, по своему неразумию, что следует снова установить должность надзирающего за ухуанями полковника, что постыenne будет способствовать привлечению переходящих на нашу сторону и сократит беспокойство государства на границах». Император последовал предложенному совету. После этого в округе Шангу в городе Нинчэн²¹ был снова поставлен полковник и учреждено военное управление, которое одновременно ведало выдачей наград сяньбийцам, заложникам и взаимной торговлей, проводившейся в соответствии с четырьмя сезонами года.

При императорах Мин-ди (58—76 гг.), Чжан-ди (76—89 гг.) и Хэ-ди (89—107 гг.) ухуани жили у укрепленной линии и на ней не возникало осложнений.

Летом, на 3-м году эры правления Юн-чу (109 г.), установленной императором Ань-ди, ухуани из округа Юйян и хусцы из округа Юбэйпин, в количестве свыше тысячи человек, совершили набег на округа Дайцзюнь и Шангу. Осенью Ухэ²² из ухуаней в округе Яньмынь²³, посивший титул Шуайчжун-вана²⁴, сяньбийский старейшина Цюлунь вместе с другими и южносюннуский гудухоу, имея в общей сложности семь тысяч всадников, совершили набег на округ Уюань²⁵ и вступили в сражение с начальником округа в долине Гаоцойту в уезде Цзююань²⁶. Ханьские войска потерпели сильное поражение, а старшие чиновники округа были убиты. После этого против нападавших были посланы военачальник колесниц и конницы Хэ Си²⁷ и зальоский военачальник Лян Ципь²⁸, которые нанесли им сильное поражение, после которого Ухэ попросил разрешения сдаться, а сяньбийцы ушли обратно за укрепленную линию. В дальнейшем ухуани постепенно снова сблизились [с династией Хань] и подчинились ей, за что их старейшине Жунчжухуэю был пожалован титул циньхэнь дувэй²⁹.

Зимой, на 4-м году эры правления Ян-цзя (135 г.), установленной императором Шуь-ди, ухуани совершили набег на округ Юньчжун³⁰, перехватив на дорогах свыше тысячи купеческих повозок, запряженных волами. Гэн Е, занимавший должность зальоского военачальника, во главе более двух тысяч воинов, бросился преследовать их, но потерпел неудачу, вслед за чем произошло сражение под [городом] Шанань³¹, в котором он порубил пятьсот человек. После этого ухуани окружили Гэн Е в [городе] Ланьчичэн, в связи с чем были посланы две тысячи следопытов-лучников и тысяча воинов из зальоского лагеря³² пополнить войска, стоящие в округе Шанцзюнь для наказания ухуаней. После этого ухуани отступили.

На 5-м году эры правления Юн-хэ (140 г.) ухуаньские старейшины Ацзянь и Цянцюй подняли восстание вместе с Гоулун Усы, князем левого южносюннского кочевья, но были разбиты и обезглавлены начальником охранной стражи телохранителей³³ Чжан Данем, после чего остальные изъявили покорность.

В эру правления Юн-шоу (155—157 гг.), установленную императором Хэн-ди, ухуани в округе Шофан вместе с сюцуским кочевьем тугэ³⁴ подняли мятеж, но были усмирены напавшим на них начальником охранной стражи телохранителей Чжан Хуанем³⁵.

Летом, на 9-м году эры правления Янь-си (166 г.) ухуани снова совместно с сяньбийцами и южными сюнну³⁶ совершили набег на пограничные земли, в связи с чем все [варва-

ры] в девяти округах подняли восстание. Чжан Хуань выступил покарать нападающих, и они ушли за укрепленную линию.

В начале правления императора Лин-ди (168—190 гг.) среди ухуаньских старейшин были в округе Шангу Наньлоу, имевший свыше девяти тысяч, а в округе Ляоси Цюлицзюй, имевший свыше пяти тысяч юрт народа. Оба сами объявили себя ванами. Кроме того, [старейшина] Супуянь в округе Ляодун, имевший более тысячи юрт, объявил себя Цяо-ваном, а [старейшина] Уянь в округе Юбэй-пин, имевший более восьмисот юрт, объявил себя Ханьлу-ваном. Все они отличались смелостью и хитростью.

В 4-м году эры правления Чжун-пин (187 г.) бывший правитель округа Чжуншань³⁷ Чжан Шунь поднял мятеж, переехал к Цюлицзюй, присвоил должность митянь цзянцзюнь и титул Аньдин-вана, после чего стал главнокомандующим над ухуанями во всех округах и начал совершать грабительские набеги на области Цинчжоу, Сюйчжоу, Ючжоу и Цзичжоу. На 5-м году (эры правления Чжун-пин, 188 г.) на должность правителя области Ючжоу был назначен Лю Юй. Прибегнув к подкупу, Лю Юй отрубил голову Чжан Шуню, после чего в северных областях установилось спокойствие³⁸.

В эру правления Чу-пин (190—193 гг.), установленную императором Сянь-ди, Цюлицзюй умер. Его сын Лоубань был малолетним, поэтому его заменил племянник Цюлицзюй Тадунь, обладавший военными способностями, который стал распоряжаться ухуанями, жившими в трех округах³⁹, и весь народ повиновался его приказам.

В начале эры правления Цзянь-ань (196—219 гг.), когда правитель области Цзичжоу Юань Шао и бывший военачальник Гунсунь Цзань безуспешно боролись друг с другом, Тадунь отправил к Юань Шао посла, добиваясь установления дружественных отношений путем заключения брака, а затем послал на помощь войска, которые напали на Гунсунь Цзаня и нанесли ему поражение. В благодарность Юань Шао, подделав императорский указ, пожаловал Тадуню, Наньлоу, Супуяню и Уяню шаньюйские печати со шнурами. В дальнейшем Наньлоу и Супунь, во главе своих кочевий, объявили Лоубаня шаньюем, а Тадуня ваном, однако Тадунь по-прежнему занимался разработкой планов.

Янь Жоу, уроженец [округа] Гуанъян, с детских лет попавший в среду ухуаней и сяньбийцев, завоевал их доверие, а поэтому с помощью сяньбийцев убил надзирающего за ухуанями полковника Син Цзюя и занял его место. В связи с этим Юань Шао выразил Янь Жоу любовь и расположение, чтобы установить спокойствие на северных границах.

Сын Юань Шао — Юань Шан после поспешного поражения бежал к Тадуню. К этому

времени свыше ста тысяч дворов из числа чиновников и народа в областях Ючжоу и Цзичжоу бежали к ухуаням и Юань Шан хотел использовать их как военную силу, чтобы осуществить свои замыслы в отношении Среднего государства. Однако в это время Цао Цао усмирив земли к северу от Хуанхэ и Янь Жоу во главе сяньбийцев и ухуаней изъясил ему покорность, за что Цао Цао поставил Янь Жоу полковником.

В 12-м году эры правления Цзянь-ань (207 г.) Цао Цао, лично выступивший в карательный поход против ухуаней, нанес Тадуню сильное поражение под Лючэном⁴⁰, обезглавил его и захватил в плен свыше двухсот тысяч человек.

Юань Шан, Лоубань, Уянь и другие бежали в округ Ляодун, где начальник округа Гунсунь Кан обезглавил их и отправил головы [Цао Цао]. Остатки народа в количестве свыше десяти тысяч юрт были переселены на жительство в Среднее государство.

Примечания к повествованию об ухуанях

1. Поражение дунху красочно описано Сыма Цянем: «Когда Маодунь вступил на престол, дунху были сильны и достигли расцвета. Узнав, что Маодунь убил отца, вступил на престол, они отправили гонца сообщить Маодуню, что хотят получить бывшего у Тоуманя коня, пробегающего в день тысячу ли. Маодунь посоветовался с сановниками, и все они сказали: «Коня, пробегающий в день тысячу ли, является драгоценным конем для сюнну, не отдавайте его». Маодунь ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одного коня» и отдал дунху коня, пробегающего в день тысячу ли.

Через некоторое время дунху, думая, что Маодунь боится их, отправили гонца сказать ему, что они хотят получить одну из шаньюйских яньчжи [жен]. Маодунь снова стал советоваться с приближенными, и все приближенные с негодованием ответили: «Дунху не знают правил приличия, а поэтому и требуют яньчжи. Нападите на них». Маодунь ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одну женщину», взял любимую яньчжи и отдал ее дунху.

Правитель дунху, еще более возгордясь, начал захватывать земли на западе. Между [дунху] и сюнну пролегла брошенная земля, на которой на расстоянии более тысячи ли никто не жил; те и другие жили по краям, образуя оуто. Дунху отправили гонца сказать Маодуню: «Брошенную землю за пределами оуто, служащей границей между сюнну и нами, сюнну не должны посещать, мы хотим владеть ею». Маодунь снова посоветовался с сановниками, и некоторые из сановников сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать». Крайне разгневанный Маодунь ответил: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее». Всем, советовавшим отдать землю, он отрубил головы.

[Затем] Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому в государстве, кто опоздает явиться, двинулся на восток и внезапно напал на дунху. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Маодунем, не принимали мер предосторожности. [Поэтому], когда Маодунь во главе войск совершил нападение, он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежавший ему домашний скот» («Ши цзи» (ШЦ), гл. 110, с. 8а, 9а).

² Под куполообразным шалашом — хунлу имеется в виду юрта. По объяснению Янь Ши-гу (381—645 гг.), иероглиф *хун* обозначает войлочную палатку куполообразной формы, отчего и произошло название *хунлу* («Хань Шу» (ХШ), гл. 94а, с. 14а).

³ Б. Я. Владимирцов отмечает, что «территория, на которой обычно кочевала какая-либо социальная единица, называлась *nuntux* или *nutug* по-монгольски и *yurt* по-тюркски; слова эти обозначали также «станowiще, местожительство» («Общественный строй монголов...», с. 57). Основываясь на этом свидетельстве, под местом для жительства следует понимать территорию для кочевания.

⁴ Гора Дайшань отождествляется с горой Тайшань, известной также под названиями Дайцзун, или Дунъюэ, в пров. Шаньдун.

⁵ Свидетельство о том, что сюнну забирали у ухуаней жен и детей в случае непредоставления дани, по-видимому, верно.

При ханском императоре Пин-ди (1—6 гг. н. э.) из Западного края к сюнну бежал правитель Заднего владения Чэши. Когда Пин-ди, ссылаясь, что Западный край подчиняется Хань, потребовал выдачи перебежчика, шаньюй ответил: «Императоры Сяо-сюань и Сяо-юань, проявляя сострадание к сюнну, заключили договор, по которому все, находящиеся к югу от Великой стены, принадлежат Сыну Неба, а все, находящиеся к северу от Великой стены, принадлежат шаньюю; о нарушениях укрепленной линии надлежит немедленно докладывать; перебежчиков нельзя принимать. Хухань, отец вашего слуги Чжи, удостоившийся неисчислимых милостей династии Хань, перед смертью завещал: «Если из Среднего государства будут перебежчики, таковых не принимать, а немедленно доставлять к укрепленной линии, дабы отблагодарить Сына Неба за его великие милости». Сейчас же пришли из чужеземных владений, и я имею право принять их».

В связи с возникшим спором о перебежчиках династия Хань добавила к старому договору четыре новых статьи, по которым сюнну запрещалось принимать жителей Среднего государства, усуней, жителей владений Западного края, правители которых получили печать и пояс от Среднего государства и ухуаней. Основываясь на новой статье, династия Хань объявила ухуаням, что они не должны больше платить сюнну налог кожами и полотном. Сюнну же, руководствуясь старыми установлениями, отправили посла требовать с ухуаней уплаты налога, причем за послами последовали сюннуские мужчины и женщины, желающие торговать. Ухуани отказали послу, сказав: «Согласно указу, полученному от Сына Неба, мы не должны платить налога сюнну». Разгневанный посол схватил ухуанского вождя и повесил вверх ногами. Тогда братья вождя убили посла и сопровождавших его лиц. Услышав об этом, шаньюй отправил в земли ухуаней войска. Ухуани рассеялись, некоторые из них бежали в горы, другие — на восток под защиту укрепленной линии. Сюнну перебили много народа, угнали до тысячи женщин и малолетних и объявили ухуаням: «Приходи-те выкупать с лошадьми, кожами и полотном». Более двух тысяч родственников угнанных в плен явились с имуществом и скотом для выкупа, но сюнну взяли выкуп, а явившихся задержали и не отпустили обратно (ХШ, гл. 94б, с. 20а, 20б).

⁶ Пяоци цзянцзюнь Хо Цюй-бин. Пяоци цзянцзюнь — военная должность. Впервые введена в 121 г. до н. э., и первым на нее был назначен Хо Цюй-бин, посланный в поход против сюнну. До этого он занимал должность пяою сяовэй.

Судя по имеющемуся комментарию, пяою означало «сильный и быстрый». По-видимому, иероглиф *пiao* вошел в название повой должности пяоци цзянцзюнь — военачальник сильной конницы (ХШ, гл. 55, с. 6а). В эпоху Хань должность военачальника сильной конницы следовала за должностью старшего военачальника и занимавшие ее лица приравнивались по положению к трем гунам.

Хо Цюй-бин (140—117 гг. до н. э.), посмертный титул Цзинхуань хоу, — ханьский военачальник, прославившийся подвигами в войнах против сюнну. Умер в возрасте 24 лет. Был похоронен в местности Маодин (к северо-востоку от современного уездного г. Синпин в Шэньси), там же позднее был погребен император У-ди. Могила Хо Цюй-бина как воздаяние за его заслуги была придана форма горы Циляншань, у которой он нанес поражение сюнну. Над могилой стоит каменное изваяние лошади, топчущей поверженного сюннуса. Жизнеописание Хо Цюй-бина дано в «Исторических записках» (гл. III).

⁷ Шангу — округ, появившийся при династии Цинь. Занимал северо-западную и частично центральную часть современной пров. Хэбэй. Во времена династии Хань управление округом располагалось в уездном г. Цзюйяле, находившемся к югу от бывшего уездного г. Хуайлай в Хэбэе («Шинцзи сюань» (ШЦС), с. 445, прим. 23).

⁸ Юйян — округ, созданный в период правления династии Цинь. В его состав входили земли, расположенные к востоку от современного Пекина, к северу от Тяньцзиня, к югу от Великой стены и к западу от уездов Фэнжун и Цзуньхуа. Управление округом находилось в однопименном уездном городе, лежавшем к юго-западу от современного уездного г. Миюнь в Хэбэе.

⁹ Ююйпин — округ, учрежденный при династии Цинь. Занимал территорию современных уездов Фэнжун, Цзуньхуа и Цзи в Хэбэе, а также уездов Чэпдо, Линъюань и Пинцюань в бывшей пров. Жэхэ. Управление округом находилось в уездном г. Пинган, расположенном на месте современного уездного г. Пинцюань.

¹⁰ Ляодун — округ, созданный при династии Цинь. Приблизительно включал юго-восточные части современной пров. Ляонин и бывшей пров. Жэхэ, а также северо-восточную часть Хэбэя (ШЦС, с. 48, прим. 399).

В тексте перечислены названия лишь четырех округов. По мнению Цянь Да-синя (1728—1804 гг.), пропущен округ Ляоси («Няньэр ши каои» (НЭШК), т. 1, с. 270), занимавший северо-восточный угол Хэбэя, юго-восточную часть бывшей пров. Жэхэ и западную часть Ляонина. Управление округом находилось в уездном г. Цзюйлюй, лежавшем к востоку от современного уездного г. Лулун в Хэбэе (ШЦС, с. 450, прим. 94).

¹¹ Надзирающий за ухуанями полковник, ху ухуань сяовэй, или ухуань сяовэй, букв. «охраняющий ухуаней полковник». Чиновник, получавший натуральное довольствие в размере 2 тыс. дань зерна в год и следивший за ухуанями («Хоу Хань шу» (ХХШ), гл. 118, с. 106).

¹² Хо Гуан (?—68 г. до н. э.), второе имя Цзы-мэн, младший сводный брат (от разных матерей) знаменитого полководца Хо Цюй-бина. Благодаря родственным связям в возрасте немногим более десяти лет был назначен телохранителем, а по достижении зрелого возраста свыше 20 лет служил императору У-ди, занимая сначала должность воеводы, обслуживающего колесницы, а затем дворцового советника. Перед смертью У-ди назначил Хо Гуана на должность старшего военачальника, дал звание главнокомандующего, пожаловал титул Боу-хоу и приказал совместно с сановниками Цзинь Жи-ди, Шангуань Цзе и Сан Хуняном помогать своему преемнику, императору Чжао-ди, в управлении государством. В это время Чжао-ди было всего восемь лет.

Дочь Хо Гуана была замужем за Шангуань Анем, сыном Шангуань Цзе. От этого брака родилась девочка, которую в возрасте пяти лет Шангуань Цзе хотел выдать замуж за малолетнего императора. Поскольку Хо Гуан возражал против брака, Шангуань Цзе прибег к помощи некоего Дин Вай-жэня, фаворита принцессы Гай-чжу. С ее помощью в 83 г. до н. э. дочь Шангуань Аня была объявлена императрицей, а сам он получил должность военачальника колесниц и конницы. Добившись своей цели, Шангуань Цзе хотел вознаградить Дин Вай-жэня за содействие путем пожалования ему титула хоу или предоставления крупной должности, но не сумел ничего сделать из-за сопротивления Хо Гуана.

Между сановниками вспыхнула борьба за власть, причем на сторону Шангуань Цзе встала принцесса Гай-чжу, обиженная за своего фаворита. К ним присоединился Янь-ван, сын императора У-ди, рассчитывавший занять престол после смерти отца, но обманувшийся в своих надеждах, а также Сан Хун-ян, недовольный тем, что его сыновья и братья не смогли добиться назначения на высокие должности.

Вначале заговорщики хотели только отстранения Хо Гуана, поэтому представляли императору доносы, упрекая Хо Гуана в злоупотреблении властью и своеволии. Когда этот метод не принес результатов, было решено поднять мятеж с целью свержения императора Чжао-ди. Заговор был своевременно раскрыт, Шангуань Цзе, его сын Ань, Сан Хун-ян, Дин Вай-жэнь и другие казнены, а принцесса Гай-чжу и Янь-ван покончили жизнь самоубийством. Уничтожив своих соперников Хо Гуан прочно захватил власть и не выпускал ее из рук в продолжение последующих 20 лет.

В 74 г. до н. э. император Чжао-ди умер, не оставив после себя наследника. На престол был возведен внук императора У-ди, носивший титул Чань-вана. Однако, как свидетельствуют источники, он отличался распутством, поэтому Хо Гуан в сговоре с сановниками низложил его ровно через 27 дней после вступления на престол. По совету Бин Цзи Хо Гуан объявил императором внука наследника престола Ли, убитого во время мятежа, связанного с наговорами. Это был император Сюань-ди. Заняв престол исключительно благодаря усилиям Хо Гуана, Сюань-ди щедро одарил его и женился на его дочери. В 68 г. до н. э. Хо Гуан умер (XIII, гл. 68).

¹³ Залюский военачальник (дуляо цзянцзюнь) — военная должность. При династии Хань постоянной должности военачальника не было и на эту должность назначали только во время военных действий. К высшим военачальникам относились да цзянцзюнь — старший военачальник, бяоци цзянцзюнь — военачальник сильной конницы, чэци цзянцзюнь — военачальник колесниц и конницы и вэй цзянцзюнь. Ниже шли должности: цянц цзянцзюнь — военачальник передовых войск, хоу цзянцзюнь — военачальник арьергарда, цзо цзянцзюнь — военачальник левого крыла и ю цзянцзюнь — военачальник правого крыла.

Помимо перечисленных должностей существовало много других, наименования которых образовались путем прибавления к слову «военачальник» различных определений. Все эти должности объединялись в общую группу цзахао цзянцзюнь — военачальники разных наименований (XXIII, гл. 114, с. 86, 9а). Именно к этой группе относится и дуляо цзянцзюнь, букв. «военачальник, переправившийся через реку Ляо». По объяснению Ин Шао (140—206 гг.), такая должность возникла в связи с тем, что Фань Мин-ю должен был переправиться через реку Ляо и напасть на ухуаней (XIII, гл. 7, с. 76).

¹⁴ По-видимому, весь абзац заимствован из «Истории династии Хань», где говорится: «Новые сюннские перебежчики в Хань сообщили, что ухуани раскопали могилу покойного шаньюя, и рассерженные сюнну отправили 20 тыс. всадников для нападения на ухуаней.

Старший военачальник Хо Гуан хотел выслать войска, чтобы перехватить сюнну, но, когда он спросил мнение хуцзюнь дувэя Чжао Чун-го, тот нашел, что в последнее время ухуани несколько раз нарушали границы, а поэтому нынешнее нападение сюнну выгодно для Хань. Кроме того, [он считал, что] сюнну стали редко совершать грабительские набеги, на северных границах, к счастью, все спокойно, и теперь, когда варвары нападают друг на друга, высылать войска против сюнну — значит вызывать грабителей на ссору [с Хань], а в этом нет необходимости.

Затем Хо Гуан обратился за советом к Фань Мин-ю, занимавшему должность начальника охранной стражи телохранителей. [Фань] Мин-ю сказал, что [на сюнну] следует напасть; его назначили на должность залюского военачальника, и он выступил в поход из округа Ляодун во главе 20 тыс. всадников.

Сюнну, узнав о приближении ханьских войск, повернули назад. Кстати говоря, Хо Гуан предупредил Фань Мин-ю о том, чтобы войска не ходили в поход напрасно, если они не успеют перехватить сюнну, то должны напасть на ухуаней. Ухуани в это время только что пострадали от войск сюнну, и [Фань] Мин-ю, не успевший перехватить сюнну, воспользовавшись усталостью ухуаней, напал на них, порубил более шести тысяч человек, обезглавил трех князей и возвратился обратно (XIII, гл. 94а, с. 326, 33а).

¹⁵ Ван Ман хотел нанести сюнну решительный удар. Для этого он разработал новую тактику борьбы с давними врагами Китая, решив разделить их на 15 частей и поставить во главе каждой части своего шаньюя. Борьба с раздробленным противником было бы значительно легче. В «Хань-шу» указывается: «После вступления на престол [Ван] Ман, основавший династию Синь, рассчитывая на богатства хранилищ и кладовых, хотел упрочить свое влияние, а поэтому назначил военачальников двенадцати армий, стал собирать удалцов в округах и владениях, взял лучшее оружие из оружейных складов, определил каждому военачальнику место для расквартирования и начал перевозить на границу войска и военное снаряжение. Он решил, что, когда будет собрано триста тысяч воинов и подвезен провиант на триста дней, войска одновременно выступят в десяти направлениях, начнут настойчиво преследовать сюнну и загонят их в земли длиннов, после этого земли сюнну будут разделены, а шаньюями поставлены пятнадцать потомков Хуханье» (XIII, гл. 94б, с. 236, 24а). Из этой затеи ничего не вышло, собранные войска так и не выступили в поход, огромные средства были израсходованы напрасно.

¹⁶ Военачальник Восточного края, дунюй цзян, должность, входившая в группу военачальников разных наименований. См. прим. 13.

¹⁷ Дай — древнее царство. Уничтожено Чжао Сянь-цзы, образовавшим на землях этого царства округ Дай. Занимал северные части современных пров. Шаньси и Хэбэй.

¹⁸ Имеются в виду уже упоминавшиеся пять округов — Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляодун и Ляоси.

¹⁹ Ма Юань (14 г. до н. э.—49 г. н. э.) — потомок чжаоского военачальника Чжао Шэ, носившего титул Мафу-цзюнь. Начал служебную карьеру с небольшой должности в округе. Конвоируя важного преступника, пожалел его и выпустил на свободу, а сам бежал в округ Вэйди, где занялся скотоводством и быстро разбогател. Дальнейшую жизнь Ма Юаня лучше всего характеризуют его же слова: «Мужчина должен умирать в открытом поле на границе, а его тело возвращаться для погребения [на родине], обернутое в шкуру лошади. Разве он может лежать на кровати, поддерживаемый руками сыновей и дочерей!».

При Ван Мане получил назначение на должность начальника округа Синьчэнь, а после гибели Ван Мана служил сначала Вэй Сяо, а затем перешел на сторону императора Гуан-ю. Когда Вэй Сяо поднял восстание в округе Лунси, Ма Юань выложил перед императором рельеф местности из зерен риса и указал пути нападения, благодаря чему войска Вэй Сяо были разбиты. В 35 г. был назначен на должность начальника округа Лунси, занимая которую вел успешную борьбу с цянми, нанеся им несколько поражений. В 41 г. получил назначение на должность фубо цзянцзюнь (военачальник — усмиритель волн) и отправился в поход против владения Цзяочжи. За успешные действия получил титул Синьси-хоу и право кормления с трех тысяч дворов. В 44 г. вернулся из похода против Цзяочжи, но в связи с набегами сюнну и ухуаней сразу же попросил императора направить его на борьбу с ними. В следующем году во главе трех тысяч всадников выступил из Гаолю, однако ухуани, заранее узнав от разведчиков о движении китайского отряда, успели отойти, в результате чего Ма Юань ничего не добился. В 48 г., в возрасте 62 лет, по собственной просьбе был направлен против южных инородческих племен, совершавших набеги на Китай. Из-за жары и труднопрохо-

димых дорог поход оказался неудачным. Воины страдали от болезней, а сам Ма Юань заболел малярией и в 49 г. умер. Неудача Ма Юаня настолько разгневала императора, что он лишил его титула Синьси-хоу (XXIII, гл. 24).

²⁰ На 22-м году правления императора Гуан-у (46 г.) умер шаньюй Юй и на престол вступил его сын Удатихоу. Через некоторое время он тоже умер, после чего шаньюем стал его младший брат Цуну. Это разгневало Би, сына шаньюя Учжулю жоти, который по существовавшей системе престолонаследия должен был стать шаньюем. В результате среди сюнну разгорелась борьба за престол, приведшая к их ослаблению.

²¹ Ничэн находился к северо-западу от современного уездного Сюаньхуа в Чахаре («Чжунго дымин да пидянь» (ЧГДМДЦД), с. 673).

²² В тексте после имени Ухэ стоит иероглиф юнь, являющийся излишней вставкой.

²³ Яньмынь — округ, созданный царством Чжао в период Чжань-го. Занимал северо-западную часть современной пров. Шаньси к северу от Нинъю (ШЦС, с. 290, прим. 248).

²⁴ Шуайчжун-ван — букв. «ван, стоящий во главе народа».

²⁵ Уюань — бывший циньский округ Цзююань, переименованный при династии Хань в Уюань. Занимал северо-западную часть пров. Суйюань.

²⁶ Цзююань — уездный город, в котором находилось управление округом Уюань. Лежал к востоку от современного г. Уюань в пров. Суйюань.

²⁷ Хэ Си, по прозвищу Мэн-сунь, малозаметная фигура, о его жизни сообщается лишь в качестве приложения к жизнеописанию Лян Циня. При императоре Хэ-ди служил в приказе по охране внутренних ворот императорского дворца в должности эжжэ. Занимаясь эту должность ведали представлением прибывающих ко двору гостей и служили для связи между ними и императором. Отличался внушительной внешностью, а когда представлял прибывших гостей, поражал присутствующих громким голосом. За эти качества император Хэ-ди повысил его в должность помощника главного цензора. В дальнейшем занимал должности пристава по уголовным делам и начальника сельскохозяйственного приказа. Умер от болезни в походе против сюнну (XXIII, гл. 47, с. 286).

²⁸ Лян Цинь (?—112 г. н. э.), по прозвищу Бо-вэй, уроженец уезда Ицзюй в округе Бэйди. Его отец Лян Фын в 89 г. участвовал в походе Доу Сяня против сюнну и был послан вручить шаньюю подарки, чтобы склонить его к переходу на сторону Хань. В результате усилий Лян Фына свыше десяти тыс. сюннусцев изъявило покорность, но в дальнейшем у него возникли расхождения с Доу Сянем и он был сослан в округ Увэй, начальник которого, выполняя волю Доу Сяня, убил его. После гибели Доу Сяня император Хэ-ди, зная что Лян Фын пострадал невинно, вызвал Лян Циня и назначил на должность телохранителя.

В 106 г. Лян Цинь был назначен помощником полковника Западного края и выехал к месту должности. Когда он прибыл в Хэси (общее название земель к западу от Хуанхэ), во владениях Западного края было поднято восстание и совершено нападение на ханьского губернатора Жэнь Шана, находившегося во владении Шула. Жэнь Шан оказался в критическом положении, в связи с чем Лян Цинь получил приказание выступить на помощь во главе пяти тысяч циньских и хуских всадников. Вскоре вместо Жэнь Шана губернатором Западного края был назначен Дуань Си, а должность воеводы конной охранной стражи получил Чжао Бо. Оба находились в г. Тоганьчэн во владении Гуйцы. Это был небольшой город, и Лян Цинь понял, что его трудно оборонять. Он обратился к правителю Гуйцы Байба и, обманув его, попросил для себя разрешение разместиться в столице и совместно защищать ее, на что получил согласие. Однако войдя в столицу, он сразу же пригласил в нее Дуань Си и Чжао Бо, которые не замедлили явиться с отрядом из девяти тысяч воинов. Это привело к восстанию населения, которое оса-

дило столицу. В течение нескольких месяцев ханьским военачальникам удалось подавить восстание и восстановить порядок, но связь с Китаем оказалась прерванной. Обсуждая при дворе создавшееся положение, сановники нашли, что владения Западного края далеки от Китая, неоднократно поднимали восстание, а содержание пахотных поселений требует огромных расходов. В результате в 107 г. было принято решение упразднить должность губернатора Западного края, Дуань Си, Лян Циня и Чжао Бо отозвать, а пахотных переселенцев вернуть обратно. Когда, выполняя это решение, Лян Цинь прибыл в Дуньхуан, произошло восстание цянов, в подавлении которого он принял активное участие.

Зимой 109 г. южный шаньюй вместе с ухуаньскими старейшинами поднял восстание. Против мятежников были направлены войска во главе с Хэ Си, Пань Сюном и Гэн Куем, а Лян Цинь был назначен на должность исполняющего обязанности заляоского военачальника. Когда Пань Сюн и Гэй Куи разбили войска сюннуского юйцзянь жичжу-вана, выступил сам шаньюй, окруживший в Мэйцзи начальника охранной стражи телохранителей Гэн Чжуну. После нескольких месяцев упорных боев Гэн Чжун запросил подкреплений, в связи с чем к нему на помощь был послан Лян Цинь во главе восьми тысяч всадников. Лян Цинь разбил сюннусцев, но попал в окружение подошедшего шаньюя. В результате сражения шаньюй отступил в Хуцэ. Преследуя шаньюя, Хэ Си подошел к г. Маньбо, но здесь тяжело заболел, поэтому всеми дальнейшими операциями руководил Пань Сюн, Лян Цинь и Гэн Чжун. Испугавшись многочисленности ханьских войск, шаньюй отправил к Лян Циню посла, изъявляя желание сдаться, на что и получил согласие. За успешные действия Лян Цинь был назначен на должность заляоского военачальника.

В 110 г. округа Аньдин, Бэйди и Шанцзюнь подверглись нападению цянов, в связи с чем Лян Циню было приказано переселить жившее там население в округ Фуфын. Для охраны переселяемых Лян Цинь послал сына старшего брата южного шаньюя, которому за успешное выполнение задания пожаловал титул хоу. За это его обвинили в злоупотреблении властью и посадили в тюрьму. В защиту Лян Циня выступил Ма Юн, представивший императору доклад, в котором отмечались способности Лян Циня и говорилось о том, что только он может усмирить цянов. Освобожденный из тюрьмы Лян Цинь выступил в поход, но вскоре заболел и умер (XXIII, гл. 47).

²⁹ Дувэй — окружной воевода. При династии Цинь во всех 36 округах, на которые делилась империя, была установлена должность цзюньвэй — окружной воевода. Воевода оказывал содействие начальнику округа и руководил военными делами. В 148 г. до н. э. для должности окружного воеводы было принято новое название — дувэй. Окружные воеводы, как и начальники округов, получали натуральное довольствие в размере 2 тыс. даней зерна в год (ХШ, гл. 19а, с. 156). Циньхань — букв. «сблизившийся с Хань». Титул Циньхань дувэй может быть переведен как «окружной воевода, сблизившийся с Хань».

³⁰ Юньчжун — округ, учрежденный владением Чжао. Занимал северо-западную часть современной пров. Шаньси и юго-западную часть автономного района Внутренней Монголии. Управление округом находилось в уездном г. Юньчжун, находившемся на месте современного уездного г. Токото (ШЦС, с. 404, прим. 136).

³¹ Шанань — уездный город, входивший в состав округа Юньчжун. Находился к западу от современного уездного г. Токото в автономном районе Внутренней Монголии (ЧГДМДЦД, с. 552).

³² Залюоский лагерь, дулло ин, был учрежден в 65 г., стоявшие в нем войска должны были пресекать связь между южными и северными сюнну (XXIII, гл. 89, с. 13а).

³³ Начальник охранной стражи телохранителей — чжунланцзян. Военная должность, следовавшая за должностью военачальника и находившаяся в ведении

приказа по охране внутренних ворот дворца. Существовало две должности начальника охранной стражи телохранителей — цимынь чжунланцзян и юйлинь чжунланцзян.

Должность цимынь чжунланцзян (начальник особой охранной стражи телохранителей) впервые была введена в 104 г. до н. э. в связи с тем, что император У-ди часто выходил инкогнито из дворца и заранее условливался с начальником телохранителей о встрече у дворцовых ворот (ХШ, гл. 65, л. 46; гл. 19а, л. 56, прим.). В 1 г. н. э. название должности было изменено на хубэньлан. Цимынь чжунланцзян во главе вооруженных телохранителей сопровождал императора в неофициальных случаях. Он получал натуральное довольствие в размере 2 тыс. даней зерна в год (ХШ, гл. 19а, л. 56).

Должность юйлинь чжунланцзян (начальник личной охранной стражи телохранителей), также установленная императором У-ди, считалась ниже предыдущей. Занимающий ее должен был сопровождать императора во время обычных выездов. Происхождение названия вызывает различные толкования. Янь Ши-гу считает, что иероглиф *юй* — «крылья» указывал, что телохранители, входившие в эту стражу, были быстры, словно птицы, а иероглиф *линь* — «лес» — то, что их было так много, как деревьев в лесу. Согласно другому толкованию, иероглиф *юй* означал, что телохранители поддерживали императора, как крылья птицу (ХШ, гл. 19а, с. 6а, 136).

³⁴ Сючу — первоначально титул сюннуского князя, который в 121 г. до н. э. потерпел поражение от ханьского военачальника Хо Цюй-бина (ШЦ, гл. 110, с. 24а). В дальнейшем на землях князя Сючу, занимавших центральную часть пров. Ганьсу, был создан уезд Сючу, главный город которого находился к северу от современного уездного г. Увэй. Тутэ — название сюннуского кочевья, переселившегося в пределы Китая ШЦ, гл. 97, с. 116). Таким образом, *сючу тутэ* следует переводить «сюннуское кочевье тутэ».

³⁵ В 1-м году эры правления Юн-шоу (155 г. н. э.) Чжан Хуань был назначен на должность воеводы зависимых владений в округе Аньго. Когда он прибыл к месту должности, более семи тысяч южных сюнну, руководимых левым юйцзянь-ваном Тайчи, цецзюй Бодэ и другими, напали на уезд Мэйцзи, а за ними последовали восточные цяны. Хотя Чжан Хуань имел немногим более 200 воинов, услышав о набеге, он немедленно выступил с ними из крепости. Командиры, считая, что силы не равны, пытались остановить Чжан Хуаня. Не послушав советов, Чжан Хуань расположился у Великой стены и стал собирать войска. Он отправил военачальника Ван Вэя привлечь на свою сторону восточных цянов и расположиться в уезде Гуйцзи, чтобы южные сюнну не могли сноситься с цянами. Вожди восточных цянов поспешили заключить с Чжан Хуанем мир и напали вместе с ним на юйцзянь-вана, который был разбит в нескольких сражениях. Испуганный Бодэ изъявил покорность, после чего в округе было восстановлено спокойствие (ХХШ, гл. 65, с. 116, 12а).

³⁶ В тексте после упоминания о южных сюнну снова указываются сянбийцы, что, по-видимому, является опечаткой.

³⁷ Чжуншань — округ, находившийся на территории современного уезда Динсян в пров. Хэбэй.

³⁸ Указанные события более подробно изложены в жизнеописании Лю Юя. Вспыхнувшее в 184 г. восстание желтых турбанов сопровождалось многочисленными выступлениями представителей местного чиновничьего аппарата против династии Хань. Военачальник колесниц и конницы Чжан Вэнь направил против одного из них, Бянь Чжана, три тысячи ухуаньских всадников. Чжан Шунь, правитель округа Чжуншань, просил назначить его командиром отряда, но Чжан Вэнь предпочел Гунсунь Цзяня. Из-за задержек в снабжении ухуани взбунтовались. Используя этот случай, обиженный Чжан Шунь обратился к начальнику округа Тайшань Чжан Цзюю, сказав: «В связи с мятежом ухуаней все хотят поднять восстание, в области Лянчжоу

появились разбойники, и двор не может подавить их. Кроме того, в Лояне у одной женщины родился ребенок с двумя головами, а это предзнаменование, указывающее на то, что благоприятная судьба для династии Хань окончилась и в Поднебесной появятся два правителя. Если мы станем во главе ухуаней и двинем войска, возможно, сможем осуществить великое дело».

Чжан Цзюй принял предложение, и они, заключив союз с ухуаньскими старейшинами, напали на область Цзи, всюду занимаясь грабежами. Первоначально восставшим сопутствовал успех. Они убили надзирающего за ухуанями полковника Цзи Чоу, начальника округа Юбэйпин Лю Чжэна и начальника округа Ляодун Ян Чжуна. Численность восставших возросла до ста тысяч человек. Чжан Цзюй объявил себя Сыном Неба, а Чжан Шунь присвоил должность митянь цзянцзюнь и титул Аньдин-вана. Через некоторое время Чжан Шунь приказал ухуаньскому Цяо-вану напасть, во главе 50 тыс. воинов, на области Цинчжоу и Цзичжоу. Встреченный двор поспешил назначить Лю Юя на должность начальника области Ю-чжоу. Прибыв к месту службы, Лю Юй отправил к Цяо-вану гонца, чтобы склонить к переходу на сторону Хань и обещать щедрую награду за головы Чжан Шуя и Чжан Цзюя. Цяо-ван согласился на сделанное предложение, после чего Чжан Шунь и Чжан Цзюй бежали за укрепленную линию, а их войска, оставшиеся без руководителей, рассеялись. Вскоре Чжан Шунь был убит своим приближенным Ван Чжэном, который отправил его голову Лю Юю (ХХШ, гл. 73, с. 16, 26).

³⁹ Имеются в виду ухуани, жившие в округах Шангу, Ляодун и Юбэйпин, руководимые старейшинами Наньлюо, Супуэнь и Уянь, объявившими себя ванами.

⁴⁰ Лючэнь — уездный город, находившийся в 60 ли к юго-западу от современного уездного г. Чанли в пров. Хэбэй (ЧГДМДЦД, с. 470).

Фань Е

История Поздней династии Хань

Глава 90

Повествование о сянби

Сянби тоже, [как и ухуани], — ветвь [племени] дунху. Они отдельно осели у горы Сянби, от которой получили свое название. Их язык и обычаи сходны с ухуаньскими; только перед браком сначала бреют голову, устраивают большое собрание, в последнем месяце весны на реке Жаолэшуй пируют, а по окончании пиршества соединяются браком.

Среди диких птиц и зверей, отличных от имеющихся в Среднем государстве, [в их землях] водятся дикая лошадь, дикий овца¹, цзяодуаньню², из рогов которого делают лук, называемые в просторечьи луками из рога цзяодуань. Имеются еще соболи, лисицы³ и белки⁴, мех которых мягок, поэтому в Поднебесной из него делают знаменитые шубы.

В начале династии Хань сянбийцы также, [как и ухуани], были разбиты Маодунем и бежали в земли, расположенные далеко от укрепленной линии в округе Ляодун, где жили рядом с ухуанями, никогда не устанавливая связей со Средним государством.

В первые годы правления императора Гуан-у сюнну усилились и во главе сяньбийцев и ухуаней стали совершать набеги на северные пограничные земли, убивая и угоняя в плен чиновников и парод, из-за чего там не было ни одного спокойного года⁵.

На 21-м году эры правления Цзянь-у (45 г. н. э.) сяньбийцы и сюнну вторглись в округ Ляодун, но были разбиты правителем округа Цзи Юном, который порубил или захватил в плен почти всех нападавших. Об этом рассказывается в жизнеописании Цзи Юна⁶. С этого времени сяньбийцы содрогнулись от страха.

На 25-м году [эры правления Цзянь-у] (49 г.), когда шаньюй южных сюнну признал власть династии Хань, а северные варвары (т. е. северные сюнну), оказавшись изолированными, ослабели, сяньбийцы впервые стали присылать послов.

В дальнейшем главноначальствующий [сяньбийцев] Пяньхэ и другие явились к Цзи Юну⁷ и просили разрешения отдать все силы служению [Срединному государству], в связи с чем им было приказано напасть на северосюннское левое кочевье ийцзы, в котором они обезглавили более двух тысяч человек. После этого Пяньхэ несколько лет подряд выступал в походы для нападения на северных варваров, а по возвращении с отрубленными головами врагов являлся в округ Ляодун для получения наград.

На 30-м году [эры правления Цзянь-у] (54 г.) сяньбийские старейшины Юйчоупэнь, Маньтоу и другие пришли во главе сородичей ко двору для принесения поздравлений и, охваченные желанием встать на правильный путь, изъявили покорность [Срединному государству]. Император пожаловал Юйчоупэню титул вана, а Маньтоу — титул ху.

В это время Синьчжипэнь, старейшина чжаньских ухуаней в округе Юйян, неоднократно совершал набеги на округ Шангу. В 1-м году эры правления Юн-пин (58 г.) Цзи Юн снова подкупил Пяньхэ для нападения на Синьчжипэня. [Пяньхэ] разбил и обезглавил Синьчжипэня, после чего все сяньбийские старейшины явились с изъявлением покорности и стали приходить в округ Ляодун за получением наград. Две области, Цинчжоу и Сюйчжоу, как правило, ежегодно, выплачивали им 270 миллионов монет. В правление императоров Мин-ди (58—76 гг.) и Чжан-ди (76—89 гг.) сяньбийцы охраняли границу и на ней не происходило столкновений.

В эру правления Юн-юань, установленную императором Хэ-ди, старший военачальник Доу Сянь послал правого полковника Гэи Куя, который напал на сюнну и нанес им поражение, после чего северный шаньюй бежал, а сяньбийцы, воспользовавшись этим, переселились и заняли его земли⁸. Оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывались выше ста ты-

сяч юрт, стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев.

В 9-м году [эры правления Юн-юань] (97 г.) сяньбийцы из округа Ляодун напали на уездный город Фэйжу⁹. Правителя округа [Ляодун] Цзи Цаня обвинили в поражении и бросили в тюрьму, в которой он умер.

На 13-м году [эры правления Юн-юань] (101 г.) сяньбийцы из округа Ляодун совершили набег на округ Юбэйпин, а затем вторглись в округ Юйян, но были разбиты правителем этого округа.

В 1-м году эры правления Янь-пин (106 г.) сяньбийцы снова совершили набег на округ Юйян, причем Чжан Сянь, правитель этого округа, выступил во главе нескольких сот воинов за укрепленную линию, преследуя их. Янь Шоу, начальник военного отдела при окружном управлении¹⁰, увещевая [Чжан Сяня], сказал: «Перед нами труднопроходимая дорога, а силы разбойников трудно определить, поэтому лучше временно стать лагерем и приказывать легковооруженным всадникам произвести разведку». Это настолько разгневало Чжан Сяня, который уже принял твердое решение, что он хотел обезглавить Янь Шоу. Чжан Сянь снова двинулся вперед и попал в устроенную варварами засаду. Все воины разбежались, только один Янь Шоу продолжал упорно сражаться. Он получил десять ранений, убил нескольких врагов и пал на поле боя. В Чжан Сяня попала шальная стрела. Регистратор¹¹ Вэй Фу и начальник отдела наград Сюй Сянь бросились к Чжан Сяню на помощь, но погибли в бою.

Вдовствующая императрица Дэн издала указ, в котором восхваляла [погибших] и скорбела [о их смерти]. Она пожаловала Чжан Сяню шестьсот тысяч монет, а два человека из его семьи были назначены телохранителями. Янь Шоу, Вэй Фу и Сюй Сяню было пожаловано по сто тысяч монет и одному сыну каждого дана должность телохранителя¹².

В эру правления Юн-чу (107—113 гг.), установленную императором Ань-ди, сяньбийский старейшина Яньлиан явился ко двору для принесения поздравлений. Вдовствующая императрица Доу пожаловала Яньлиану печать князя¹³ со шнуром, красную колесницу с тремя лошадьми, приказала жить под городом Нинчэн, в котором находился падающий за ухуанями полковник, и торговать на рынках для хусцев, вслед за чем построила южное и северное подворья для заложников. Сто двадцать сяньбийских родов прислали заложников. В дальнейшем сяньбийцы то изъявляли покорность, то восставали, то занимались взаимными нападениями с сюнну и ухуанями.

Осенью, во 2-м году эры правления Юань-чу (115 г.) сяньбийцы из округа Ляодун окружили уездный город Улюй¹⁴, но соединившиеся

областные и окружные войска упорно оборонялись, опустившись предварительно окрестности¹⁵, так что сяньбийцам не удалось ничего захватить. Затем сяньбийцы напали на военный лагерь в Фули, где перебили старших чиновников.

В 4-м году [эры правления Юань-чу] (117 г.) сяньбиец Ляньсю из округа Ляоси и другие сожгли ворота на укрепленной линии и ограбили население. Ухуаньский старейшина Юйчжицзюй, у которого была давняя вражда с Ляньсю, совместно с войсками округа, напал на него и нанес сильное поражение. Он порубил тысячу триста человек, взял в плен остальных и захватил весь рогатый скот и все имущество.

Осенью, в 5-м году [эры правления Юань-чу] (118 г.) свыше десяти тысяч сяньбийских всадников из округа Дайцзюнь перешли укрепленную линию и вторглись с целью грабежа. Они нападали на города, жгли дворцы и присутственные места, перебили старших чиновников и ушли обратно. В связи с этим в качестве меры предосторожности против сяньбийцев были посланы пограничные воины и воины из лянского лагеря, расположившиеся в округе Шангу. Зимой сяньбийцы вторглись в округ Шангу и напали на заставу Цзюйюань¹⁶. В связи с этим снова были посланы воины из лянского лагеря, стоявшие в различных пограничных округах, и двадцать тысяч конных и пеших стрелков-следопытов, которые расположились лагерями в важных стратегических пунктах.

Осенью, в 6-м году [эры правления Юань-чу] (119 г.) сяньбийцы перешли укрепленную линию у города Мачэн и перебили старших чиновников. Военачальник зальяского лагеря Дэн Цзунь послал три тысячи стрелков-следопытов, а также начальника охранной стражи телохранителей Ма Сюя во главе войск южного шаньюя и войск из округов Ляоси и Юбэйпин, которые, соединившись, выступили за укрепленную линию. Они догнали сяньбийцев, напали на них и нанесли им сильное поражение, захватив очень большое количество пленных, крупного рогатого скота, овец и имущества. Затем были посланы три тысячи стрелков-следопытов и три тысячи лошадей, которые расположились в зальяском лагере.

В 1-м году эры правления Юн-нин (120 г.) сяньбийские старейшины в округе Ляоси Улунь и Цичжицзянь явились во главе своего народа к Дэн Цзуню с изъявлением покорности и поднесли дань. Император повелел пожаловать Улуню титул шуайчжун-вана, а Цичжицзяню титул шуайчжун-хоу и одарить каждого, в зависимости от заслуг, шелковыми тканями.

Осенью, в 1-м году эры правления Цзяньгуань (121 г.) Цичжицзянь снова поднял мятеж и совершил набег на [уезд] Цзюйюнь. Чэн Янь, правитель округа Юньчжун, напал

на него, но потерпел поражение, а его воины разбежались. Ян Му, начальник отдела наград, пытался своим телом прикрыть Чэн Яня, но погиб вместе с ним на поле боя. После этого сяньбийцы окружили надзирающего за ухуанями полковника Сюй Чана в городе Мачэн. Зальяский военачальник Гэн Куй и правитель области Ючжоу Пань Цань послали войска из округов Гуанъян, Юйян и Чжоцзюнь, которые по двум направлениям двинулись на помощь Сюй Чану. Ночью Сюй Чану удалось незаметно выйти из города. Соединившись с Гэн Куем и другими, он двинулся вперед, напал на разбойников, окружавших город, и снял с него осаду.

Поскольку сяньбийцы неоднократно убивали правителей округов, их смелость возросла, и, имея несколько десятков тысяч всадников, натягивающих луки, они зимой в 1-м году эры правления Янь-гуань (122 г.) снова совершили набег на округа Яньмынь и Динжан, а затем напали на округ Тайюань, грабя и убивая народ.

Зимой, во 2-м году [эры правления Янь-гуань] (123 г.) Цичжицзянь лично во главе более десяти тысяч всадников вторгся в Дунлин, откуда по нескольким направлениям напал на южных сюнну, находившихся в Маньбо¹⁷. [Сюннунский князь] Юйцзянь жичжуван погиб в бою, и было убито свыше тысячи сюннуцев.

Осенью, в 3-м году [эры правления Янь-гуань] (124 г.) Цичжицзянь снова совершил набег на Гаолю¹⁸, разбил южных сюнну и убил князя цзяньцзян-вана.

Осенью, в 1-й год эры правления Юн-цзянь (126 г.), установленной императором Шуньди, сяньбийский [старейшина] Цичжицзянь совершил набег на округ Дайцзюнь, правитель которого Ли Чао погиб в бою.

Весной, в следующем году начальник охранной стражи телохранителей Чжан Го приказал канцеляристу¹⁹ выступить во главе пеших и конных войск южного шаньюя, численностью свыше десяти тысяч человек, за укрепленную линию и напасть [на Цичжицзяня]; он нанес ему поражение и захватил свыше двух тысяч телег²⁰ с имуществом. В это же время свыше шести тысяч сяньбийских всадников из округа Ляодун совершили набег на округа Ляодун и Сюаньту. Надзирающий за ухуанями полковник Гэн Е приказал воинам из различных округов вдоль границы и ухуаньскому шуайчжун-вану выступить за укрепленную линию и напасть на сяньбийцев. Посланные убили несколько сот человек и захватили много пленников, крупного рогатого скота, овец и имущества. После этого сяньбийские старейшины во главе своего народа, общей численностью в тридцать тысяч человек, явились в округ Ляодун и просили разрешения сдаться.

В 3-м и 4-м годах [эры правления Юн-цзянь] (128, 129 гг.) сяньбийцы часто совершали набеги на округа Юйян и Шофан.

Осенью, в 6-м году [эры правления Юн-цзянь] (131 г.) Гэн Е послал за укрепленную линию командира войск во главе нескольких тысяч хуских воинов, который напал на сяньбийцев и нанес им поражение.

Зимой правитель округа Юйян отправил для нападения на сяньбийцев ухуаньских воинов, которые убили восемьсот человек и захватили крупный рогатый скот, лошадей и пленных.

Ухуаньский удалец Фусоугуань отличался смелостью и силой, в каждом сражении с сяньбийцами он [первым] врвался в ряды врага, поэтому император приказал пожаловать ему звание шуайчжун-цзюнь.

Зимой в 1-м году эры правления Ян-цзя (132 г.) Гэн Е послал за укрепленную линию ухуанца Жунчжухуэя, носившего титул циньхань дувэй, Догуй, носившего титул шуайчжун-вана²¹, и других, которые напали на сяньбийцев, многих перебили, захватили богатую добычу и возвратились назад. [Участникам похода], начиная от Догуй, были пожалованы титулы шуайчжун-ван, хоу, должности начальников, и каждый в зависимости от совершенных подвигов был одарен шелковыми тканями. Вслед за этим сяньбийцы снова совершили набег на зависимые владения в округе Ляодун, после чего Гэн Е для их отражения перевел войска в город Улюй в округе Ляодун.

Весной во 2-м году [эры правления Ян-цзя] (133 г.) Чжао Чоу, занимавший должность начальника охранной стражи телохранителей, надзирающего за сюнну²², послал за укрепленную линию канцеляриста во главе войск гудухоу южных сюнну Фучэня и других напасть на сяньбийцев. Посланные разбили сяньбийцев, многих перебили и захватили богатую добычу. Император приказал пожаловать Фучэню золотую печать с темно-красным шнуром и одарить всех в зависимости от совершенных подвигов шелковыми тканями.

Осенью сяньбийцы перешли укрепленную линию и вторглись в [уезд] Мачэн. Правитель округа Дайцзюнь напал на них, но не смог одолеть. Позднее Цичжицзянь умер, после чего грабежи сяньбийцев стали более редкими.

При императоре Хуань-ди (147—168 гг.) у сяньбийцев появился Таньшихуай²³. Его отец Тоулухоу в прошлом три года служил в войсках сюнну, и [в это время] его жена, оставшаяся дома, родила сына. Когда Тоулухоу вернулся, это удивило его, и он хотел убить ребенка. Однако жена сказала, что как-то днем, идя по дороге, она услышала удар грома. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на небо, ей в рот упала градника, которую она проглотила, после чего забере-

менела и через десять месяцев родила сына. Этого ребенка, [сказала жена], несомненно ждет необыкновенное, поэтому его следует вырастить и посмотреть, что его ожидает. Тоулухоу не послушал жену и выбросил младенца. Тогда жена тайно сказала домашним, чтобы они подобрали и вырастили ребенка, которому она дала прозвище Таньшихуай.

В возрасте 14—15 лет Таньшихуай уже отличался смелостью, физической силой и умом. Как-то старейшина другого кочевья похитил у родителей его матери крупный рогатый скот и овец. Таньшихуай один на коне погнался за похитителями, напал на них, и никто, куда бы он ни устремился, не мог противостоять ему. Он отбил весь угнанный скот, после чего напуганные члены его кочевья подчинились ему. Затем он ввел предусмотренные законом запреты для решения дел между правыми и виноватыми, причем никто не смел нарушать их. В результате его избрали старейшиной.

Таньшихуай учредил ставку на реке Чочоушуй у горы Таньхань²⁴ в трехстах с лишним ли к северу от Гаолю, и, поскольку у него было очень сильное войско, все старейшины восточных и западных кочевий подчинились ему. Благодаря этому на юге он грабил земли вдоль укрепленной линии, на севере отразил динлинов, на востоке заставил отступить [владение] Фууй, на западе нападал на усуней и овладел всеми бывшими сюннускими землями, которые тянулись с востока на запад более чем на четырнадцать тысяч ли и были пересечены горами, реками, пресными и солеными озерами.

Осенью, во 2-м году эры правления Юншоу (156 г.) Таньшихуай во главе трех или четырех тысяч всадников совершил набег на округ Юньчжун.

В 1-м году эры правления Янь-си (158 г.) сяньбийцы совершили набег на северные границы. Зимой Чжан Хуань, занимавший должность начальника охранной стражи телохранителей, надзирающего за сюнну, выступил во главе войск южного шаньюя за укрепленную линию, напал на них и убил двести человек.

Во 2-м году [эры правления Янь-си] (159 г.) сяньбийцы снова вторглись в округ Яньмынь, убили несколько сот человек, сильно пограбили и ушли обратно.

Летом, в 6-м году [эры правления Янь-си] (163 г.) свыше тысячи сяньбийских всадников совершили набег на зависимые владения в округе Ляодун.

Летом, в 9-м году [эры правления Янь-си] (166 г.) несколько десятков тысяч сяньбийских всадников, разделившись на отряды, вторглись в девять пограничных округов, убивая и грабя чиновников и народ. В связи с этим для нападения на сяньбийцев снова

был послан Чжан Хуань, после чего они ушли за укрепленную линию.

После этого двор, который все время беспокоили сяньбийцы, но с которыми он не мог справиться, отправил посла с печатью и шнуром пожаловать Тяньшихуаю титул вана, желая заключить с ним договор о мире, основанный на родстве, но Тяньшихуай, не согласившись принять титул, стал пуще прежнего заниматься набегами и грабежами. Он сам разделил свои земли на три части: земли от округа Юбэйпин на восток до округа Ляодун, [владения] Фуюй и [племени] мохуэй, на которых находилось свыше двадцати кочевий, составили восточную часть; земли от округа Юбэйпин на запад до округа Шангу, на которых находилось свыше десяти кочевий, составляли среднюю часть; земли от округа Шангу на запад от округа Дуньхуан и усуней, на которых находилось более двадцати кочевий, составили западную часть. Для управления частями были поставлены старейшины, которые все подчинялись Тяньшихуаю²⁵.

После вступления на престол императора Лин-ди (168—190 гг.) не было ни одного года, когда бы пограничные округа в областях Ю, Бин и Лян не страдали от набегов и грабежей сяньбийцев, которые перебили и угнали в плен неисчислимое количество народа.

Зимой, в 3-м году эры правления Си-пин (174 г.) сяньбийцы вторглись в округ Бэйди, но были разбиты правителем округа Ся Юем, который во главе войск сючуского кочевья тугэ бросился в погоню и напал на них. В связи с этим Ся Юй был переведен на должность полковника, надзирающего за ухуанями.

В 5-м году [эры правления Си-пин] (176 г.) сяньбийцы предприняли набег на область Ючжоу.

Летом, в 6-м году [эры правления Си-пин] (177 г.) сяньбийцы совершили набег на три границы (восточную, северную и западную).

Осенью Ся Юй представил доклад, в котором говорил: «Начиная с весны, сяньбийцы совершили более двадцати набегов на границы, поэтому прошу собрать воинов в различных округах области Ючжоу и послать их за укрепленную линию для нападения на сяньбийцев. В течение одной зимы и двух весен мы непременно сможем взять их в плен или уничтожить». Двор не дал согласия на это предложение.

Следует сказать, что в прошлом Тянь Янь, занимавший должность полковника, надзирающего за ухуанями, за совершенное преступление был приговорен к наказанию, но затем его простили. [Желая восстановить доброе имя], он хотел совершить подвиг и отдать все силы [служению императору], а поэтому обратился к придворному сановнику Ван Фу,

добиваясь назначения на должность военачальника. В связи с этим Ван Фу предложил послать войска, которые бы совместно с Ся Юем покарали разбойников. Император назначил Тянь Яня на должность начальника охранной стражи телохранителей — победителя сяньбийцев, но так как многие сановники высказывали противоположные мнения, собрал чиновников для обсуждения [похода против сяньбийцев] во дворце.

[Во время обсуждения] советник Цай Юн сказал: «Шу-цзин предостерегает о беспорядках в Ся, [вызываемых племенами мань и и]²⁶, Тан нападал на [племя] гуйфан²⁷, при династии Чжоу совершались походы против сяньбоней и южных варваров в области Цзин²⁸, при династии Хань имели место события, связанные с горой Тяньянь и [местностью] Ханьхай²⁹. Таким образом, уже давно совершались карательные походы против ипошлеменников.

Однако [благоприятное] время либо повторяется, либо нет, обстановка либо позволяет, либо не позволяет действовать, поэтому разрабатываемые планы либо удачны, либо ошибочны, а делам сопутствует либо успех, либо поражение, нельзя [во всех случаях] действовать одинаково. Император У-ди имел склонность к захватам далеких земель, стремился расширить во все стороны пределы империи. На юге он наказал [племена] байюэ³⁰, на севере покарал сильных хусцев, на западе предпринимал походы против [владения] Давань, на востоке присоединил Чаосянь. [У-ди] опирался на запасы, накопленные при императорах Вэнь-ди и Цзин-ди, использовал богатства Поднебесной, но прошло несколько десятков лет, власти и народ оказались в нужде. Тогда для приобретения средств он ввел государственную монополию на продажу соли и вина, отливку железных монет, отдал приказ о введении тяжелого налога, разрешив доносить об уклонениях от его уплаты³¹. Будучи не в состоянии выносить [суровых] распоряжений, народ поднялся, начал заниматься воровством и разбоем, в землях к востоку от заставы³² воцарился беспорядок, дороги стали непроезжими, повсюду появились сыщики в вышитых одеждах, с топорами и алебардами в руках³³. Вскоре император, уразумев [свою ошибку], дал отдых воинам, прекратил военные походы и пожаловал главному помощнику [Чэ Цю-цяню] титул фуцзэнь-хоу³⁴. Именно поэтому Чжуфу Янь и говорил: «Ведь все, кто жаждал военных побед и всецело посвящал себя военным делам, [неизбежно] раскаивались в этом»³⁵.

Итак, даже Ши-цзуну³⁶, обладавшему мудростью и военными талантами, имевшему хороших и смелых военачальников, располагавшему огромными богатствами, значительно расширившему государство за счет отдаленных земель, и то пришлось раскаиваться [в

своих действиях]. Так что же говорить о настоящем времени, когда испытывается недостаток и в людях и в средствах, а дела идут хуже, чем в прошлом!

После бегства сюнну усилились сяньбийцы, которые заняли их бывшие земли, имеют сотни тысяч воинов, отличаются физической крепостью и большей [по сравнению с сюнну] сообразительностью. К этому следует добавить, что на заставах по укрепленной линии отсутствует строгость, в результате чего в сети заповещений много дыр, благодаря которым разбойники имеют прекрасный металл и хорошее железо; [через эти дыры] бегут ханьцы, которые становятся главными советниками сяньбийцев и [таким образом] у них более острое оружие и более быстрые кони, чем у сюнну.

В прошлом Дуань Ин, прекрасный военачальник, опытный в военном деле и искусный в сражениях, вел войну с западными цзянами, на которую даже и ему потребовалось более десяти лет³⁷. Ныне Ся Юй и Тянь Янь вряд ли превосходят Дуань Ина в искусстве разработки планов, в то время как сяньбийские кочевья не слабее его прежних противников, как же они могут попусту болтать о двух годах войны и быть уверенными в успехе. Если нагрянет беда и завяжутся военные действия, разве их можно будет прекратить на полдороге, придется снова набирать и посылать [на войну] народ, заниматься нескончаемыми перевозками [военного снаряжения], что истощит Среднее государство и приведет к объединению варваров.

Бедствия на границах подобны чесотке на руках и ногах, а крайняя нужда в Среднем государстве подобна нарыву на груди или спине. Если в настоящее время мы не можем прекратить воровства и разбоев в округах и уездах, как сможем покарать отвратительных варваров?

В прошлом [император] Гао-цзу стерпел стыд, который выпал на его долю в Пинчэне³⁸, а [императрица] Люй-хоу не обратила внимания на позор, связанный с оскорбительным письмом³⁹. Если сравнивать пережитое ими с настоящим положением, когда стыд и позор были большими?

Небо создало горы и реки, династия Цинь воздвигла Великую стену, династия Хань построила укрепленную линию для того, чтобы отгородить внутренние земли от внешних, разделить тех, у кого разные с нами обычаи. Для нас достаточно, если мы не будем беспокоить [собственное] государство и вызывать бедствия, связанные с внутренними неурядицами, к чему составлять планы борьбы с коварными, многочисленными, как муравьи, разбойниками!⁴⁰ Допустим даже мы разобьем их, но разве сможем всех уничтожить, хотя уже сейчас из-за них двору приходится кушать лишь поздно вечером.

Стремящийся к победам не обязательно добивается успеха, охваченный сомнениями не обязательно терпит поражение, совершенно-мудрый не взваливает на себя то, что народ называет опасным, мудрый правитель не берется за дела, в отношении которых высказываются сомнения во время обсуждения при дворе.

В прошлом Хуайнань-ван, по имени Ань, увещевая [императора] У-ди не нападать на [владение] Юэ, говорил: «Войска Сына Неба карают, но не воюют, а это означает, что он не смеет сравнивать себя с другими в силе. Допустим юэсцы пренебрегут смертью и выступят против посланного к ним чиновника, но если обратно вернется хотя бы один физически пострадавший сборщик топлива или конюх, это навлечет стыд на великую династию Хань, хотя бы и была отрублена голова юэского вана»⁴¹. Таким образом, менять наш простой народ на отвратительных варваров и унижать авторитет Сына Неба в их землях, по словам Хуайнань-вана, опасно, тем более пока нельзя предугадать, что ожидает нас — победа или поражение.

В прошлом, когда округ Чжуйай поднял мятеж, император Сяо-юань, принявший совет Цзя Цзюань-чжи, издал указ, в котором говорилось: «Округ Чжуйай поднял мятеж, в связи с чем одни советники говорят, что его следует покарать, а другие считают, что от него следует отказаться. Думая об этом днем и ночью, я, с одной стороны, стыжусь, что мой авторитет не действует, и тогда я хочу наказать округ, но, с другой стороны, учитывая происходящие события, я жалею народ. Что более важно — голод среди народа или наказание далеких варваров? В голодные годы и так не хватает продуктов для жертвоприношений в храме предков, тем более нехватка возрастет, если мы решим наказать за навлекенный на нас мелкий позор. Ныне земли к востоку от заставы [Ханьгугуань] переживают большие трудности, нет средств оказать помощь [голодающим], и если послать в поход войска, это не только утомит народ. Следует отказаться от округа Чжуйай»⁴². Вот какие добрые слова произнес император Юань-ди. Жалея народ и помогая ему в беде, он отказался даже от целого округа и ряда уездов, так что же говорить о землях за укрепленной линией, на которых никогда не жил народ! Что касается методов обороны границ, то Ли Му разработал искусную тактику⁴³, а Янь Ю в рассуждении об обороне укрепленной линии изложил главное⁴⁴. Оставленные ими свершения продолжают существовать, сочинения, в которых о них записано, сохранились до сих пор, и я считаю, что мы должны следовать планам, разработанным двумя военачальниками и соблюдать установления покойных императоров». Император не согласился [с Цай Юном].

После этого Ся Юю было приказано выступить из Гаолю, Тянь Яню — из округа Юньчжун и Цзан Миню, начальнику охранной стражи телохраниителей, наблюдающему за сюнну, во главе войск южного шаньюя — из округа Яньмынь. У каждого было десять тысяч всадников, и они по трем направлениям отошли от укрепленной линии более чем на две тысячи ли.

Таньшихуай приказал старейшинам в трех частях своих земель нанести во главе войск контрудар, в результате которого Ся Юй и другие потерпели сильное поражение, лишились вверительных знаков и обозов и бежали обратно, каждый с несколькими тысячами воинов, потеряв из каждого десятка семь-восемь человек. Всех трех военачальников привезли в столицу в клетках и бросили в тюрьму, но они откупились от наказания и были низведены на положение простолюдинов.

Зимой сяньбийцы совершили набег на округ Ляоси.

Зимой, в 4-м году эры правления Гуан-хэ (178 г.) сяньбийцы совершили набег на округ Цзюцюань, причем от них пострадали все земли вдоль границы.

Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцзинь, занимавшую площадь в несколько сот ли. Вода в реке стояла на месте и не текла; в ней была рыба, которую не могли поймать. Услышав, что жители владения Вожэнь искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на восток на это владение, захватил более тысячи семей и переселил их на берега реки [Ухоу]цзинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище.

В эру правления Гуан-хэ Таньшихуай умер в возрасте сорока пяти лет. Вместо него к власти пришел его сын Хэлянь.

В силе и способностях Хэлянь уступал отцу, но так же, [как и он], несколько раз совершал грабительские набеги. По характеру Хэлянь отличался алчностью и беспутством, выносил несправедливые решения [по возникающим тяжбам], поэтому половина народа восстала против него. В дальнейшем Хэлянь напал на округ Бэйди; но в него попала стрела, выпущенная из самострела искусным стрелком, уроженцем уезда Ляньсянь, от которой он умер.

Сын Хэляня, Цяньмань, был молод, поэтому к власти пришел Куйтоу, сын старшего брата Хэляня. Затем, когда Цяньмань вырос, он вступил в борьбу за власть в государстве с Куйтоу, в связи с чем народ рассеялся. После смерти Куйтоу к власти пришел его младший брат Будугэнь.

После Таньшихуая звание старейшины стало переходить по наследству из поколения в поколение.

Рассуждая о происходивших событиях, скажу: «[Если говорить] о варварах четырех сторон света, чинивших насилия, то они усиливались один за другими. Сюнну свирепствовали во времена расцвета династии Хань, западные цзяны буйствовали в период ее возрождения, в правлении императоров Лин-ди и Сянь-ди одно за другим процветали два варварских племени (ухуань и сяньби). Смелый Таньшихуай приобрел все [бывшие] земли шаньюя, жестокий Тадунь занял земли округа Ляоси. Оба вторгались в Срединное государство и причиняли беды народу, в результате чего ни одно поколение не жило спокойно. Однако за прошедшие века не было слышно о лучшем способе установления контроля над варварами, ибо планы династий Чжоу и Хань были соответственно лишь средним и худшим, но не определено ли это неисповедимой судьбой, зависящей от Неба?».

В заключение скажу: «Два племени варваров (ухуань и сяньби), проявлявшие непостоянство [в отношении Срединного государства], причиняли вред нашим северным окраинным землям. Когда судьба [для Срединного государства] была счастлива, они становились послушными, а когда наступали лихие времена, первыми отходили [от Срединного государства]».

Примечания к повествованию о сяньби

¹ Юаньян — дикая овца, соответствует термину *юань* в классической книге Эр-я, в написание которого входят иероглифы *юань* и *ян*. По толкованию Го Пу (276—324 гг.), *юаньян* похож на усюго барана, но имеет большие, продолговатые рога; водится на западе. Словарь Цзы-линь дает значение *юаньян* — «дикий баран» («Эр-я», с. 457). Судя по имеющимся объяснениям, речь идет о каменном баране или аргали, т. е. о крупном горном баране с очень большими рогами, который водится в Средней Азии.

² Цзюдоуаньню, или цзюдоуань, — зверь, трудно сказать какой. В комментарии к жизнеописанию Сыма Сянжу в «Исторических записках» (гл. 117, с. 17а) Пей Инь (V в.), ссылаясь на Го Пу, пишет: «Дуаньцзяо похож на кабана, на носу рог, из которого делают луки. В свое время Ли Линь подарил Су У десять таких луков». В сочинении «Цянь-пу инь-и» указывается, что цзюдоуань похож на быка, из рогов которого делают луки.

³ На — лисица. Иероглиф *на*, судя по словарю «Кан-си», имеет ряд значений (некоторые из них явно неправдоподобны): 1) животное, похожее на собаку, с пятнистой шкурой, рогами и двумя ногами; 2) животное, похожее на тигра, с черной шкурой, не имеющее двух передних ног; 3) животное, которое водится во владении Чаосянь, похожее на дикую кошку, черного цвета, без двух передних ног, хорошо ловит грызунов; 4) животное, которое водится на западе во владении тунцзюэцев, похожее на лисицу, но больше ее, имеет длинный хвост; 5) животное из рода обезьян.

Из приведенных значений нами выбрано значение «лисица», поскольку ниже говорится, что из ее меха

в Срединном государстве шили знаменитые шубы. Лисьи шубы издавна высоко ценились в Китае. Как указывается в «Ли-цзи», правитель носит шубу из белого лисьего меха («Ли-цзи» (ЛЦ), с. 1333). Сыма Цянь рассказывает, что у Мэнчан-цзюня была белая лисья шуба стоимостью в тысячу цзинь золота, равной которой не было в Поднебесной («Ши цзи» (ШЦ), гл. 75, с. 4а). Кстати, лисий мех назван белым из-за того, что для шуб использовалась не вся шкура, а только куски, вырезанные в паху, где мех белого цвета.

⁴ Хунь — белка. Значение «белка» взято на основании объяснения Ли Цы-мина «Лидай гэцзу чжуаньцзи хуэйбянь» (ЛДГЦЧХБ), с. 735).

⁵ В 24 г. н. э. только что вступивший на престол император Гуан-у отправил к сюнну послов вручить шаньюю императорскую печать и пояс согласно порядкам, установленным династией Хань и нарушенным Ван Маном, а всем другим, начиная от князей, — княжеские печати и пояса. Однако для шаньюя этого было мало. Пользуясь происходившими в Китае смутами, он заявил: «Сюнну являются братьями [династии] Хань. Когда среди сюнну возникли смуты, император Сюань-у помог шаньюю Хухань вступить на престол, а поэтому он признал себя вассалом, чтобы показать уважение к [династии] Хань. Ныне, когда в Хань также возникли большие смуты и престол похитил Ван Ман, сюнну тоже послали войска для нападения на [Ван] Мана и опустошили его пограничные земли. в результате чего Поднебесная пришла в волнение и вспомнила о [династии] Хань. В том, что в конце концов [Ван] Ман был разбит, а [династия] Хань возродилась, есть и мои усилия, поэтому вы должны оказать мне уважение («Хань шу» (ХШ), гл. 94б, с. 286). Другими словами, шаньюй требовал, чтобы китайский император признал себя его вассалом. После этого стороны неоднократно обменивались послами, но шаньюй «держался высокомерно, сравнивал себя с Маодунем, отвечал послам дерзко и заносчиво» («Хоу Хань шу» (ХХШ), гл. 90, с. 85).

Несмотря на происходившие переговоры, сюнну непрерывно нападали на пограничные земли. Дошло до того, что в 37 г. н. э. пришлось даже переселить население Яньмынь, Дайцзюнь и Шангу в земли к востоку от застав Чаншаньгуань и Цзюйюнгунань, после чего сюнну заняли освободившуюся территорию и поселились внутри укрепленной линии. В 44 и 45 гг. сюнну снова совершили крупные набеги. Именно в связи с этими событиями в тексте и говорится, что на северных границах не было ни одного спокойного года.

⁶⁻⁷ В жизнеописании Цзи Юна рассказывается: «В это время сюнну, сяньбийцы и чипаньские ухуани, соединившись вместе, очень усилились и неоднократно вторгались за укрепленную линию, убивая и угоняя в плен чиновников и народ. Двор, который беспокоили набеги, увеличил количество воинов на границе на несколько тысяч человек в каждом округе. Кроме того, двор послал военачальников расположиться лагерями вдоль укрепленной линии.

На 17-м году эры правления Цзянь-у (41 г. н. э.) император, считая Цзи Юна способным, назначил его на должность правителя округа Ляодун. Прибыв к месту должности, Цзи Юн воодушевил войска и увеличил число разведчиков. Он отличался смелостью и обладал силой, позволявшей натягивать лук, для растяжки которого требовалось усилие, равное тремстам цзиням. Каждый раз когда варвары нарушали укрепленную линию, Цзи Юн всегда становился впереди воинов и несколько раз наносил нападающим поражение, обращая их в бегство.

Осенью, на 21-м году [эры правления Цзянь-у] (45 г. н. э.) свыше десяти тысяч сяньбийских всадников произвели набег на округ Ляодун. Цзи Юн во главе нескольких тысяч воинов выступил навстречу и, надев латы, ворвался в ряды противника. Варвары обратились в бегство, их большая часть утонула в реке, а остальные, настойчиво преследуемые Цзи Юном, ушли за укрепленную линию. В спешке они побросали оружие и рассеялись с голыми руками. Цзи Юн порубил

свыше трех тысяч человек и захватил несколько тысяч лошадей. С этого времени сяньбийцы содрогнулись от страха и, боясь Цзи Юна, не смели больше бросать взглядов на укрепленную линию.

Цзи Юн, считая, что объединение трех варварских племен (т. е. сюнну, сяньби и ухуань) является источником бедствий на границе, приказал на 25-м году [эры правления Цзянь-у] (49 г. н. э.) вызвать сяньбийцев и указать на богатства и выгоду [которые они приобретут, перейдя на сторону Китая]. [В ответ] сяньбийский главноначальствующий Пяньхэ прислал послов с подношениями и выразил желание перейти на сторону Срединного государства. Цзи Юн обласкал послов и роздал награды, после чего Пяньхэ постепенно установил дружественные отношения [со Срединным государством] и подчинился ему. Затем чуждые сяньбийцам племена, такие как маньли и гаоцзюйли, стали одно за другим приходить к границе с изъявлением покорности, подносить соболиные шубы и хороших лошадей. Император удвоил для них количество наград.

В дальнейшем Пяньхэ и все вожди родов (ило), встав на путь справедливости, выразили желание отдать силы служению [Срединному государству]. Цзи Юн сказал: «Если вы действительно хотите совершить подвиги, то, вернувшись обратно, должны нападать на сюнну, рубить им головы и представлять их мне, тогда я поверю вам». Пяньхэ и другие, подняв взоры к небу и указывая на сердце, ответили: «Непременно отдадим все силы служению Срединному государству». Затем они напали на сюннское левое кочевье ичжицзы, обезглавили более двух тысяч человек и явились с отрубленными головами в главный город округа. В дальнейшем сюнну и сяньбийцы каждый год нападали друг на друга, причем сяньбийцы представляли отрубленные головы, получая за это награды. После этого сюнну ослабели, на границах перестали подаваться сигналы тревоги в связи с их набегами, а сяньбийцы и ухуани стали являться ко двору с данью.

По характеру Цзи Юн отличался прямоотой, великодушием, строгостью и решительностью, внешнею выделялся среди окружающих. Он управлял варварами с помощью милости и стремился вызвать их доверие, а варвары боялись и любили его, поэтому отдавали ему все свои силы.

Следует сказать, что чипаньские ухуани неоднократно нарушали границы округа Шангу, причиняя бедствия пограничным землям. В связи с этим император издал указ, в котором обещал награды за подвиги в борьбе с ухуанами и порицал области и округа за то, что они не могут прекратить их набеги. После этого Цзи Юн, воодушевив Пяньхэ, послал его покарать ухуаней. В 1-м году эры правления Юн-пин (58 г. н. э.) Пяньхэ разбил чипаньских ухуаней, обезглавил их вождя и явился с его головой к Цзи Юну. Земли за укрепленной линией содрогнулись от страха, а слава о могуществе Цзи Юна распространилась на севере. В результате все варвары от округа Увэй на западе и до округов Сюаньту и Лэлан на востоке явились с изъявлением покорности, в степях не поднималась больше пыль от копыт боевых коней, а все воины, стоявшие в лагерях вдоль границы, были отозваны (ХХШ, гл. 20, с. 156—17а).

⁸ Отрывок, повествующий о последнем этапе многолетней борьбы Китая с сюнну. В 88 г. н. э. шаньюй южных сюнну представил вдовствующей императрице Доу письмо, в котором предлагал общими силами уничтожить северных сюнну. Мнения сановников разошлись. Гэн Бин говорил: «В прошлом [император] У-ди до крайности истощил Поднебесную, желая сделать сюнну своими вассалами, но не добился успеха, поскольку время не благоприятствовало ему. При императоре Сюань-ди, после того как Хухань явился с выражением покорности, пограничное население обрело спокойствие, Срединное государство составило одно целое с живущими за его пределами и народ отдыхал более шестидесяти лет. Когда Ван Ман похитил престол, он изменил титул [шаньюя] и постоянно притеснял сюнну, поэтому шаньюй поднял восстание. Всту-

пивший на престол по воле Неба император Гуан-у снова привлёк шаньюя лаской, а в результате в разоренных пограничных округах было восстановлено прежнее положение. Напуганные ухуани и сяньбийцы встали на правильный путь, а величие императора потрясло всех варваров. Вот какие были достигнуты результаты. Ныне по милости Неба среди северных варваров возникли раздоры, и, так как нападения одних варваров на других выгодны империи, следует согласиться с представленной просьбой» (XXIII, гл. 89, с. 186).

В противоположность Гэн Билу, саповник Сун И считал: «Жуны и дисцы находятся далеко от Среднего государства и, отделенные пустыней, уединенно живут на северной окраине. У них простые и грубые правила приличия и поведения, нет деления на высших и низших, сильные становятся вождями, а слабые подчиняются им. Начиная с установления династии Хань, против них предпринимались многочисленные походы, но захваченное во время этих походов никогда не покрывало понесенных потерь.

Император Гуан-у прекратил бедствия, связанные с военными действиями, и проявил мудрость великую, как Небо и Земля, поэтому они явились с выражением покорности; после этого их держали на привязи, пограничное население получило возможность спокойно жить, трудовые и военные повинности были отменены, и так продолжалось более 40 лет.

Ныне сяньбийцы, проявившие покорность, убили и захватили в плен десятки тысяч [северных варваров]. Среднее государство, ничего не предпринимая и не утруждая народа, добилося крупных успехов, что является наиболее выдающимся деянием из всех блестящих свершений династии Хань. Объясняется это тем, что варвары сами напали друг на друга и не пришлось терять ханьских воинов. По мнению Вашего слуги, сяньбийцы нападают на сюнну, считая грабежи выгодными, а приписывают успех этих нападений нашей династии из-за алчности к щедрым подаркам. Если сейчас позволить южным варварам возвратиться и обосноваться в северной ставке, то придется сдерживать сяньбийцев, так как сяньбийцы, лишившись объекта грабежа и наград от Среднего государства за совершаемые подвиги, будучи жадными, как шакалы и волки, непременно станут источником бедствий для пограничных районов.

Ныне северные варвары, бежавшие на запад, просят заключить с нами договор о мире, основанный на родстве, а поэтому следует, пользуясь тем, что они изъявляют покорность, вынудить их поставить внешний заслон, поскольку нет ничего выше, что можно сравнить с этим действием. Посылать войска и расходовать средства, чтобы удовлетворить желания южных варваров, значит отвергнуть мудрую политику, отказаться от спокойствия и идти навстречу опасности. Ни в коем случае нельзя соглашаться на просьбу южных варваров» (XXIII, гл. 41, с. 24а—25а).

В конце концов вдовствующая императрица Доу решила начать войну с северными сюнну, война продолжалась три года. В жизнеописании Доу Сянь сообщается: «В это время южный шаньюй попросил [у Хань] войска для похода на север, в связи с чем [Доу] Сянь был назначен военачальником колесниц и конницы, получил золотую печать на красном шнуре и штат чиновников такой же, как и у начальника приказа общественных работ. Помощником его был назначен столичный воевода Гэн Бин. В поход за укрепленную линию были посланы пять полков северных войск, всадники из Ляняна, из гарнизона, размещенного в Юн, и из двенадцати пограничных округов, а также войска цянов и хусцев.

На следующий год (89 г.) Доу Сянь и Гэн Бин, каждый с четырьмя тысячами всадников в соединении с десятью тысячами всадников левого лули-вана южных сюнну Ши-цзэ, выступили за укрепленную линию из Цзилу в округе Шофан. Южный шаньюй Туньхуэ, имея более десяти тысяч всадников, высту-

пил из Маньгугу. Залеский военачальник Дэн Хун, восемь тысяч всадников-добровольцев из пограничных цянов и хусцев и десять тысяч всадников левого сянь-вана Аньго выступили из Гуяна.

Все войска встретились у горы Чжошань. [Доу] Сянь послал помощника, полковника Янь Пана, и командиров Гэн Гуя и Гэн Тяня во главе свыше десяти тысяч отборных всадников южных сюнну, которые вступили в сражение с северным шаньюем у горы Цзилушань и нанесли ему сильное поражение. Варвары рассеялись, а шаньюй бежал. Преследуя бежавших, войска достигли озера Сыцзюйбита, убили тринадцать тысяч человек, в том числе известных князей, взяли пленных и захватили свыше миллиона лошадей, крупного рогатого скота, овец и верблюдов. После этого народ 81 кочевья, в том числе Сюй, носивший титул ваньду-вана. Вэнь с титулом жичжу-вана, Люти с титулом удучзюй-вана и другие, всего свыше двухсот тысяч человек, изъявили в разное время покорность.

Доу Сянь и Гэн Бин поднялись на гору Янькань, находившуюся на расстоянии более трех тысяч ли от укрепленной линии, и поставили на ней каменный памятник с описанием могущества и добродетелей династии Хань» (XXIII, гл. 23, с. 206—22а).

На следующий год южные сюнну, уже самостоятельно, снова выступили в поход против северных. Им удалось окружить северного шаньюя, который, потерпев поражение, с трудом спасся бегством. Окончательное поражение ослабевшему северному шаньюю было нанесено в 91 г., когда Доу Сянь послал в поход войска под командованием Гэн Куя, которые разбили северных сюнну у горы Цзиньвэйшань, а сам шаньюй бежал неизвестно куда (XXIII, гл. 23, с. 256). После бегства северного шаньюя его земли были заняты сяньбийцами, а сюнну, у которых оставалось свыше ста тысяч юрт, стали называть себя сяньбийцами. Таким образом, господство над монгольскими степями перешло от тюркоязычных племен к монголоязычным.

⁹ Уездный город, лежавший в 30 ли к северу от современного уездного г. Лудун в пров. Хэйбэй («Чжун-го димин да цыдянь» (ЧГДМДЦД), с. 777).

¹⁰ Начальник военного отдела при окружном управлении, бинмаюань.—должность, которая, по объяснению Ху Сань-сина, существовала в управлениях пограничных округов. Лица, занимавшие эту должность, ведали воинами и лошадьми («Цзычжи туицзинь» (ЦЧТЦ), гл. 49, с. 1564).

¹¹ Регистратор, чжубу.—букв. «ведущий реестрами», название должности, существовавшей при государственных органах различных ступеней. При династиях Вэй и Цзинь должность регистратора приобрела важное значение, поскольку занимавшие ее лица возглавляли чиновничий аппарат при ставках военачальников («Лидай чжигуань бяо» (ЛДЧГБ), с. 41).

¹² Государственный аппарат при династии Хань представлял собой длинную иерархическую лестницу, на которой размещалось чиновничество по своему служебному значению. Как правило, это значение определялось размером получаемого жалования, которое колебалось от 100 до 2 тыс. даней зерна в год.

Высшее чиновничество пользовалось рядом привилегий, одна из которых, согласно сочинению «Хань ичжу» («Церемониал династии Хань»), состояла в том, что «чиновники, получавшие годовое жалование в размере от 2 тыс. дань зерна и выше, после трех лет службы могли представлять на должность телохранителя одного брата или сына» (ХШ, гл. 11, с. 36).

Телохранители получали 300 даней зерна и начинали, таким образом, карьеру, не с первой, а с более высокой ступени. Как по жалованию, так и по служебному значению телохранители стояли довольно низко, однако они постоянно находились вблизи императора, что открывало широкое возможности для быстрого продвижения. Дун Чжун-шу писал, например, в докладе императору: «В большинстве случаев старшие

чиновники выходят из дворцовых телохранителей и телохранителей охранной стражи, которые являются сыновьями и братьями чиновников, получающих жалование в размере 2 тыс. даней зерна; кроме того, в телохранители выбирают в зависимости от состояния, а поэтому они не всегда являются достойными» (XIII, гл. 56, с. 13а).

¹³ По объяснению Ли Цы-мина, перед титулом князь пропущены иероглифы *сяньби*. Должно быть *сяньби-ван*, т. е. князь *сяньбийцев* (ЛДГЦЦХБ, с. 736).

¹⁴ Улюй — уездный город на территории округа Ляодун. Находился на месте современного уездного г. Бэйчжань в пров. Ляонин (ЧГДМДЦД, с. 639).

¹⁵ Тактика борьбы с кочевниками разработана чжаоским военачальником Ли Му для борьбы с сюнну. Командуя войсками на северных границах владения Чжао, Ли Му отдал по войскам приказ: «Если сюнну вторгнутся с целью грабежа, немедленно собирайте имущество и укрывайтесь в укреплениях. Кто посмеет ловить варваров, будет обезглавлен» (ШЦ, гл. 81, с. 11а). Расчет Ли Му основывался на отсутствии у кочевников осадной техники. Как только расставленные повсюду сигнальные маяки сообщали о появлении врага, войска собирали население и имущество и укрывались в обнесенных стенами укреплениях, где чувствовали себя в полной безопасности. Именно об укрытии населения и имущества под защитой стен и говорит выражение «опустошив предварительно окрестности».

¹⁶ Цзюйюангуань — застава, лежавшая к юго-востоку от современного уездного г. Яньдин в Чахаре (ЧГДМДЦД, с. 282).

¹⁷ Маньбо — уезд, входивший в округ Уюань. Главный город уезда располагался к северу от современного уездного г. Линьхэ в пров. Суйюань (ЧГДМДЦД, с. 434).

¹⁸ Гаолу — уезд, входивший в округ Дайцзюнь. Главный город уезда находился к северо-западу от современного уездного г. Янтао в пров. Шаньси.

¹⁹ Канцелярист, цунши — букв. «занимающийся делами». Начиная с династии Хань, чиновники, помогавшие правителям округов и областей в делах управления, носили общее название канцеляристы. Они назначались и снимались с должностей непосредственно начальником округа или области, а поэтому их называли также чжоу цунши, т. е. областные канцеляристы.

²⁰ В тексте вместо иероглифа *лян*, счетного суффикса для колесного транспорта, ошибочно стоит иероглиф *чжун*.

²¹ В тексте после иероглифов *шуйчжун-ван* стоит излишнее вставленное иероглиф *ху*.

²² Начальник охранной стражи телохранителей, надзирающий за сюнну, ши сюнну чжунланцзян или сюнну чжунланцзян, — должность, которая приравнивалась к должностям высших сановников, получавших натуральное довольствие в размере 2 тыс. даней зерна в год. Основная обязанность занимавшего эту должность состояла в надзоре за южными сюнну. При нем существовал штат из двух канцеляристов, цунши, число которых в зависимости от количества дел могло быть увеличено (XXIII, гл. 118, с. 10а).

²³ Исходя из необыкновенных обстоятельств рождения Таньшихуая, о которых рассказывается ниже, Сиратори отождествляет это прозвище с монгольскими *tangsuq* или с уменьшительным суффиксом — *tangsuqgan* — «чудо», «диво», «странность»; «чудный», «дивный», «странный», «замечательный»; «достопримечательный» («Дунху миньцзу као» (ДХМЦК), с. 49).

²⁴ Сиратори отождествляет гору Таньхань с горой Байшань (Белая гора), которая упоминается в повествовании об ухуанях: «Особенно сильными и богатыми были ухуань, жившие за укрепленной линией округа Шангу у горы Байшань». Он считает название Таньхань хуаньским словом и связывает его с монгольским *saigan* и бурятским *сагап*. *сагап* — «белый», отчего, по его мнению, и возникло китайское название горы Бай-

шань, букв. «Белая гора» (ДХМЦК, с. 51, 52).

²⁵ Проведенное Таньшихуаем деление земель на три части полностью повторяет систему, существовавшую у сюнну, о которых Сыма Цянь сообщает: «Все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне против [округа] Шангу и далее, граница на востоке с Хуэйхэ и Чаосян; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне, против [округа] Шанцзюнь и далее на запад, граница с юэжи, ди и цянами; ставка шаньюя располагается против [округов] Дай и Юньчжун» (ШЦ, гл. 110, с. 10а).

Вызывает затруднение перевод иероглифа *и*, имеющего значение «поселение», «город», что дало Ху Сань-сину возможность заметить: «Судя по этому, восточные и северные варвары также имели города для жительства» (ЦЧТЦ, гл. 55, с. 1796). Однако этот же иероглиф имеет еще и другое значение — «пожалованная земля» («фэнь-ди»), «княжество». В данном случае, по нашему мнению, следует перевести «земли, занятые отдельными кочевьями».

²⁶ См. «Шаншу чжэньи» (ШШЧИ), гл. 3, с. 104.

²⁷ В тексте ошибка, вместо Тана, основателя династии Инь, должен быть указан Гао-цзун (титул иньского правителя У-дина), о котором в «И-цзине» говорится: «Гао-цзун напал на [племя] гуйфан и за три года одолел его» («Чжоу-и чжэньи (ЧИЧИ), гл. 6, с. 339).

²⁸ О походах против сяньюней, предков сюнну, рассказывается в нескольких одах Ши-цзиня. В частности, в оде о походе воеводы Нань-чжуна («Мао-ши чжэньи (МШЧИ), гл. 9—4, с. 821—826, перевод А. А. Штукина):

Приказ от царя был Нань-чжуну вручен,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен.
Идут колесницы, на ткани знамен
И змеи блещут и сверкает дракон.
«Сын Неба отдал повеление мне,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!»
Был грозен Нань-чжун, и ужасен был он,
И изгнаны гунны, и враг поражен.

О походе против южных варваров рассказывается в оде о Фан Шу (МШЧИ, гл. 10—2, с. 875—881, перевод А. А. Штукина):

Как вы, варвары Цзинской земли, бестолковы —
Стать врагами посмели великой стране!
Фан Шу — старец великий, преклонный годами.
Силу дали советы его на войне.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает,
Топлы схвачены... Пленных к допросу ведут.
Без числа боевые идут колесницы,
В нарастающем грохоте снова идут,
Точно грома удары и грома раскаты.
Слово старца великого крепко и свято!
Прежде в дальних походах разбиты им гунны.
Смирны южные варвары, страхом объаты.

²⁹ В 119 г. до н. э. ханьский император У-ди приказал старшему военачальнику Вэй Цину и военачальнику сильной конницы Хо Цюй-бину выступить по разным направлениям в поход против сюнну.

«Услышав об этом, шаньюй удалил обозы, а сам во главе отборных войск стал ждать противника к северу от пустыни, где завязал бои с ханьским старшим военачальником. Однажды вечером поднялся сильный ветер. Ханьские войска, двигнув правый и левый фланги, окружили шаньюя. Шаньюй, полагая, что в искусстве ведения боя он уступает ханьским войскам, прокрался с несколькими сотнями удалых всадников сквозь окружение ханьских войск и бежал на северо-запад. Ханьские войска преследовали его, но из-за наступившей темноты не смогли поймать. Во время преследования они убили и взяли в плен девятнадцать тысяч человек. Двигаясь на север, ханьские войска дошли до города Чжаосиньчэна у горы Таньань, а затем повернули обратно» (ШЦ, гл. 110, с. 256).

Одновременно военачальник сильной конницы Хо Цюй-бин «выступил из округа Дай и, пройдя свыше двух тысяч ли, вступил в сражение с левым сянь-ваном. Ханьские войска убили и взяли в плен более се-

мидесяти тысяч хусцев. Все военачальники левого сянь-вана бежали. Хо Цюй-бин насыпал холм и принес жертвы Пебу на горе Ланцзюйшань, принес жертвы Земле на горе Гуань, дошел до Ханьхуа и возвратился назад» (ШЦ, гл. 110, с. 26а).

³⁰ Байюэ — букв. «сто юэ», собирательное название южных племен. В данном случае имеются в виду владения Наньюэ (Южное Юэ) и Дун-Юэ (Восточное Юэ), покоренные У-ди в 111 и 110 г. до н. э.

³¹ Император У-ди ввел налог со стоимости пахотных полей и жилищ, водных и сухопутных средств транспорта, скота, рабов и т. д. в размере одного суаня (120 монет) с каждой тысячи монет стоимости. Стоимость имущества определялась владельцем, причем в случае ее занижения об этом разрешалось доносить властям, и, если донос подтверждался, половина имущества конфисковывалась в пользу казны, а половина выдавалась донощику.

³² Имеется в виду застава Ханьгугуань, находившаяся на территории современного уезда Линбао провинции Хэнань.

³³ Как сообщается в основных записях о деяниях императора У-ди, во 2-м году эры правления Тяньхань (99 г. до н. э.) «в округах Тайшань и Ланьшайки разбойников, возглавляемые Сюй Бо и другими, найдя укрытие в горах, нападали на города, а дороги стали непроезжими. В связи с этим были посланы сыщики, в том числе Бао Шэн-чжи, одетые в вышитые одежды, с топорами в руках, для преследования и поимки разбойников в различных местах» (ХШ, гл. 6, с. 27а).

³⁴ Непрерывные агрессивные войны, главным образом с сюнну, которые император У-ди вел на протяжении почти всего правления, создали в Китае тяжелое экономическое положение. В стране начались восстания. Для облегчения жизни народа У-ди пришлось отказаться от внешней завоевательной политики и обратить внимание на внутреннее положение страны, в связи с чем было объявлено о необходимости «стремиться к запрещению жестоких притеснений, прекращению случаев самовольного установления податей, усиленно заниматься земледелием как основным занятием» (ХШ, гл. 96б, с. 125, 13а). Это вынужденное изменение политики нашло отражение в так называемом Луньтайском указе.

Луньтайский указ был издан в связи с докладом сановника Сан Хун-яна, в котором он просил об отправке переселенцев на земли к востоку от владения Луньтай (Уйгурский автономный район в Синьцзяне) для их освоения. Отвергая это предложение, У-ди говорил в указе, что война с сюнну была начата им по неразумию, дабы показать свое величие; поражение Ли Гуан-ли постоянно вызывает в его сердце великую скорбь, и он не может слышать об обработке далеких земель в Луньтае и постройке там наблюдательных вышек, так как это только утомит Поднебесную, но не принесет изобилия народу.

Чтобы показать свое намерение дать отдых стране и заботу о благосостоянии народа, У-ди пожаловал своему главному помощнику Чэ Цю-цяню титул фу-жэнь-хоу — букв. «хоу, заботящийся о богатстве людей».

³⁵ Чжуфу Янь — сановник императора У-ди, представивший в 134 г. до н. э. доклад, в котором он категорически возражал против войны с сюнну. В докладе говорилось: «Я слышал, что мудрый государь не гнушается настойчивых увещаний, обладая широким кругозором, в то время как преданный слуга не боится тяжелого наказания, а поэтому бесстрашно увещавает государя; именно это удерживает политику от просчетов, а слава о заслугах [государя] живет в веках. Не смея нарушить долг преданности и не боясь смерти, я представляю свой неразумный план и надеюсь, что Ваше Величество, великодушно простив меня, мелком ознакомится с ним.

В трактате Сыма говорится: «Пусть государство велико, оно непременно погибнет, если возобладает склонность к войнам; пусть в Поднебесной мир, ей

непрерывно будет угрожать опасность, если забыть о войне». [Поэтому], когда в Поднебесной мир и царит спокойствие, Сын Неба громко поет победные песни и занимается весенней и осенней охотами, а чжухоу весной наводит порядок в своих войсках, а осенью обучают воинов, благодаря чему не забывается о войне.

В то же время гнев — враг добродетели, оружие — инструмент зла, война — последнее из занятий. В древности, когда правители впадали в гнев, земля всегда устилалась трупами и заливалась кровью, а поэтому совершенные государи не торопились начинать войну. Ведь все, кто жаждал военных побед и всецело посвящал себя военным делам, [неизбежно] раскапывались в этом.

В прошлом император династии Цинь, полагаясь на свою непобедимость в сражениях, постепенно, словно шелковичный червь, поедающий лист, захватил Поднебесную, поглотил враждующие владения, объединил все в пределах четырех морей в одно целое и сравнялся своими подвигами с тремя династиями. Не прекращая стремиться к победам, он хотел напасть на сюнну, но Ли Сы увещевал его: «Нельзя [этого делать]. Сюнну не имеют для жительства городов, обнесенных внешними и внутренними стенами, у них нет запасов, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь [легко] словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легковооруженные войска, им неизбежно будет не хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то, обремененные грузом, будут [везде] опаздывать. Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и держать под контролем. Если же, одержав победу, истребить их, Вы не будете отцом и матерью для народа. [Война] утомит лишь Среднее государство и принесет радость сюнну, а это не дальновидный план».

Император Цинь, не послушав [совета Ли Сы], послал против хусцев войска во главе с Мэн Тянем, который расширил территорию [государства] на тысячу ли и провел границу по Хуанхэ. [Приобретенные] земли состояли из озер и солончаков, не производили пяти видов злака, но тем не менее из Поднебесной в дальнейшем посылали рекрутов для обороны Бэйхэ. Более десяти лет солдаты палили воинов, а роса увлажняла войска, погибло неисчислимое множество солдат, которым так и не удалось достичь северного берега Хуанхэ. Разве для этого не хватало людей или не было достаточного количества оружия и доспехов? [Нет], не позволяли условия местности.

Кроме того, Поднебесной было приказано срочно посылать солому и тянуть [телеги и лодки с] зерном, которые перевозились в [район] Бэйхэ, начиная от [уездов] Хуан и Чуй и [округа] Лапэ, прилегающих к морю, причем, как правило, из каждых тридцати чжунуов зерна [до места] доходил лишь один дань. Хотя мужчины старательно обрабатывали поля, провианта [для войск] не хватало, и хотя женщины пряли, [полотна] для палаток не доставало. Народ утомился, сироты и одинокие, старики и дети были не в состоянии содержать друг друга, на дорогах повсюду валялись трупы, и, видимо, поэтому Поднебесная восстала против [династии] Цинь.

Затем император Гао-ди, установив спокойствие в Поднебесной, стал занимать пограничные земли; когда он узнал, что сюнну собирались в горных ущельях [в округе] Дай, он хотел напасть на них. Цензор Чэн Цзинь увещевал его: «Нельзя [этого делать]. Сюнну, по своей природе, скапливаются [в стаи], как звери, и рассеиваются, как птицы, гоняться за ними — все равно, что ловить свою тень. Ныне, если напасть на сюнну, опасаясь, что Вы, несмотря на высокие добродетели, окажитесь в опасном положении».

Гао-ди, не вняв совету, двинулся на север, достиг горных ущелий [в округе] Дай и в самом деле попал в окружение в Пинчэне. Испытывая, по-видимому, чувство глубокого раскаяния, Гао-ди послал Лю Цзи-

на заключить договор о мире, основанном на родстве, после чего Поднебесная забыла о войнах.

В древнем трактате о военном искусстве сказано: «Чтобы содержать стотысячное войско, необходимо тратить в день тысячу [цзиней] золота». Тем не менее [династия] Цинь постоянно имела огромные войска, держала под [палящим] солнцем несколько сот тысяч воинов, и, хотя ей удалось опрокинуть войска [противника], перебить [неприятельских] военачальников и взять в плен шаньюя, этого хватило лишь на то, чтобы посеять вражду и углубить ненависть, но было недостаточно, чтобы покрыть издержки Поднебесной. Опустошать же [государственные] кладовые и утомлять народ, всецело посвящая себя делам, связанным с другими владениями, не есть совершенное действие.

Трудно сюнну прибрать к рукам и управлять ими, и такое положение существует уже не одно поколение. Грабеж, набеги, угон скота и пленных — вот их занятия, ибо таковы их врожденные свойства. В глубине веков, при [династиях] Юй, Ся, Инь и Чжоу их [ни к чему] не обязывали и [никак] не контролировали, к ним относились, как к диким птицам и зверям, не считая за людей. [Ныне] не обращают внимания на методы управления, применявшиеся в древности при [династиях] Юй, Ся, Инь и Чжоу, а повторяют ошибки, допускавшиеся в недавнем прошлом, что вызывает во мне огромное беспокойство и причиняет острые страдания народу.

Но всему прочему длительная война порождает восстания, а тяжелая служба портит настроение. Если население пограничных земель будет утомлено и безрадостно, оно отшатнется [от Вас], а военачальники и командиры станут подозревать друг друга и начнут вступать в сделку с врагом. Именно война позволила воеводе То и Чжан Ханю осуществлять свои корыстные устремления. Распоряжения [династии] Цинь перестали выполняться из-за того, что она поделила власть между ними, и этот пример [показывает, приносит ли война] выгоду или убытки. Поэтому в «Чжоу шу» и говорится: «Спокойствие или смута [в стране] зависят от издаваемых распоряжений, а существование или гибель [государства] зависит от использования [чиновников], состоящих на службе».

Прошу Ваше Величество тщательно рассмотреть доклад, уделить толику внимания и хорошо поразмыслить над ним».

³⁶ Имеется в виду император У-ди.

³⁷ Дуань Ин, ханьский сановник, напал на западных цзянов во 2-м году эры правления Инь-си [159 г. н. э.] и победил их только во 2-м году эры правления Цзянь-нин [169 г.], т. е. вел с ними войну на протяжении одиннадцати лет.

³⁸ Гао-цзю — храмовое имя Лю Бана, основателя династии Хань. В ходе ожесточенной междоусобной борьбы, которая предшествовала его вступлению на престол, Лю Бан щедро раздавал своим соратникам высокие титулы князей и огромные земельные наделы. Но, поскольку сильная центральная власть несовместима с феодальной раздробленностью, после победы он стал отнимать розданные титулы и владения, что нашло выражение в известной формуле: «кроме носящих фамилию Лю, никто не может быть ваном».

Одним из получивших титул вана был Хань Синь — представитель аристократии древнего владения Хань (западная часть современной провинции Хэнань). Существование чужого владения в центре империи не устраивало Лю Бана, поэтому он вскоре дал Хань Синю новое владение в Дай, в северной части провинции Шаньси. Земли в Дай лежали по соседству с землями сюнну, которые часто вторгались в них. Осенью 201 г. до н. э. Маодунь окружил Хань Синя крупными силами в г. Май. Хань Синь несколько раз посылал к сюнну гонцов, стремясь уладить конфликт миром, но император, узнав об этом, заподозрил Хань Синя в измене и отправил к нему чиновника с выражением порицания.

Опасаясь за свою жизнь, Хань Синь сговорился с сюнну о совместном нападении на Хань, поднял вос-

стание, сдал г. Май и напал на округ Тайюань. Зимой 200 г. до н. э. ханьский император лично нанес поражение Хань Синю у г. Тунди и обезглавил его военачальника Ван Си. Хань Синь бежал к сюнну.

В это время Маодунь из Дайгу, где размещались его войска, выслал более ста тысяч всадников, которые завлекли Лю Бана в засаду на горе Байдэн. Семь дней авангард китайской армии во главе с императором оставался в окружении без запасов продовольствия. Критическое положение вынудило Лю Бана отправить гонца, который якобы тайно передал жене Маодуня богатые подарки, а та сказала своему мужу: «Вы, два государя, не мешаете друг другу. Если ныне и будут захвачены ханьские земли, все равно ты, шаньюй, никогда не сможешь жить на них. Кроме того, у правителя Хань также могут быть хитрые замыслы, подумай об этом, шаньюй». Гонец был послан по предложению советника Чэнь Пина, но, как сообщают источники, подробности «о плане Чэнь Пина, который являлся секретным, современники не смогли узнать». Комментарий Ин Шао утверждает, что Чэнь Пин посоветовал императору приказывать художнику нарисовать портрет красавицы и отправить его жене шаньюя со словами: «У Хань есть такая красавица, и ныне император, оказавшись в затруднительном положении, намерен поднести ее шаньюю». Жена шаньюя, испугавшись, что муж может охладеть к ней, уговорила Маодуня снять осаду.

Однако, вероятнее всего, Маодунь снял осаду из-за того, что своевременно не получил обещанного подкрепления от Хань Синя. Тем не менее распространенная в китайской литературе версия о существовании загадочного плана Чэнь Пина достаточно ярко говорит об унижении, которое пришлось пережить ханьскому императору, попавшему в окружение сюнну. Возможно, чтобы прикрыть военное бессилие, и возникла подобная версия, позволявшая китайцам говорить о тактическом превосходстве Лю Бана над его врагами.

³⁹ Имеется в виду письмо Маодуня, состоявшее, по выражению Сыма Цяня, из глупой болтовни. По мнению Ян Шу-да, Сыма Цянь не включил это письмо в текст «Исторических записок», так как при Ранней династии Хань содержание его хранилось в тайне и как оскорбительное для достоинства страны оно считалось запрещенным. В период Поздней династии Хань, когда императрицу Гао-хоу критиковали как недостойную своего мужа, Бань Гу осмелился поместить это письмо в «Хань шу» («Хань шу куйгуань» (ХШКГ), с. 581). Приводим отрывок из «Хань шу»:

«При императоре Сю-хуэ и императрице Гао-хоу Маодунь, который мало-помалу становился [очень] заносчивым, написал письмо и отправил гонца доставить его Гао-хоу. В письме говорилось: «Я одинокий и находящийся [от этого] в возбуждении, государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волков и лошадей. Несколько раз я подходил к границам, желая подружиться со Средним государством. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя. Хотелось бы променять то, что имею, на то, чего не имею».

Гао-хоу пришла в ярость, вызвала Чэнь Пина, занимавшего должность главного помощника, Фань Куая, Цзи Бу и других сановников и стала обсуждать с ними вопрос о казни гонца и отправке войск для нападения на Маодуня.

Фань Куай сказал: «Прошу дать мне стотысячное войско, и я беспрепятственно пройду вдоль и поперек по землям сюнну». [Гао-хоу] спросила мнение Цзи Бу, и Цзи Бу ответил: «Фань Куай [за его слова] следует обезглавить. В прошлом, когда Чэнь Си поднял восстание в Дай, в ханьских войсках насчитывалось 320 тыс. воинов, к тому же Фань Куай занимал пост старшего военачальника. Тогда сюнну окружили [император] Гаоди и Линчэнь, но [Фань] Куай оказался не в состоянии снять окружение. Об этом в Поднебесной тог-

да пели: «Под Пинчаном также пришлось действительно горько, [там] семь дней [войска] не имели пищи, [воины] не могли натянуть лука». Ныне, когда еще слышны звуки этой песни, а раненые только что встали на ноги, Фань Куай хочет [снова] потрасти Поднебесную и безрассудно заявляет, что беспрепятственно пройдет вдоль и поперек [по землям сюнну] во главе сотысячного войска. Он обманывает в глаза. Кроме того, варвары подобны диким зверям и птицам, их добрые слова не должны вызывать радости, а дурные слова не должны вызывать гнева».

Гао-хоу сказала: «Превосходно» и приказала Чжан Цзэ, занимавшему должность старшего эжэ, составить ответное письмо, в котором говорилось: «Шаньюй не забыл меня, возглавляющую бедное владение, а удостоил письмом. Я, стоящая во главе бедного владения, испугалась и, удалившись, обдумывала письмо. Я стара летам, моя душа одряхла, волосы и зубы выпали, походка утратила твердость. Вы, шаньюй, неверно слышали обо мне, вам не следует марать себя. Я, стоящая во главе бедной страны, не виновата и должна быть прощена [за отказ]. У меня есть две императорские колесницы и две четверки упряжных лошадей, которые подношу вам для обычных выездов».

Таким образом, чтобы отклонить пылкие притязания Маодуня, Гао-хоу не постеснялась изобразить себя дряхлой старухой.

⁴⁰ В тексте ошибочно вместо иероглифа *цзю* — «коварный», стоит близкий по написанию иероглиф *сяо* (*цзю*), не поддающийся объяснению в контексте. Кроме того, ошибочно включен в текст иероглиф *чжэн* (ЛДГЦЦХБ, с. 738).

⁴¹ В 135 г. до н. э., вскоре после вступления императора У-ди на престол, владение Миньюэ напало на владение Наньюэ. На помощь последнему У-ди отправил крупные войска, что вызвало возражения со стороны Аня, двоюродного брата ханьского императора Цзин-ди, носившего титул Хуайнань-вана. Он представил императору доклад, в котором говорилось:

«Вы, Ваше Величество, управляя Поднебесной, распространяете добродетели и оказываете милости, смягчаете наказания и штрафы, сокращаете подати и поборы, проявляете жалость к вдовцам и вдовам, поддерживаете сирых и одиноких, кормите старых, помогаете нуждающимся, поэтому великие добродетели процветают, распространяется полная гармония, близкие изъявляют покорность, далекие с любовью думают о ваших добродетелях, в Поднебесной царит спокойствие, люди довольны своей жизнью и до самой смерти не знают войны. Однако ныне я слышал, что чиновники двинули войска для наказания владения Юэ, но я, Ань, полагаю, что это принесет Вашему Величеству одни затруднения.

Земли владения Юэ лежат за пределами квадрата [земель, несущих повинности в отношении Сына Неба], и на них живет народ, обрезающий волосы и раскрашивающий тело. Ими нельзя управлять на основе законов, существующих в государстве, в котором носят головные уборы и пояса чиновников. Начиная с возвышения трех династий (Ся, Инь и Чжоу), хусцы и юэцы не принимали нашу систему летоисчисления не потому, что не было сил подчинить их или не хватало авторитета, чтобы управлять ими, а потому что считалось, что непригодные для жительства земли и неподдающийся управлению народ не могут причинить беспокойства Срединному государству. Именно поэтому в древности в центре выделили земли, несшие повинности с обрабатываемых полей, а за ними земли, несшие повинности знати. За землями, несшими повинности знати, находились земли, несшие повинности по защите вана и повинности гостей. Племена мань и несли повинности обузданных владений, а племена жунов и ди — неопределенные повинности. Таким образом, существовало различие в положениях близких и далеких [народов].

В течение семидесяти двух лет с момента установления династии Хань количество нападений, которые хусцы и юэцы производили друг на друга, невозмож-

но даже перечислить, но Сын Неба никогда не посылал войск для вторжения в их земли. Как я слышал, у юэцев нет ни городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, ни поселений, они живут в горных долинах среди зарослей бамбука, искусны в речных сражениях, умело пользуются луками, в их землях темно [от густой растительности] и много водных преград. Жители Срединного государства не знакомы с имеющимися у них естественными преградами, поэтому, когда попадают в их земли, то даже сто человек не могут противостоять одному юэцу. В случае приобретения их земель мы не сможем создать на них округа и уезды, да к тому же, если и совершим нападение, не сможем быстро захватить их. Если посмотреть на географическую карту имеющиеся горы, реки и важные стратегические пункты, они отстоят друг от друга всего лишь на расстоянии нескольких дуней, в то время как [на самом деле] между ними несколько сот или тысяч ли, причем на карте обозначены не все естественные преграды и заросли лесов. При взгляде на карту кажется, что двигаться будет легко, что в действительности очень трудно.

Благодаря умершим правителям, души которых находятся в храме предков, в наших основных землях царит полное спокойствие, седоволосые старцы забыли о войне, в народе мужья и жены могут заботиться, а отцы и дети охранять друг друга, и это объясняется [также] добродетелями Вашего Величества. Юэцев называют пограничными вассалами, но они не представляют дани и средств для жертвоприношений в столичные склады, не посылают ни одного воина на службу императору и тем не менее сейчас, когда они нападают друг на друга, Вы, Ваше Величество, посылаете им на помощь войска, что только утомит жителей Срединного государства в землях варваров.

К тому же юэцы глупы и легкомысленны, они неоднократно нарушали договоры и уже не один день не признают законов, установленных Сыном Неба. Если за одно нарушение Вашего приказа посылать войска наказывать их, боюсь, что в дальнейшем это приведет к непрерывным войнам.

За последнее время несколько лет подряд были неурожай, из-за чего население продавало титулы и отдавало детей в рабы, чтобы иметь одежду и пищу. Только благодаря Вашей милости и помощи трупы погибших не валялись в канавах и рвах. В 4-м году [эры правления Цзянь-юань] был неурожай, а в 5-м году — нашествие саранчи, причем народ до сих пор не восстановил свое хозяйство. Если ныне послать войска за несколько тысяч ли, снабдив их одеждой и зерном, то, когда они придут в юэские земли, войнам придется переходить хребты, неся на плечах носилки, входить в воду, волоча лодки, дорога в несколько сот или тысяч ли будет проходить среди густых лесов и зарослей бамбука, а на реках при движении как по течению, так и против него лодки будут налетать на камни. [Кроме того], в лесах много ядовитых змей и диких зверей, в летние месяцы в жару свирепствуют понос и холера, поэтому еще до того как войска скрестят с врагом оружие, несомненно окажется много умерших и заболевших.

В прошлом, когда Наньхай-ван поднял мятеж, ныне покойный слуга Вашего Величества послал военачальника Цзянь Цзи напасть на него. Наньхай-ван сдался с войсками и был поселен в Шангане. В дальнейшем он снова поднял мятеж. В это время стояла жара и шли сильные дожди. Нашим войскам на многопалубных кораблях пришлось долгое время жить на воде и грести веслами, из-за чего, еще до начала сражения, большая часть из них умерла от болезней. Рыдающие престарелые родители и оставшиеся сиротами плачущие дети, лишившись всего имущества, выезжали за трупами за тысячи ли, обертывали тканями оставшиеся кости и возвращались с ними обратно. В течение нескольких лет не прекращались скорбные вздохи, о которых до сих пор помнят глубокие старцы. Таким образом, когда наши войска еще не вошли в земли противника, возникли такие беды. [К тому же], как

я слышал, после военных походов обязательно наступают лихие годы, и это объясняется тем, что скорбные вздохи в народе нарушают гармонию между темным и светлым началами, оказывают влияние на отношения между Небом и Землей, в результате чего и возникают бедствия.

Добродетели Вашего Величества подобны добродетелям Неба и Земли, блеском Вы похожи на солнце и луну, Ваши милости доходят до диких птиц и зверей, а благодеяния распространяются на травы и деревья, поэтому, когда от голода умирает даже один человек, не дожив до возраста, определенного Небом, это вызывает скорбь в Вашем сердце. В связи с этим сейчас, когда в Ваших землях не слышно тревожного лая собак, заставить воинов Вашего Величества умирать, находиться под открытым небом в долинах, мокнуть от дождя в горных ущельях, из-за чего пограничное население будет вынуждено рано закрывать и поздно открывать городские ворота и утром не будет знать, что случится с ним вечером, это, как я, Ань, полагаю, будет трудным для Вас.

Лица, не знающие рельефа местности на юге, в большинстве считают, что юэсцев много, а их войска сильны, поэтому они могут поставить в затруднительное положение пограничные города. Однако, когда район Хуайнань еще не был разделен, многие из его жителей служили пограничными чиновниками, и от них я слышал о различиях [местности] со Средним государством. [Этот район] ограничен высокими горами, туда не ведут ни тропинки для людей, ни дороги для повозок, и, таким образом, Небо и Земля сами отделили внешние земли от внутренних. Для того чтобы проникнуть в Среднее государство, юэсцы обязательно должны спуститься по реке Линшуй, но река Линшуй течет среди отвесных гор, есть подводные камни, о которые разбиваются лодки, поэтому по ней не могут ходить большие лодки, груженные продовольствием. Допустим, юэсцы захотят поднять мятеж, для этого сначала они должны обязательно обработать земли в [уезде] Юйгань, чтобы накопить зерно, а затем нарубить лес для изготовления лодок. Однако если в пограничных городах тщательно несут оборонительную и разведывательную службу, то когда юэсцы явятся для заготовки леса, их будут ловить и сжигать сделанные запасы, и, хотя юэсцев насчитывается сто племен, что они могут сделать пограничным городам. К тому же юэсцы слабосильны и малоспособны, не могут сражаться на суше, у них нет колесниц и конницы, луков и самострелов, но мы не можем вторгнуться в их земли, поскольку их защищают естественные преграды, а жители Среднего государства не выносят их климата.

Как я слышал, у юэсцев не меньше нескольких сот тысяч воинов, поэтому для вторжения в их земли необходимо иметь в пять раз больше, причем в это количество не входят воины, тянущие повозки с продовольствием. На юге тепло и сыро, с наступлением лета становится очень жарко, придется жить на воде под открытым небом, воины будут страдать от укусов ядовитых змей и многочисленных болезней, в результате чего еще до того, как мечи обогрятся кровью, из каждого десятка умрут два-три человека, и, хотя даже мы займем владение Юэ и возьмем всех в плен, это количество не возместит количества погибших.

На дорогах я слышал разговоры, что, Цзя, младший брат правителя владения Миньюэ, убил последнего, но затем погиб и сам, после чего народ остался без правителя. Если Вы, Ваше Величество, хотите привлечь юэсцев и поселить их в Среднем государстве, пошлите к ним важного чиновника, проявите милость и выдайте награды, тогда они, неся на руках младенцев и поддерживая старцев, несомненно склонятся перед Вашими блестящими добродетелями. Если же они не нужны Вам, Вашему Величеству, продолжите угасающий род их правителей, сохраните их гибнущее государство, поставьте правителей с титулами ван и хоу, чтобы поддержать владение Юэ, и тогда они несомненно явятся с подарками, признают себя вассалами

и будут из поколения в поколение представлять дань из предметов, производимых в их стране.

Таким образом, с помощью печати [вана] размером в один квадратный цунь и шнура к ней длиной в один чжан и два чи Вы успокоите владение, лежащее вне квадрата [земель, несущих повинности в отношении Сына Неба], и, не утруждая ни одного воина, не затупив ни одной алебарды, распространите свое величие и добродетели. Если же Вы введете войска в их земли, это напугает юэсцев и они, считая, что чиновники хотят истребить их, обязательно убегут, как фазаны или зайцы, в горы и леса, являющиеся естественными преградами. Затем, если мы, отвернувшись от них, уйдем, они снова соберутся вместе, а если оставим гарнизоны, то не пройдет и нескольких лет, как воины устанут, возникнет нехватка продовольствия, мужчины не смогут заниматься земледелием и огородничеством, женщины перестанут прясть и ткать, молодые и здоровые уйдут в солдаты, старым и малосильным придется заниматься перевозкой провiantа [для войск], у живущих дома не окажется пищи, у находящихся в дороге не будет зерна, народ начнет страдать от войны, неизбежно появится много беглых, которых будут ловить и наказывать без числа, обязательно появятся воры и разбойники.

Я слышал, как почтенные старцы говорили, что при династии Цинь окружной воевода Ту Хуэй был послан напасть на [владение] Юэ, а цензор Лу прокопать каналы и проложить дороги. Тогда юэсцы бежали в глухие горы, поросшие густым лесом, из-за чего они не смогли напасть на них. Были оставлены войска, защищавшие обезлюдевшие земли, но по прошествии долгого времени воины устали. Вышедшие из гор юэсцы напали на них, в результате чего циньские войска потерпели сильное поражение, после чего против юэсцев были посланы разжалованные чиновники, приговоренные к ссылке. В это время как при дворе, так и вне его поднялись волнения, народ утомился, ушедшие [в солдаты] не возвращались домой, уехавшие [на войну] не приезжали обратно, никто не был спокоен за свое существование, появилось много беглых, объединившихся в шайки для занятия воровством и грабежами, и именно таким образом и начинались бедствия в землях к востоку от гор. Как говорил Лао-цзы, там, где находятся войска, вырастает терновник. Война приносит беды, ибо когда она возникает, если где-либо создается опасное положение, его развитию способствуют со всех сторон. Боюсь, что именно с войны возникает перемена к худшему и начинают действовать порочные люди.

В чжоуской Книге перемен сказано, что Гао-цзун напал на [племя] гуйфан и через три года одолел его. Гуйфан — небольшое племя южных варваров, а Гао-цзун — могущественный иньский Сын Неба, и то, что могущественному Сыну Неба потребовалось три года, чтобы одержать победу над небольшим племенем южных варваров, говорит о том, что к войне необходимо относиться осторожно.

Как я слышал, войска Сына Неба карают, но не воюют, а это означает, что он не смеет сравнивать себя с другими в силе. Допустим, юэсцы пренебрегут ссалившимся на них неожиданным счастьем и выступят против посланного к ним чиновника, но если обратно вернется хотя бы один физически пострадавший сборщик топлива или конюх, это навлечет, как я полагаю, стыд на великую династию Хань, хотя бы и была отрублена голова юэского вана.

Четыре моря — границы земель Вашего Величества, девять областей — Ваш дом, восемь озер — Ваши заповедники, реки Янцзы и Ханьшуй служат прудами, а все живущие здесь люди — Ваши слуги и служанки. Численность народа достаточна для содержания всех чиновников, а поступления от налогов достаточны для приобретения колесниц и паланкинов. Вы можете, упрямая сердце в мудрости и следуя по пути совершенномудрых, обратившись лицом к югу, опираясь на яшмовый столик и имея за спиной ширму с вышитыми на ней топорами, выслушивать [предложения] и отда-

вать распоряжения, находящие благоприятный отклик у всех живущих в Поднебесной на землях, окруженных четырьмя морями. Проявленные Вами добродетели и милости распространяются на всех, что позволит доброму народу спокойно жить и радостно заниматься делами, и тогда Ваши благодеяния скажутся на жизни десятков тысяч поколений, их унаследуют Ваши сыновья и внуки, которые станут без конца продолжать их, в результате чего в Поднебесной установится спокойствие и создастся положение, сравнимое с горой Тайшань, которая связана с тянущимися к ней со всех сторон горами. Разве приобретения земель варваров достаточно, чтобы вызвать радость хотя бы на один день, так к чему же утруждать боевых коней! В Книге песен сказано:

Добродетели вана поистине заполнили всю Поднебесную,

Поэтому царство Сюйфан и подчинилось ему», что говорит о великих добродетелях вана, о которых с любовью думали живущие в далеких краях.

Как я слышал, крестьяне трудятся, а благородные мужи питаются результатами их труда, глухие говорят, а мудрые выбирают из их слов нужное. Я, Ваш слуга Ань, удостоился счастья заниматься в интересах Вашего Величества пограничными делами и несу обязанность защищать Ваших слуг своим телом. Если бы, когда на границе создалось тревожное положение, я, цепляясь за жизнь, не изложил бы полностью свои глупые мысли, не был бы преданным слугой. Я, Ань, с трепетом думаю, что один посол может выполнить ту же миссию, что и стотысячное войско во главе с военачальниками! (XIII, гл. 64 А, с. 2а—8а).

⁴² Император У-ди, уничтожив владение Наньюэ, создал на его землях округ Чжуйи. Население округа неоднократно поднимало восстания, одно из которых произошло при императоре Сяо-юане в 47 г. до н. э. Сановники высказывали различные мнения по поводу того, что делать с мятежным округом, но император, согласившись с предложением Цзя Цзюань-чжи, принял решение отказаться от него. В связи с этим был издан специальный указ, полный текст которого приводится в «Хань шу», в жизнеописании Цзя Цзюань-чжи (гл. 64б, с. 18а). В данном тексте указ дается в несколько сокращенном виде.

⁴³ Ли Му — выдающийся военачальник владения Чжао, разработавший метод борьбы против сюнну. Проявляя постоянную заботу о боеспособности войск, он не нападал на сюнну, а избрал своеобразную оборонительную тактику. Войскам был отдан приказ: «Если сюнну вторгнутся с целью грабежа, немедленно собирайте имущество и укрывайтесь в укреплениях. Кто посмеет ловить варваров, будет обезглавлен».

Расчет Ли Му основывался на отсутствии у сюнну осадной техники. Как только расставленные повсюду сигнальные маяки сообщали о появлении врага, войска собирали население и скот и укрывались в обнесенных стенами укреплениях, где чувствовали себя в полной безопасности. В результате такой тактики «владение Чжао никаких потерь не несло» (ШЦ, гл. 81, с. 11а).

⁴⁴ «История династии Хань» сообщает: «После вступления на престол Ван Ман, основавший династию Синь, рассчитывая на богатства хранилищ и кладовых, хотел упрочить свое влияние, а поэтому назначил военачальников двенадцати армий, стал собирать удалцов в округах и владениях, взял лучшее оружие из оружейных складов, определил каждому военачальнику место для расквартирования и начал перевозить на границу войска и военное снаряжение. Он решил, что, когда будет собрано триста тысяч воинов и подвезен провиант на триста дней, войска одновременно выступят в десяти направлениях, начнут настойчиво преследовать сюнну и загонят их в земли дикинов, после этого земли сюнну будут разделены, а шаньюями поставлены пятнадцать потомков Хуханье».

Военачальник Ван Мана Янь Ю, предостерегая от подобных действий, сказал: «Я слышал, что сюнну при-

чиняли вред с давних пор, но я не слышал, чтобы во времена глубокой древности против них непременно совершали походы. В более позднее время три династии — Чжоу, Цинь и Хань — против них ходили войной, но ни одна из них не смогла выработать лучшего плана действий. Династия Чжоу имела средний [план], династия Хань — худший, а династия Цинь вообще не имела плана».

Когда во времена чжоуского Сюань-вана сяньюни вторглись [в Срединное государство] и дошли до Цзиньняна, военачальникам было приказано выступать против них, но, достигнув границы, войска возвратились обратно. Сюань-ван смотрел на вторжения жунов и дисцев как на укусы комара или овода и только отгонял их. Поэтому Поднебесная назвала его мудрым, и его поступки считались средним планом действий.

Ханьский император У-ди назначил военачальников и обучил воинов, которые с небольшими обозами и малым количеством провианта глубоко вторглись в земли сюнну, поставили там далекие гарнизоны, и, хотя была одержана победа и захвачена добыча, хусцы немедленно стали мстить за это. Более тридцати лет продолжались бедствия, связанные с затянувшейся войной, Срединное государство устало и истощилось, но и сюнну приобрели печальный опыт. Поэтому Поднебесная назвала императора воинственным, а его действия являются худшими.

Циньский император Ши-хуан, будучи не в состоянии терпеть мелкие поношения и пренебрегая силами народа, стал строить Великую стену, которая тянулась на десять тысяч ли, причем непрерывная вереница перевозившихся грузов начиналась от берега моря. Однако, когда было закончено создание сильно укрепленной границы, Срединное государство истощилось, а династия погибла, и это показывает, что у нее не было никакого плана».

Таким образом, говоря о борьбе с сюнну, Янь Ю на примере династий Чжоу, Цинь и Хань предостерегает от наступательных военных действий, которые лишь утомляют народ, но не приносят победы.

Чэнь Шоу

Саньго чжи, Вэй шу

Глава 30

Повествование об ухуанях и сяньбийцах

В «Шу-цзине» написано, что [племена] мань и и вызывают беспорядки в Ся¹, а в «Ши-цзине» говорится, что сяньюни свирепствуют². Давно уже они причиняли бедствия Срединному государству!

Начиная с династий Цинь и Хань, в течение долгого времени вред на границах причиняли сюнну. Хотя император Сяо-у [140—87 гг. до н. э.], занимавшийся варварами, жившими в четырех сторонах света за пределами [Срединного] государства, усмирив на востоке два владения Юэ³ и владение Чаосянь⁴, покарал на западе [город] Эрши и владение Давань⁵, открыл дороги во владения Цюнь⁶, Цзо⁷ и Елан⁸, однако все эти владения находились за пределами земель, несущих неопределенные повинности⁹, поэтому они не могли причинить Срединному государству ни большого, ни малого вреда. Что касается сюнну, то они находились в непосредственной близости от Срединного государства и, если хуские всад-

ники вторгались на юг, три границы (т. е. восточная, северная и западная) терпели бедствия от врага. В связи с этим военачальники Вэй [Цин] и Хо [Цюй-бин] неоднократно посылались в походы, они глубоко вторгались, во время нападений на север, в земли сюнну, неутомимо преследовали шаньюя, отобрали у него тучные земли, и в дальнейшем сюнну стали оборонять укрепленную линию, называя себя вассалами, причем из поколения в поколение все более слабели.

В эру правления Цзянь-ань (196—21 гг.) шаньюй южных сюнну Хучуцюань прибыл ко двору и был оставлен для услужения, а правого сянь-вана послали надзирать за его владением, таким образом, сюнну согнулись ниже, чем когда-либо в прошлом при династии Хань.

Однако вместо них постепенно усилились ухуани и сяньбийцы, которые из-за возникших в конце династии Хань смут, когда Среднее государство переживало многочисленные бедствия и не имело времени для внешних карательных походов, смогли захватить земли к югу от пустыни¹⁰, стали совершать набеги на города и грабить их, убивать и захватывать в плен народ, в результате чего северные границы страдали, как и прежде.

Когда Юань Шао присоединил к себе земли к северу от Хуанхэ, под его властью оказались жившие в трех округах ухуани, и он, проявив благосклонность к известным ухуанским князьям, приобрел их отборных всадников.

В дальнейшем [Юань] Шан и [Юань] Си бежали к Тадуню. Тадунь отличался храбростью и воинственностью, из-за чего все почтенные старцы на границе сравнивали его с Маодунем. Полагаясь на отдаленность и труднодоступность своих земель, он осмеливался принимать беглецов [из Среднего государства], чтобы установить господство над различными племенами варваров.

Тай-цзу (Цао Цао, 220—226 гг.) скрытно выступил в поход на север и, воспользовавшись тем, что это явилось неожиданностью [для Тадуня], разбил его в одном сражении. Это напугало восточных и северных варваров, поспешивших изъявить покорность, а слава о величии [Тай-цзу] потрясла северные земли. После этого [Тай-цзу] повел за собой ухуанский народ, который покорно принимал участие в совершаемых карательных походах, а пограничное население обрело спокойствие и отдых.

В дальнейшем сяньбийский старейшина Кэбинэн снова установил власть над [племенами] северных варваров и приобрел все бывшие сюннуские земли, в результате чего все пространство к востоку от округов Юньчжун и Уюань вплоть до реки Ляошуй стало принадлежать сяньбийской ставке. [Кэбинэн] неоднократно нарушал укрепленную линию и

совершал набеги на пограничные земли, в итоге страдали области Ю и Бин, Тянь Юй попал в окружение в городе Мачэн¹¹, а Би Гуй потерпел поражение к северу от [гор] Син¹².

В эру правления Цин-лун (233—236 гг.) император разрешил Ван Сюну послать искусного фехтовальщика на мече, который заколот Кэбинэна, после чего [сяньбийские] кочевья рассеялись, стали нападать одно на другое, сильные бежали далеко, слабые просили разрешения изъявить покорность [Срединному государству], в результате чего на границе установилось относительно спокойствие, к югу от пустыни¹³ стало мало тревог, и, хотя [сяньбийцы] временами усиленно занимались воровством, они уже не могли подстрекать друг друга на конфликты [со Средним государством].

Ухуани¹⁴ и сяньбийцы¹⁵ относятся к [народу], называвшемуся в древности дунху. Их обычаи и прежние дела описаны составителем «Хань-цзи», поэтому сейчас даются только сведения, начиная с конца династии Хань и начала династии Вэй, чтобы полностью изложить изменения, которые происходили с варварами, жившими в четырех странах света.

В конце династии Хань ухуанский старейшина в округе Ляоси Цюлицзюй, имевший более пяти тысяч юрт, и ухуанский старейшина в округе Шангу Наньлоу, имевший более девяти тысяч юрт, объявили себя ванами. В то же время ухуанский старейшина на территории зависимого владения в округе Ляодун Супуянь, имевший более тысячи юрт, объявил себя Цяо-ваном, а ухуанский старейшина в округе Юбэйпин, имевший более восьмисот юрт, объявил себя Ханьлу-ваном. Все они отличались хитростью и смелостью.

Чжан Шунь, правитель округа Чжуншань, поднял мятеж и бежал к Цюлицзюю, присвоил должность митянь цзянцзюнь и титул Аньдин-вана, после чего, став главнокомандующим ухуаней в трех округах, начал совершать грабительские набеги на области Цинчжоу, Сюйчжоу, Ючжоу и Цзичжоу, убивая и угоняя в плен чиновников и народ. В конце правления императора Лин-ди на должность правителя области Ючжоу был назначен Лю Юй, который, подкупив хусцев, обезглавил Чжан Шуня, после чего в северных областях установилось спокойствие. В дальнейшем Цюлицзюй умер. Его сын Лоубань был малолетним, поэтому его заменил племянник Цюлицзюя Тадунь, обладавший военными способностями, он стал распоряжаться кочевьями трех ванов, и все повиновались его распоряжениям.

Когда между Юань Шао и Гунсунь Цзанем происходили непрерывные сражения, не приносившие успеха ни одной стороне, Тадунь отправил к Юань Шао посла, добиваясь установления дружественных отношений путем

заключения брака, а затем помог Юань Шао в нападении на Гунсунь Цзяня и разбил последнего. [В благодарность] Юань Шао, подделав императорский указ, пожаловал Тадуню, Наньлоу¹⁶, Цяо-вану и Ханьлу-вану печати со шнурами и объявил всех шаньюями. В дальнейшем, когда Лоубань вырос, Цяо-ван, во главе своего кочевья, объявил Лоубаня шаньюем, а Тадуня ваном, однако Тадунь по-прежнему занимался разработкой планов.

Янь Жоу, уроженец [округа] Гуанъян, с детских лет попавший в среду ухуаней и сяньбийцев, завоевал их доверие, а поэтому с помощью сяньбийцев убил надзиравшего за ухуанями полковника Син Цзюя и занял его место. В связи с этим Юань Шао выразил Янь Жоу любовь и расположение¹⁷, чтобы установить спокойствие на северных границах.

В дальнейшем, потерпев поражение, Юань Шан бежал к Тадуню, чтобы, опираясь на его силу, снова занять область Цзичжоу. Однако в это время Тай-цзу (Цао Цао) усмирив земли к северу от Хуанхэ, и Янь Жоу, во главе сяньбийцев и ухуаней, изъявил покорность, за что был поставлен полковником и, имея вверительный знак династии Хань, осуществлял управление, находясь в Гуаннине, как это было и раньше.

В 11-м году эры правления Цзянь-ань (206 г. н. э.)¹⁸ Тай-цзу лично выступил в карательный поход против Тадуня, находившегося в Лючэне. Войска двигались скрытно, по ложным направлениям и были обнаружены варварами, только когда находились на расстоянии более ста ли от Лючэна. Юань Шан и Тадунь, во главе войск, дали встречный бой под Фанчэном, имея очень много воинов и лошадей. Тай-цзу поднялся на возвышение, осматривал позиции варваров и не двигался вперед, остановив свои войска. Затем заметив среди варваров небольшое движение, он напал на них и нанес поражение. Тадунь был обезглавлен на поле боя, трупы убитых врагов покрыли степь. Суфувань, Лоубань, Уянь и другие бежали в округ Ляодун, где были обезглавлены, а их головы посланы Тай-цзу. Остальные разбежались и изъявили покорность. Свыше десяти тысяч ухуаньских юрт, находившихся в областях Ючжоу и Бинчжоу и управлявшихся Янь Жоу, были переселены на жительство в Срединное государство, после чего их хоу, ваны, старейшины и кочевья принимали участие в совершаемых карательных походах. С этого времени ухуани, жившие в трех округах, стали известными всадниками в Поднебесной.

После того как сяньбийский Будугэнь пришел к власти, его народ несколько ослабел, из-за чего средний старший брат [Будугэня] Фулохань, имевший несколько десятков тысяч человек, тоже стал старейшиной.

В эру правления Цзянь-ань (196—219 гг.), после того как Тай-цзу (основатель династии Вэй) усмирив область Ючжоу, Будугэнь, Кэбинэн и другие представили дань через Янь Жоу, занимавшего должность полковника, надзирающего за ухуанями.

В дальнейшем ухуаньский [старейшина] в округе Дайцзюнь Нэнчэнди вместе с другими поднял мятеж и стал просить у Фулоханя разрешения подчиниться ему. Выехав, во главе более десяти тысяч всадников, встретить Нэнчэнди, Фулохань прибыл в Саньгань¹⁹, [но в это время] Нэнчэнди и другие, посоветовавшись между собой, нашли, что кочевье Фулоханя по влиянию и силе слабовато и подчинение ему вряд ли принесет пользу, а поэтому послали гонца вызвать Кэбинэна. Кэбинэн немедленно явился во главе более десяти тысяч всадников, и все они должны были заключить клятвенный договор о дружбе. [Однако] Кэбинэн убил на съезде Фулоханя, после чего сын убитого Сегуйни вместе с народом подчинился Кэбинэну. Кэбинэн, лично убивший отца Сегуйни, относился к нему подчеркнуто хорошо, чем возбудил к себе ненависть Будугэня.

Вступив на престол, император Вэнь-ди назначил Тянь Юя на должность полковника, надзирающего за ухуанями, и тот, получив вверительный знак, одновременно наблюдал за сяньбийцами, имея местопребывание в Чанпине²⁰. Будугэнь отправил к Тянь Юю посла поднести лошадей, за что император пожаловал ему титул вана.

В дальнейшем Будугэнь и Кэбинэн неоднократно нападали друг на друга, кочевье Будугэня немного ослабло, и он, во главе более десяти тысяч юрт, укрылся в округах Тайюань и Яньмынь. Затем Будугэнь отправил гонца привлечь Сегуйни на свою сторону, который передал: «Твой отец убит Кэбинэном, но ты не думаешь о мести, а наоборот, подчиняешься своему обидчику. Сейчас, хотя он ласково относится к тебе, это всего лишь уловка, с помощью которой он хочет тебя убить. Тебе лучше вернуться ко мне. Я и ты — ближайшие кровные родственники, разве меня можно сравнивать с твоим врагом!» Сегуйни, во главе своего кочевья, бежал к Будугэню. Кэбинэн преследовал его, но не догнал.

В 5-м году эры правления Хуан-чу (224 г. н. э.) Будугэнь явился ко двору для представления дани, за что был щедро одарен. После этого он усердно охранял границу и не совершал грабительских набегов, но в это же время значительно усилился народ Кэбинэна.

Когда на престол вступил император Минди (227—239 гг.), он хотел умиротворить варваров, чтобы прекратить карательные походы, поэтому стремился держать Кэбинэна и Будугэня на привязи.

В 1-м году эры правления Цин-лун (233 г.) Кэбинэн соблазнил Будугэня предложением заключить прочный мир, основанный на родстве, после чего Будугэнь вместе с Сегуйни и его кочевьем укрылся в землях Кэбинэна, откуда стал совершать набеги на область Бинчжоу, убивая и угоняя в плен чиновников и народ. Когда император послал военачальника сильной конницы Цинь Лана покарать его, Сегуйни поднял против Кэбинэна восстание и изъявил, во главе кочевья, покорность, за что ему был пожалован титул гуйи-ван²¹ и даны в награду знамя, церемониальный зонтик с кривой ручкой, ударные и духовые музыкальные инструменты и разрешение жить, как и прежде, в области Бинчжоу.

Что касается Будугэня, то он был убит Кэбинэном.

Жизнеописание Кэбинэна

Кэбинэн происходил из небольшого сяньбийского рода, но за свою смелость, справедливость при разборе тяжб и отсутствие алчности к богатствам был выбран народом старейшиной. Кочевье [Кэбинэна] находилось недалеко от укрепленной линии, поэтому после того как Юань Шао занял земли к северу от Хуанхэ, многие жители Срединного государства, восставшие против Юань Шао, бежали к нему. Они научили Кэбинэна делать оружие, латы, щиты; он усиленно изучал письменность. В связи с этим, управляя кочевьем, Кэбинэн подражал Срединному государству. При выездах на охоту и возвращении с нее выставлялись знамена, удары барабана служили [для охотников] сигналом двигаться вперед или назад.

В эру правления Цзянь-ань (196—220 гг.) Кэбинэн представил дань через Янь Жоу. Когда Тай-цзю выступил в карательный поход на запад, воспользовавшись чем Тянь Инь поднял восстание в Хэцзяне, Кэбинэн, во главе более трех тысяч всадников, последовал за Янь Жоу и, напав вместе с ним на Тянь Иня, разбил его. В дальнейшем, когда ухуани в округе Дайцзюнь подняли мятеж, Кэбинэн помогал им совершать грабительские набеги, в связи с чем Тай-цзю назначил Чжана, носившего титул яньлин-хоу, на должность военачальника сильной конницы, и он, выступив в карательный поход на север, разбил Кэбинэна. Кэбинэн ушел за укрепленную линию и через некоторое время стал снова представлять дань.

В начале эры правления Янь-кан (220—221 гг.) Кэбинэн прислал послов, поднесших лошадей, за что император Вэнь-ди пожаловал ему титул фуй-ван²².

Во 2-м году эры правления Хуан-чу (221 г.) Кэбинэн выпустил более пятисот вэйских се-

мей, находившихся среди сяньбийцев, которые вернулись жить в округ Дайцзюнь.

На следующий год (222 г.) Кэбинэн, во главе взрослых и малолетних из своего кочевья и более трех тысяч всадников ухуаньского [старейшины] в округе Дайцзюнь Сюэлу, пригнал для торговли свыше семидесяти тысяч голов крупного рогатого скота и лошадей, а также отправил свыше тысячи вэйских семей в округ Шангу на жительство. В дальнейшем между Кэбинэном, сяньбийским старейшиной из восточных земель Сули и Будугэнем вспыхнула борьба, в ходе которой они нападали друг на друга. Тянь Юй установил между ними согласие, чтобы прекратить взаимные нападения.

В 5-м году [эры правления Хуан-чу] (224 г.) Кэбинэн снова напал на Сули, в связи с чем Тянь Юй выступил в поход по кратчайшей дороге, чтобы связать его тылы. Кэбинэн послал для отражения Тянь Юя небольшого вождя Сону, но Тянь Юй, двинувшись вперед, разбил Сону и обратил его в бегство.

После этого, проявляя двуличие, Кэбинэн представил Сяньюй Фу, занимавшему должность военачальника, помогающего государству, письмо, в котором говорил: «Восточные и северные варвары не знают письменности, поэтому полковник Янь Жоу защищал меня перед Сыном Неба. Я враждовал с Сули, из-за чего в прошлом году напал на него, но полковник Тянь Юй пришел к Сули на помощь, поэтому, будучи сам занят военными делами, я послал Сону, который, услышав о приходе наделенного высокими полномочиями [Тянь Юя], отвел войска назад.

Будугэнь много раз совершал набеги и грабежи, убил моего младшего брата, клеветал, что набеги и грабежи совершаю я.

Хотя мы, восточные и северные варвары, не знаем правил поведения и чувства долга, наши старшие и младшие братья, сыновья и внуки получали от Сына Неба печати [ванов] со шнурами, а ведь даже быки и лошади знают, что такое прекрасная вода и трава, что же говорить обо мне, имеющем сердце человека! Вы, военачальник, должны защитить меня перед Сыном Неба».

Получив письмо, Сяньюй Фу доложил о нем императору, и император снова приказал Тянь Юю обласкать Кэбинэна для привлечения на свою сторону, после чего народ Кэбинэна усилился и у него появилось свыше ста тысяч всадников, натягивающих луки. Все захваченные во время набегов богатства Кэбинэн делил справедливо, решая все сразу и никогда ничего не присваивал себе, поэтому народ служил ему, отдавая все силы, а старейшины других кочевий уважали и боялись его, но тем не менее он не мог сравниться с Тяньши-хуаем.

Во 2-м году эры правления Тай-хэ (228 г.) Тянь Юй послал переводчика Ся Шэ в кочевье, возглавляемое Юйчжуцзянем, зятем Кэбинэна. Юйчжуцзянь убил Ся Шэ. В этом же году осенью Тянь Юй, во главе Путоу и Сегуйни, сяньбийских старейшин в западных землях, вышел за укрепленную линию показать Юйчжуцзяня и нанес ему сильное поражение. Когда, возвращаясь обратно, Тянь Юй прибыл в город Мачэн, Кэбинэн, во главе тридцати тысяч всадников, окружил его и держал в осаде семь дней. Янь Чжи, правитель округа Шангу, младший брат Янь Жоу, издавна пользовался доверием сяньбийцев, а поэтому отправился вразумить Кэбинэна, который снял осаду с города и ушел. В дальнейшем Ван Сюн, правитель области Ючжоу, исполнявший одновременно обязанности полковника [надзирающего за ухуанями], успокоил милостями Кэбинэна, который несколько раз являлся к укрепленной линии с изъявлением покорности и приезжал в главный город области для представления дани.

В 1-м году эры правления Цин-лун (233 г.) Кэбинэн соблазнил Будугэня перейти на его сторону, и тот поднял мятеж в области Бинчжоу. [Кэбинэн] заключил с ним договор о мире, основанный на родстве, и сам, во главе десяти тысяч всадников, встретил его обозы к северу от хребта Син [лин]. Би Гуй, правитель области Бинчжоу, приказал военачальникам Су Шану и Дун Би напасть на Кэбинэна. Кэбинэн послал всадников во главе со своим сыном, который сразился с Су Шаном и другими в [уезде] Лоуфань²³. Су Шан и Дун Би погибли на поле боя.

В 3-м году [эры правления Цин-лун] (235 г.) Ван Сюн послал смельчака Хань Луна, который убил Кэбинэна, вслед за чем [Ван Сюн] поставил у власти его младшего брата.

Сули, Мицзя и Цюэцзи были [сяньбийскими] старейшинами, жившими за укрепленной линией округов Ляоси, Юбэйпин и Юйян. Дорога до них была далека, поэтому вначале они не причиняли бедствий на границах, хотя численность их народа была большей, чем у Кэбинэна.

В эру правления Цзянь-ань (196—220 гг.) они представляли через Янь Жоу дань и установили торговые отношения, за что Тай-цзу в знак любви пожаловал им титулы ванов. [Затем] после смерти Цюэцзи [Тай-цзу] поставил у власти его сына Шамохана, пожаловав ему титул Циньхань-ван.

В начале эры правления Янь-кан (220—221 гг.) все перечисленные старейшины прислали послов, поднесших лошадей.

Вступив на престол, император Вэнь-ди пожаловал Сули и Мицзя титулы гуйн-ван. Сули и Кэбинэн взаимно нападали друг на друга. Во 2-м году эры правления Тай-хэ (228 г.) Сули умер, и, поскольку его сын был малолет-

ним, титул вана пожаловали его младшему брату Чэнлюйгую, который стал управлять народом [вместо сына Сули].

Примечания

¹ Мы уже отмечали, что в самых ранних, дошедших до нашего времени, литературных памятниках содержатся сведения о соседях Китая. В частности, в «Шу-цзин» рассказывается, что легендарный император Шунь при назначении чиновников якобы сказал: «Гао-яо! [Племена] мань и и вызывают беспорядки в Ся, [бесчинствуют] грабители, разбойники, внутренние и внешние смуты. Ты будешь старшим судьей» («Шаншу чжэнь» (ШШЧИ), гл. 8, с. 104).

² В малой оде «Цай-вэй» рассказывается о походе на сяньбей. Там есть строки: «Ни семьи и ни дома нет из-за сяньбей» и «Разве мы не принимаем какадый день мер предосторожностей? Ведь сяньбей так свирепствуют!» (ШШЧИ, гл. 93, с. 804).

³ Имеются в виду Южное и Восточное Юэ. Южное Юэ (Наньюэ), занимавшее территорию современных провинций Гуандун и Гуанси, было уничтожено в 111 г. до н. э. Восточное Юэ (Дунъюэ), занимавшее восточную и южную части пров. Чжэцзян и юго-восточную часть пров. Фуцзянь, было уничтожено в 110 г. до н. э.

⁴ В 109 г. до н. э. император У-ди отправил во владение Чаосянь посольство во главе с Шэ Хэ, который через некоторое время был убит Ю-цзюем — правителем владения Чаосянь. Разгорелась война, не принесшая успеха ни одной из сторон, но тем не менее Ю-цзюй, страшась дальнейшей борьбы, поспешил изъявить покорность.

⁵ В 104 г. до н. э. император У-ди отправил в Давань посольство во главе с Чэ Лином для приобретения лошадей лучших пород. Угуа, правитель владения Давань, отказался продать лошадей. В досаде ханьский посол обругал даваньских старейшин и выехал на родину. Оскорбленные даваньцы напали на караван Чэ Лиана, а его самого убили. В отместку осенью того же года император У-ди послал против Давань крупные силы под командованием Ли Гуан-ли. Поход закончился неудачей. У-ди отправил новые войска, которые осадили Эрши, главный город владения Давань. Когда после 40-дневной осады город оказался под угрозой падения, представители знати пошли на предательство. Они убили своего правителя и заключили мир с ханьскими войсками. Ли Гуан-ли привез голову Угуа в столицу, где она была выставлена на северных воротах императорского дворца.

⁶ Владение Цюн занимало земли к юго-востоку от современного уездного г. Сичан в пров. Сычуань.

⁷ Владение Цзо занимало земли к юго-востоку от современного уездного г. Ханьшань в пров. Сычуань.

⁸ Владение Елан занимало западную часть современного пров. Гуйчжоу.

⁹ Согласно системе, существовавшей якобы в начальный период династии Чжоу, территория Китая делилась на «пять фу». По мнению Гу Цзе-гана, термин «пять фу» (букв. «пять повинностей») указывает не на территориальное деление, а на реальное существование системы эксплуатации населения со стороны чжоуских правителей, осуществлявшейся в форме «подношений для жертвоприношений».

В пределах владения Сына Неба население было обязано поставлять продукты сельского хозяйства для ежедневных жертвоприношений. Эти повинности назывались дань-фу — повинности с обрабатываемых полей. За пределами земель Сына Неба лежали владения знати, несшие повинности хоу-фу — повинности знати. Правители этих владений были обязаны поставлять все необходимое для ежемесячных жертвоприношений. Владения знати были окружены многочисленными

владениями, существовавшими еще при династии Инь. К их правителям чжоуские ваны относились как к равным. Когда они прибывали ко двору, оказывали им почести, полагавшиеся при встрече гостей. Отсюда возник термин бинь-фу — повинности гостей, которые выражались в поставках для сезонных жертвоприношений. Меньшей эксплуатации подвергались племена и я мань, которые приносили дань один раз в год, называемую яо-фу — повинности обузданных. Наконец, племена жунов и ди были обязаны представляться только вновь вступившим на престол чжоуским валам и, поскольку для этого было невозможно установить никаких сроков, несли хуан-фу — неопределенные повинности («Чжунго гудай дили минчжу сюаньду» (ЧГГДДЛМЧСД), с. 2).

¹⁰ В тексте ошибочно вместо иероглифа мо — «пустыня» стоит близкий по написанию иероглиф хань.

¹¹ В «Саньго чжи» говорится: «В начале правления императора Вэнь-ди (220—226 гг.) усилившиеся северные варвары посягали на спокойствие пограничной укрепленной линии, в связи с чем Тянь Юй был назначен полковником, надзирающим за ухуанями, с вручением вверительного знака, а Цянь Чжао и Цзе Си — на должности полковников, надзирающих за сяньбийцами. На территории к востоку от Гаолу (уездный город, находившийся к северо-западу от современного уездного г. Янгао в пров. Шаньси) и к западу от [племени] хуэймо имелось несколько десятков сяньбийских кочевий. [Старейшины] Кэбинэн, Мицзя и Сули, разделив [между собой] эти земли, управляли ими, причем для каждого из них существовала разделительная граница. Они заключили клятвенный договор, по которому никто не имел права торговать лошадьми со Средним государством.

Тянь Юй, считая, что объединение жунов и дисцев в одно целое невыгодно для Среднего государства, прежде всего внес раскол среди старейшин, с тем чтобы они стали врагами и нападали друг на друга. В результате Сули нарушил договор и продал [китайским] чиновникам тысячу лошадей. За это Кэбинэн напал на Сули, и тот обратился за помощью к Тянь Юю. Тянь Юй, опасаясь, что один варвар поглотит другого и тогда причиняемый Среднему государству вред возрастет еще более, нашел правильным помочь доброму и наказать злого, чтобы таким образом вызвать к себе доверие, а поэтому во главе отборных воинов глубоко вторгся в земли, подчинявшиеся ставке варваров.

Варваров оказалось много, они нападали на китайские войска и спереди и с тыла, перерезав пути отступления. Тянь Юй, отойдя от варваров на расстояние свыше десяти ли, разбил лагерь, собрал большое количество коровьего и конского навоза и зажег его, а затем покинул лагерь. Варвары, видя непрерывно горящий огонь и поднимающийся дым, подумали, что Тянь Юй находится в лагере и только, когда он отошел на несколько десятков ли, узнали об этом. Они преследовали Тянь Юя до города Мачэн (уездный город, находившийся к северу от современного уездного г. Хуайань в Чахаре), где окружили его десятью кольцами. Тянь Юй, приняв строгие меры защиты, приказал военачальнику, выставив знамена и флаги, под барабанный бой и звуки рожков выйти из города через южные ворота во главе пехотинцев и всадников. Это привлекло внимание варваров, которые устремились к южным воротам. Тогда Тянь Юй, во главе отборных войск, выступил из города через северные ворота под звуки барабанов и громкие крики. Затем оба отряда с двух сторон напали на варваров. Нападение явилось для варваров неожиданностью, они в беспорядке рассеялись и, побросав луки и лошадей, бежали пешком. Их преследовали на расстоянии более двадцати ли, причем вся земля была покрыта трупами убитых («Саньго чжи, Вэй шу» (ВШ), гл. 26, с. 76—86).

¹² В 224 г. н. э. сяньбийский старейшина Будугэнь изъявил желание охранять укрепленную линию, но в 233 г. Кэбинэн, враждовавший с Китаем, установил с ним дружественные отношения и, во главе десяти тысяч всадников, выступил к нему на встречу, которая

должна была состояться к северу от хребта Синлинь. Услышав об этом, Би Гуй, правитель области Бинчжоу, самовольно выступил в поход, представив об этом доклад императору Мин-ди, в котором говорил о необходимости устроить Кэбинэна и поддвинуть Будугэня. Испугавшись, что действия Би Гуя будут лишь способствовать объединению двух кочевий, Мин-ди распорядился, чтобы войска не переходили укрепленной линии, проходившей по горам Гоучжу.

В это время Би Гуй стоял лагерем в уезде Иньгуань, откуда выслал против сяньбийцев военачальников Су Шана и Дун Би. Кэбинэн отправил тысячу всадников к Будугэню, а сам сразился с китайскими военачальниками в уезде Лоуфань. Потерпев поражение, оба военачальника погибли на поле боя, а Будугэнь отошел от укрепленной линии и стал вместе с Кэбинэном нападать на границу (ВШ, гл. 3, с. 9а, 9б).

¹³ В тексте ошибочно вместо иероглифа мо — «пустыня» стоит близкий по написанию иероглиф хань.

¹⁴ Сунский ученый Пэй Сун-чжи дополняет сведения об ухуанях примечанием из ныне утерянной работы Юй Хуаня «Вэй шу» (История династии Вэй). Хотя тексты Фань Е и Юй Хуаня близки друг к другу, между ними есть и существенные различия, представляющие большой научный интерес. В связи с этим приведем примечание Пэй Сун-чжи полностью.

«Ухуани являются [потомками] дунху. Когда в начале династии Хань сюннуский [шаньюй] Маодунь уничтожил владение дунху, остатки народа укрылись у горы Ухуань, от которой и получили свое название.

По существующим обычаям искусны в верховой езде и стрельбе из лука, пасут скот, отыскивая места с [хорошей] водой и травой, для жилья не имеют постоянного места, а домом служит куполообразный шалаш, выход из которого обращен на восток к солнцу. Хотя бы на диких птиц и зверей, едят мясо, пьют кисломолочное, одежды делают из грубой и тонкой шерсти. Уважают молодых и с пренебрежением относятся к старым. По характеру отважны и заносчивы. В гнев убивают отцов и старших братьев, но никогда не причиняют вреда матери, поскольку у матери есть сородичи, из-за чего отцы и старшие братья, считая себя основой рода, избегают взаимной мести. Храброго и сильного, который может разбирать [возникающие] тяжбы и взаимные захваты, всегда выбирают старейшиной. Во главе каждого рода (ило) имеется небольшой вождь. Наследственного преемства власти нет. Несколько сот или тысяч юрт (ло) образуют кочевье (бу). Когда старейшине нужно вызвать кого-нибудь, он вырезает зарубки на дереве, которые служат письмом. [Палочка] передается по родам, и, хотя у них нет письменных знаков, члены кочевья не смеют нарушать [полученное распоряжение]. Нет постоянных родовых фамилий, в качестве фамилии используется имя сильного старейшины. От старейшин и ниже каждый сам пасет скот и ведет хозяйство, не привлекая друг друга к выполнению трудовых повинностей.

При заключении брака все [мужчины] сначала вступают с девушкой в связь и похищают ее, а затем через полгода или три дня отправляют сватов, посылая с ними в качестве свадебных подарков крупный рогатый скот, лошадей и овец. Далее зять вместе с женой возвращается [в ее дом], где каждое утро, встав от сна, совершает поклоны перед живущими в ее семье, вне зависимости от того, высокое или низкое положение они занимают, причем не кланяется только ее отцу и матери. После того как он пробудет в семье жены на положении слуги два года, семья жены щедро одаривает женщину и провожает ее. Место для жительства и все имущество предоставляются семейной жене, поэтому по существующим среди них обычаям [мужчины] при составлении расчетов следуют мнению женщины и только, когда происходит война, сами решают связанные с ней вопросы. Отцы и дети, мужчины и женщины садятся друг против друга на корточки. Все бреют головы, считая, что это приносит облегчение и удобство.

Когда женщина достигает брачного возраста, она отрачивает волосы, которые делит на пучки, и надевает [головной убор] гоуцзюэ, украшенный золотом и яшмой, похожий на имеющийся в Срединном государстве головной убор бую.

В случае смерти отца или старшего брата женятся на мачехе и берут за себя жену старшего брата. Если нет никого, кто мог бы взять за себя жену старшего брата, роднят с ней собственного сына, а затем выдают замуж за старшего или младшего брата его отца, а когда [новый муж] умирает, женщина возвращается в семью прежнего мужа.

По существующим обычаям знают сроки вывода птенцов и кормления молодняка у диких птиц и зверей, различая по ним четыре сезона года. При возделывании земли время работ всегда определяют по крику кукушки. Земля благоприятна для произрастания черного проса и [растения] дунцян. Дунцян напоминает по виду пэнцао (*erigeron acris*), а его семена похожи на семена подсолнечника. Созревает в десятой луне. Умеют делать водку, но не знают, как делать для нее закваску. В отношении обрешенного зерна всегда полагаются на Срединное государство.

Взрослые умеют делать луки, стрелы, седла, уздечки, ковать оружие из металла и железа, могут вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани.

Когда болеют, пользуются прижиганиями полыню, накаливают камень, которым заболевший сам гладит [больное место], нагревают огнем землю и ложатся на нее или же ножом вскрывают вену в больном месте и выпускают кровь, совершая при этом моление духам Неба, Земли, гор и рек. Не имеют для дия укалывания и лекарств.

Высоко ценят смерть в бою. Тело покойника кладут в гроб. Сразу после смерти оплакивают умершего, но при похоронах его провожают с песнями и плясками. Откармливают собаку, которую ведут на цветном шнуре, а также берут лошадь, на которой умерший ездил, его одежду и вещи, украшения, которые он носил при жизни, все сжигают и провожают покойного. Специально поручают собаке охранять душу умершего при ее возвращении на гору Чипань. Гора Чипань находится в нескольких тысячах ли к северо-западу от округа Ляодун, и на нее возвращаются души умерших, подобно тому как возвращаются на гору Тайшань души умерших в Срединном государстве.

Ночью, накануне дня погребения, собирают родственников и старых друзей покойного, которые садятся кругом и проводят собаку и лошадь перед местом, где лежит покойник, причем некоторые из поющих и пляшущих бросают им мясо. Двум человекам велят читать заклинания, чтобы душа покойного кратчайшим путем, минуя препятствия и не встречая задержек со стороны злых духов, достигла горы Чипань. После этого собаку и лошадь убивают, берут одежду и вещи и все сжигают.

Почитают души умерших и духов, приносят жертвы Небу, Земле, солнцу, луне, звездам, созвездиям, горам и рекам. Такие же жертвы приносят покойным старейшинам, прославившимся своими подвигами. Для жертвоприношений используют крупный рогатый скот и овец, туши которых по окончании жертвоприношения сжигают. Когда пьют и едят, то непременно сперва приносят жертву.

По законам, о которых они договорились между собой, нарушивший распоряжение старейшины подлежит смерти; непрерывно занимающийся воровством подлежит смерти; в случае убийства членам кочевья разрешается самим мстить, но если мщение не прекращается, являются к старейшине, который примиряет стороны, и виновный откупается от [наказания] смертью своим крупным рогатым скотом и овцами. Убийство своего отца или старшего брата не считается преступлением. Мятежников, которых ловят старейшины, роды (цзо) не соглашаются принимать, а стараются изгнать в дикие земли. В этих землях, ле-

жащих к юго-западу от динлинов и северо-востоку от усуней, нет гор, а имеется пустыня, текучая вода, трава, деревья и много ядовитых змей, и туда изгоняют, чтобы довести изгоняемого до бедственного положения.

После того как предки ухуаней были разбиты сюнну, народ ослабел и подчинился сюнну, ежегодно поставляя им крупный рогатый скот, лошадей и овец. В случае непредоставления [дани] в срок сюнну угоняли в полон их жен и детей.

При сюннуском шаньюе Ияньти (в «Хань шу» — Хуяньти) ухуани усилились и раскопали могилу сюннуского шаньюя, чтобы отомстить этим за позор, связанный с поражением, которое они потерпели от Маодуя. Страшно разгневанный шаньюй Ияньти послал двадцать тысяч всадников для нападения на ухуаней. Услышав об этом, старший военачальник Хо Гуан приказал Фань Мин-ю, занимавшему должность заложного военачальника, выступить во главе тридцати тысяч всадников из округа Ляодун для нападения на сюнну. Когда войска Фань Мин-ю пришли к месту назначения, оказалось, что сюнну уже отошли. Тогда [Фань Мин-ю], воспользовавшись усталостью ухуаней, только что подвергшихся нападению сюнну, напал на них, порубил более шести тысяч человек, взял с собой отрубленные головы трех князей и возвратился обратно. После этого ухуани несколько раз нарушали границу, но Фань Мин-ю [снова] выступил в поход и нанес им поражение.

В конце правления Ван Мана ухуани совместно с сюнну совершали грабительские набеги.

Император Гуан-у, установив спокойствие в Поднебесной, приказал Ма Юаню, занимавшему должность военачальника — усмирителя волн, выступить во главе трех тысяч всадников через заставу Уюаньгуань, перейти укрепленную линию и покарать ухуаней, но он ничего не добился, а только потерял более тысячи лошадей.

После этого ухуани усилились и стали нападать на сюнну, а когда сюнну отошли на тысячу ли, земли к югу от пустыни опустели.

На 25-м году эры правления Цзянь-у (49 г. н. э.) ухуанский старейшина Хэце и другие, в количестве свыше девяти тысяч человек, явились ко двору, во главе своего народа, в связи с чем более чем восьмидесяти ухуанским вождям были пожалованы титулы хоу и ван, им было велено жить в пределах укрепленной линии, и они были расселены на территории зависимых владений в Ляодуне, округах Ляоси, Юбэй-пин, Юйян, Гуанъян, Шангу, Дайцзюнь, Яньмынь, Тайюань и Шофан, получив распоряжение привлекать сородичей, снабжать их одеждой и пищей. Для управления и охраны ухуаней был назначен полковник, после чего они стали нести для Хань разведывательную службу, нападать на сюнну и сяньбийцев.

В эру правления Юн-пин (58—75 гг.) ухуанский старейшина в округе Юйян Циньчжиби поднял, во главе своего кочевья, мятеж, воспользовавшись чем, вернувшиеся сяньбийцы стали совершать грабительские набеги. Правитель округа Ляодун Цзи Юн с помощью наемного убийцы убил Циньчжиби и разбил его народ.

В правление императора Ань-ди (107—125 гг.) ухуани, жившие в округах Юйян и Юбэйпин, а также ухуанский старейшина Ухэ в округе Яньмынь, носивший титул шуайчжун-ван, снова объединившись с сяньбийцами и сюнну, стали грабить округа Дайцзюнь, Шангу, Чжоцзюнь и Уюань. В связи с этим начальник сельскохозяйственного приказа Хэ Си был назначен исполняющим обязанности военачальника колесниц и конницы, одновременно с этим в поход против них были посланы воины из пяти лагерей правого и левого отрядов императорской гвардии и воины из лянского лагеря, стоявшие в семи округах вдоль границы, общей численностью в двадцать тысяч человек. В результате сюнну изъявили покорность, а сяньбийцы и ухуани отошли далеко от укрепленной линии. В дальнейшем ухуани постепенно снова сблизились [с ди-

настией Хань] и подчинились ей, за что их старейшине Жунвэйхуэю был пожалован титул дувэя.

При императоре Шунь-ди (126—144 гг.) Жунвэйхуэй вместе с Дотуем, Цюйяном и другими выступил с надзирающим за ухуанями полковником Гэн Е за укрепленную линию для нападения на сяньбийцев и отличился в этом походе, за что по возвращении им всем пожаловали титул шуайчжун-ван и наградили шелковыми тканями». (ВШ, гл. 30, с. 2а—3б).

¹⁵ В «Саньго чжи» приводится следующая выдержка о сяньби из ныне утерянного сочинения Юй Хуаня «Вэй шу»:

«Сяньбийцы также, [как и ухуани], — остатки [народа] дунху. Они отдельно осели у горы Сяньби, от которой получили свое название. Их язык и обычаи сходны с ухуанскими. Их земли на востоке доходят до реки Ляошуй: а на западе — до Западного края. В последнем месяце весны всегда собираются в большом количестве на реке Цзоэшуй для выдачи дочерей замуж и женитьбы сыновей, где бреют головы и пируют.

Среди диких зверей, отличных от имеющихся в Среднем государстве, [в их землях] водятся дикая лошадь, дикая овца и дуанью, из рогов которого делают луки, называемые в просторечье луками из рога дуанью. Имеются еще соболи, лисицы и белки, мех которых мягок, поэтому в Поднебесной из него делают широко известные шубы.

После того как сяньбийцы были разбиты Маодунем, они бежали в земли, расположенные далеко от укрепленной линии в округе Ляодун, не боролись за господство с другими владениями, оставались неизвестными династии Хань, не имели с ней связей и жили рядом с ухуанями.

При императоре Гуан-у, когда южный и северный шаньюи нападали друг на друга, силы сюнну истощились, благодаря чему усилились сяньбийцы.

На 30-м году эры правления Цзянь-у (54 г.) сяньбийский старейшина Юйчоуцзэн явился, во главе сородичей, ко двору для представления дани и ему был пожалован титул вана.

В эру правления Юн-пин (58—75 гг.) Цзи Юн, назначенный правителем округа Ляодун, соблазнил и подкупил сяньбийцев, чтобы они отрубили головы мятежному ухуаньскому [старейшине] Циньчжипэню и другим, после чего все сяньбийские старейшины родов ко востоку от округов Дуньхуан и Цзюцюань явились в округ Ляодун для получения награды. Две области — Циньжоу и Сюйчжоу — ежегодно, как правило, выплачивали им 270 миллионов монет.

При императоре Хэ-ди (89—107 гг.) сяньбийский да духу сяовэй Хуэй, во главе своего народа, последовав за надзирающим за ухуанями полковником Жэнь Чаном, напал на бунтовщиков, за что был возведен в титул шуайчжун-вана.

При императоре Шан-ди, в эру правления Янь-пин (106 г.) сяньбийцы на востоке нарушили укрепленную линию и убили правителя округа Юйян Чжан Сяня.

При императоре Ань-ди (107—126 гг.) сяньбийский старейшина Яньлиан явился ко двору. Ханьский двор пожаловал ему печать сяньбийского вана со шнуром, красную колесницу с тремя упряжными лошадьми, приказал жить под городом Нинчэн, в котором находился надзирающий за ухуанями полковник, и торговать на рынках для хусев. Были построены южное и северное подворья для заложников, в которые прислали заложников от двадцати [сяньбийских] родов. В дальнейшем сяньбийцы то восставали, то изъявляли покорность, то занимались взаимными нападениями с сюнну и ухуанями.

В конце правления императора Ань-ди из пограничных земель было послано свыше двадцати тысяч пеших и конных воинов, которые расположились лагерями в важных стратегических пунктах.

В дальнейшем восемь или девять тысяч сяньбийских всадников прошли через округ Дайцзюнь и подошли к укрепленной линии у города Мачэн, перебив

старших чиновников. Ханьский двор послал залоюско-го военачальника Дэн Цзуня и начальника охранной стражи телохранителей Ма Сюя, которые вышли за укрепленную линию, догнали сяньбийцев и нанесли им поражение, после которого сяньбийские старейшины Улунь и Цичжицзянь, во главе более семи тысяч человек, явились к Дэн Цзуню с изъявлением покорности. Улуню был пожалован титул вана, а Цичжицзяню — титул ху, и они были награждены шелковыми тканями.

После того как Дэн Цзунь вернулся обратно, Цичжицзянь снова поднял мятеж и окружил надзирающего за ухуанями полковника в городе Мачэн. Залоюский военачальник Гэн Куй и правитель области Ючжоу пришли на помощь и сняли осаду с города.

Усилившийся Цичжицзянь, у которого было несколько десятков натягивающих луки воинов, в нескольких местах нарушил укрепленную линию и устремился к городу Нинмо в округе Уюань, напал на шаньюя южных сюнну и убил левого юйцзянь жичжу-вана.

При императоре Шунь-ди [Цичжицзянь] снова нарушил укрепленную линию и убил правителя округа Дайцзюнь. Ханьский двор приказал войнам из лян-ского лагеря расположиться в округе Чжуншань, войнам из пограничных округов стать лагерями у укрепленной линии, перебросил пять отрядов искусных стрелков из самострела, велел им упражняться в стрельбе, причем на помощь династии Хань пришел южный шаньюй, во главе более десяти тысяч пехотинцев и всадников. [Объединенные силы] напали на сяньбийцев и заставили их отступить.

В дальнейшем Гэн Е, занимавший должность полковника, надзирающего за ухуанями, во главе [войск] шуайчжун-вана, вышел за укрепленную линию и напал на сяньбийцев, многие из которых были убиты или взяты в плен, после чего свыше тридцати тысяч сяньбийских юрт явилось в округ Ляодун и изъявило желание сдаться.

После бегства сюнну и северного шаньюя оставшийся народ, в количестве более ста тысяч юрт, явился в округ Ляодун и стал смешанно жить [с сяньбийцами], называя себя сяньбийскими воинами.

[Сяньбиец] Тоулухоу [в прошлом] три года служил в войсках сюнну, и [в это время] его жена, оставшаяся дома, родила сына. Когда Тоулухоу вернулся, это удивило его и он хотел убить ребенка. [Однако] жена сказала, что как-то днем, идя по дороге, она услышала удар грома. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть на небо, ей в рот упала градина, которую она проглотила, после чего забеременела и через десять месяцев родила сына. Этого ребенка, [сказала] жена, непременно ждет необыкновенное, поэтому его следует вырастить. Тоулухоу не поверил жене, поэтому она сказала домашним, чтобы они взяли и вырастили младенца, которому она дала прозвище Таньшихуай.

Выросши, Таньшихуай отличался смелостью и физической силой, а умом превосходил окружающих. Когда ему было четырнадцать или пятнадцать лет, Бу-пэньи, старейшина чужого кочевья, похитил у родителей его матери крупный погатый скот и овец. Погоняя коня плетью, Таньшихуай погнался за похитителями, напал на них, и никто, куда бы он ни устремлялся, не мог противостоять ему. Он отбил весь угнанный скот, после чего напуганные члены его кочевья подчинились ему. Затем он ввел предусмотренные законом запреты для решения дел между правыми и виноватыми, причем никто не смел нарушать их. В результате его избрали старейшиной.

Придя к власти, Таньшихуай учредил ставку на реке Чочоушуй у горы Таньхань, находившуюся в трехстах с лишним ли к северу от Гаюлю, и ему подчинились все старейшины восточных и западных кочевий. Имея очень многочисленное войско, на юге [Таньшихуай] грабил ханьские пограничные земли, на севере отразил динлинов, на востоке заставил отступить [владение] Футой, на западе напал на усуней и овладел всеми бывшими сюннускими землями,

которые тянулись с востока на запад более чем на двенадцать тысяч, а с юга на север более чем на семь тысяч ли и были пересечены горами, реками, пресными и солеными озерами. Династия Хань страдала от него.

При императоре Хуань-ди Чжан Хуань, занимавший должность начальника охранной стражи телохранителей, надзирающего за сюнну, выступил против Таньшихуай в карательный поход, но не добился успеха, после чего к Таньшихуаю был отправлен посол доставить печать со шнуром и возвести его в титул вана с целью установления мира, основанного на родстве. Однако Таньшихуай, отказавшись принять титул, стал पुще прежнего заниматься набегами и грабежами. Он разделил свои земли на три части: среднюю, восточную и западную. Земли от округа Юбэйпин на восток до округа Ляодун, [владения] Фууй и [племени] мо составляли восточную часть, на которой находилось более двадцати кочевий и старейшин которых звали Мицзя, Цюэцзи, Сули и Хуайтоу. Земли от округа Юбэйпин на запад до округа Шангу составляли среднюю часть, на которой находилось более десяти кочевий и старейшины которых Кэцзуй, Цюэцзуй и Мужун являлись крупными вождями. Земли от округа Шангу на запад до округа Дуньхуан и усуней составляли западную часть, на которой находилось более двадцати кочевий и старейшины которых Чжицзяньло, Ложилуй, Туйянь и Яньлику были крупными вождями. Все старейшины подчинялись Таньшихуаю.

При императоре Лин-ди (168—190 гг.) сяньбийцы совершали большие грабежи во всех пограничных округах, входивших в состав областей Ю и Бин, причем не было ни одного года, в который эти земли не страдали бы от них.

В 6-м году эры правления Си-пин (177 г. н. э.) Ся Юй, занимавший должность полковника, надзирающего за ухуанями, начальник охранной стражи телохранителей — победитель сяньбийцев Тянь Янь, начальник охранной стражи телохранителей, надзирающий за сюнну, Цзан Минь вместе с южным шаньюем выступили за укрепленную линию в округе Яньмынь и прошли свыше двух тысяч ли, чтобы покарать сяньбийцев. Таньшихуай, во главе своего народа, нанес контрудар, в результате которого Цзан Минь и другие, потерпев поражение, бежали, из каждого десятка воинов назад вернулся только один.

Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище. В связи с этим в дальнейшем Таньшихуай выехал осмотреть реку Ухоуцинь,

которая тянулась на несколько сот ли. Там, где вода стояла на месте и не текла, была рыба, которую не могли поймать. Услышав, что ханьцы искусны в ловле рыбы, Таньшихуай напал на восток на владение Хань, захватил более тысячи семей и переселил их на берега реки Ухоуцинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище. До сих пор на берегах реки Ухоуцинь имеется несколько сот дворов ханьцев.

В возрасте сорока пяти лет Таньшихуай умер, и вместо него к власти пришел его сын Хэлянь. В силе и способностях Хэлянь уступал отцу, отличался алчностью и беспутством, выносил несправедливые решения [по возникающим тяжбам], поэтому половина народа восстала против него. В конце правления императора Лин-ди Хэлянь несколько раз предпринимал грабительские набеги, но во время нападения на округ Бэйди один из простолюдинов в этом округе, искусный стрелок из самострела, попал в него стрелой, от которой он умер.

Сын Хэляня Цянмапъ был молод, поэтому к власти пришел Куйтоу, сын старшего брата Хэляня. Через некоторое время после прихода Куйтоу к власти Цянмапъ вырос и вступил с ним в борьбу за власть в государстве, в связи с чем народ рассеялся. После смерти Куйтоу к власти пришел его младший брат Будугэнь.

После смерти Таньшихуай звание старейшины стало передаваться по наследству из поколения в поколение» (VIII, гл. 30, л. 5а—6б).

¹⁶ В тексте пропущен иероглиф *лоу*.

¹⁷ В тексте ошибочно вместо иероглифа *вэй* — 'выразить симпатию, уважение' стоит иероглиф *вэй* — 'младший офицерский чин'.

¹⁸ В тексте ошибочно вместо двенадцатого года указан одиннадцатый.

¹⁹ Сангань — уезд, главный город которого находился к северо-востоку от современного уездного г. Юйшань в пров. Хэбэй.

²⁰ Чанпин — уезд, главный город которого находился в 60 ли к юго-востоку от современного уездного г. Чанпин в пров. Хэбэй («Чжунго димин да цыдянь» (ЧГДМДЦД), с. 414).

²¹ Гуйи-ван — букв. «ван, вернувшийся к справедливости».

²² Фуи-ван — букв. «ван, примкнувший к справедливости».

²³ Лоуфань — уезд, учрежденный при династии Хань. Главный город уезда находился к северо-востоку от современного уездного г. Госянь в пров. Шаньси (ЧГДМДЦД, с. 500).

ТАКТИКА ТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С древнейших времен в отношениях Срединного государства с его соседями использовалась политика разделения и столкновения групп внутри объединений племен или государственных образований, а также натравливания одних соседей на других. Во время правления династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) этот внешнеполитический метод получил широкое распространение и четкую формулировку: «руками варваров — подавлять варваров». Он осуществлялся с применением разнообразных тактических приемов. Здесь прежде всего необходимо упомянуть подкуп, оказание помощи наиболее сговорчивому вождю и признание его «законным» правителем, что создавало предпосылки для возникновения смуты, а также использование различных махионеток, многие из которых готовились заранее и «запасались впрок» в пограничных районах империи или даже в столице. В данной статье на конкретном примере из истории Восточнотюркского каганата сделана попытка проследить применение некоторых из этих тактических приемов.

После объединения страны под властью династии Тан стабилизировалось ее внутреннее положение, произошло значительное укрепление экономики. Все это способствовало росту военного могущества Танского государства (618—907 гг.). Почувствовав себя достаточно сильными и накопив стратегические запасы, правители Танского государства ввергли страну в пучину захватнических войн против непосредственных соседей, в первую очередь северных и северо-западных. Основная цель военных операций и дипломатических маневров на северо-западе заключалась в осуществлении новой попытки овладения Великим шелковым путем — единственной торговой артерией, связывающей страны Запада со странами Востока. В 630 г. танские войска способствовали крушению Восточнотюркского каганата, в 640 г. было уничтожено независимое государство Гаочан в Турфанской котловине, а в 657 г. подвергся разгрому Западнотюркский каганат. Таковы основные этапы агрессии Тан-

ского государства на севере и северо-западе¹. В результате этих действий танскому правительству удалось установить более или менее прочный контроль над рядом соседних территорий: районом к югу от пустыни Гоби, входившим ранее в состав Восточнотюркского каганата, территорией государства Гаочан, а также узкой полосой вдоль Великого шелкового пути в Джунгарии (северная ветвь) и Капгарии (южная ветвь). Вдоль Великого шелкового пути и кое-где в других районах были построены укрепления, в которых разместились гарнизоны танских солдат. Особенно хорошо была организована служба вдоль Великого шелкового пути, где гарнизоны располагались на сравнительно небольшом расстоянии один от другого, не превышающем дневной переход. Территории же к югу и северу от пустыни Гоби и к северу от северной ветви Великого шелкового пути, т. е. основные территории Восточнотюркского и Западнотюркского каганатов, фактически не контролировались войсками Танской империи, а следовательно, там не было и танского административного аппарата. Агрессивные действия Танской империи привели к распаду этих государств на отдельные самостоятельные владения, зависимость которых от Танского государства определялась часто только их географическим положением. Другими словами, те племена из числа ранее входивших в состав каганатов, которые кочевали на территориях, непосредственно примыкающих к танским укрепленным гарнизонам, подвергались большей опасности со стороны пришельцев. Те же племена, которые кочевали далеко от линии гарнизонов, были фактически независимы. Но фактическая независимость их не смущала танских правителей, и они провели районирование этих территорий и назначили должностных лиц, обычно ими становились вожди племен. Танское государство не было достаточно сильным да и не имело материальных возможностей для захвата и освое-

¹ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., Гл. ред. вост. лит., 1974.

ния этих территорий. Не последнее значение в формировании взглядов танских стратегов на пустынные и полупустынные пространства, населенные кочевыми племенами, имело и традиционное пренебрежение ими как совершенно непригодными для занятия земледелием. Такие взгляды сложились очень давно, еще до воцарения династии Хань, и играли определенную роль во взаимоотношениях древнего Китая с северными соседями. Этот вопрос подробно рассмотрен В. С. Таскиным в статье, посвященной отношениям Китая с северными соседями в древности². Там же приводятся рассуждения военачальника Янь Ю о трудностях борьбы с кочевниками³. Эти трудности в полной мере характерны и для времен правления династии Тан. Наряду с активным сопротивлением кочевых народов они служили серьезным препятствием в осуществлении экспансионистской политики танцев. Единственно в чем по-настоящему были заинтересованы правители Танского государства, так это в недопущении нового объединения кочевников и создания ими сильного государства. Для осуществления этой цели использовался весь арсенал внешнеполитических методов, имевшийся в распоряжении танских дипломатов и военных.

Вскоре после распада обоих каганатов в степи началась борьба между отдельными племенами за главенство и за объединение в новые сильные кочевые государства. В целом эта борьба была успешной, и Восточнотюркский каганат возродился в 681 г. под руководством Кутлуга (Ильтерिश-кагана), а Западнотюркский — в 704 г. Таким образом, период раздробленности продолжался и в Западном и в Восточном каганате около 50 лет. Это были трудные годы междоусобной борьбы, осложненной вмешательством и интригами танских правителей.

Об ожесточенности в степи междоусобной борьбы свидетельствует и бегство небольших групп семей, а иногда и крупных родо-племенных подразделений в район Великой Китайской стены. Бежали, конечно, не только к границе Танской империи, но и в другие районы. Возможно, это были остатки тех родо-племенных подразделений, которые, польстившись на посулы танских дипломатов, выступили за чужие интересы, стали проводниками сепаратистских тенденций, подверглись разгрому и вынуждены были бежать. Но не все беглецы в прошлом были слепым орудием южного соседа, часть из них откочевывала по причинам, не имевшим прямой зависимости от внешнего вмешательства. Однако их судьба после появления у Великой Китайской стены ничем не отличалась от судьбы бывших союз-

ников Танского государства.

Откочевки в район Великой Китайской стены известны с древнейших времен. Как правило, переселенцы из степи получали разрешение кочевать вдоль пограничной линии или даже на территориях внутри Великой Китайской стены. Иногда это были крупные объединения племен, например, сюнну во главе с шаньюем Хуханье в 51 г.⁴ или уйгуры во главе с каганом Уцзе⁵, бежавшие к Великой Китайской стене после разгрома Уйгурского каганата кыргызами в 840 г. Правительство Срединного государства относилось к таким явлениям дифференцированно. Оно считалось с крупными группами, старалось использовать их в своих целях или ослабить, но не предпринимало опрометчивых действий, чтобы не вызвать нападения «варваров». С мелкими группами власти империи не церемонились. Им разрешалось кочевать вдоль границы или предоставлялись другие районы для проживания только при условии изъявления полной покорности и желания служить Сыну Неба. Они должны были беспрекословно выполнять указания властей, принимать активное участие в военных действиях и карательных экспедициях, очень часто против своих же соплеменников. Например, уйгурский вождь Ормузд после перехода на службу Сыну Неба был назначен уполномоченным по умиротворению уйгуров на северо-западе и получил в подчинение отдельные тангутские племена⁶. Всякое неповиновение строго каралось. Попытки проявить самостоятельность или вновь откочевать в степь приводили к репрессиям или даже полному уничтожению такой группы семей. В «Цзю Тан шу»⁷ о судьбе племени седе сообщается следующее: «В это время племя седе и дуду племени пугу жили разбросанно вокруг крепости Шоусянчэн. Замыслили завлечь тюрк⁸ и, действуя совместно, захватить крепость и отложиться. В связи с этим Ван Цзюнь⁹ направил доклад императору с прось-

⁴ «Хань шу», гл. 94Б, с. 26—10а. (Пекин, изд. «Бона», 1958). См. перевод этой главы: Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 2, М., «Наука», 1973, с. 34—43.

⁵ Малавкин А. Г. Китай и уйгуры в 840—848 гг. — В кн.: История и культура Востока Азии, т. 3. Новосибирск, «Наука», 1975, с. 65—82.

⁶ Там же, с. 79.

⁷ «Цзю Тан шу» (ЦТШ), гл. 93, «Жизнеописание Ван Цзюня», с. 9а. (Пекин, изд. «Бона», 1958).

⁸ В статье под этнонимом «тюрк» подразумеваются только тюрки туцюз, создатели Тюркского каганата (позднее распавшегося на Западный и Восточный). Все остальные тюркские племена (в современном понимании этого термина) упоминаются под их родо-племенными названиями, т. е. так, как о них говорится в источниках.

⁹ Ван Цзюнь (?—732 г.) — танский генерал и государственный деятель, принимал активное участие в войне с Тибетом и Восточнотюркским каганатом. Занимал высокие посты в центральном правительстве империи (военный министр) и на периферии (цзедуши — генерал-губернатор воеводства Шофан).

² Таскин В. С. Отношения Китая с северными соседями в древности. — «Проблемы Дальнего Востока», М., 1975, № 3, с. 149, 150.

³ Там же, с. 153.

бой тайно казнить их. Осенью 8-го года [эры правления Кай-Юань] (13/II 720 — 31/I 721 г.) Ван Цзюнь пригласил седе и других, всего более 800 человек, в крепость Средний Шоусянчэн». В энциклопедии «Цэфу юаньгуй»¹⁰ добавлено: «устроил пир, напоил их до пьяна, выставил войска и всех перебил». В «Синь Тан шу»¹¹ имеется сообщение, касающееся уйгуров, переселенных танскими властями в долину р. Хуто. Возмущенные тем, что их хотят рассредоточить по различным губернаторствам, они восстали, и танский полководец Лю Мян выступил против них с карательной экспедицией, в результате которой 3000 чел. были казнены путем закапывания живыми. Аналогичных примеров в китайских источниках много, но и приведенных вполне достаточно для иллюстрации тяжелого положения, в котором оказывались у границ Среднего государства эти переселенцы.

Представляют определенный интерес мероприятия, осуществлявшиеся властями Среднего государства при устройстве кочевников, бежавших к Великой Китайской стене. Здесь пойдет речь не только о мелких группах, оказавшихся в полной зависимости от пограничных чиновников Танской империи, но и о более крупных племенах, с которыми власти считались, так как были заинтересованы в использовании их как ударной военной силы. На примере взаимоотношения Танского государства с тюрками Восточнотюркского каганата и кочевыми племенами, находившимися в зависимости от каганата и продолжавшими кочевать после его распада на старых территориях (это прежде всего телеские племена), мы попытаемся проследить, как танские дипломатические чиновники и военные деятели способствовали распаду каганата и как ловко использовали противоречия среди кочевых племен для достижения своих гегемонистических целей. Рассмотрим создание на территориях, входивших в состав Танского государства (Ордос и отчасти современные провинции Шэньси и Шаньси), различных административно-территориальных единиц и попытаемся показать, какую цель при этом преследовали танские правители. Покажем также преемственность целей и методов, применяемых танским правительством. В конце статьи, в качестве приложения, дадим подборку случаев употребления основного внешнеполитического метода «руками варваров — подавлять варваров». Данное исследование осуществлено нами

главным образом на основе китайских первоисточников.

Сведения, имеющиеся в китайских источниках, позволяют воссоздать картину расселения у границ Танского государства тюркских племен после крушения Восточнотюркского каганата. В ряде источников¹² сообщается, что в 4-м году эры правления Чжэнь-гуань (18/II 630 — 6/II 631 г.) на северных территориях (шофан), начиная от округа (окружного города) Линчжоу и до округа (окружного города) Ючжоу¹³, было создано четыре округа для расселения тюрков кагана Хели (Эль-каган, современное чтение пероглифов, употребленных для транскрибирования имени этого кагана, — Сели). Приведем сообщение из ЦТШ: «На северных территориях (шофан) от округа (окружного города) Ючжоу до округа (окружного города) Линчжоу учреждены четыре округа и [в каждом округе] дудуфу: Шуньчжоу, Ючжоу (это не одноименный округ, здесь другой пероглиф ю), Хуачжоу и Чанчжоу; затем разделили территорию Хели на шесть округов, слева (на западе) учреждено дудуфу Динсян, а справа (на востоке) — дудуфу Юньчжун для контроля за их народом». Численность кочевников, подлежащих расселению, равнялась 100 тыс. Почти во всех источниках говорится, что одновременно были созданы и другие административно-территориальные единицы. Так, в результате раздела территории, находившейся в ведении кагана Хели (по-видимому, имеется в виду основная его территория к югу от пустыни Гоби), было создано шесть округов. В части источников число округов не указывается, и нигде не приводятся их названия. Сообщение о создании шести округов на основной территории кагана Хели имеется, по-видимому, только в пересказе дискуссии, возникшей при дворе в связи с размещением тюрков. При этом два из пяти указанных источников (ЧГЧЯ и СТШ) вообще не сообщают о разделе территории Хели на округа. Все изложенное выше и прежде всего отсутствие названий и дальнейшей информации об этих округах дает основание предполагать, что дальнейшие разговоры при дворе дело не пошло и шесть округов не были созданы. Последующие

¹² У. Цзин. Чжэнь-гуань чжэньяо (ЧГЧЯ), гл. 9; Ду Ю. Тун дянъ (ТД), гл. 197; ЦТШ, гл. 194А; Лэ Ши. Тай-пин хуанью цзи (ТПХЮЦ), гл. 195; СШТ, гл. 215А, ЧГЧЯ, ТД и ТПХЮЦ цит. по текстам, опубликованным в работе: Чэнь Чжун-мянь. Туцзю цзи ши. (Свод источников по истории тюрков). Пекин, 1958. Во всех этих сочинениях приводится один и тот же текст, различия незначительны. Рассказ о событиях, связанных с созданием четырех округов, приводится на основании этих источников, и ниже в каждом отдельном случае мы не ссылаемся на них.

¹³ Округ Ючжоу — район современного Пекина. Таким образом, район где были созданы четыре округа, охватывал (по современному административному делению) Ордос, северные территории провинций Шэньси и Шаньси.

¹⁰ «Цэфу юаньгуй» (ЦФЮГ), гл. 336, с. 166. (Пекин, изд. «Чжунхуа шуцзюй», 1960).

¹¹ «Синь Тан шу» (СТШ), гл. 217Б, с. 3а. (Пекин, изд. «Бо-на», 1958). Полный перевод этого текста см.: Малавкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, «Наука», 1974, с. 31.

события, связанные с попыткой выкрасть законного наследника, заставили изменить решения, принятые во время этой дискуссии. Для контроля за «варварами» были учреждены два дудуфу — Динсян и Юньчжун¹⁴.

Создание четырех округов (Шуньчжоу, Ючжоу, Хуачжоу и Чанчжоу) и их судьба имеют определенное значение в плане раскрытия политики Срединного государства по отношению к «варварам», а также для уточнения ситуации в степных районах к югу от Гоби. Наша попытка более точно локализовать эти округа не увенчалась успехом. Найдено лишь краткое сообщение о их создании.

Остановимся на результатах исследований Чэнь Чжун-мяня¹⁵, занимавшегося этим вопросом и пришедшего к следующим выводам. Округа Хуачжоу и Чанчжоу были учреждены путем выделения из состава округа Сячжоу территорий двух уездов — Дэцзин и Чанцзэ. Упразднены в 639 г., подведомственные территории возвращены в состав округа Сячжоу. Имеются сообщения об учреждении округа Ючжоу в 630 г. для расселения цянских племен в районе северной части современной пров. Сычуань, недалеко от Ганьсу и Цинхая. В СТШ (гл. 43Б) упоминается среди дансянских округов. Сведений о существовании другого округа Ючжоу, созданного для расселения тюрков туцзюэ, нет. В источниках имеются сведения о существовании при династии Тан двух округов Шаньчжоу — в провинциях Хэ-

бэй и Хэдун. Оба учреждены в 632 г. и упразднены в 638 г. Для тюрков был создан округ в пров. Хэдун (район современной пров. Шаньси).

Таким образом, в источниках подтверждается кратковременное существование только трех округов. Никаких дополнительных подробностей, уточняющих или просто подтверждающих факт расселения именно здесь тюрков кагана Хели, у нас нет. Можно добавить, что эти округа не упоминаются и в справочной литературе¹⁶, что также можно рассматривать как косвенное доказательство кратковременного существования их.

Здесь следует коротко коснуться положения, сложившегося в этом районе к 630 г. Междоусобица в Срединном государстве, вызванная распадом Суйского государства и становлением новой империи Тан, дала возможность Восточнотюркскому каганату оправиться от последствий междоусобной борьбы с Западнотюркским каганатом и неудач, постигших его в борьбе с государством Суй. Восстановив свои силы, вожди Восточнотюркского каганата провели ряд успешных военных операций против своего южного соседа. Активность правителей не ограничивалась только боевыми операциями, каганат вмешивался и во внутренние дела Срединного государства. Вмешательство выразилось в поддержке суйского правящего дома, представители которого были объявлены законными претендентами на престол в империи, сторонникам династии Суй предоставили убежище на территории каганата. Одновременно восточные тюрки активно поддерживали различных сепаратистов, выступавших против объединения страны под властью династии Тан.

События внутри Восточнотюркского каганата и за его пределами в дальнейшем развивались для тюрков неблагоприятно. Особенно угрожающим было положение внутри страны. Длительные войны легли тяжким бременем на население и в первую очередь на зависимые от тюрков племена теле (сеяньто, уйгуры, бае-гу и др.), кочевавшие к северу от пустыни Гоби. Эти племена подвергались жестокой эксплуатации со стороны тюрков и все активнее выступали против своих поработителей. В 628 г. разрозненные выступления переросли в общее вооруженное восстание, главной ударной силой которого были сеяньто и присоединившиеся к ним уйгуры. Восстание завершилось успешно, и зависимость от тюрков была ликвидирована. Уже в следующем году каган сеяньто Илдо Инань прислал послов ко двору с «данью»¹⁷. Это событие произошло в вось-

¹⁴ Дудуфу Динсян и Юньчжун относятся к числу так называемых «бамофу» — дудуфу подавления, которые создавались на территориях, населенных «варварами», оказавшимися под контролем Срединного государства. Дудуфу Динсян находилось в средней части Ордоса. По современному административно-территориальному делению эта территория входит в состав автономного района Внутренней Монголии. Дудуфу Юньчжун находилось в северной части современной пров. Шаньси, и его власть распространялась также на соседние территории этого же района. На протяжении почти ста лет в процессе административно-территориального районирования неоднократно появлялись «шесть округов». Кроме уже упомянутых безымянных, нам известны еще 5 случаев. В 670—674 гг. сдавшиеся тюрки были расселены в шести округах, расположенных вдоль Великой Китайской стены: Фэнчжоу, Шэнчжоу, Линчжоу, Сячжоу, Шочжоу и Дайчжоу (ЦТШ, гл. 194А, с. 11а; СТШ, гл. 215А, с. 116). В 679 г. на территории округа Линчжоу создано шесть округов (лю ху чжоу): Лучжоу, Личжоу, Ханьчжоу, Сайчжоу, Ичжоу и Цичжоу (Ли Цзи-пу. Юань-хэ цзюнь сянь чжи. (ЮХЦСЧ), гл. 4). По общему мнению, это согдийские округа. Упразднены в 713 г. В 707 г. создано дудуфу Ланьчи и разделено на шесть округов (ЮХЦСЧ, гл. 4). В 713 г. на месте упраздненных шести округов в округе Линчжоу (Лучжоу, Личжоу и др.) созданы новые шесть округов: Восточный Гаолань (Дунгаолань), Яньжань, Яньшань, Цэитянь, Цзилу и Чжунлун (СТШ, гл. 38, с. 186). Эти новые округа были населены представителями телеских племен. В 720 г. после восстания Кан Дай-биня согдийцы были выселены в Хэнань и междуречье Хуанхэ и Янцзы, где расселены в шести округах. Приверженность танских администраторов к цифре «шесть» мы пока объяснить не можем.

¹⁵ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., т. 1, с. 198.

¹⁶ См., например: Лю Цзюнь-чжэнь. Большой китайский географический словарь. Пекин, 1936; Морохаси Т. Большой китайско-японский словарь, т. I—XIII. Токио, 1966—1968.

¹⁷ ЦФЮГ, гл. 964, с. 16.

мом месяце 3-го года эры правления Чжэнь-гуань (24/VIII — 21/IX 629 г.). Примерно одновременно ко двору танского императора прибыли послы и от уйгуров¹⁸. Таким образом, в это очень трудное для Восточнотюркского каганата время сеяньто, уйгуры и другие тюркские племена поддерживали контакты с Танским государством. И, видимо, не случайно произошло почти одновременное выступление против Восточнотюркского каганата сеяньто-уйгурской коалиции на севере и танских войск на юге. Тюрки, зажатые с двух сторон на сравнительно узкой полосе степей к югу от пустыни Гоби, не смогли оказать серьезного сопротивления, и каганат развалился.

Для уточнения обстоятельств гибели Восточнотюркского каганата необходимо выяснить роль войск Танской империи в этой катастрофе. В начале 628 г. все наличные силы танских военачальников были сосредоточены на ликвидации группировки Лян Ши-ду — одного из последних претендентов на престол в Поднебесной¹⁹. Тюрки пытались оказать Лян Ши-ду помощь, но были отбиты. Его соратники сочли за лучшее убить своего вождя и с его головой явиться с повинной. Таким образом, в 628 г. была ликвидирована крупнейшая сепаратистская группировка. Завершение объединения страны дало возможность Ли Ши-мину (император Тай-цзун) сосредоточить все усилия для проведения решительных действий с целью окончательной ликвидации угрозы со стороны каганата. В одиннадцатом месяце 3-го года эры правления Чжэнь-гуань (21/XI 628 — 19/XII 629 г.) было создано шесть армейских групп, которые по шести различным направлениям должны были выступить против Восточнотюркского каганата²⁰. До создания ше-

сти войсковых групп уже происходили столкновения танских войск с тюрками, вторгавшимися в пределы Танского государства, предпринимались походы и на территорию каганата. Однако большинство таких столкновений носило характер вторжений кочевников и ответных действий войск империи, и только мобилизация шести армий показала, что танское правительство настроено решительно. В китайских источниках имеется не так уж много сообщений о перипетиях этой войны, но уже из них видно, что широких и длительных военных операций этому воинству предпринимать не пришлось. Приведем основные свидетельства, относящиеся ко времени после создания шести армейских групп. В одиннадцатом месяце 3-го года эры правления Чжэнь-гуань (21/XI — 19/XII 629 г.) тюрки потерпели поражение около Линчжоу, было захвачено в плен несколько сот мужчин и женщин и более десяти тысяч голов скота²¹. В следующем месяце (20/XII 629 — 18/I 630 г.) полководец Ли Цзи²² сражался с Хели у Байдао (в горах Иньшань). Хели потерпел поражение и ушел к пустыне Гоби²³. В первом месяце 4-го года эры правления Чжэнь-гуань (18/II — 19/III 630 г.) командующий динсянской группой войск Ли Цзин нанес сильное поражение туцзюэ и захватил ряд членов суйского императорского дома. Во втором месяце (20/III — 17/IV 630 г.) Ли Цзин вновь нанес поражение туцзюэ в горах Иньшань (горы, простирающиеся с запада на восток к северу от большой излучины р. Хуанхэ)²⁴.

Это последнее сообщение о крупных военных операциях против кагана Хели, далее следуют сообщения о пленении кагана и о капитуляции остатков его народа. Таким образом, на ликвидацию Восточнотюркского каганата потребовалось всего 4 месяца. Действуя само-

¹⁸ ЦТШ, гл. 195, с. 16; СТШ, гл. 217А, с. 16. В СТШ о посольстве уйгуров говорится следующее: «В 3-м году эры правления Чжэнь-гуань (30/I 629 — 17/II 630 г.) впервые прибыли ко двору». В ЦТШ сообщение об уйгурском посольстве точно не датировано, как и в ТД (гл. 200, с. 16). Оба эти сообщения позволяют предполагать, что первое посольство от уйгуров могло быть отправлено в первой половине 628 г. В СТШ и ТД говорится, что восставшие сеяньто и уйгуры нанесли поражение войскам кагана Хели и затем уйгуры отправили послов с «данью» ко двору. Известно, что выступление сеяньто и уйгуров произошло в двенадцатом месяце 1-го года эры правления Чжэнь-гуань (12/I — 10/II 628 г., см. СТШ, гл. 110, с. 2а), следовательно, вскоре после этого уйгуры могли отправить посольство. В ЦФЮГ (гл. 970, с. 6а) сообщается, что в 628 г. ко двору прибыло посольство от теле (без указания племени), а во втором месяце следующего года (1 — 29/III 629 г.) ко двору прибыло посольство от баегу, нугу и тунло (ЦФЮГ, гл. 970, с. 6б).

¹⁹ Лян Ши-ду — выходец из богатой семьи в округе Сячжоу, служил при династии Суй в Ордосе и занимал высокие посты. Перед падением династии Суй бросил службу и включился в борьбу за престол в Поднебесной, объявив о создании государства Лян. Находился в зависимости от Восточнотюркского каганата и пользовался его поддержкой.

²⁰ ЦФЮГ, гл. 985, с. 3а; СТШ, гл. 2, с. 5а.

²¹ ЦФЮГ, гл. 985, с. 3а.

²² Ли Цзи (? — 669 г.). В более ранних текстах имеется Ли Ши-цзи, позже из его имени был выброшен иероглиф *ши*, совпадавший с именем Ли Ши-мина — императора Тай-цзуна. Крупный военачальник начального периода правления династии Тан. Успешно ликвидировал ряд сепаратистских группировок, принимал участие в борьбе с Восточнотюркским каганатом, потом с сеяньто. С 645 г. активно участвовал в войне Танской империи против корейских государств. В 668 г. танские войска под командованием Ли Цзи подошли к столице Когурё г. Пхеньяну и начали его осаду. Правящая верхушка сочла дальнейшее сопротивление бессмысленным и капитулировала.

²³ ЦТШ, гл. 67, с. 76.

²⁴ ЦТШ, гл. 67, «Жизнеописание Ли Цзина». Ли Цзин (571 — 649 гг.) — крупный военачальник и политический деятель. Первоначально служил при династии Суй, в смутное время перешел на сторону Ли Юаня. С 620 г. служил под начальством Ли Ши-мина, принимал активное участие в ликвидации очагов сопротивления новой династии. В 629 г. назначен главой министерства вооружений и в этом же году командующим одной из армий, сформированной для борьбы с тюрками. В 635 г. воевал против гугухуней. ЦТШ, гл. 3, с. 1а.

стоятельно, без помощи уйгуров и сеяньто, танские полководцы не уложились бы в такой короткий срок. Им пришлось бы очень долго гоняться по бескрайним степным и пустынным районам за неуловимыми тюрками, и вернулись бы они ни с чем, растеряв по пути и солдат и славу. Тюрки, зажатые с двух сторон — танскими войсками с юга и уйгуро-сеяньтоской коалицией с севера, оказались в безвыходном положении и сочли за лучшее капитулировать. Бегство на юг и массовая капитуляция перед танскими властями начались сразу же после создания шести крупных армейских группировок, нацеленных на тюрков. Вот некоторые сведения, почерпнутые из китайских источников, о капитуляции отдельных крупных родо-племенных подразделений, входивших в состав каганата. В конце 3-го года эры правления Чжэнь-гуань (30/I 629 — 17/II 630 г.) капитулировал Кан Суми²⁵. В двенадцатом месяце 3-го года эры правления Чжэнь-гуань (20/XII 629—18/I 630 г.) капитулировали высокопоставленные представители тюрков со своими племенами — тули, юйшэ и иньнай²⁶. В первом месяце 4-го года эры правления Чжэнь-гуань (18/II — 19/III 630 г.) командующий армией Ли Цзи принял капитуляцию нескольких вождей с 50 000 народа²⁷. Во втором месяце 4-го года эры правления Чжэнь-гуань (20/III — 17/IV 630 г.) «капитулировал Ашина Суниши со своим народом, и вслед за этим земли к югу от пустыни опустели»²⁸. Имеется недатированное сообщение о том, что довольно большая группа тюрков отошла к Иу (современный г. Хами в Восточном Туркестане), где они были захвачены танскими войсками. Судя по тексту источника это произошло до 634 г.²⁹

При знакомстве с сообщениями источников, приведенными выше, может создаться впечатление, что все тюрки капитулировали перед танскими войсками. Это не так. В ряде источников имеются сообщения, которые дают возможность составить объективное представ-

ление о их судьбе. Так, в ЦТШ говорится следующее: «[Государство] Сели погибло, его подданные или ушли к сеяньто, или переселились в Западный край (Сикю), и капитулировавших все еще было более 100 000 человек»³⁰.

Резюмируя изложенное выше, можно сделать следующие основные выводы.

1. Танское правительство предприняло значительные усилия по дипломатическим каналам для организации коалиции против тюрков. В источниках нет прямых указаний на подстрекательство сеяньто, уйгуров и других телеских племен к выступлению против тюрков, но такой вывод следует из факта появления при танском императорском дворе послов от этих племен. Этому благоприятствовала политическая обстановка внутри Восточнотюркского каганата. Старый испытанный внешнеполитический метод — «руками варваров» — подавлять варваров», примененный в борьбе с тюрками, вновь сработал с должным эффектом.

2. Широкие военные действия были начаты сеяньто и уйгурами, которые совместно с другими телескими племенами нанесли тюркам ряд серьезных поражений и фактически ликвидировали их господство к северу от пустыни Гоби.

3. Зжатые на сравнительно узкой полосе степей, вытянувшейся к югу от пустыни Гоби вдоль границ Танского государства, тюрки уже не могли рассчитывать на организацию успешного сопротивления еще и танским войскам, т. е. им предстояло вести борьбу на два фронта. Эти степи, расположенные сравнительно недалеко от баз снабжения танских войск, были легко доступны. При организации военных экспедиций требовалось значительно меньше вспомогательного персонала, не нужны были опорные крепости с большими гарнизонами.

4. Широкое выступление крупных воинских соединений Танского государства произошло сразу после серьезных поражений, нанесенных тюркам их соседями на севере, и сам факт выступления танских войск должен был внести разложение и деморализовать страну. Танским полководцам не потребовалось осуществлять длительных военных экспедиций и нести большие потери.

5. Одной из основных целей похода танских войск против тюрков был, по-видимому, захват возможно большего числа пленных. Это дик-

²⁵ ЦТШ, гл. 67, «Жизнеописание Ли Цзина», с. 36. См. подборку материалов о Кан Суми и согдийцах: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., «Наука», 1964, с. 119. С. Г. Кляшторный приводит китайскую версию об «изменчивости и ненадежности» согдийцев, бросивших в трудную минуту кагана Хелли. Но дело не только и не столько в их ненадежности, ведь одновременно с согдийцами стали массами сдаваться и тюрки во главе со своими вождями. Кляшторный согласен с В. Хеннингом в том, что имя этого согдийского вождя восстанавливается как Sumit — «великий вождь» (Указ. соч., с. 119, прим. 196), но тогда его следует писать слитно — Кан Суми, как это делает Л. Н. Гумилев. См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., «Наука», 1967, с. 205.

²⁶ ЦФЮГ, гл. 985, с. 3а—3б.

²⁷ ЦТШ, гл. 67, «Жизнеописание Ли Цзи», с. 76.

²⁸ Тан хуэйяо (ТХЯ), гл. 94 (по тексту, опубликованному Чэнь Чжун-мянем, с. 195); ЦТШ, гл. 109, «Жизнеописание Ашина Суниши», с. 26—3а.

²⁹ ЦТШ, гл. 62, «Жизнеописание Ли Да-ляна», с. 96.

³⁰ СТШ, гл. 215А, с. 76. В энциклопедии ТПХЮЦ (гл. 195) по тексту, опубликованному Чэнь Чжун-мянем (Указ. соч., с. 588), это сообщение изложено по-другому. Энциклопедия ТПХЮЦ была составлена в 876—983 гг., т. е. почти на два столетия раньше СТШ, поэтому сведения, приведенные в ней, имеют особую ценность, и мы приводим интересующее нас сообщение полностью. «Сели потерпел поражение, его племена или ушли к сеяньто, или ушли в западный край, но и капитулировавших было множество».

товалось нежеланием усиления сеяньто-уйгурской коалиции за счет тюрков и потребностями империи в боеспособной коннице, которую можно было получить только у кочевников.

Остается рассмотреть еще один вопрос, связанный с мероприятиями танских властей после капитуляции каганата и перехода значительной части его населения (тюрков туцзюэ) к границам Танского государства. Принимая капитулирующих тюрков или захватывая их после сражения, танские военачальники не осуществляли широких репрессивных мер. Более того, почти все вожди были обласканы, получили награды, многие из них «удостоились чести» жить в столице. Власти поселили в Чанъане несколько тысяч семей. Родо-племенная организация сдавшихся не нарушалась, не смещались и вожди, их право управлять своими людьми подтверждалось соответствующими актами танских властей. Несомненно, среди высших сановников при дворе высказывались пожелания уничтожить тюрков, «заслуживших ненависть населения за их постоянные вторжения на территорию Среднего государства». Существование таких настроений косвенно подтверждается словами директора императорской библиотеки Вэй Чжэна: «Если вследствие того, что они покорились, ваше высочество не может их истребить, то их следует отправить на север от р. Хуанхэ для проживания на прежних местах»³¹. Возникает вопрос, почему Ли Ши-мин не пошел по обычному пути и не уничтожил «тюркскую опасность» полностью. Основатель династии Тан Ли Юань (Гао-Цзу) и его сын Ли Ши-мин (Тай-цзун) проводили гибкую и осторожную политику, прежде всего по отношению к своим противникам. Представителей феодалов, выступавших против новой династии с оружием в руках, в том случае, если они прекращали борьбу, изъявляли покорность и желание служить новому императору, не подвергали репрессиям, не лишали имущества, а оставляли на своих местах. С точки зрения укрепления могущества новой династии эта политика была разумной, широко пропагандировалась и, конечно, стала известна тюркам. Кроме того, Ли Ши-мин нуждался в тюрках как в союзниках. Вот почему не были проведены репрессии и тюркский народ сохранил свое существование. Что касается тюрков, то, зная о политике императоров династии Тан, они предпочли капитулировать перед ними, а не перед сеяньто-уйгурской коалицией. Последующие события показали, что, выбрав из двух зол меньшее, правящая верхушка тюрков с позиции соблюдения своих интересов поступила разумно.

³¹ ЦТШ, гл. 194А, с. 7а. См. также литературу, перечисленную выше в прим. 12. Некоторые факты, изложенные здесь, почерпнуты из указанных там источников.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что «скорая и решительная победа» танских войск явилась триумфом испытанной политики «руками варваров — подавлять варваров», а не следствием полководческого искусства генералов. Многочисленное танское войнство, явившееся на арену в момент распада Тюркского каганата, только завершило его гибель и приняло разрозненные группы сдавшихся тюрков. К сожалению, в отечественной литературе, в работах, изданных сравнительно недавно, об этих событиях говорится так, что создается впечатление о разгроме каганата силами исключительно Танского государства. С. Г. Кляшторный пишет: «Однако уже в 630 г. император Тайцзун (626—649) разгромил в нескольких сражениях тюркские войска и взял в плен Хели-кагана»³². Если С. Г. Кляшторный кое-где и говорит о «восстании и переходе на сторону империи подчиненных кагану племен»³³, то это делается вскользь, восстания племен упоминаются в ряду других многочисленных причин, ослаблявших каганат, тогда как эти восстания имели решающее значение. Нам также представляется неправомерным употребление выражения «переход на сторону империи». Не было «перехода», а был союз суверенных сил — Танского государства и сеяньто-уйгурской коалиции, направленный против тюрков. Не имеет значения, что в этом союзе с одной стороны выступало древнейшее государство Восточной Азии, а с другой — непрочная коалиция кочевых племен, на данном этапе они выступали как равноправные партнеры. А. А. Бокщанин³⁴ правильно отмечает большое значение дипломатических приемов в достижении внешнеполитических целей, в том числе натравливания одних племен на другие. Он пишет, что в борьбе с тюрками также использовались эти приемы, и заключает: «А в 629—630 гг. был осуществлен грандиозный поход против тюрков, закончившийся полным разгромом Восточного каганата. Султан Селим³⁵ попал в плен, часть турок откочевала на другие места, а значительная часть их прежней территории (к югу от пустыни Гоби) была

³² Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 22.

³³ Там же, с. 116.

³⁴ История Китая с древнейших времен до наших дней, с. 76.

³⁵ Вызывает удивление появление здесь «султана Селима». Восточнотюркский каган Хели (Сели) впервые был именован Селимом в русском переводе труда китайских историков «Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» (под ред. Шан Юэ. Пер. с китайского под ред. Л. И. Думана и А. М. Филиппова. М., Изд. Вост. лит., 1959, с. 210). При этом в переводе он все же каган, но посящий арабское имя. Если этимологизация Сели (Хели) как Селим может рассматриваться как «народная этимологизация», то появление «султана Селима» ничем не оправдано. Известно, что арабское слово «султан» как титул мусульманского светского правителя появилось на западе, в страхах, находившихся под сильным арабским влиянием, только в VIII в.

включена в состав Танской империи». Но тут А. А. Бокщанин не прав: не было грандиозного похода в 629—630 гг., была грандиозная подготовка, а проведенные походы не соответствовали масштабам этой подготовки. Другими словами, эту подготовку можно рассматривать как демонстрацию силы. При изложении истории борьбы Танского государства с Восточнотюркским каганатом важно помнить, что эта борьба проходила в союзе с сеяньто-уйгурской коалицией. Вызывает сомнение и требует дальнейшего уточнения вопрос о включении в состав Танского государства территории к югу от пустыни Гоби. Отдельные отряды танских войск, проникшие на эту территорию, там не остались. Они вернулись на юг к своим базам вместе с захваченными тюркскими племенами. Включение в состав империи требует создания административного аппарата, проведения районирования и организации гарнизонов для защиты захваченной территории. На первоначальном этапе ничего этого не было сделано, более того, после ухода тюрков территория осталась какое-то время совершенно не заселенной. Приведем еще одно сообщение китайских источников, подтверждающих это. «Хели потерпел поражение, затем со всем народом пришел [и подчинился], а территория к югу от пустыни опустела»³⁶. Кроме того, в китайских источниках опубликован документ, в котором говорится, что Танская империя не претендовала на территорию Восточнотюркского каганата. Возвращение тюрков в родные степи вызвало резко отрицательную реакцию со стороны сеяньто. В связи с этим император Тай-цзун направил кагану сеяньто послание, в котором говорилось, что захват Хели был предпринят, чтобы избавить народ от бед, а «совсем не ради захвата его земель и обогащения за счет его людей и лошадей»³⁷.

Л. Н. Гумилев подробно пишет о восстании сеяньто, уйгуров и других племен, кочевавших к северу от пустыни Гоби и находившихся в зависимости от тюрков³⁸. Отмечая громадное значение этого факта в гибели каганата, он высказывает предположение, что здесь не обошлось без вмешательства танских дипломатов. После этих правильных утверждений он вдруг делает заключение, совершенно не вытекающее из его собственных рассуждений

и данных китайских источников, использованных им. Л. Н. Гумилев пишет: «Власть Тай-цзуна распространилась до оазиса Хами на западе и до границ сибирской тайги на севере, но нельзя не заметить, что решающим моментом победы была не сила оружия, а добровольное признание кочевниками своим ханом императора». Совершенно непонятно, на каком основании Л. Н. Гумилев пришел к такому странному выводу. Возможно, он принял на веру сообщения китайских источников о том, что представители сеяньто ежегодно прибывали ко двору с «данью». Но обилие таких сообщений уже давно никого не удивляет. Для установления факта зависимости требуются более веские доказательства, а их нет. В китайских источниках вообще нет сведений о столкновениях сеяньто, уйгуров или других племен, кочевавших к северу от Гоби, с танскими войсками за период с 630 по 640 г. Не поддерживает критики и тезис Л. Н. Гумилева о добровольном признании кочевниками своим ханом танского императора. Какое же это добровольное признание, если для достижения его потребовалось создать союз Танского государства и сеяньто-уйгурской коалиции, мобилизовать шесть армий и совершить несколько походов в степь? Факты, приводимые самим Л. Н. Гумилевым, свидетельствуют о безвыходности создавшегося положения и о вынужденности капитуляции. Продолжение сопротивления грозило полным уничтожением народа. Существенные противоречия можно отметить и в выводах Л. Н. Гумилева. Он пишет: «Снова границей Империи стала пустыня Гоби, а земли к северу от нее, от хребта Алтаин-пуру до Байкала и Большого Хингана, захватил без сопротивления сеяньтоский князь Инань»³⁹. Это высказывание исключает возможность распространения власти Тай-цзуна «до границ сибирской тайги на севере» и соответствует выводам некоторых китайских историков, которые писали: «Восточный каганат прекратил свое существование. Территория к югу от Гоби полностью перешла во владение империи Тан»⁴⁰.

После распада Восточнотюркского каганата, капитуляции значительной части его населения перед танскими войсками и пленения его кагана Хели высшие чины империи стали думать, как поступить со сдавшимися тюрками. Обсуждение этого вопроса при дворе вызвало острые разногласия, выявились три точки зрения. Прежде всего было предложено расселить тюрков на свободных землях (территории современных провинций Шаньдун и Хэнань) и научить их земледелию и ткачеству. Такое предложение высказывалось не случайно. Агрессивные войны и внутренняя разруха как

³⁶ СТП, гл. 215А, с. 76. Аналогичное сообщение, имеющееся в ТХЯ, мы уже приводили выше.

³⁷ ТД, гл. 197. (Цит. по тексту: *Чэнь Чжун-мянь*. Указ. соч., с. 541). Это сообщение без изменений перенесено в ТПХЮЦ, гл. 195 (*Чэнь Чжун-мянь*. Указ. соч., с. 591) и ЦТШ, гл. 215А, с. 8а. В СТП (гл. 215А, с. 86) текст немного отредактирован, но смысл остался без изменения. Н. Я. Вичурин (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М., 1950, с. 261) перевел послание Тай-цзуна по тексту СТП. У нас создается впечатление, что в отечественной литературе это послание осталось без внимания.

³⁸ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 186—188, 204—206.

³⁹ Там же, с. 209.

⁴⁰ *Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн»*, с. 210.

следствие их во время правления династии Суй, междоусобица, сопровождавшая гибель династии Суй и воцарение новой династии Тан, дорого обошлись стране. Особенно сильно пострадал Северный Китай, в том числе пров. Шаньдун. По некоторым подсчетам, от 8900 тыс. семей, насчитывавшихся в стране в 606 г., к началу правления династии Тан осталось менее 3 млн. (подсчеты 627 г.)⁴¹ Начальник императорской канцелярии Вэнь Янь-бо не соглашался с этим планом и предлагал воспользоваться опытом династии Хань и разместить тюрков вдоль укрепленной линии, мотивируя это тем, что будут заселены пустующие земли и появится возможность использовать их для обороны границ.⁴² Директор императорской библиотеки Вэй Чжэн и другие сановники отвергали и это предложение. Против расселения «варваров» недалеко от жизненных центров империи очень резко высказывался Вэй Чжэн, считая, что расселение их к югу от р. Хуанхэ (здесь говорится только об участке реки, ограничивающем Ордос с севера) равносильно выращиванию диких зверей (по некоторым текстам — тигров) для собственной гибели. По мнению Вэй Чжэна, Янь Шигу и других сановников, тюрков следовало расселить к северу от Хуанхэ (к северу от Ордоса), разделить на отдельные административно-территориальные единицы по родо-племенному признаку, назначить старшин и сделать независимыми друг от друга, тогда они никогда не смогли бы противостоять Среднему государству. Император согласился с мнением Вэнь Янь-бо, и было создано 4 округа — Шуньчжоу, Ючжоу, Хуачжоу и Чанчжоу. Кроме того, несколько тысяч семей поселили в Чанъане.⁴³

Очень скоро выяснилось, что было принято не наилучшее решение. Среди тюрков накапливалось недовольство, которое вылилось в организацию заговора младшим братом кагана Тули Ашиной Цзешэшуаем. После смерти кагана Тули его сын Хэлоху стал наследником и основным претендентом на престол в каганате. Он находился при дворе Танского императора и, когда император совершал поездку во дворец Цзючэнгуи, было решено его выкрасть и откочевать на север. 20 мая 639 г. Ашина Цзешэшуай напал на императорский лагерь. Попытка окончилась неудачей, часть заговорщиков погибла, был обезглавлен и Хэлоху, бежавший из лагеря, но пойманный императорской охраной.⁴⁴ Оправдались наихуд-

шие прогнозы Вэй Чжэна, и теперь уже никто не возражал против необходимости переселения тюрков на север за р. Хуанхэ (в район Ордоса). В этом же году были ликвидированы два округа — Хуачжоу и Чанчжоу. Надо сказать, что один из четырех округов, а именно округ Шуньчжоу, был ликвидирован на год раньше — в 638 г.⁴⁵ Этот факт позволяет высказать предположение, что уход тюрков на север начался задолго до организации этого заговора, а сам заговор был приурочен ко времени, когда этот переход в основном был завершен и уже требовался законный претендент на трон кагана. Решение, принятое при дворе о переселении за р. Хуанхэ, было простой констатацией уже совершившегося. На север переселились не все тюрки, но значительная их часть. Есть сведения, подтверждающие, что в Ордосе да и в северной части пров. Шаньси тюрки продолжали жить еще очень долго. Часть из них откочевала на север только в 679 г., после начала широкой освободительной борьбы тюркского народа. Так, «несколько сот разоренных юрт», о которых более подробно будет сказано ниже, кочевали в северной части современной пров. Шаньси. Ашина Фунянь, привлеченный к восстанию несколько позже и возглавивший его, жил со своим родом в округе Сячжоу (современный Ордос).⁴⁶ Возможно, на территории Танского государства в 639 г. остались те вожди, которые не желали порывать со своим сюзереном — императором Тай-цзуном. Для того чтобы сохранить контроль над тюрками, откочевавшими в степь, император отправил туда своего верного слугу Ашина Сымо. Все это было оформлено как великое благодеяние.

Анализ приведенного материала приводит к выводу, что ни о каком планомерном расселении тюрков в указанных четырех округах не может быть и речи. Было стихийное движение кочевых племен после разгрома Восточнотюркского каганата, кое-как оформленное при дворе с тем, чтобы придать ему планомерность и показать организующую роль династии. Стихийно эти племена откочевали и в степи. Рассуждения при дворе носили отвлеченный характер, не отражали истинного положения на местах, соблюдался ритуал, вносились нужные записи в анналы.

В работе С. Г. Кляшторного положение в этом районе описывается так: «После разгрома восточнотюркские племена были расселены на севере Ордоса и Шаньси. Следуя проекту, предложенному начальником главной дворцовой канцелярии Вэнь Янь-бо, Тай-цзун пре-

⁴¹ *Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн»*, с. 205.

⁴² Глава из СТШ, в которой повествуется о событиях, изложенных здесь, была переведена Н. Я. Бичуриным с рядом незначительных пропусков. См.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...*, т. I, с. 247—260.

⁴³ ЦТШ, гл. 3, с. 6а. В этой главе имя организатора заговора указано неправильно — Цзешэр. Во всех других известных нам текстах, описывающих это событие (всего шесть), в том числе, и в другом месте ЦТШ (гл. 194А, с. 76) пишется Цзешэшуай, у Н. Я. Бичури-

на (*Собрание сведений...*, т. I, с. 260) — Гэшешуай. Отметим, что Цзешэшуай капитулировал раньше других вождей, в самом начале эры правления Чжэнь-гуань, возможно, в 627 или 628 г.

⁴⁴ ЦТШ, гл. 39, с. 76.

⁴⁵ ЦТШ, гл. 194А, с. 96; СТШ, гл. 215А, с. 106.

вратил своих новых подданных в федератов империи»⁴⁶. Здесь вопрос излагается в соответствии с китайскими источниками, повествующими о предложении Вэнь Янь-бо и о расселении тюрок в четырех округах. С. Г. Кляшторный ничего не говорит о возвращении тюрок в родные кочевья. Вернувшись в степи к югу от пустыни Гоби, тюрки не обрели полной самостоятельности, они продолжали находиться в зависимости от Танского государства, но эту зависимость скорее надо рассматривать как вассальную. Федератами основная масса тюрок была в течение 6—7 лет на территории Ордоса, где их положение действительно напоминало этот институт Римской империи.

Относительная стабилизация, установившаяся на границах Танской империи после перехода тюрок в Ордос, нарушилась, когда они вновь откочевали в степи к югу от пустыни Гоби. В это время к северу от Гоби продолжала существовать довольно прочная сеяньто-уйгурская коалиция, в которой, как известно, главенствующую роль играли сеяньто. Это было прочное государственное образование на обширной территории от Алтая на западе до Хингана на востоке. Со времени совместной борьбы против Восточнотюркского каганата сеяньто поддерживали дружественные отношения с Танским государством, постоянно присылали послов ко двору. В 13-м году эры правления Чжэнь-гуань (9/II 639—28/I 640 г.) они предлагали свои услуги в походе на государство Гаочан⁴⁷. В шестом месяце в день цзи-чоу следующего года (18 июля 640 г.) прислали посла с просьбой заключить брачный союз кагана сеяньто с принцессой из дома Тан⁴⁸. В течение 630—640 гг., по имеющимся у нас сведениям, посольств от уйгуров к императорскому танскому двору не было, в источниках также нет сообщений о столкновениях уйгуров с сеяньто. Это может свидетельствовать о том, что союз с сеяньто был прочным и в нем продолжали главенствовать сеяньто. Вызывает недоумение высказывание Л. Н. Гумилева о столкновении уйгуров с сеяньто в 631 г. Он пишет: «Тайцзун... оттянул свои войска на южную сторону пустыни Гоби, предоставив кочевникам самим решать свою судьбу. И они немедленно схватились между собой. Уйгурский вождь Тумиду, наследник Пусы, разбил сеяньтосцев и овладел их кочевьями. Сеяньтосские „старейшины от страха рассеялись подобно птицам — неизвестно куда“»⁴⁹. Указанные здесь сведения взяты из

СТШ и изложены Л. Н. Гумилевым по переводу Н. Я. Бичурина⁵⁰. Но как в СТШ, так и в других династических хрониках, в биографиях выдающихся деятелей и в описании иностранных государств и народов, события часто плохо датированы. В данном тексте сообщение о том, что сеяньто рассеялись, не датировано, а после окончания рассказа о визите 11 старейшин теле следующая фраза начинается со слов «в следующем году». После этих слов Н. Я. Бичурин совершенно произвольно вставил цифру «630», и по его переводу получается, что уйгуры напали на сеяньто в 629 г. Л. Н. Гумилев не объясняет, почему он дату, вытекающую из смысла перевода Н. Я. Бичурина, исправил на 631 г. В действительности сеяньто потерпели сокрушительное поражение от уйгуров и их союзников в 20-м году эры правления Чжэнь-гуань (22/I 646—9/II 647 г.)⁵¹. Обращает на себя внимание перерыв в изложении истории уйгуров в СТШ, равный 17 годам. Это может служить дополнительным подтверждением вывода о том, что союз с сеяньто в 630—646 гг. был прочным.

После провала заговора Цзешэ-шуа можно было ожидать репрессий, но их не последовало, более того, тюнкам не запрещалось возвращаться в степь. Л. Н. Гумилев прав, когда пишет, что правители Танского государства были заинтересованы в сохранении боеспособной тюркской конницы под их контролем и создании барьера против сеяньто⁵². Столкновения тюрок с сеяньто начались сразу же после того, как Ашина Сымо⁵³ был утвержден каганом и выехал в степь для управления восточными тюнками. Китайские источники сообщают, что Ашина Сымо и представители танской администрации понимали, что появление тюрок в степи вызовет недовольство сеяньто и надо будет ждать нападения. В энциклопедии «Тай-пин юйлань»⁵⁴ со ссылкой на «Тан шу» сообщается, что Ашина Сымо просил разрешения в случае нападения сеяньто

какого отношения к сеяньто-уйгурским отношениям не имеет. Оно было сделано в 642 г. после того, как сеяньто, потерпев поражение, просили заключить мир на основе установления родственных отношений. См. ЦТШ, гл. 199Б, с. 26.

⁵⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 302.

⁵¹ В ЦФЮГ (гл. 991, с. 10а) говорится, что в шестом месяце в день и-хай (30/VII 646 г.) теле, пугу и тунло напали на сеяньто и нанесли им сильное поражение. В «Цзы чжи тунцзянь» (гл. 198) говорится, что уйгуры, во главе со своим вождем Тумиду, совместно с пугу и тунло напали на сеяньто.

⁵² Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 223.

⁵³ Ашина Сымо (?—645?) — крупный государственный деятель Восточнотюркского каганата. Служил при каганах Цижэнь (Циминь), Шиби, Чуло и Хели. После смерти кагана Тули и гибели наследника Хелюху был признан танским двором как каган восточных тюрок. Его правление вызвало в 643 г. народное возмущение, и он вынужден был вернуться к танскому двору. Смертельно ранен стрелой в 645 г. во время похода в Южную Маньчжурию (Ляодун).

⁵⁴ «Тай-пин юйлань», гл. 904, с. 5а.

⁴⁶ Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 22.

⁴⁷ ЦФЮГ, гл. 973, с. 11а; ЦТШ, гл. 198, с. 46.

⁴⁸ ЦТШ, гл. 3, с. 66.

⁴⁹ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 221. Здесь надо отметить, что войска Тай-цзуна в это время не были на севере от пустыни Гоби, они ушли к югу от пустыни сразу же после окончания кампании против тюрок, т. е. в 630 г. Заявление Тай-цзуна: «Если мы не можем истребить их, то нам ничего не остается, кроме политики брака», приведенное в работе Л. Н. Гумилева, ни-

укрыть свой народ внутри Великой Китайской стены, на что получил разрешение императора.

В одиннадцатом месяце в день гуй-ю 15-го года эры правления Чжэнь-гуань (24/XII 641 г.) сеяньто совместно с тунло, пугу, уйгурами, мохэ и си (хи, бай си) перешли через пустыню на юг⁵⁵. Участие уйгуров и других племен на начальной стадии войны сеяньто с тюрками, поддержанными танскими войсками, подтверждается и другими китайскими источниками⁵⁶. Для оказания помощи тюркам танские власти мобилизовали 4 армии, в том числе армию под командованием генерала Ли Цзи⁵⁷. Каган сеяньто Инань, предпринимая поход против тюрков, очень рассчитывал на внезапность своего нападения, но Ашина Сымо своевременно узнал об этом и успел укрыться за Великой Китайской стеной в округе Шочжоу. После прибытия подкрепления под командованием Ли Цзи объединенные силы тюрков и танцев выступили навстречу объединенным отрядам сеяньто и нанесли им сильное поражение. В ЦТШ очень кратко описывается это сражение: «В двенадцатом месяце в день цзя-чэнь 15-го года эры правления Чжэнь-гуань (24/I 642 г.) Ли Цзи сражался с сеяньто на реке Ночжэнь, нанес им сильное поражение, обезглавил более 3000 человек, захватил 15 000 голов лошадей»⁵⁸. Еще короче об этих событиях сообщается в СТШ⁵⁹. В обеих танских хрониках в этих текстах ни слова не говорится об участии в войне тюрков, но этот факт подтверждается другими многочисленными текстами китайских источников⁶⁰. Потерпев серьезное поражение, сеяньто ушли на север за пустыню Гоби и начали переговоры с танскими властями о заключении мира на основе установления родственных отношений.

Переговоры продолжались более трех лет, не привели ни к каким результатам, и в 645 г. вновь начались крупные столкновения тюрков с сеяньто. В девятом месяце 19-го года эры правления Чжэнь-гуань (26/IX — 25/X 645 г.) умер каган Инань⁶¹, и в орде началась борьба за власть. После короткой схватки престол захватил Бачжо — сын Инаня и ничего не смог придумать разумнее, как совершить нападение на территорию Танского государства. Зная,

что Тай-цзун с основными силами находится в Южной Маньчжурии, он не без основания рассчитывал на успех, но когда его отряды вторглись на территорию округа Сячжоу, то потерпели сильное поражение от генерала Чжиши Сы-ли. Это произошло в двенадцатом месяце в день и-вэй 19-го года эры правления Чжэнь-гуань (25/XII 645 г.). Чжиши Сы-ли пленил несколько десятков тысяч кочевников и преследовал Бачжо на расстоянии 600 ли⁶². Это было не последнее столкновение танских войск с сеяньто. В первом месяце 20-го года эры правления Чжэнь-гуань (22/I — 20/II 646 г.) сеяньто вновь потерпели поражение⁶³. Есть и другие сообщения о столкновениях сеяньто с танскими войсками в это время. Но во всех этих сообщениях нет упоминаний об участии уйгуров и других родственных им племен в рядах сеяньто. Очевидно, сеяньто-уйгурская коалиция развалилась после неудачного выступления Инаня в 642 г. Теперь уйгуры становятся врагами сеяньто. Так, в шестом месяце в день и-хай 20-го года эры правления Чжэнь-гуань (29/VII 646 г.) теле, пугу и тунло вместе напали на сеяньто и нанесли им сильное поражение⁶⁴. В этом тексте перечисляются военачальники, выступившие против сеяньто. В их числе генералы Ашина Шэр⁶⁵, назначенный великим попечителем Ханьхая (территория к северу от Гоби), Чжиши Сы-ли — командующим тюркскими отрядами, Цибби Хэли — командующим войсками округа Линчжоу и согдийцами (хускими войсками). Есть сообщения и о сражениях танских войск с сеяньто. Так, Ли Цзи атаковал сеяньто в районе к северу от Отюкенской черни (восточная часть Хангая), нанес им поражение, обезглавил более 5000 чел. и захватил в плен более 30 тыс. мужчин и женщин⁶⁶. Под командованием Ли Цзи во время похода к северу от Гоби было 20 тыс. телеских всадников⁶⁷. Приведенные здесь сообщения, по-видимому, единственные, свидетельствующие о том, что войска Танского государства проникли в это время в район Хангая, к северу от пустыни Гоби. Поражение, которое сеяньто

⁵² СТШ, гл. 2, с. 106; ЦТШ, гл. 199Б, «Повествование о теле», с. 3а, 3б; ЦФЮГ, гл. 433, с. 12а.

⁵³ СТШ, гл. 2, с. 106.

⁵⁴ ЦФЮГ, гл. 991, с. 10а.

⁵⁵ Ашина Шэр (?—655 г.) — второй сын кагана Чуло. В 635 г. перешел на сторону династии Тан, получил чин «большой генерал мужественной стражи», император Тай-цзун (Ли Ши-мин) очень ценил его военные способности и доверял ему осуществление крупных военных операций. Его орда была размещена в районе округа Линчжоу. Принимал активное участие в завоевании Гаочина (640 г.) и Кучи (647 г.). Л. Н. Гумилев (Указ. соч., с. 82, 83 и др.) вслед за Н. Я. Бичуриным (Собрание сведений..., т. II, с. 111 и др.) именует его Шэни, но это ошибка.

⁵⁶ ЦТШ, гл. 3, с. 10а.

⁵⁷ ЦТШ, гл. 199Б, с. 4а. См. также СТШ, гл. 217Б, с. 6б; Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 343.

⁵⁵ ЦТШ, гл. 3, с. 7а.

⁵⁶ ЦФЮГ, гл. 985, с. 11б; гл. 995, с. 12б; ЦТШ, гл. 69, «Жизнеописание Се Вань-чэ», с. 6б.

⁵⁷ ЦТШ, гл. 3, с. 7б.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ СТШ, гл. 2, с. 9а.

⁶⁰ ЦФЮГ, гл. 985, с. 12а; ЦТШ, гл. 199Б, с. 2а; СТШ, гл. 217Б, с. 4а—5б. Текст из СТШ переведен Н. Я. Бичуриным (Собрание сведений..., т. I, с. 340, 341). К сожалению, у Н. Я. Бичурина пропущено много существенных сообщений.

⁶¹ ЦФЮГ, гл. 964, с. 6б; ЦТШ, гл. 3, с. 10а (без указания точной даты).

понесли от объединенных сил Танского государства и телеских племен, было полным, народ рассеялся. Часть погибла, часть была захвачена в плен танскими войсками и угнана на юг, а 50—60 тыс. бежали на запад (в Западный край — Сиюй)⁶⁸. Есть сведения и о том, что часть сеяньто осталась на старых местах в Хангае. Так, в ТХЯ (гл. 96) сообщается, что в двенадцатом месяце 2-го года эры правления Цзун-чжан (29/XII 667—26/I 668 г.) среди сеяньто произошли воения, для усмирения сеяньто были посланы турецкие отряды, которые нанесли им сильное поражение в Отыкенской черни⁶⁹.

Таким образом, можно констатировать, что на первом этапе проведения активной внешней политики на севере императору Тай-цзуну и его сподвижникам удалось с помощью сеяньто и уйгуров сокрушить Восточнотуркский каганат. Затем с помощью тюрок, уйгуров и других телеских племен было уничтожено зарождающееся кочевое государство, в котором главную роль играли сеяньто. Сеяньто-уйгурская коалиция вызывала опасения со стороны танских правителей, и они постарались ее расколоть. Все эти события — еще одно блестящее доказательство умелого применения Танским государством испытанного внешнеполитического метода — «руками варваров» — подавлять варваров.

Конечной целью всех дипломатических маневров и военных действий Срединного государства, начиная с династии Хань и до описываемых событий, было создание таких условий на территории Великой степи, при которых не возникало бы угрозы Срединному государству и его гегемонистическим притязаниям. Для этого требовалось, чтобы по степи кочевали разрозненные племена, а еще лучше — враждующие друг с другом. Эти племена должны были регулярно посылать ко двору посольства с «данью». Не имело значения, что очень часто «дань» была чисто символической (обычные в практике сношений подарки также именовались «данью»). Занесенные на страницы императорских анналов приезды ко двору с «представлением дани» приобретали вполне реальное значение и постоянно использовались как основание для предъявления различных претензий и начала военных действий, конечно, в тех случаях, когда у Срединного государства были силы для проведения агрессивной политики. Раздробленность кочевников на отдельные племенные группы не препятствовала регулярному торговому обмену, в частности, получению от них лошадей, благоприятствовала установлению контроля над Великим шелковым путем, к которому так стремились ханьские и танские императоры.

Именно такая ситуация сложилась к северу от пустыни Гоби после разгрома сеяньто. Поэтому танские войска, выступавшие на данном этапе осуществления гегемонистических проектов Тай-цзуна в союзе с телескими племенами, были быстро эвакуированы из степи. В некоторых китайских источниках повествование о разгромах сеяньто заканчивается словами: «к северу от пустыни наступило полное умиротворение»⁷⁰. Спокойствие действительно установилось, но удовлетворяло такое «спокойствие» только танскую правящую верхушку. Разрозненные племена, кочевавшие к северу от пустыни Гоби, не могли и думать о борьбе с мощным южным соседом, к тому же находящимся на подъеме. Им не оставалось другого выхода, как признать свою зависимость от Танского государства. Эта зависимость была оформлена танскими чиновниками обычным путем. В «Цзычжи тунцзянь» говорится: «В двенадцатом месяце в день у-инь 20-го года эры правления Чжэнь-гуань [1/II 647 г.] ко двору танского императора прибыли эльтэбир уйгуров Тумиду, эльтэбир племени пугу Гэ-лань Баянь, эркин племени доланьгэ Мо, эльтэбир племени баегу Цзюэлиши, эльтэбир племени тунло Шицзянь чо, вождь племени сыцзе Усуй, а также вожди племен хунь, хусе, сицзе, аде, цибя и бай си (белые си)»⁷¹. Характеризуя деятельность Тай-цзуна, Л. Н. Гумилев пишет: «Это единство и тишина для покорных, отказавшихся от независимости племен и народов были той программой, ради которой совершались тяжелые походы и гибли бойцы как чужие, так и свои»⁷². Как здесь понимать слово «единство» (общность, солидарность)? Если «единство с империей» вождей разрозненных групп некогда единого народа, подвергшегося разгрому, и изменников, то за такое «единство» действительно боролся Тай-цзун. Однако при чтении книги Л. Н. Гумилева создается впечатление, что не о таком единстве говорит автор, ведь недаром он пишет: «...для покорных, отказавшихся от независимости» (выделено нами. — А. М.). Тай-цзун был великим государственным деятелем Танского государства, но идеализация его личности и деятельности не позволила автору здраво оценить политику танской правящей верхушки по отношению к «варварам».

⁷⁰ ЦТШ, гл. 67, «Жизнеописание Ли Цзи», с. 8а; см. также ЦТШ, гл. 3, с. 10б, где эта фраза стоит после сообщения о прибытии эркинов и эльтэбиров различных телесных племен с «просьбой» учредить аппарат управления. В тексте указано, что это событие произошло в девятом месяце в день цзя-чэнь 20-го года эры правления Чжэнь-гуань (30/X 646 г.). Надо добавить, что послы прибыли в Линчжоу, где в это время находился император.

⁷¹ ЦТШ, гл. 198, год 20-й эры правления Чжэнь-гуань. По тексту, опубликованному Чэнь Чжун-мянем (Указ. соч., с. 248).

⁷² Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 235.

⁶⁸ ЦТШ, гл. 199Б, с. 3б.

⁶⁹ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., с. 98б.

Во многих китайских источниках пространно говорится о приемах во дворце в связи с прибытием перечисленных выше вождей, вынужденных временно признать сюзеренитет Танского государства. В этих сообщениях нет недостатка в описании монарших милостей, которыми удостоились вожди, в перечислении клятвенных заверений со стороны вождей в вечной преданности и желании служить танскому императору. В связи с этими изъявлениями верноподданнических чувств и просьбой учредить аппарат управления было проведено районирование и созданы административно-территориальные единицы. Вся эта работа была проведена в типичных имперских канцеляриях, и ее результатом явилось создание шести дудуфу и семи округов (чжоу). Как обычно, вожди племен были назначены на должности дуду и правителей округов (цыши)⁷³. Описание всех этих процедур, перечисление административно-территориальных единиц и племен, на территориях которых они были созданы, в различных источниках в основном совпадают, встречаются только несущественные разночтения и описки. В дальнейшем, в зависимости от изменения ситуации на местах, были организованы дополнительные административно-территориальные единицы, произошли перемещения, были изменены названия. Но об этом ниже. Здесь же приведем перевод любопытного сообщения, в котором, как в зеркале, отразились суть внешнеполитических концепций и методов, применяемых политическими деятелями Танского государства, присущая им тенденциозность и чудовищное самомнение. Мы имеем в виду текст о «присоединении» енисейских кыргызов к Танскому государству. «Первоначально цзегу (одна из транскрипций этнонима «кыргызы». — А. М.) никогда не сносились со Средним государством, но, узнав, что те и другие все подчинились, сразу же совершили земной поклон, назвали себя вассалами и преподнесли подарки, состоящие из местных произведений»⁷⁴. Эта фраза помещена в источнике в качестве пояснения после информации о создании во втором месяце 22-го года эры правления Чжэнь-гуань (29/II—28/III 648 г.) на территории, населенной кыргызами, дудуфу⁷⁵.

Остановимся на событиях, происходивших на территориях, прилегающих к границам Танского государства в районе современного Ор-

доса. Здесь после ликвидации в 638 (639) г. четырех округов, созданных для расселения тюрков, было восстановлено старое административно-территориальное деление. Мы не можем категорически утверждать, что в это время здесь совершенно не было некитайского населения, оно, по всей вероятности, было, но при описании округов и уездов в географических разделах об этом ничего не говорится. Значительно позднее, уже после разгрома сеяньто, на этих территориях появились многочисленные округа, о которых говорится, что они были населены представителями различных тюркских и других племен. В ЦТШ при описании округа Сячжоу⁷⁶ указывается, что в подведомственном ему уезде Шофан временно размещались следующие административно-территориальные единицы.

Округ Юньчжун, дансянские племена, в ведении находилось 5 малых округов: Шэли, Сыби, Ашина, Чобу (племя чик) и Байдан. Всего 1430 семей, 5681 чел.

Округ Хуань, дансянские племена, в ведении находилось 3 малых округа: Хэлу, Нацзи и Седе (аде, хэдэ — эдзы). Всего 150 семей, 650 чел.

Округ Сангань, в ведении находилось 4 малых округа: Юйшэ, Чжиши, Биши и Чилуэ (племя чифуле?). Всего 274 семьи, 1323 чел.

Округ Динсян, в ведении находилось 4 малых округа: Адэ (племя ашидэ?), Чжиши, Сунун и Баянь. Всего 460 семей, 1463 чел.

Округ Дахунь, племя яньто (сеяньто), в ведении находилось 5 малых округов: Гуань, Бухэжо, Цитань, Ху и Дису. Всего 124 семьи, 673 чел.

Округ Аньхуа, 483 семьи, 2513 чел.

Округ Ниншо, 374 семьи, 2027 чел.

Округ Пугу (племя боку), 122 семьи, 673 чел.

Здесь указывается, что в ведении дудуфу Юньчжун и Хуань находились дансяны (тангуты). Действительно, позднее территория уезда Шофан вошла в состав Тангутского государства. Что касается малых округов, которыми ведали дудуфу Юньчжун и Хуань, то, судя по названиям, большинство из них были тюркскими. Поэтому появление здесь этнонима «дансян» надо рассматривать как ошибку, должно быть написано «туцюз». В дудуфу Дахунь указывается племя яньто (сеяньто). Несомненно, и малые округа, подчиненные округу Дахунь, были населены племенем яньто, его более мелкими родо-племенными подразделениями. В ЦТШ⁷⁷ имеется прямое указание на то, что еще один округ Цитань был создан в 1-м году эры правления Юн-хуэй (7/II 650—26/I 651 г.) для размещения представителей

⁷³ ЦТШ, гл. 195, «Повествование об уйгурах», с. 16, 2а; СТШ, гл. 217А, «Повествование об уйгурах», с. 1а; См. перевод из СТШ у Н. Я. Вичурина (Собрание сведений..., т. I, с. 303).

⁷⁴ ЦФЮГ, гл. 999, с. 8а.

⁷⁵ О взаимоотношениях кыргызов с Танским государством см.: *Супруненко Г. П.* Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами. — В кн.: История и культура Востока Азии, т. 3. Новосибирск, «Наука», 1975, с. 59—64.

⁷⁶ ЦТШ, гл. 38, «География» с. 16а, 16б, 17а. Сячжоу занимал часть Ордоса, граничащую с пров. Шэньси. По современному административному делению территория танского округа Сячжоу вошла в состав автономного района Внутренняя Монголия.

⁷⁷ ЦТШ, гл. 199Б, с. 4б. В СТШ (гл. 43Б, с. 2а) говорится, что этот округ был создан для размещения в одном месте рассеявшихся по степи представителей племени яньто.

племени яньто. Точных указаний на племенную принадлежность населения остальных округов и малых округов, перечисленных выше, нет. Однако, судя по названиям, можно высказать предположение, что большинство их было населено представителями тюркских племен.

В округах Сангань и Динсян нашли убежище представители родо-племенных подразделений тюрков туцюэ, а также отдельных племен, входивших в состав Восточнотюркского каганата. Сами названия «Сангань» и «Динсян» свидетельствуют о связях с тюрками туцюэ. В источниках говорится о тюркском племени сапгань — сангань туцюэ, которое в 679—680 гг. восстало, против него с карательной экспедицией выступил Тан Сю-цзин⁷⁸. Наименование «Динсян» также уже упоминалось в связи с тюрками. После разгрома Восточнотюркского каганата было создано два дудуфу — Динсян и Юньчжун — для осуществления контроля за сдавшимися тюрками. Оба дудуфу находились примерно в одном районе, но масштабы первого и территория, на которую распространялась его юрисдикция, были несравненно больше.

Особняком стоят округа Аньхуа и Ниншо. Прежде всего их названия — чисто китайские словообразования. «Аньхуа» переводится на русский язык как «умиротворение и приобщение к благам китайской цивилизации», «ниншо» — «успокоение севера». В источниках нет сообщений, проливающих свет на этническую принадлежность населения. Нет указаний и на время создания этих двух округов. В других текстах упоминается еще один округ Аньхуа⁷⁹, временно размещавшийся на территории танского округа Цинчжоу⁸⁰, входившего в состав пров. Гуаньнэй. В этом втором округе также было учреждено дудуфу и тоже временно. В его подчинении находились малые округа, всего 7, чего нет у первого округа Аньхуа. Судя по списку, это не тюркские округа, по названиям они ничем не отличаются от обычных для этого времени танских округов: Юпличжоу, Вэйчжоу, Сюйчжоу, Мочжоу, Западный Цанчжоу (Сиданчжоу), Жучжоу и Цунчжоу. Округ Цинчжоу находился на южной границе расселения дансянов (тангутов). Вполне возможно, что эти 7 малых округов были созданы для тангутов. Тогда и названия могут быть искаженными тангутскими этнонимами или топонимами. Вызывает сомнение возможность существования на небольшом расстоянии двух одноименных «временно размещенных»

округов. Скорее всего округ Аньхуа существовал в округе Цинчжоу, а в округе Сячжоу такого «временно размещенного» округа не было. Наименование последнего округа из числа «временно размещенных» на территории уезда Шофан в округе Сячжоу совпадает с названием телеского племени пугу — боку (бокут). Видимо, здесь была расселена небольшая часть этого племени.

При описании округа Линчжоу⁸¹ сообщает, что на территориях подведомственных ему уездов было временно размещено шесть малых округов.

Уезды Племена по СТШ

Яньжань, 190 семей, 973 чел.	Хуэйлэ	Доланьгэ
Цзилу, 132 семьи, 556 чел.	»	Сицзе
Цантянь, 104 семьи, 469 чел.	»	Аде
Восточный Гаолань, 1342 семьи, 5182 чел.	Минша,	Хунь
Яньшань, 430 семей, 2176 чел.	Вэньчи	?
Чжудун, 117 семей, 353 чел.	»	Цзюэлоу

Все шесть округов были населены тюрками девяти фамилий — так часто называли телеские племена.

Анализ приведенных списков прежде всего показывает, что высшие административно-территориальные единицы — округа «учреждались» на территориях низших единиц — уездов (сянь). Более того, пять округов из восьми на территории уезда Шофан имели в своем подчинении еще 21 малый округ. И везде подчеркивается временность размещения их. Учитывая незначительное количество населения в округах и малых округах, а также временность их размещения, можно сделать вывод, что на территории, например, уезда Шофан были временно расквартированы административные органы и часть населения тех административно-территориальных единиц, которые в будущем предполагалось создать на территориях «варваров». В некоторых случаях такие мелкие административно-территориальные подразделения были созданы после того, как одноименные подразделения, существовавшие на «варварских» территориях, были ликвидированы.

Интерес представляет вопрос о времени создания на территории Ордоса всех перечисленных выше округов и малых округов. В гл. 38 ЦТШ, из которой взяты приведенные выше сведения, не говорится о времени создания их. В СТШ⁸² время их создания указывается точно. Для малых округов это 23-й год эры правления Чжэнь-гуань (17/II 649—6/II 650 г.). Что касается округов (в СТШ они именуются также дудуфу), в ведении которых находились малые округа, то для них указываются различные даты. Так, по этому тексту дудуфу

⁷⁸ ЦТШ, гл. 93, «Жизнеописание Тан Сю-цзина», с. 26.

⁷⁹ СТШ, гл. 38, с. 136.

⁸⁰ Район современного уезда Цинъян в северо-восточной части пров. Ганьсу. Возможно, в состав танского округа Цинчжоу входили также соседние территории Нинся-Хуэйского автономного района и пров. Шэньси.

⁸¹ Район современного уезда Линьчжоу в северной части Нинся-Хуэйского автономного района КНР.

⁸² СТШ, гл. 43Б, с. 16, 2а.

Динсян и Юньчжун были организованы в 4-м году эры правления Чжэнь-гуань (18/II 630—6/II 631 г.), дудуфу Сангань — в 3-м году эры правления Лун-шо (13/II 663—1/II 664 г.) путем выделения части территории из подчинения дудуфу Динсян, а дудуфу Хуань — в 20-м году эры правления Чжэнь-гуань (22/I 646—9/II 647 г.). Время создания дудуфу Да-хунь, Аньхуа, Ниншо и Пугу не указано. В СТШ изменена и структура подчиненности этих дудуфу. Дудуфу Динсян, Дахунь, Аньхуа, Ниншо и Пугу подчинены дудуфу Сячжоу, а дудуфу Юньчжун, Сангань и Хуань — наместничеству Шаньюй. Эти расхождения с ЦТШ для данного исследования существенного значения не имеют, поэтому мы на них не останавливаемся. Следует только отметить, что дудуфу Юньчжун и Динсян, созданные в 630 г. для контроля за тюрками, перешедшими к границам Танского государства, не имеют ничего общего с дудуфу Юньчжун и Динсян, в ведении которых находилось 1430 и 460 семей. Здесь можно говорить только о сохранении названия. Кроме того, в СТШ нет понятия «малые округа». За небольшим исключением наименования округов в СТШ и ЦТШ совпадают, но при этом в СТШ все они классифицируются как «округа» (чжоу) и к тому же не указывается численность их населения. Таким образом, по тексту СТШ невозможно судить о масштабах вторичной тюркской (туцзюэской) колонизации. Кроме того, в новой хронике династии Тан сообщается название родо-племенного подразделения, для которого создан тот или иной округ. Как правило, название округа совпадает с этнонимом, в тех случаях, когда такого совпадения нет, выше при перечислении округов в скобках указано наименование родо-племенного подразделения.

Мы уже говорили о том, что после разгрома сеяньто многие представители этого племени были захвачены танскими войсками в плен. Так, только в одном сообщении говорится о пленении танскими генералами 30 тыс. мужчин и женщин. Прямых сведений о их дальнейшей судьбе мы в китайских источниках не нашли, но косвенные данные позволяют составить некоторое представление об этом. Округу Дахунь, учрежденному в 649 г., подчинялось пять малых округов, где обитали остатки сеяньто, подвергшиеся разгрому в 646 г., — всего 673 представителя племени. Есть сообщение о создании в 648 г. округа Гаолань для размещения племени великого элзбира Хунь Вана⁸³, который после разгрома сеяньто подчинился Танскому государству. Но этот сеяньтоский округ был, по-видимому, ликвидирован уже в 650 г.⁸⁴ Других сведений о размещении сеянь-

то у границ Танской империи у нас пока нет. Можно сделать предположение, что из числа 30 тыс. мужчин и женщин, захваченных танскими войсками, часть погибла при перегоне через пустыню Гоби, часть разбежалась и только незначительное число было расселено в малых округах. Да и сама цифра 30 тыс. вызывает сомнение — слишком она круглая. По приведенным спискам округов мы видим, что танские чиновники умели считать население с точностью до одного человека.

Итак, правителям Срединного государства казалось, что к северу от пустыни Гоби после разгрома телеского племени сеяньто воцарилось «спокойствие». В действительности же в кочевом мире продолжалась ожесточенная борьба за гегемонию. Как показало дальнейшее развитие событий, вместо сеяньто во главе телеской конфедерации встали уйгуры. Есть свидетельство китайских источников, датированное эрой правления Да-е династии Суй (605—617 гг.), о том, что уже в то время уйгуры выделялись среди телеских племен и возглавляли небольшую коалицию, включавшую также племена пугу, тунло и баегу и выступившую против тюрков туцзюэ⁸⁵. То есть они претендовали на роль лидера среди телеских племен. Но только после разгрома сеяньто у них появилась реальная возможность объединить телеские племена. Весомый вклад в разгром сеяньто внесли уйгурские вожди Пуса и Тумиду. Вряд ли сразу после разгрома сеяньто произошло юридическое оформление главенствующего положения уйгуров. Представители танских властей не были заинтересованы в создании мощного союза племен, способного противостоять Танскому государству. По-видимому, на первых порах соблюдалась видимость равноправия телеских племен, хотя бы перед Танским государством. Это положение подтверждают и китайские источники, в которых появление при дворе представителей уйгуров ничем не выделяется от появления представителей других племен, если не считать, что при перечислении прибывших вождей или послов представители уйгуров часто ставятся на первое место. Нет прямых указаний на то, что для достижения главенствующего положения уйгурам пришлось выдержать упорную борьбу с остальными телескими племенами. Однако в китайских источниках можно найти ряд косвенных свидетельств о том, что уйгуры сражались за преодоление сепаратистских тенденций среди племен. Приведем эти свидетельства.

В списке малых округов упоминается округ Пугу. В составе округа Хуань называется малый округ Седе. Его название совпадает с этнонимом «седе» (-аде, хэде — эдизы) — одним из 13 племен, входивших в конфедерацию телес. В биографии Цуй Чжи-вэя сообщается о

⁸³ СТШ, гл. 217Б, с. 8а.

⁸⁴ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., с. 260.

⁸⁵ СТШ, гл. 217А, с. 1а.

том, что на территории округа Линчжоу кочевало более 10 тыс. юрт представителей телеских племен хунь и хусе (хуса)⁸⁶, которые часто грабили местное оседлое население. Крестьяне забросили занятия сельским хозяйством и готовились к отражению разбойников. Цуй Чжи-вэнь просил разрешить выселить эти племена в районы к северу от р. Хуанхэ (к северу от современного Ордоса). Это сообщение датируется 664—665 гг., когда Цуй Чжи-вэнь занимал должность сыма (помощника правителя округа по военным делам) в округе Линчжоу. В китайских источниках есть указания, свидетельствующие о том, что эти два племена (скорее всего часть их) прибыли к границам Танского государства значительно раньше и что для племени хунь был создан округ Гаолань (по СТШ округ Дунгаолань — Восточный Гаолань), а для племени хусе — округ Гаоцюэ, при этом оба округа были подчинены дудуфу в округе Линчжоу⁸⁷. По сообщению ЦТШ, оба округа были упразднены в 650 г., а по сообщению СТШ — в 652 г.

Приведенные сведения об откочевке части телеских племен к границам Танского государства позволяют считать, что противоречия в степи были довольно острыми и уйгуры, утверждая свое главенство, сталкивались со своими противниками, ломали их сопротивление, иногда те предпочитали подчинению уйгурам бегство на юг. Танские власти, преследуя свои эгоистические цели, принимали таких беглецов и не возражали против их временного размещения у границ империи. Нуждаясь в таких переселениях для осуществления вмешательства в дела соседей, когда для этого сложились благоприятные условия, танские власти часто смотрели сквозь пальцы на беззакония, творимые кочевниками. Так было в случае с представителями племен хунь и хусе.

После разгрома сеяньто танские власти провели районирование степных территорий, расположенных к северу от пустыни Гоби. По данным китайских источников⁸⁸, это произош-

ло в первом месяце 21-го года эры правления Чжэнь-гуань (10/II — 11/III 647 г.), т. е. сразу же после прибытия ко двору 12 вождей телеских племен. Было создано шесть дудуфу: Ханьхай — для управления уйгурами, Яньжань — доланьгэ, Цзиньвэй — пугу, Юлин — баегу, Гуйлинь — тунло и Лупань — сыцзе. Одновременно создано семь округов (чжоу) для остальных семи телеских племен: Гаолань (точнее Дунгаолань — Восточный Гаолань) для расселения племени хунь, Гаоцюэ — хусе (хуса), Цзитайнь — аде, Юйси — цибя, Цзилу — сыцзе, Дайлинь — сыцзе и Чжиянь — байси (белые си). При проведении этого «районирования» тапские администраторы как бы подчеркивали, что они одинаково относятся ко всем телеским племенам, не выделяя ни одного из них. Что касается создания для одних племен дудуфу (дудуфу создавались в округах), а для других только округов (чжоу), то эти различия, по-видимому, были вызваны численностью того или иного племени. Таким образом, это «районирование» подтверждает стремление танских правителей разделить степь на небольшие самостоятельные кочевые группы. Любопытное дополнение имеется в приведенном выше перечне новых территориальных единиц, помещенном в ЦТШ. Приведем его полностью. «Племя хуэйхэ (уйгуры) стало дудуфу Ханьхай, его эльтэбир Тумиду назначен великим генералом хуайхуа⁸⁹ и одновременно ханьхайским дуду. Тумиду уже назвал себя каганом, учредил должности все, как у тюрок⁹⁰. Эта информация свидетельствует о наличии у Тумиду совершенно определенных стремлений и реальных сил, подкреплявших эти стремления. Таким образом, уже в 647 г. уйгуры стремились к установлению контроля над всеми телескими племенами и мечтали о создании собственного государства.

В 663 г. танское правительство осуществило большую реформу в административном аппарате, предназначенном для управления зависимыми территориями. Здесь, как и ранее, события описываются на основании официальной точки зрения танской администрации, зафиксированной в источниках. Следует отметить,

ные ошибки и неточности, которые мы здесь не приводим.

⁸⁹ Почетное звание, дословно — «воспринимающий с любовью культуру», под культурой здесь подразумевается, конечно, только китайская культура.

⁹⁰ ЦТШ, гл. 195, с. 16. В СТШ, гл. 217А, с. 16, говорится только о создании дудуфу Ханьхай, информация о назначении Тумиду и его претензиях помещена ниже, на с. 2а. Этот текст имеет большое значение, и мы приведем его здесь полностью: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюрокскими (туцюэ); имелось шесть внешних министров и три внутренних. Были также должности дуду (тутук), цзянцзюнь (сагун) и сыма». См. также Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 305.

⁸⁶ ЦТШ, гл. 185А, с. 6а. Повторено в СТШ, гл. 106, с. 1а. Округ Линчжоу при династии Тан был создан в районе современного уезда Линьцзу, находящегося в северной части Нинся-Хуэйского автономного района. Возможно, его юрисдикция распространялась на соседние территории автономного района Внутренняя Монголия (Южный Ордос). Что касается численности хунь и хусе, то цифра «более 10 тыс. юрт» вызывает сомнение и ее следует понимать не буквально, а как указание на то, что кочевников было очень много. По данным источников, оседлого населения в округе было меньше, чем кочевников (если поверить в цифру более 10 тыс.). Так, в ЦТШ (гл. 38, с. 17а) указывается, что в начале правления династии Тан в округе было всего 4640 семей, или 21462 чел., и только к 742—756 гг. численность населения увеличилась до 11456 семей, или 53163 чел.

⁸⁷ ЦТШ, гл. 38, с. 16б; СТШ, гл. 43Б, с. 2а.

⁸⁸ ЦТШ, гл. 195, с. 16, 2а; СТШ, гл. 217А, с. 16. Этот перечень имеется и в ряде других сочинений. В разных текстах содержатся разночтения и незначитель-

что и до 663 г. предпринимались отдельные реформы — создавались новые административно-территориальные единицы, происходили перемещения и переименования, но реформа 663 г. выделяется среди прочих мероприятий. Суть ее состоит в следующем. Одновременно с разделением телеских племен на шесть дудуфу и семь округов было создано наместничество Яньжань, которое контролировало не только телеские округа, но и ряд других племен. Его органы размещались к югу от пустыни Гоби в районе современного г. Хух-Хото (главный город автономного района Внутренняя Монголия). В марте — апреле 663 г. наместничество Яньжань было перенесено на территорию уйгуров и переименовано в наместничество Ханьхай⁹¹. Все «варварские» округа к северу от Гоби были подчинены ему. Во главе наместничества Ханьхай остался Лю Шэнь-ли, назначенный наместником наместничества Яньжань во время эры правления Юн-хуэй (650—656 гг.). Конечно, он был номинальным наместником и не имел реальной власти, но в 668 г. он еще упоминается как ханьхайский наместник⁹². Проведение этой реформы было вызвано серьезными осложнениями в отношениях между телескими племенами и Танским государством. В китайских источниках встречается несколько сообщений о военных столкновениях между телескими племенами и танскими войсками. Вот эти сообщения.

⁹¹ ЦТШ, гл. 4, с. 106; СТШ, гл. 37, с. 96; гл. 217А, с. 26. В «Ду ши фаньюй цзяо» (по тексту, опубликованному в работе Т. Морозаси. Большой китайско-японский словарь, т. VII, Токио, 1967, с. 534) это событие датировано 2-м годом эры правления Лун-шо (25/I 662—12/II 663 г.). Ханьхай — пустыня Гоби. В книге Л. Н. Гумилева (Указ. соч., с. 269) находим сообщение о том, что император Тай-цзун (Ли Ши-мин) учредил Байкальское и Шаньюево наместничества, одно к северу от Гоби, а другое к югу. Название «Байкальское наместничество» вызывает удивление. Прежде всего оба эти наместничества были созданы уже после смерти Тай-цзуна, но эта ошибка не имеет принципиального значения, так как основное районирование было проведено еще при его жизни. У Л. Н. Гумилева Байкальское наместничество появилось в результате перевода им на русский язык топонима «Ханьхай». Впервые такую интерпретацию находим в трудах Н. Я. Бичурина (Собрание сведений..., т. I, с. 67, 303). В своих выводах Н. Я. Бичурин основывался исключительно на словах комментатора Жу Шуя, который в этом месте текста «Исторических записок» («Ши цзи»), после слов «дошел до Ханьхая и вернулся назад» («Ши цзи», гл. 110, с. 26а; см. также: Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 1, с. 55), сделал следующее примечание: «Ханьхай — это название северного моря». В своем примечании к переводу этого текста «Ши цзи» на с. 67 Н. Я. Бичурин, приведя мнение комментатора, добавляет, что «ученые иногда под словом Ханьхай разумеют монгольскую песчаную степь». Это примечание Л. Н. Гумилев не учел, как и исследование Э. В. Бретшнейдера, который более 100 лет назад, в 1875 г., исправил эту ошибку и дал обстоятельное толкование топонима «Ханьхай» (Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I, London, 1888, p. 15, note 9).

⁹² ЦТШ, гл. 77, с. 6а; гл. 5, с. 2а.

В восьмом месяце 5-го года эры правления Сянь-цин (16/II 660 — 4/II 661 г.) великий генерал левой стражи Чжэн Жэнь-тай трижды сражался с племенами сыцзе, баегу, пугу и тунло и каждый раз одерживал победу. Преследовал их на расстоянии 100 ли, обезглавил их вождей и вернулся назад⁹³.

В десятом месяце 1-го года эры правления Лун-шо (29/X — 26/XI 661 г.) теле убили посла, везшего императорское повеление, и выступили против Танского государства. В связи с этим инцидентом была проведена широкая военная подготовка и сформированы три армии для наступления на теле⁹⁴.

В третьем месяце 2-го года эры правления Лун-шо (25/III — 23/IV 662 г.) Чжэн Жэнь-тай и левый генерал увэй Се Жэнь-гуй нанесли телесцам сильное поражение у гор Тянь-шань (восточная оконечность современного Тянь-Шаня). По сообщению китайских источников, телесцев насчитывалось более 100 тыс. чел., а в сражении принимали участие телеские племена сыцзе, доланьгэ и др. После этого сражения была снаряжена армия для захвата имущества и скота у племен, потерпевших поражение, насчитывающая 14 тыс. солдат. Под командованием Чжэн Жэнь-тая армия быстро

⁹³ ЦФЮГ, гл. 986, с. 7а. Л. Н. Гумилев (Указ. соч., с. 245) об этих событиях пишет следующее: «В 656 г. восстали уйгуры, ... Во главе их оказалась сестра покойного вожды, ханша Бисуду. В начале 662 г. восстание было подавлено. Бисуду бежала, но китайская армия понесла огромные потери от зимних морозов». Вновь мы обнаруживаем у Л. Н. Гумилева невинительное отношение к источникам и неправильную интерпретацию событий. Выступление телеских племен произошло, как сообщает приведенный выше источник, в 660 г., «ханша Бисуду» наследовала своему брату во время эры правления Лун-шо (661—663 гг.) (более точной даты китайские источники не приводят) и следовательно, не могла возглавить выступление 660 г. Что касается сообщения Л. Н. Гумилева о «восстании уйгуров в 656 г.», то здесь какое-то недоразумение. В 656 г. и позднее (в 657 и 658 гг.) уйгуры во главе со своим вождем Пожуном в составе войск Су Дин-фана принимали активное участие в борьбе с Ашина Хэлу. Существовала ли «ханша Бисуду»? По-видимому, только в ЦТШ говорится, что это была младшая сестра Пожуна, в других источниках о Бисуду сообщается как о сыне или племяннике Пожуна, варьирует и перографическая транскрипция этого имени. Так, в СТШ, гл. 217А, с. 26, говорится, что Пожуна наследовал сын Били. Иероглифы су (Бисуду) и ли (Били) очень близки по написанию, и поэтому возможны описки. Встречаются и другие транскрипции имени этого вожды. У Л. Н. Гумилева (с. 281) Били превратился в самостоятельного вожды, который отождествляется с Баз-каганом тюркских памятников. (См. подборку материалов по этому вопросу у Чань Чжун-мяня. Указ. соч., с. 281). Почему Л. Н. Гумилев пишет о «восстании уйгуров»? Разве в это время территория, на которой проживали уйгуры, была оккупирована танскими войсками или там существовала танская администрация? Ничего подобного не было. Выступление телеских племен в это время надо рассматривать как борьбу за окончательную ликвидацию следов зависимости от Танского государства.

⁹⁴ ЦФЮГ, гл. 986, с. 7б, 8а; СТШ, гл. 3, с. 5б.

пересекла большую пустыню (Гоби) и достигла р. Селенги, но нигде не встретила противника. Вскоре кончилось продовольствие и солдаты начали голодать, неожиданно выпал снег, началось обледенение. Побросав оружие и съев лошадей, армия рассеялась, назад вернулось только 800 чел. По другим сведениям, из каждых 10 чел. от голода и мороза погибло 8—9⁹⁵.

В первом месяце 3-го года эры правления Лун-шо (13/II — 14/III 663 г.) Чжэнь Жэньтай атаковал остатки теле и «умиротворил» их⁹⁶.

Имеется еще одно важное сообщение, которое пока невозможно точно датировать. В «Повествовании об уйгурах», помещенном в ЦТШ⁹⁷, говорится, что вождь уйгуров Бисуду во время эры правления Лун-шо (661—663 гг.), имея под своим началом племена пугу и тунло, совершил нападение на пограничную территорию Танского государства, но потерпел поражение и отступил. Чэнь Чжун-мянь⁹⁸ датирует это событие началом 663 г. Насколько это правильно, трудно сказать, но если и есть расхождения, то только в пределах эры правления Лун-шо. Единственно, что можно утверждать — нападение Бисуду было совершенно до создания наместничества Ханьхай на территории уйгуров. На основании приведенных сообщений китайских источников можно констатировать, что с февраля 660 по февраль 663 г. между телескими племенами и Танским государством шла самая настоящая война. Из числа телеских племен, принимавших участие в сражениях с танскими войсками, в источниках упоминаются только сыцзе, баегу, пугу, тунло, доланьгэ и уйгуры. В двух сообщениях, повествующих о военных действиях, говорится о теле без указания на их племенную принадлежность. Чем же закончилась эта война? В источниках нет сообщений о грандиозных победах, которые обычно сопровождают успешное окончание кампаний. Война велась в степях к югу от Гоби, т. е. не на телеских территориях. Единственный поход, предпринятый к северу от Гоби, закончился плачевно. Представляется, что танские генералы и придворные чины, убедившись в невозможности в данное время добиться быстрой и действенной победы над уйгурами, вынуждены были пойти на мирное урегулирование конфликта. Они признали уйгуров как ведущую силу в степях к северу от Гоби, о чем косвенно свидетельствует создание на территории уйгуров наместничества. Возможно, уйгуры согласились сохранять нейтралитет и не выступать на стороне врагов Танской империи. В нашем распоряжении пока нет

прямых указаний, которые подтверждали бы высказанные здесь предположения, но характер дальнейших взаимоотношений Танского государства с уйгурами до некоторой степени подтверждает сказанное.

Такой оборот событий не случаен, и он ни в коей мере не свидетельствует о том, что уйгуры в это время могли один на один противостоять Танской империи. Внешнеполитическое положение Танского государства было очень сложным и опасным. Основные силы империи были заняты в Корее, где государство Когурё оказывало ожесточенное сопротивление танским войскам и их союзникам. Война протекала с переменным успехом, и танскому правительству приходилось отправлять все новые и новые подкрепления⁹⁹. Очень беспокойно было и на границах с Тибетом. 662 г. ознаменовался значительными успехами в борьбе тибетцев с тюрками на севере, в 663 г. были окончательно разгромлены туюхуи (Тогон)¹⁰⁰. Назревал крупный военный конфликт с Тибетом. В такой обстановке создавать третий фронт в степях за пустыней Гоби у империи не было сил. Только этим можно объяснить прекращение войны с уйгурами и уступки со стороны Танского государства.

После создания в марте—апреле 663 г. Ханьхайского (Гобийского) наместничества прекратились столкновения телеских племен, в том числе и уйгуров, с танскими войсками, и это несомненное доказательство того, что танским властям пришлось пойти на серьезные уступки уйгурам. С 663 до 679 г. отсутствуют сообщения не только о конфликтах уйгуров с Танским государством, но и вообще нет сообщений о каких-либо контактах со Средним государством. В «Повествовании об уйгурах», помещенном в обеих танских династических хрониках¹⁰¹, также ничего не говорится об этом периоде истории уйгуров. Только в СТШ упоминается, что после смерти Били (Бисуду) ему наследовал сын Дуцзежи. В ЦТШ говорится, что Дуцзежи наследовал во время эры правления Юн-лун (680—681 гг.). Таким образом, Бисуду правил уйгурами не менее 17 лет.

⁹⁹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней), т. 1, М., «Наука», 1974, с. 82, 83.

¹⁰⁰ Богословский В. А. Очерки истории тибетского народа (становление классового общества). М., Изд. Вост. лит., 1962, с. 47. Бичурин (Иакинф). История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. по Р. Х. СПб., 1883, с. 138; СТШ, гл. 216А, с. 36, 4а. У Н. Я. Бичурина читаем: «Не задолго перед сим (662) покорились Туфани десять колен Западных Дулгасцев». В этом труде Н. Я. Бичурина дан перевод раздела о Тибете из СТШ, но в СТШ нет этой фразы, она вставлена из другого сочинения без ссылки на него. Может быть, эту вставку следует рассматривать как примечание самого Н. Я. Бичурина? Правдивость этого сообщения вызывает сомнение.

⁹⁵ ЦФЮГ, гл. 986, с. 8а; ЦТШ, гл. 83, «Жизнеописание Се жень-гуя», с. 6а; ЦФЮГ, гл. 452, с. 196.

⁹⁶ ЦТШ, гл. 4, с. 10а.

⁹⁷ Там же, гл. 195, с. 26.

⁹⁸ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., с. 281.

¹⁰¹ СТШ, гл. 217А, с. 26; ЦТШ, гл. 195, с. 26.

В 679 г. тюрки предприняли попытку возродить свое государство. Начальный период их войны за независимость был неудачным. После нескольких успешных операций тюрки потерпели ряд сильных поражений и, если полагаться на китайские источники, у восставших не осталось ни людских, ни материальных ресурсов для продолжения борьбы. Однако борьба продолжалась и закончилась к 687 г. полной победой тюрков¹⁰². За время с 679 по 687 г., в течение

¹⁰² Л. Н. Гумилев (Указ. соч., с. 267, 268), говоря о предистории восстания тюрков в 679 г., пишет со ссылкой на И. Я. Бичурина (Собрание сведений..., т. I, с. 264—265, 260, 261, 262), что в 630 г. в районе Алашаня (откуда Алашань? На с. 260 «Собрания сведений» идет речь о выселении тюрков на север от Ордоса в 639 г. Неужели не совсем четкое примечание Н. Я. Бичурина: «за Ордосом», сделанное им к фразе «... по северную сторону Желтой реки», дало основание Л. Н. Гумилеву писать «в районе Алашаня»?) было расселено «несколько сот разоренных юрт» и что, «по мнению китайских источников, они размножились настолько, что уже в 641 г. хап Сымо имел 100 000 народа, 40 000 строевого войска в числе народа и 90 000 голов лошадей». Мы уже приводили сообщения китайских источников, свидетельствующие, что численность тюрков, переселившихся на юг, была очень значительна. По некоторым данным их насчитывалось до 100 000 чел. (Бичурин И. Я. Собрание сведений, т. I, с. 257). В СТШ (гл. 215А, с. 10а) действительно говорится о нескольких сотнях разоренных юрт, которые были расселены в Юньчжуне. Округ Юньчжун при династии Тан занимал северную часть современной провинции Шаньси, и здесь были расселены эти юрты. Во главе поставлен представитель влиятельного среди тюрков рода ашидэ, который в источнике так и именуется Ашидэ (У И. Я. Бичурина Ашина-дэ — ошибка). Слова источника «размножились» следует понимать как увеличение численности именно этой конкретной группы тюрков (туцзю). Таким образом, в поле зрения Л. Н. Гумилева попало только одно сообщение, другие он не принимает во внимание, даже то, которое упоминается у Н. Я. Бичурина на с. 257. Он забывает, что на с. 209 своей книги пишет: «количество тюркутов, подчинившихся императору Тайцзуну, достигало 190 тыс.» И для того чтобы преодолеть создавшийся в его построениях тупик — с одной стороны, несколько сот разоренных юрт, а с другой — 100 тыс. у Сымо, он сочиняет фантастическую картину объединения всех разоренных малочисленных племен, кочевавших у границ и в приграничных районах Танской империи, на базе всеобщей ненависти к Танскому государству и общности судьбы. Л. Н. Гумилев пишет: «В далеких степях у маленьких костров из кизяка сир делился с тюркутом последним куском вяленого мяса, уйгур перевязывал рану татабийцу, а тангут выручал эдиза, пойманного вражеским арканом. Все некогда ненавидевшие друг друга племена теперь рука об руку ходили войной на восток и на запад, и общность судьбы стирала перегородки разноплеменного происхождения. ...Уже в 50-х годах VII в. бывшие враги сделались друзьями, а двадцать лет спустя их дети стали братьями и слились в один народ — «кок тюрк», т. е. голубые тюрки». Мы не будем здесь отрицать наличия ненависти к Танскому государству и возможность усиления тюрков за счет включения в их состав более мелких групп других племен. Это естественный процесс поглощения более крупными кочевыми объединениями (а тюрки были здесь самой мощной кочевой группой) мелких разрозненных групп. Мы также не отрицаем возможности участия в 679 г. в борьбе тюрков за воссоздание своего государства ряда других кочевых племен, оказавшихся в одинаковых условиях с тюрками. Единственно против чего мы возражаем — это против идилли-

которого продолжалась борьба тюрков за возрождение Восточнотюркского каганата, в китайских источниках почти нет сведений об уйгурах, о их взаимоотношениях с Танским государством и другими соседями, в том числе ничего не сообщается и о контактах с тюрками. Сообщение о том, что в самом начале своего выступления Кутлуг «украл лошадей у девяти племен»¹⁰³, не может рассматриваться как столкновение тюрков с уйгурами. Лю Мао-цай¹⁰⁴ пришел к выводу, что под «девятью племенами» здесь надо понимать телеские племена. Мы считаем, что Лю Мао-цай прав. Конечно, набег не мог быть совершен на все телеские племена, основная масса которых кочевала в степях к северу от Гоби, а часть к югу и у границы Танского государства. В начале своего выступления Кутлуг располагал очень скудными силами и не должен был рисковать. Пострадало какое-то телеское племя, а точнее — часть племени, оказавшаяся в результате бурных событий к югу от Гоби. Некоторые из этих племен, например хунь и хусе, мы уже упоминали, в источниках перечисляются и другие племена, кочевавшие к югу от Гоби. Набег на одно из таких небольших племен, а скорее, только на часть племени, оказавшуюся к югу от Гоби, мог пройти для тюрков безнаказанно, и уйгуры на это никак не реагировали. Возражения Л. Н. Гумилева¹⁰⁵, считающего, что нападению подверглись уйгуры, не подтверждается китайскими источниками и развитием событий в степи.

В «Повествовании об уйгурах», в специальном разделе, посвященном истории этого народа и имеющемуся в обеих танских династических хрониках, период истории уйгуров с 679 по 687 г. не освещен. Лишь в ЦТШ после перечисления вождей, сменявших один другого на посту правителей уйгуров, говорится: «...все они получали должность дуду и управляли варварскими округами. Между левым шадом и правым шадом разделено управление племенами»¹⁰⁶. Это сообщение не может служить доказательством существования сношений уйгуров с Танским государством. Впервые сообще-

ческой картины, нарисованной Л. Н. Гумилевым и подмены скрупулезного анализа фактов домыслами.

¹⁰³ СТШ, гл. 215А, с. 11а.

¹⁰⁴ Llu Mau-tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü), I — II. Wiesbaden, 1958, S. 212, 591, 592.

¹⁰⁵ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 274. Лю Мао-цай привел ряд сообщений китайских источников, свидетельствующих о существовании в это время понятия «девять телеских племен», при этом в отдельных сообщениях указываются названия некоторых из этих племен, например тунло, багу, хунь, пугу. См. также подборку сообщений китайских источников о телеских племенах за время с 686 г., приведенную в конце статьи. Эти материалы — доказательство употребления в это время понятия «девять племен» в смысле «девять племен телеских».

¹⁰⁶ ЦТШ, гл. 195 ~ 26.

ние о назначении уйгурского вождя на пост дуду появилось в 647 г., когда было проведено районирование территорий, населенных телескими племенами. С тех пор по традиции, независимо от того, существовали спомення или нет, уйгурские вожди и назначаются на эту должность.

Все говорит о том, что в этот период уйгуры сохраняли нейтралитет и не вмешивались в войну тюрков с Танским государством. Л. Н. Гумилев, описывая эти события, акцентирует внимание на враждебном отношении уйгуров к тюркам. Это вполне правдоподобное утверждение, и мы можем привести в его подтверждение только одно сообщение. В биографии танского полководца Пэй Син-цзяня говорится: «Фуняня преследовал вспомогательный корпус. Кроме того, уйгуры и другие [племена], находящиеся на севере от Гоби, оказывали нажим в южном направлении, попав в безвыходное положение, он сдался»¹⁰⁷. Эта запись сделана в связи с тем, что Пэй Син-цзянь присвоил себе заслуги пленения Фуняня, в действительности его преследовал и пленил командующий вспомогательным корпусом. Утверждение Л. Н. Гумилева, что «уйгуры или токуз-огузы в Халхе были верными слугами императора, так как на них все время сыпались награды и подарки»¹⁰⁸, не подкреплено реальными фактами. Выше мы уже привели доказательства того, что, начиная с 663 г., уйгуры не сносились с Танским государством. Мы знаем, с какой скрупулезностью придворные историографы заносили в свои анналы сведения о прибытии к императорскому двору «варварских» послов, при этом не имело значения, кого представлял этот посол — крупное государство или небольшое родо-племенное подразделение. А тут на протяжении 25 лет (663—687 гг.) нет сообщений ни об одном посольстве от уйгуров. И такой перерыв падает на время, когда Танское государство вело тяжелые агрессивные войны как на востоке, так и на западе, когда оно остро нуждалось в коннице, от наличия и боеспособности которой во многом зависел успех военных кампаний. До 660 г. танские власти широко использовали в своих военных походах великолепную уйгурскую конницу, и вдруг все кончилось, уйгуры перестали служить в войсках Танской империи.

После 687 г. в китайских источниках в течение еще довольно продолжительного времени нет сведений об уйгурах. И только в 20-х годах VIII в. вновь начинают появляться сообщения, позволяющие проследить их дальнейшую историю. Плохо освещена и история тюр-

рок в течение примерно 10 лет, начиная с 687 г. Нападение тюрков на уйгуров и переход их на север от пустыни Гоби более подробно описаны в тюркских источниках¹⁰⁹.

До начала освободительной борьбы тюрков за воссоздание Восточнотюркского каганата танские императоры успешно контролировали события в этом районе Центральной Азии, направляя их развитие в нужном для империи направлении. После 663 г. влияние внешних сил было сведено к минимуму. Попытки танских правителей восстановить утраченное влияние не увенчались успехом, потерпели фиаско и попытки последующих династий, правивших в Среднем государстве, вмешаться в дела этого района. Недостаточность, а иногда и полное отсутствие в китайских источниках сведений о тюрках и уйгурах за время в несколько десятилетий в конце VII и начале VIII в. создает трудности в изучении их истории. Некоторое представление о дальнейшем развитии процессов объединения кочевых племен могут дать события, наблюдавшиеся далеко к югу, в районе границы Танского государства, а также мероприятия танских властей, обусловленные ими, так как многое можно рассматривать как отражение военно-политических катаклизмов, происходивших к северу от границ Танской империи.

Выше мы уже сообщали, что на территории округа Линчжоу были созданы округа Яньжань, Цзилу, Цзitianь, Восточный Гаолян, Яньшань и Чжулун. Общая численность населения в этих округах равнялась 9709 чел., т. е. это были малые округа. Названия четырех округов (Яньжань, Цзилу, Цзitianь и Восточный Гаолян) совпадают с названиями округов, созданных в процессе районирования территорий к северу от пустыни Гоби в 647 г. Что касается округа Чжулун, то он был создан несколько позже 647 г. на территории, населенной народом цзюйлобо, и находился к северо-востоку от остальных телеских округов¹¹⁰. Округ Яньшань, по-видимому, был организован впервые, так как раньше он нигде не упоминается. О реорганизации этих округов в СТШ говорится следующее. Когда были созданы округа Яньжань, Цзилу, Цзitianь и Чжулун, то в них были учреждены дудуфу и они первоначально были подчинены наместничеству Яньжань. В 1-м году эры правления Кай-юань (22/XII 713 — 20/I 714 г.) дудуфу были упразднены, округа переданы в подчинение округа Линчжоу и временно размещены на территории уездов, входивших в состав округа Линчжоу. Округу Линчжоу были также подчинены округа Восточный Гаолян и Яньшань,

¹⁰⁷ ЦТШ, гл. 84, «Жизнеописание Пэй Син-цзяня», с. 106. С небольшими изменениями это сообщение повторено в «Жизнеописании Пэй Яня» (ЦТШ, гл. 87, с. 2а). Изложение этого сообщения имеется в СТШ (гл. 108, «Жизнеописание Пэй Син-цзяня», с. 56).

¹⁰⁸ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 273, 274, 281.

¹⁰⁹ Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 33, 34.

¹¹⁰ Чэнь Чжун-мянь (Указ. соч., с. 717) сообщает, что племя цзюйлобо (цзюэлоу, улохунь?) жило в районе современного г. Хайлар в Западной Маньчжурии.

время их создания в СТШ не указывается¹¹¹. В ЦТШ нет той преемственности между старыми и новыми округами, которую можно усмотреть из сообщения СТШ. В ЦТШ говорится о том, что после упразднения в начале эры правления Кай-юань (713—742 гг.) «округов шести ху» здесь вновь были созданы шесть округов, о которых идет речь; все эти округа были населены «племенами девяти фамилий» (цзю син було)¹¹². Мы уже отмечали выше, что Лю Мао-цай подтвердил мнение о том, что в танское время под «девятью племенами» надо понимать «девять племен теле», его доказательства заслуживают самого серьезного внимания. Сопоставление материалов СТШ и ЦТШ, приведенных выше, еще раз подтверждает этот вывод. В СТШ сообщается, что пять округов из шести были населены телескими племенами, указывается, какое племя проживало в каком округе (см. список округов, приведенный выше). Отмечается прямая связь между старыми и новыми округами и при этом не говорится о смене населения. В ЦТШ отдельные племена не упоминаются и говорится только, что населяли эти округа «племена девяти фамилий».

Причины перевода этих шести округов к границам Танского государства ясны. В результате усиления уйгуров, породившего стремление объединить под своей властью все родственные телеские племена и создать свое государство, а также вследствие успешного развития освободительного движения среди тюрков в степи происходила ожесточенная борьба, с одной стороны, с сепаратистскими стремлениями отдельных вождей, а с другой — с теми представителями кочевого общества, которые в результате подкупа и интриг стали проводниками политики Танского государства. И те и другие подвергались разгрому и уничтожению, но части из них удавалось бежать на юг к границам Танской империи в поисках защиты и покровительства. Такие откочевки к границам Среднего государства наблюдались, начиная с глубокой древности, причины их всегда были одни и те же. Переход к границам Танского государства особенно усилился после уйгуро-танской войны 660—663 гг., а также после вторжения тюрков на север от пустыни Гоби. Создание шести округов было оформлено надлежащим образом в 713 г., но это не значит, что и население этих округов обосновалось здесь также в этом году. Согласно многочисленным свидетельствам китайских источников, телеские племена появились у границ Танского государства значительно раньше, они продолжали откочевывать к границам, часто уходили назад в степь, и это движение продолжалось в течение нескольких десятков лет. Со-

здание шести округов свидетельствует только об упорядочении расселения ранее прибывших родо-племенных подразделений. В источниках имеются указания о том, что для телеских племен в разное время создавались и другие административно-территориальные единицы. После вторжения тюрков на север от Гоби у границ Танского государства появились отдельные группы уйгуров. Надо отметить, что административно-территориальные единицы для расселения кочевников очень часто существовали недолго и упразднялись. Это свидетельствует или о возвращении кочевников в степь, или о ликвидации округов, последовавшей вслед за возмущением поселенцев. Такие возмущения обычно происходили вследствие злоупотреблений местных властей или в результате несоблюдения танской администрацией условий, на которых отдельные группы кочевников водворялись в приграничной зоне.

Для иллюстрации изложенного приведем несколько наиболее характерных примеров в дополнение к тем, которые уже приводились выше.

В 686 г. взбунтовались племена тунло и пугу, кочевавшие в районе оз. Цзюйянь (сейчас это два озера — Гашун-Нур и Сого-Нур в низовьях р. Эдзин-гол). Генерал Лю Цзин-тун нанес этим племенам поражение, и они рассеялись¹¹³.

Во времена правления императрицы Цзэ-тянь (684—705 гг.) тюрки усилились и телеские племена, кочевавшие к северу от пустыни Гоби, были ими подчинены. Хуэйхэ (уйгуры), цибь, сыцзе и хунь переселились в округа Ганьчжоу и Лянчжоу (средняя часть современной пров. Ганьсу)¹¹⁴. Это сообщение не поддается точной датировке. Чэнь Чжун-мянь считает, что переселение телеских племен произошло в 695 г., он подчеркивает, что переселилась только часть каждого из упомянутых племен¹¹⁵.

В десятом месяце в день цзи-вэй 3-го года эры правления Кай-юань (12/XI 715 г.) вождям капитулировавших «девяти племен» — сыцзе, хусе, цибь, сеяньто и другим — были присвоены воинские звания¹¹⁶.

Во второй день первого месяца 4-го года эры правления Кай-юань (30/I 716 г.) императорским предписанием утверждена диспозиция проведения военных операций против кагана Мочжо (Капаган-кагана). В этой диспозиции нашлось место и вождю уйгуров Фудифу¹¹⁷.

В шестом месяце в день гуй-ю 4-го года эры правления Кай-юань (23/VII 716 г.) был

¹¹³ ЦТШ, гл. 203. По тексту, опубликованному Чэнь Чжун-мянем (Указ. соч., с. 312).

¹¹⁴ ЦТШ, гл. 199Б, с. 46.

¹¹⁵ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., с. 330.

¹¹⁶ ЦФЮГ, гл. 974, с. 166.

¹¹⁷ Чэнь Чжун-мянь. Указ. соч., с. 395. Фудифу был сыном Дуцзэжи.

¹¹¹ СТШ, гл. 43Б, с. 2а.

¹¹² ЦТШ, гл. 38, с. 17а, 17б.

убит Мочжо (Капаган-каган) кочевниками из племени баегу, которое входило в число «деяти племен». Его голова была отсечена и через танских чиновников препровождена в столицу Танского государства. Это событие произошло на р. Тола. Затем пришли и подчинились пять племен — хуэйху (уйгуры), тунло, си (байси — белые си), баегу и пугу. Расселены в степях к северу от воеводства Дау (район к северу от современной провинции Шаньси)¹¹⁸. Сообщение СТШ о том, что уйгуры в 716 г. помогали Танскому государству атаковать и уничтожить Мочжо, верно лишь наполовину: в уничтожении Мочжо уйгуры не участвовали¹¹⁹.

В императорском предписании, отданном во втором месяце в день у-цзы 6-го года эры правления Кай-юань (30/III 718 г.), говорится, что для оказания помощи «деяти племенам» выделено 30 тыс. танских войск. Из числа «деяти племен» здесь упоминается баегу, тунло, хуэйхэ и пугу. Эти мероприятия проводились в связи с мобилизацией танских и «варварских» войск для проведения операций на севере против тюрков¹²⁰.

В третьем месяце в день жэнь-цзы 7-го года эры правления Кай-юань (18/IV 719 г.) племени тунло, входившему в состав «деяти племен», пожаловано сто кусков шелка, а в четвертом месяце (24/IV—23/V 719 г.) дуду племени тунло прислал подарки¹²¹.

В 720 г. в крепости Средний Шоусянчэн были казнены более 800 представителей племени седе и пугу, подозреваемых в намерении войти в соглашение с тюрками¹²².

«Летом в четвертом месяце в день гэн-инь 9-го года эры правления Кай-юань (25/V 721 г.) главари восставших ху из округа Ланьчжоу: псевдобягу Кан Дай-бинь и Ань Му-жун, псевдобольшой генерал Хэ Хэй-ну, шад племени доланьгэ (?), псевдогенералы Ши Шэнь-ну, Кан Те-тоу и другие базировались в уезде Гунцюань (= Чанцюань), напали и захватили округа шести ху. Министр военных дел Ван Цяюнь мобилизовал войска в Лунъю и «девятнадцать племен» Хэдуна (современная пров. Шаньси) для проведения карательной операции»¹²³.

При рассмотрении этой подборки материалов обращает на себя внимание прежде всего срав-

нительно немногочисленное количество сведений о теле и уйгурах. За небольшим исключением, все эти сведения относятся к той части телеских племен, которая оказалась к югу от пустыни Гоби у границ Танского государства. Нет сведений о телеских племенах, в том числе и об уйгурах, основная масса которых кочевала к северу от пустыни Гоби. Все это можно рассматривать как доказательство того, что сношения с уйгурами и другими телескими племенами, кочевавшими к северу от Гоби, прерванные в 663 г., так и не возобновились. Однако мы не можем отрицать возможности существования сношений, они могли не попасть на страницы летописей. Первое известное нам посольство, зарегистрированное в китайских источниках, прибыло к танскому императорскому двору только в 727 г.¹²⁴

Танские власти стремились использовать телеские племена для борьбы с тюрками, но часто наталкивались на сопротивление. Племена не хотели становиться орудием экспансионистской политики Танского государства, бунтовали и откочевывали от границ империи. Есть сообщения о жестоких расправах с непокорными.

Возникает вопрос, почему в источниках после описания перехода некоторых племен к границам Танского государства в одних случаях пишется о создании для их размещения административно-территориальных единиц, а в других вслед за сообщением о том, что они «капитулировали» или «присоединились», говорится, что они «размещаются к северу от...» или «кочуют в районе...». Есть и другие варианты таких сообщений. Прямых разъяснений в источниках не обнаружено. Думается, что все дело в степени зависимости. Племена (чаще части племен или отдельные семьи), попадавшие в полную зависимость от пограничных властей, размещались в создаваемых административно-территориальных единицах и находились под контролем и неусыпным надзором властей. Кочевавшие же вдоль границ или даже внутри укрепленной линии Танского государства фактически сохраняли известную независимость, хотя и рассматривались властями как подданные империи.

Создание административно-территориальных единиц для размещения «варваров» преследовало вполне определенные цели. В них находили убежище не только осколки некогда могущественных кочевых государств, но и отдельные ставленники империи, потерявшие опору в степи. Мы уже упоминали, что в «варварских» округах, созданных танскими властями, до поры до времени сохранялись кадры, которые могли быть использованы после подготовки в качестве проводников полити-

¹¹⁸ ЦТШ, гл. 8, с. 76.

¹¹⁹ СТШ, гл. 217А, с. 26. См. перевод Н. Я. Бичурина (Собрание сведений..., т. I, с. 306). Непонятно почему Н. Я. Бичурин вставил «663 г.». В китайском тексте этого источника дата не указана, она устанавливается по другим текстам.

¹²⁰ ЦФЮГ, гл. 986, с. 17а; гл. 992, с. 8а, 8б.

¹²¹ Там же, гл. 974, с. 196; гл. 971, с. 36.

¹²² ЦТШ, гл. 93, «Жизнеописание Ван Цяюня», с. 9а.

¹²³ ЦТШ, гл. 8, с. 10а. Здесь слово «псевдо» (в китайском тексте оно передается словом «вэй» — «ложный, марионеточный») означает, что все эти должности не были признаны танскими властями, а присвоены самостоятельно.

¹²⁴ ЦТШ, гл. 8, с. 15а.

ки Танского государства среди «варварских» народов. Что касается «шести округов», то в них были размещены те представители телеских племен, которые тесно сотрудничали с танскими властями в их попытках поставить под свой контроль территории к северу от Гоби, где искони кочевали эти племена. Сохранение названий у шести округов после перемещения части их на юг и воссоздание их на новом месте можно объяснить желанием подчеркнуть, что танские власти не намерены отказываться от планов вмешательства в дела телеских племен.

Выводы

Отдельные племена и группы кочевников издавна находили убежище у Великой Китайской стены. Однако они получали возможность кочевать здесь за определенную плату — плату кровью и покорностью. Более крупные родоплеменные группы, кочевавшие вне административно-территориальной системы Танского государства, находились в лучшем положении, так как сохраняли некоторую самостоятельность. Более мелкие группы, размещенные в округах и малых округах, подчиненные правителям танских округов и уездным начальникам, жили под неусыпным надзором местной администрации, малочисленность и разрозненность ставили их в полную зависимость от администрации. Здесь ковались кадры проводников политики империи в степи.

Создавая большое число малых округов для мелких родоплеменных групп, численность которых часто не превышала несколько сот человек, власти стремились не допустить объединения их в крупные группы. В этом также можно усмотреть проявление принципа «руками варваров — подавлять варваров». Малые округа создавались не только для тюрок, но и для тангутов.

На протяжении более 30 лет (630—633 гг.) танские власти успешно применяли принцип «руками варваров — подавлять варваров» в своих взаимоотношениях с населением восточной части Центральной Азии. Несколько дольше применение его приносило плоды в степях к югу от пустыни Гоби.

Территория к югу от пустыни Гоби не была присоединена к Танскому государству после крушения Восточнотюркского каганата. После 630 г. она некоторое время оставалась заброшенной, позднее на нее стали претендовать сеяньто. Опасаясь появления здесь сеяньто и желая столкнуть их с тюрками туцюз, император Тай-цзун не препятствовал возвращению тюрок на эти территории.

В результате уйгуро-танской войны 660—663 гг. на севере от пустыни Гоби появилось

кочевое государство, главенствующую роль в котором играли уйгуры. История Уйгурского каганата начинается, по нашему мнению, с 663 г., когда уйгуры освободились от зависимости, которую до этого пытались навязать им владыки Танской империи.

В 663 г., после уйгуро-танской войны, было полностью ликвидировано влияние Танского государства в степях к северу от Гоби. В 679 г. началась борьба за восстановление Восточнотюркского каганата, что привело к ликвидации влияния Танского государства в степях и к югу от пустыни Гоби.

Приложение

Случаи употребления внешнеполитического метода «руками варваров — подавлять варваров» и варианты формулировок

«Руками варваров — подавлять варваров» — один из основных внешнеполитических принципов, появился во время правления династии Хань. Это произошло в первой половине II в. н. э. Китайский ученый Чэнь Дэнь-юань специально занимался историей вопроса и опубликовал подборку случаев употребления этой формулы, главным образом в династийных хрониках¹. Он отмечает, что эта формула, родившаяся при династии Хань, передавалась из поколения в поколение и дожила до династии Цин. Чэнь Дэнь-юань высказал опасение, что в будущем она может серьезно омрачить межгосударственные отношения.

Обращение Чэнь Дэнь-юаня к династийным хроникам не случайно. Эти сочинения на протяжении полутора тысяч лет являлись важнейшими учебными пособиями при подготовке кадров для правительственного аппарата страны, и все в них изложенное впиталось в плоть и кровь руководящей верхушки китайского общества, да и не только верхушки. Отдельные положения китаецентристской концепции были восприняты и простым народом. Материалы, опубликованные Чэнь Дэнь-юанем, представляют большой интерес, и мы считаем необходимым привести их здесь в кратком изложении).

«Хань шу» (гл. 49, с. 10а): «И маньши — гун маньши» — «варварами — атаковать варваров». Здесь «маньши» общее название для варваров, как северных, так и южных. Из доклада Чао Цю императору по поводу взаимоотношений с сюнну. Чао Цю занимал высокие посты при дворе и был казнен с целью успокоения восставших князей, будучи в должности председателя палаты цензоров².

¹ Чэнь Дэнь-юань. Гоши цю вань (Старинные сведения из истории страны), ч. 1. Пекин, 1953, с. 567, 568. Отметим, что в этом небольшом тексте (всего около 500 иероглифов) встречается около 10 серьезных ошибок. Так, вместо Дэнь Сюня указан Чжэн Сюнь, а вместо Чэн Каня — Чэн Цянь. Чжэн Сюнь и Чэн Цянь вообще не зарегистрированы в династийных хрониках. Характер ошибок свидетельствует о небрежности при наборе текста. Все сведения, взятые из сводки Чэнь Дэнь-юаня, были проверены по тексту династийных хроник (в издании «Бо-на», Пекин, 1953) и в приведенном списке сделаны исправления.

² «Ши цзи», т. II, с. 248, 469 (М., «Наука», 1975).

«Хоу Хань шу» (гл. 16 (46), с. 13а)³: «И и — фа и» — «варварами — идти войной на варваров». Из биографии Дэн Сюня, крупного чиновника, занимавшего высокие посты в ханьской пограничной администрации и имевшего непосредственное отношение к «варварам». Чэнь Дэн-юань сообщает, что Дэн Сюнь сформулировал этот внешнеполитический метод как «И и — чжи и», возможно, в других изданиях «Хоу Хань шу» так и говорится. Здесь употреблен иероглиф *чжи* — «подчинять, обуздывать, приводить в порядок». Формулировка «И и — фа и» повторяется и в гл. 89 (119) («Повествование о сюнну»), с. 186⁴, этого же источника, а в гл. 47 (77), с. 76, в биографии крупного военачальника и дипломата Бань Чао находим «И иди — гун иди» — «варварами — атаковать варваров». Здесь «иди» общее название для восточных и северных «варваров». Все эти формулировки родились в процессе борьбы Ханьского государства с сюнну.

«Синь Тан шу» (гл. 107, с. 86). — «Иди сян гун» — «нападение одних варваров на других». Упоминается в жизнеописании Чэнь Цзы-аня, крупного литературного деятеля и поэта начального периода правления династии Тан. В качестве советника Чэнь Цзы-ан принимал участие в походе против киданей.

«Сун ши» (гл. 265, с. 25а, Жизнеописание Чжан Ци-сяня, занимавшего одно время пост военного министра, и гл. 292, с. 4а, Жизнеописание Чэнь Каня, военного уполномоченного в округе). Повторяется формулировка «Хань шу» (гл. 49). В гл. 273, с. 86, в биографии Хэ Чэн-цзюя, командира ополчения в округе Цичжоу, находим другую формулировку: «И мань — фа мань» — «варварами — идти войной на варваров».

³ В издании «Бо-на» 36 глав «чжи» (трактаты) перенесены в конец «Хоу Хань шу», что изменило нумерацию глав после «Основных анналов». В скобках указана нумерация для изданий, где трактаты находятся на своем месте.

⁴ «Повествование о сюнну» из «Хоу Хань шу» переведено В. С. Таскиным. См.: *Материалы по истории сюнну*, вып. 2. М., «Наука», 1973, с. 68—99.

В гл. 350, с. 86, «И вайи эр гун вайи» — «варварами — атаковать варваров». Здесь «вайи» — внешние «варвары», т. е. не подчиняющиеся Китаю, закордонные, независимые народы. Эта формулировка упоминается в жизнеописании Ван Вэнь-юя, принимавшего активное участие в войне с тунгутами.

«Юань ши» (гл. 134, с. 106): «Инь мань — гун мань» — «варварами — атаковать варваров». Из жизнеописания Тухулу — заместителя начальника военного департамента.

«Мин ши» (гл. 166, с. 18а): «И и — чжи и» — «при помощи варваров — управлять варварами». Эта формулировка взята из жизнеописания Чжан Юя — заместителя командующего экспедиционной армией, по-видимому, впервые эта внешнеполитическая формула содержит иероглиф *чжи* — «управлять, устроить, умиротворить». Чэнь Дэн-юань в своем обзоре дает «И и — гун и», видимо, это ошибка наборщика. В гл. 227, с. 76, «И и — гун и» — «варварами — атаковать варваров». Из жизнеописания Ли Цзя — крупного вельможи и литератора.

Таким образом, мы привели 10 различных формулировок одного из важнейших методов внешней политики императорского Китая. При этом надо обратить внимание на то, что между этими формулировками нет принципиального различия, все они говорят о подавлении одних «варваров» силами других «варваров». Поэтому русский вариант этой формулы — «руками варваров — подавлять варваров» вполне соответствует духу и букве оригинальных текстов. Встречающаяся в некоторых отечественных работах формула «руками варваров — управлять варварами» является буквальным переводом только одной, девятой формулировки, появившейся в Китае позже других — во время правления династии Мин (1368—1644 гг.). Этот русский вариант не отражает подлинного содержания основополагающего внешнеполитического принципа Китая, более того, он допускает произвольные толкования, могущие представить внешнеполитическую деятельность правителей Китая на протяжении многих сот лет чуть ли не в розовом свете.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНЫХ КИДАНЕЙ

В 1125 г., когда отряды чжурчженских воинов преследовали по пятам последнего императора уже практически не существующей, а некогда грозной империи Ляо, часть киданьских племен во главе с принцем императорского рода Елюй Даши двинулась на запад в надежде, собрав воедино все силы, спасти честь и восстановить былое могущество своей родины. Это им не удалось, зато на карте средневековой Центральной Азии появилось новое государство — империя Западная Ляо. Весть о государстве западных киданей докатилась до взбудораженной Европы, охваченной желанием во что бы то ни стало освободить из рук неверных гроб господень, и вселила в сердца крестоносных фанатиков надежду на помощь с Востока. Воображение же мусульманских рыцарей воспламенилось сокрушительным поражением Великого Сельджука султана Синджара в Катванской степи под Самаркандом.

Многого мы еще не знаем об этом государстве: о его социально-экономическом строе, государственном устройстве, культуре, даже о его политической истории, изученной глубже других вопросов. Сведения источников передко отрывочны, неполны и тенденциозны. Археологическое же изучение этого государства оставляет пока желать лучшего.

А между тем империя Западная Ляо играла далеко не последнюю роль в сложной и бурной истории Центральной Азии в домонгольский период. Без нее трудно себе представить средневековую Среднюю Азию, трудно понять и объяснить многие факты ее истории. Империя Западная Ляо — плоть от плоти собственно киданьского государства — империя Великая Ляо, ее детище.

Поэтому и к ней можно отнести слова, сказанные русским синологом В. П. Васильевым о варварских династиях киданей и чжурчженей: «...история этих двух династий составляет один из важнейших фактов среднеазиатской истории, без них мы не поймем даже причины

появления Чингисхана и предводимых им монголов»¹.

Основываясь на скудных данных источников, а также учитывая, что эта империя была создана племенами, социально-экономический строй которых более или менее известен, что она является в какой-то степени продолжением ляоской империи, можно уже сейчас попытаться путем сопоставления разрозненных косвенных данных, путем логического их осмысления, экстраполяции дать ответы на ряд вопросов.

Данная статья представляет собой попытку осветить некоторые проблемы экономической истории Западной Ляо. Главная ее цель — постановка проблемы, привлечение к ней внимания исследователей.

Империя западных киданей окончательно сложилась к 1141 г., когда после битвы в Катванской степи власть гурхана Елюй Даши распространилась на огромную территорию от Аму-Дарьи на западе² до государства тангутов на востоке, от Енисея на севере до Балха и Хотана на юге. По размерам она не уступала таким гигантам того времени, как Золотая империя чжурчженей и Южносунское государство. Однако империя эта как в этническом, так и в социально-экономическом отношении была неоднородной. Входящие в ее состав многочисленные племена и народности находились на разных ступенях общественного развития — от родового строя до развитых феодальных отношений. Поэтому экономика каракитайского государства носила смешанный характер. Источники говорят о существовании в западной империи кочевого скотоводства, о широком распространении земледелия, шелковод-

¹ История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах В. П. Васильева. — В кн.: Тр. Вост. отд. императорского археологического общества, ч. IV. СПб., 1859, с. 3. (В дальнейшем: *Васильев В. П. Указ. соч.*).

² По И. Э. Фишеру — от Каспийского моря. См.: *Фишер И. Э. Сибирская история, с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774, с. 10.*

ства, виноградарства, различных ремесел. Кочевое скотоводство у додинастических киданей и киданей периода империи Ляо имело решающее значение. Оно продолжало играть ведущую роль и в хозяйстве империи Западная Ляо. Более того, в Западной Джунгарии и Семиречье, на территории, удобной для кочевников и полукочевников благодаря разнообразию горных и степных пастбищных угодий, оно получило дальнейшие стимулы для своего развития. В условиях сурового климата кочевник мог иметь только такое количество животных, какое способен был прокормить зимой. А ведь он должен был еще обеспечить запасы пищи для себя и своей семьи. После того как в состав империи были включены богатые сельскохозяйственные территории, жизнь кочевников значительно облегчилась, хотя и теперь благополучие стад номада во многом зависело от погодных условий³. Продукты, которые кидани не могли получить в своем хозяйстве, они приобретали у оседлых покоренных народов. Это способствовало накоплению сельскохозяйственных излишков, стимулировало товарообмен, вызывало рост поголовья скота.

Источники, китайские и мусульманские, перестают упоминаниями о быках, овцах, верблюдах, лошадях, которых разводили кидани; они единодушны в том, что кидани прилагали большие усилия для того, чтобы собрать и вырастить свои стада. Так, читаем: Елюй Даши бежал от императора Тянь-цзо с 200 всадниками, онгути, у которых оказались беглецы спустя три дня, подарили им 400 лошадей, 20 верблюдов и тысячу овец. В западной крепости Хотунь на Орхоне Даши собрал 20 тыс. киданьских воинов-ветеранов, хорошо обученных и вооруженных, имевших немалый военный опыт кавалерийских атак, наводивших ужас на жителей оседлых районов. Вместе с гарнизоном Елюй Даши получил и казенные табуны, что не только значительно увеличило его боевую мощь, но в конечном итоге спасло его, позволив уйти от наседавших отрядов чжурчженей. В Бишбалыке главы семи оседлых областей Притяньшанья и вожди 18 племен помогли ему создать 10-тысячный кавалерийский корпус для отражения их общего врага — чжурчженей и восстановления империи. Уйгурский каган подарил ему большое количество лошадей, верблюдов и овец⁴. Так у неукротимого принца появилась отлично оснащенная, хорошо вооруженная и вполне боеспособная армия, которая под его руководством «прошла 10 тысяч ли, низвергая царства и получая несметное количество верблюдов, лошадей, рогатого скота, овец и това-

ров»⁵. А в Средней Азии силы Даши увеличились за счет множества киданей, отчаявшихся победить свирепые полчища Агуды и искавших пристанища у мусульманских феодалов, которые, ценя их военные навыки, охотно брали их на службу и доверяли им охрану своих восточных границ. В 1128 г. у правителя Самарканда было на службе около 16 тыс. киданьских шатров⁶. Подвластные территории платили каракитайскому гурхану дань не только деньгами и товарами, но и скотом⁷.

Таким образом, как и в период империи Ляо, западные кидани продолжали разводить огромные стада, состоящие преимущественно из овец «с большими хвостами», быков, верблюдов и лошадей. Из шкур овец шили одежду⁸, их шерсть, вероятно, служила исходным материалом при изготовлении войлока для шатров⁹. В сочинении К. Виттфогеля и Фэн Цзя-шэпа приводятся важные сведения¹⁰. И овцы и быки принимались в качестве дани от вассальных племен, как это практиковалось и в Ляо. Бык служил средством транспортировки. Верблюда западные кидани ценили за шерсть и молоко. Тысячи верблюдов собирались в караваны. Но самую большую ценность в глазах киданей имела лошадь. Верховом на лошадях воины армии каракитаев выступали в походы. Лошадей требовали в первую очередь от своих данников каракитайские гурханы. Любимым папитком киданьских воинов было кобылье молоко. Огромные стада лошадей паслись на пастбищах в Семиречье и Южном Казахстане. Все они, как правило, принадлежали правительству в лице гурхана. По закону, изданному первым гурханом Елюй Даши, никто не получал в управление уделов, ни один военачальник не мог командовать более чем сотней воинов¹¹. Это была разумная мера предосторожности в период, когда создавалась армия мятежного принца путем привлечения добровольцев из различных скотоводческих племен, полагаться на которых было трудно. Особенно опасными могли оказаться их вожди. Исключение делалось только на время боев и то, надо полагать, лишь для полководцев — киданей по происхождению. В битве с объединенными силами мусульманских владетелей в 1124 г. Сяо Ва-ли-ла, Елюй Сун-шань и другие принцы командовали крупными отрядами киданьских воинов. А в 1134 г. Сяо Ва-ли-ла повел 70-тысячную армию на восток, через пустыню,

⁵ Bretschneider E. V. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 1. London, 1888, p. 215.

⁶ Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. Op. cit., p. 634.

⁷ Ibid., p. 662.

⁸ Васильев В. П. Указ. соч., с. 184.

⁹ Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. Op. cit., p. 153.

¹⁰ Ibid., p. 117, 154, 359, 392, 662.

¹¹ Бартольд В. В. Каракитая. — В кн.: Сочинения, т. V. М., 1968, с. 544.

³ Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society: Liao. (907—1125). Philadelphia, 1949, p. 126.

⁴ Ibid., p. 631, 634, 636.

чтобы восстановить былую славу Ляо¹². Этот же военачальник произвел государственный переворот в 1169 г., окружив всадниками императорский дворец¹³. Однако есть сообщения, что некоторые знатные кидани могли иметь до 18 тыс. кобыл и много жеребят. Собственное походное снаряжение человека высокого ранга включало, помимо лошадей, множество верблюдов, рабов, шатров, верхнюю одежду, ковры¹⁴. В. В. Бартольд даже пишет: «...рассказы мусульманских писателей заставляют думать, что могущество некоторых кара-китайских вельмож мало уступало могуществу самого гурхана»¹⁵.

Правительственные стада лошадей использовались преимущественно для военных целей; каждый всадник получал кроме боевой одну выючную и одну запасную лошадь. Большое количество лошадей использовалось в императорских охотах¹⁶.

В ляоской империи существовал особый пост главного хранителя императорских стад. Чиновник, главный комиссар стад, ведал регистрацией поголовья скота и учетом продуктов животноводства. Были также чиновники, ответственные за отдельные стада, конюшни, маршруты стад. Правительственные животные отмечались особым клеймом на левом боку¹⁷. Основываясь на том, что кочевое скотоводство и в западной империи продолжало играть ведущую роль в хозяйстве, можно предположить, что и здесь назначались чиновники с подобными функциями.

И лошади и быки по-прежнему использовались во многих церемониях, в частности в церемонии жертвоприношения Небу, Земле и предкам¹⁸. Западные кидани проявляли большую заботу о своих стадах. Мусульманский историк Джувеини подтверждает это, рассказывая о том, что каракитай заботились, чтобы их «скот рос упитанным...»¹⁹.

К. Виттфогель и Фэн Цзя-шэн задаются законным вопросом: предпочитали ли каракитай подобно своим ляоским предшественникам кочевое существование прелестям оседлой жизни? И отвечают: да, в степях и оазисах Туркестана западные кидани встретились с условиями, похожими на условия их далекой, безвозвратно потерянной родины, где наряду с оседлым существовало огромное кочевое население, и легко приспособились к этим условиям. К тому

же у них перед глазами был пример караханидских илек-ханов. Караханид Шамс аль-Мульк (1068—1080 гг.), известный как справедливый правитель и строитель прекрасных зданий, тем не менее продолжал вести кочевое существование²⁰. Нам представляется, что ответ на этот вопрос далеко не так прост. Дело здесь скорее всего в том, что кидани всегда были преимущественно скотоводами, кочевое скотоводство являлось ведущей отраслью их хозяйства, хотя отдельные группы киданей постепенно переходили к более прогрессивным формам ведения хозяйства. Большинству населения Средней Азии, находящемуся по сравнению с завоевателями на более высокой ступени социально-экономического развития, кидани были чужды. Со своим кочевым укладом они были инородным телом в экономике данного региона. Недаром и столица их находилась на окраине цивилизованного среднеазиатского мира, посредине между китайским и среднеазиатским очагами цивилизации.

Как явствует из рассказа трех уйгурских купцов, приведенного в «Цзинь ши», столица государства каракитаев представляла собой огромный палаточный лагерь, наподобие существовавших в период великоляоской империи зимних набо: «Лагерь, в котором кидани живут, так огромен, что нужно поддняя, чтобы обойти его вокруг»²¹. О подобном лагере киданьского императора писал в стихотворении сунский посол Би Чжун-ю, посетивший его в 1055 г.:

Ветер с границы несет снег,
Покрывающий войлочный город.
В месте, где стоит войлочный город,
Находится военный лагерь²².

Гийом де Рубрук, фламандский монах, возглавлявший дипломатическую миссию, посланную Людовиком IX к Великому Хану, по пути в Каракорум встретился с отдельными племенами каракитаев и найманов, которые после монгольского нашествия были отеснены в горные районы на север старой своей империи. Он говорил: «Эти два народа не возделывают землю, но как татары живут в шатрах»²³.

Кочевые кидани продолжали также заниматься охотой. Процесс вытеснения охоты кочевым скотоводством, продолжавшийся и в западной империи, не завершился полной ликвидацией этой отрасли хозяйства. Скотоводы, не желая убивать своих животных, дающих молоко, вынуждены были пополнять мясные запасы за счет диких животных. Кроме того, как и в ляоской империи, охота здесь служила

¹² Bretschneider E. V. Op. cit., p. 215, 217.

¹³ Ibid., p. 218.

¹⁴ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662.

¹⁵ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — В кн.: Сочинения, т. II. ч. 1. М., 1963, с. 52.

¹⁶ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 218, 223.

¹⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 130, 131, 482, 662.

¹⁸ Conon H., von der Gabelentz. Geschichte der Grossen Liao. СПб., 1877. (Пер. Тюрюминой Л. В., рук., т. X, с. 18).

¹⁹ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 131.

²⁰ Ibid., p. 661.

²¹ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 222.

²² Таскин В. С. Походные лагеря киданьских императоров. — В кн.: Китай: общество и государство. М., «Наука», 1973, с. 113.

²³ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 663.

формой подготовки войск, во время охоты воины приобретали боевые навыки. Когда в 940 г. цзиньский чиновник Цуй Цюн-гу сказал киданьскому императору Тай-цзуну: «Император династии Цзинь слышал, что вы, ваше величество, часто выезжаете на охоту, и намерен просить, чтобы Вы воздержались от этого», Тай-цзун ответил: «Я занимаюсь охотой не потому, что стремлюсь просто к развлечениям, а для того, чтобы упражняться в военных делах»²⁴. Да и добыча охотников шла на пополнение продовольственных запасов армии. Большая императорская охота была грандиозным мероприятием. Для захвата последнего киданьского императора-гурхана Чжунху, когда тот был на охоте, найманскому царевичу Кучулуку пришлось залечь в засаду с 8 тыс. воинов²⁵. О том, как проходила охота, на кого охотились карайтайские правители, источники молчат, и мы можем только предполагать, что, как и ляоские императоры, они занимались соколиной охотой, охотой на степных животных и охотой в горах²⁶.

Третьей традиционной отраслью киданьского хозяйства было рыболовство, которое играло в кочевом скотоводческом хозяйстве вспомогательную роль. Занимались рыболовством кидани с давних времен, и поэтому оно считалось почетным. К тому же в состав империи входили племена, экономика которых была основана на рыболовстве. Они поставляли рыбу в качестве дани или продавали ее на рынках. В ляоской империи рыболовство существовало и как развлечение, своеобразный вид спорта. Сам император не считал для себя зазорным ловить рыбу и делал это каждый год, приезжая на весеннее набо. Существовало ли рыболовство в Западной Ляо, об этом источники молчат. Можно лишь предположить, что если оно и существовало, то уже не играло той роли, какую играло в Ляо. Рек, богатых рыбой, в непосредственных владениях гурхана было не так уж много, и рыбной ловлей занимались, вероятно, лишь небольшие группы киданей, поселившиеся на берегах рыбных озер и рек, да местное население, для которого это было традиционным занятием.

Еще в IV в. н. э. у киданей, в немалой степени под влиянием земледельческих соседей, большого развития достигло земледелие, которое в период империи Ляо наряду с кочевым скотоводством стало основной отраслью хозяйства. Киданьские правители довольно быстро осознали выгоды земледелия. В VIII в. Юнь Де-ши «изучил преимущества земли, чтобы научить людей возделыванию [земли]». Он «первый научил людей сеять и жать». Около

900 г. дядя первого киданьского императора Шу-лань «приказал населению страны сажать шелковичные деревья и коноплю». К 922 г. он все свое внимание сосредоточил на земледелии²⁷. Киданьские императоры принимали особые меры, направленные на увеличение продуктивности земледелия²⁸. По их приказу большие группы крестьян переселялись на старые племенные территории, чтобы увеличить там запасы пищи и обеспечить дополнительную рабочую силу. Всячески поощрялись подвиги целины, посадки шелковичных деревьев, выращивание различных сельскохозяйственных культур. Киданьские феодалы, владевшие огромными стадами лошадей, быков и овец, ожесточенно сопротивлялись этим мерам правительства. Они насильно сгоняли крестьян с земли и превращали поля в пастбища, охотились, мешая земледельцам, а подчас просто выгоняли свой скот на поля²⁹. Правительство и император запрещали подобные акты, даже наказывали за них, но это мало помогало. Большинство киданей не принимало полностью оседлый образ жизни. Император Тянь-цзо, когда ему сообщили, что оседлое население голодает, очень удивился: «Почему они не едят творог?»³⁰ И знатные и рядовые кидани продолжали кочевать с места на место в поисках пищи для скота. Только богатые скотоводы могли позволить себе оставить нескольких слуг обрабатывать землю, в основном же земледельческие работы выполнялись неимущими людьми, женщинами и военнопленными. Поэтому земледелие процветало в основном на захваченных китайских и бохайских территориях.

Когда Елюй Даши пришел со своей армией в Туркестан, он нашел там уже прочно установившийся, со стародавними традициями экономический порядок. Ему не было нужды улучшать его, да он и не смог бы это сделать, ибо кидани по сравнению с местным населением стояли на более низкой ступени социально-экономического развития. Наоборот, киданям пришлось во многом перестраивать свое хозяйство и свой быт, ориентируясь на более развитую экономическую систему. Недаром Елюй Даши, объявив себя ханом, тут же назначил «чиновников севера и юга», т. е. чиновников для управления кочевым и оседлым населением³¹. Задолго до Елюй Чу-цая, канц-

век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 246, 247; *Таскин В. С.* Указ. соч., с. 103—104.

²⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 135, 149.

²⁸ Думан Л. Н. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем.—«Уч. зап. Ин-та Востоковедения». Т. XI. Китайский сборник. М., 1955, с. 21.

²⁹ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 125, 130.

³⁰ Ibid., p. 125.

³¹ Тюрюмина Л. В., Ларичев В. Е., Лебедева Е. П. Указ. соч., с. 245.

²⁴ *Таскин В. С.* Указ. соч., с. 114.

²⁵ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 218.

²⁶ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 348, 374; Тюрюмина Л. В., Ларичев В. Е., Лебедева Е. П. Гибель империи Ляо.—В кн.: Бронзовый и железный

лера Чингисхана, он понял, что получить империю, сидя на лошади, можно, но управлять ею, сидя на лошади, невозможно³². И отдельные группы киданьских кочевников начали переходить к иным формам ведения хозяйства. Даоский проповедник китаец Чан Чунь, живший в Цзинь и ездивший к Чингисхану в 1221—1224 гг. по его вызову, посетил территорию бывшей каракитайской империи³³. Его рассказ позволяет нам смоделировать примерную картину западноляоского земледелия, а привлечение некоторых китайских и мусульманских источников дает возможность сделать вывод о том, насколько широко было распространено земледелие в империи Западная Ляо. Разумеется, имеются в виду только восточные ее районы, ибо в западных пределах империи, собственно среднеазиатских районах, земледелие уже издавна было ведущей отраслью хозяйства.

Чан Чунь отмечает обилие воды и травы, плодовых деревьев в районах обитания каракитаев³⁴ и тут же сообщает о том, что местные жители «были неспособны управлять своими полями и садами сами и вынуждены полагаться на китайцев, киданей и тангутов»³⁵. Три уйгурских купца, прибывших в 1175 г. на цзиньскую границу в поисках убежища от каракитаев, сообщили, что жители столичной области «занимаются сельским хозяйством и каждый год платят одну десятую их продукции правительству»³⁶. Абуль Гази-хан хивинский (XVII в.) даже утверждал, что кидани после основания г. Имиль «посвятили себя сельскому хозяйству и вскоре сделали страну процветающей»³⁷. Это заявление слишком неосторожно, ибо никакими другими, более ранними источниками не подтверждается. Хотя нельзя не отметить, что земледелие у киданей периода империи Западная Ляо сделало дальнейший шаг по сравнению с ляоским периодом. Этому в немалой степени способствовало не только наличие развитого земледелия у их западных соседей — среднеазиатских народов, но и то, что западные кидани продолжали поддерживать отношения с сунской империей и со своей бывшей родиной, поправкой чжурчженями. Чжурчженский император Ши-цзун (1161—1189 гг.) заявил: «Сунцы радуются возникновению происшествий в тылу и с Да-

ши поддерживают сношения», т. е. киданьские восстания, обычно кончавшиеся бегством части восставших в Западную Ляо, учащались. «Цзинь ши» сообщает, что группа киданей с границы, спасаясь, бежала к Даши в 1161 г. Саба после неудачного мятежа скрылся в Западной Ляо³⁸. Несомненно, среди этих беглецов были люди, обладавшие помимо неукротимой жажды свободы и кое-какими практическими навыками. Именно общность экономических занятий позволила впоследствии определенной части киданей раствориться в местном населении: «В настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуйхэ (мусульман)»³⁹.

Каракитайские земледельцы, судя по рассказам Чан Чуня и цзиньского посла Угусуна Чжун Дуаня, выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, лук, тыквы, весившие до 36 кг, коноплю, хлопок («шерсть, которая растет в земле») ⁴⁰, арбузы, гречиху, яблоки, рис, бобовые. Как пишет Чан Чунь, «плоды те же, что в Китае»⁴¹. Китайский министр, киданин по происхождению, Елюй Чу-цай, сопровождавший Чингисхана в 1212 г. в его походе на запад, отмечает, что жители Алмалыка (глубинные владения гурханов), подобно китайцам, возделывали все пять родов хлебных растений⁴².

В рассказе Чан Чуня упоминается и о наличии ирригационных сооружений и полей: «...целое лето и осень не бывает дождя, поэтому поля орошаются водой из рек, посредством канав, отчего хлеба и поспевают»⁴³. Чан Дэ, посетивший в 1259 г. империю, нашел в ее стенах много ирригационных рвов и каналов⁴⁴. Киданин Елюй Чу-цай в одной из своих поэм говорит о важности каналов для благосостояния страны. Благодаря им ежегодная уборка урожая никогда не прекращается и не бывает в государстве голода. Особенно замечательными были ирригационная система р. Зарафшан, существовавшая с давних времен, и каналов Самарканда. Ирригационные поля существовали и в Ляо, на них киданьские земледельцы выращивали рис⁴⁵.

Чан Чунь сообщает о большом количестве тутовых деревьев, жужуба, восхищается тканью тулума, которая походит на «ивовый пух, чиста, тонка и легка, из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и де-

³² История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829, с. 154.

³³ Кафаров П. И. (Палладий). Путешествие даоского монаха Чан Чуня на Запад («Си-ю-цзи, или описание путешествия на Запад»). — Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV. СПб., 1866, с. 304 и сл.

³⁴ Ibid., с. 304.

³⁵ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662.

³⁶ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 222.

³⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662.

³⁸ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X—1234). Исторический очерк. М., «Наука», 1975, с. 337.

³⁹ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 29.

⁴⁰ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 661, 662.

⁴¹ Кафаров П. И. Указ. соч., с. 307.

⁴² Бартольд В. В. Указ. соч., т. II, ч. 1, с. 57.

⁴³ Кафаров П. И. Указ. соч., с. 307.

⁴⁴ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 72.

⁴⁵ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 138, 661.

лать вату»⁴⁶. Он подчеркивает: «Жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда». Виноградное вино западных киданей было широко известно уже в этот период. Виноградари выжимали виноград и собирали сок в кувшины, которые запечатывали и зарывали в землю. Спустя некоторое время жидкость превращалась в вино. Чем дольше лежало вино в земле, тем лучше было его качество. Были люди, чьи склады насчитывали тысячу кувшинов⁴⁷.

В империи Ляо господствовали две формы феодальной земельной собственности — государственная и частная. К государственной, или казенной, относились земли, находящиеся во владении племен, земли военных поселений и земли, переданные в пользование крестьянам. Частное землевладение охватывало земли киданьской знати, киданьских и китайских феодалов, а также монастырские земли. Оно было неодинаковым по размеру. Крупные земельные владения принадлежали киданьской знати и бюрократии, находившимся на службе у киданьских императоров, а частично и китайским феодалам. Эти владения находились в разных районах страны. С земель мелких и средних землевладельцев взималась рента в размере не менее половины урожая (вместо натуральной, впрочем, здесь иногда была отработочная рента). Земли крупных землевладельцев освобождались от налогов и обрабатывались, как правило, «арендаторами», которые платили земельным собственникам до 50% урожая. «Арендаторы» — это те же феодально зависимые крестьяне, эксплуатация которых прикрывалась арендой. Формой эксплуатации служила рента продуктами. Крупные землевладельцы использовали также наемный труд. По декрету 1013 г. мужчинам и женщинам, которые из-за голода шли в кабалу, должна была выплачиваться заработная плата, составлявшая десять медных монет в день⁴⁸.

Большую роль в империи Ляо играло церковное землевладение, преимущественно землевладение буддийских монастырей. Буддизм среди киданей получил значительное распространение с начала X в. В 942 г. в государстве было 50 тыс. монахов, а в 1078 г. — 360 тыс.⁴⁹ Киданьские правители оказывали большое внимание буддийским, а также даосским храмам, часто жалуя их землей, крепостными, деньгами, зерном. Монастырские земли обрабатывались приписанными к монастырям крепостными, сдавались в «аренду» окрестным крестьянам. Формами эксплуатации в церков-

ном землевладении были барщина и рента продуктами⁵⁰.

На основании данных источников, правда косвенных, ибо авторы исторических документов, используемых нами, вопросами социально-экономического устройства государства каракитаев почти не интересовались, мы можем предположить, что и в западной империи существовали государственная и частная формы феодальной земельной собственности. В. В. Бартольд приводит интересное сообщение мусульманского историка Ибн аль-Асира о том, что каракитаи предъявили карлукам в Самарканде требование оставить оружие и заняться земледелием⁵¹. Этот факт, даже если бы он был единичным, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что каракитайские гурханы, как и лясские императоры, понимали все выгоды земледелия и стремились в какой-то мере взять его под свой контроль. Подтверждается это и рассказом трех уйгурских купцов о том, что жители столичной области, обрабатывавшие землю, платили правительству десятину. Жители других районов, также входивших в домен гурхана, платили налог натурой за пользование землей, а с жителей зависимых стран подобный налог взимался деньгами⁵². Подобная практика существовала также в империи Ляо. Там налог взимали зерном в зависимости от количества му земли⁵³.

По сообщению Низам аль-Мулька, в Туркестане уже в конце XI в. земля могла свободно продаваться и покупаться состоятельными людьми. Несомненно, подобная практика существовала и в XII в., ибо каракитаи на завоеванной территории почти не вмешивались в экономические отношения. Люди, чьи склады насчитывали по тысяче кувшинов вина, конечно же, должны были владеть большими плантациями виноградников. Были ли это кидани или представители местного населения — сказать трудно. Видимо, кидани отдавали предпочтение пастбищам и стадам лошадей⁵⁴.

Вероятно, немалую роль играло в западной империи церковное землевладение. Несторианский патриарх Илья III (1176—1190 гг.) основал митрополию в Кашгаре; кашгарский митрополит носил титул митрополита Кашгара и Невакета. К эпохе господства каракитаев относятся древнейшие несторианские могилы токмакского и пишпекского кладбищ⁵⁵. Популярным был в каракитайском государстве буддизм. Представители этих двух религий, ис-

⁵⁰ Думан Л. П. Указ. соч., с. 23.

⁵¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Сочинения, т. 1, с. 397—398.

⁵² Bretschneider E. V. Op. cit., p. 222, 232.

⁵³ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 135—140.

⁵⁴ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 661—662.

⁵⁵ Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. 1, с. 52.

⁴⁶ Воробьев М. В. Чжурчженское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам). — В кн.: Страны и народы Востока, вып. XI. М., 1971, с. 38.

⁴⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 661.

⁴⁸ Ibid., p. 386.

⁴⁹ Ibid., p. 302, 306.

пользовав борьбу гурханов с мусульманскими владетелями, постарались увеличить число своих последователей. Они помогли правительству добиться того, чтобы «крик муэдзина и признание единства бога правоверных больше не были слышны. Мечети были закрыты и школы покинуты». Впрочем, и мусульманские проповедники в период правления первых гурханов, которые, по сообщению Джузджани, «обращались с мусульманами с великим почтением», не остались в пакладе. В Самарканде и многих других городах империи при каракитаях процветал иудаизм⁵⁶.

Наряду с земледелием с IV до VII в. у киданей возникли различные ремесла, которые получали дальнейшее развитие в период империи. Ремесленное производство обеспечивало потребности государства и в немалой степени киданьских и китайских феодалов. Ремесленники составляли снаряжение для могучих киданьских армий, возводили стены городов и крепостей, изготовляли повозки и лодки, создавали материальные удобства для киданьских императоров и феодалов.

Примитивное ремесленное производство существовало у киданей издавна. Каждый кочевник сам изготовлял войлочные шатры, меховые одежды, луки, стрелы, копыя, дубины, топоры, ножи и т. д.⁵⁷. Появление железа как основного материала для изготовления оружия и орудий труда способствовало еще большему обособлению профессиональных ремесленников. Железодельное ремесло стало развиваться в IX в. Салади — отец первого лясского императора Тай-цзю — «впервые основал железоплавильни», а младший брат отца Шу-лань первым начал возводить из каменных кирпичей стены городов. Интересовался он и ткачеством. Экспансия же киданей в начале X в. способствовала тому, что под власть их попали территории, довольно развитые в экономическом отношении. Бохайские, китайские, уйгурские и шивэйские ремесленники славились своим мастерством. Под их влиянием произошел качественный скачок в ремесленном производстве киданей. Киданьские правители содействовали ввозу промышленных изделий из соседних владений и развитию собственного ремесленного производства, а также приезду ремесленников из-за границы. Как только киданьские полководцы покоряли какую-либо область, они отделяли от прочего населения ремесленников и отправляли их на север страны. Называли этих ремесленников «шу-шань», что значит «драгоценные, как кораллы»⁵⁸.

Каракитайские гурханы понимали необходимость развития собственных ремесленных производств. Их армии, как и лясские, нуждались в снаряжении и оружии. Каракитаям также пужны были средства передвижения, орудия земледельческого труда, а знати — материальные удобства. Как и правители Ляо, государи Западной Ляо использовали ввоз ремесленников и промышленных изделий из-за рубежа, содействовали развитию собственного промышленного производства. Чан Чунь отмечает наличие китайских ремесленников в городах империи, особенно в Самарканде. Там было «много умных и ученых людей» из числа евреев⁵⁹. В домашнем хозяйстве широко использовались индийские мусульмане⁶⁰. В числе киданей, бежавших из цзиньского государства, тоже, вероятно, были ремесленники.

Письменные источники, к сожалению, не позволяют нам ответить на вопрос, какого уровня развития достигло ремесленное производство в Западной Ляо, но содержат некоторые сведения о том, какие именно ремесла существовали в стране. Чан Чунь сообщает о том, что местные ремесленники с большим искусством изготовляли окна и вазы из чистого стекла, телеги, одежды, корабли, оружейники поставляли в армию стрелы, луки, копыя, доспехи⁶¹. О старых укреплениях в долине р. Чу, через которые прошел плуг, пишет Гийом де Рубрук⁶². Чан Дэ (1259 г.) описывает старые укрепления и полуразрушенные стены династии Западная Ляо⁶³. 30 тыс. имперских ремесленников были переданы после покорения Туркестана членам монгольской императорской семьи, остальные использовались на осадных работах. Оставшиеся в родных городах должны были платить монголам большую сумму денег — 200 тыс. динаров⁶⁴. В источниках отмечается разработка месторождений каменной соли, серебра, жемчуга⁶⁵. Шкуры, шерсть, лес, пенька, шелк шли от жителей империи, занимавшихся скотоводством, земледелием и охотой. Все это служило исходным материалом для ремесленников.

Чан Чунь, воспевая в стихах Самарканд, восклицает: «Весь город наполнен медными сосудами, сияющими, как золото, а на рынках военное платье, как даосское. Ножницы и пила из золота — суть товары и подарки; шьют платье из белой тонкой шерстяной материи. Чудесные дыни и белые, тутовые ягоды, вещи необыкновенные: кому из китайцев попробовать их»⁶⁶.

⁵⁹ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 661.

⁶⁰ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 30.

⁶¹ Ibid., p. 30—31.

⁶² Ibid., p. 234.

⁶³ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 661.

⁶⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Сочинения, т. I. М., 1963, с. 481.

⁶⁵ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 30—31.

⁶⁶ Кафаров П. И. Указ. соч., с. 304, 327.

⁵⁶ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 670, 671.

⁵⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 153.

⁵⁸ Васильев В. П. Указ. соч., с. 184; Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 149; Conon von der Gabelentz. Op. cit., XI, S. 3.

По приказу гурханов в Западной Ляо чеканилась собственная монета по ляоскому и китайскому образцам с указанием периода правления китайскими иероглифами. Сунский ученый Хун Цюнь (1149 г.) упоминает в своей работе ляоскую монету, выпущенную вдовой Елюй Даши. Монета, подписанная «Кан-го Дун-бао», была, очевидно, изготовлена самим основателем династии каракитаев. Возможно, Западная Ляо использовала даже бумажные деньги. Есть сообщение о существовании в Самарканде в 1163 г. монетного двора⁶⁷, где чеканились традиционные арабские деньги, но, может, там же изготавливались и каракитайские монеты.

Чан Чунь, удивленный всем увиденным в Западной Ляо, отмечает, что, хотя китайское ремесло и прекрасно, но здесь оно, несомненно, уступает местному и играет незначительную роль — факт, говорящий сам за себя⁶⁸.

В империи Ляо господствовали две формы ремесленного производства — государственная и частная. К государственным ремесленным предприятиям относились такие, которые имели большое значение для политической или военной безопасности. Государственные чиновники наблюдали за чеканкой денег, выплавкой золота и серебра. Управление железоделательными мастерскими было возложено на особое «управление пяти плавлен». Под контролем правительства частично находились текстильное производство, добыча соли. Однако частная форма ремесленного производства продолжала существовать до конца династии, особенно в текстильном производстве. В частных руках находилась часть железоделательного производства, добычи соли, производства вина и дрожжей.

В Западной Ляо эти две формы, видимо, продолжали существовать. И здесь государственные чиновники следили за чеканкой денег, выплавкой золота, серебра, добычей соли, изготовлением оружия, кораблестроением, строительством укреплений — ведь все эти ремесла имели общегосударственное значение. Виноделие, шелководство, текстильное производство и другие могли находиться в частных руках. Но все это мы пока, к сожалению, только предполагаем — источники в выяснении этого вопроса не помогают. Нет сведений и о том, каких размеров были ремесленные предприятия, как они были устроены, как работали западноляоские ремесленники, какого уровня достигло ремесло в стране. Мусульманский историк Джувейни сообщает, что каракитайские сборщики налогов и податей, по сравнению с прежними временами, сильно притесняли народ⁶⁹. Налоги легли тяжким бременем на ме-

стное население, особенно городское, в том числе на купцов и ремесленников, что привело к сокращению торговли, ремесленного производства. «В Семиречье начался общий упадок торговли, ремесла и городской культуры»⁷⁰. А Мавераннахр вновь пришел в состояние феодальной раздробленности, и «это обстоятельство серьезно задержало развитие хозяйственной и культурной жизни»⁷¹.

Кидани издавна любили торговать. Охотники несли на рынки ляоской империи шкуры и кожи, скотоводы вели быков, овец, верблюдов, лошадей, несли шерсть, войлок и другие продукты своего хозяйства. Ремесленники продавали свои изделия, рыбаки — рыбу и жемчуг. Дальние племена привозили мед, воск, золото, коноплю, одежды⁷². Существовала прослойка людей, занимавшихся исключительно коммерческой деятельностью. Широко была распространена меновая торговля, однако с X в. в товарном обороте значительную роль начали играть деньги. Первоначально их функцию выполнял скот, а затем все большее значение приобретала ткань, чаще всего шелк. Даже после появления бронзовой монеты деньги из ткани употреблялись наравне с чеканными. Правительство империи, стремившееся взять под контроль всю торговлю страны, учреждало рынки, контролировало размер кусков ткани, меры сыпучих тел, предоставляло повозки для членов племен, которые везли свои товары на рынки, частично или полностью запрещало частную торговлю некоторыми продуктами⁷³. По-видимому, в империи существовали и своеобразные таможенные станции⁷⁴.

Оживленной была и внешняя торговля. Ляоское государство экспортировало скот, шкуры, шерсть, железо, серебро, золото, медь. Импортировала империя самые разнообразные товары. Внешнюю торговлю, а эта торговля, судя по «Ляо ши», осуществлялась в основном с Китаем, правительство страны рассматривало как вспомогательное средство получения ценных продуктов.

В империи каракитаев также существовала обширная торговля, и внутренняя, и внешняя. Под властью гурханов находились народности и племена, стоявшие на разных ступенях социально-экономического развития, отличавшиеся друг от друга своими хозяйственными интересами, но заинтересованные друг в друге. Земледельцы нуждались в продуктах скотоводческого хозяйства, скотоводы в продуктах

⁷⁰ История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 73.

⁷¹ Гафуров Б. Г. История таджикского народа, т. 1. М., 1949, с. 254.

⁷² Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 176.

⁷³ История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е, 1967, с. 95.

⁷⁴ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 176.

⁶⁷ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662—664.

⁶⁸ Bretschneider E. V. Op. cit., p. 30—31.

⁶⁹ Ibid.

земледельческого, и те и другие — в иноземных товарах. Поэтому торговля в Туркестане, хотя ей и был нанесен определенный удар нашествием кочевых орд киданей, не прекращалась, ибо не замирала экономическая жизнь этого богатого региона, испытывавшего и не такие потрясения. В Бухаре, Самарканде, Хиве, Кашгаре, Балхе, Хотане и других городах империи не переставала звучать разноязычная речь «торговцев всех стран и языков». Мусульмане были самыми деятельными участниками не только внутренней, но и внешней торговли. Многие купцы неоднократно отбывали со своими товарами за пределы империи — в Египет, Магриб, Китай, Золотую империю⁷⁵. О влиянии в стране мусульманских купцов выразительно говорит тот факт, что известный мусульманский купец Махмуд-бай стал визирем последнего гурхана, как сообщает Джувейни⁷⁶.

По размаху деятельности им не уступали уйгуры. Именно уйгуры приняли в своей стране бежавшего с его пылавшей родины неукротимого принца, снабдили его продовольствием, помогли реорганизовать беспорядочную толпу беглецов в боеспособную армию и пополнить ее степными изгоями-богатырями. За это они получили то, что в тот период было для них жизненно необходимо — гурхан сокрушил их конкурентов в Самарканде, Фергане, Кашгаре, Хотане и обеспечил им монополию караванной торговли. С Катванской битвы начинается расцвет уйгурских купеческих городов⁷⁷. Путешествуя через страну каракитаев, уйгурские купцы наживали богатые капиталы. Представители еврейских общин Самарканда, Хивы и других городов страны также принимали самое деятельное участие в торговле⁷⁸. Об участии собственно киданей в торговле нам ничего не известно. Видимо, киданьские скотоводы не пошли дальше меновых операций или пользовались услугами проезжих купцов.

Через всю страну проходили торговые караванные пути, которые связывали между собой все крупные города империи. Особенно известными были пути из Самарканда в Балх, из Балха через Бадахшан, Яркенд в Кашгар, из Герата в Самарканд, из Самарканда через Исфиджаб, Тараз в Баласагун и оттуда далее на восток, в Турфу, Кульджу, Уйгурию, Китай, из Хотана в Китай⁷⁹. Торговали самыми разными товарами: оружием, рабами, парфюмерией, шелком, посудой, драгоценными камнями, украшениями, лошадьми. Внутри империи на рынках можно было увидеть быков, овец, верблюдов, лошадей, шкуры, шерсть, ко-

жи, войлок, изделия ремесленного производства, рыбу. Почти повсеместно торговля шла на деньги, местные арабские или общеперские каракитайские. Очень многие купцы наживались на торговых, а в некоторых городах страны и ростовщических операциях. Купец, располагавший товарами на сумму в несколько десятков тысяч динаров, не считался очень богатым⁸⁰.

Правительство империи стремилось и здесь извлечь выгоды. С беспощадностью взыскивало оно с купцов налоги и подати, чем в известной мере способствовало упадку торговли в мусульманских районах, но вместе с тем содействовало концентрации торговых капиталов в руках немногих, наиболее богатых купцов. К голосу этих сверхбогачей гурхан, видимо, не мог не прислушиваться. Ведь торговые операции ему посылали частицу золотого дождя. Не случайно Махмуд-бай стал визирем последнего гурхана. О том, что правительство не только извлекало выгоды из торговли в стране, но и старалось поставить ее хоть под какой-то контроль, свидетельствует, на наш взгляд, то, что гурханы, с одной стороны, наложили весьма внушительные налоги на ремесленников и купцов, а с другой — попытались выпуском собственных денег активно вмешаться в торговлю. Каракитайские вельможи, как сорок разбойников из восточной сказки, жили прежде всего за счет дани и налогов и не могли не видеть всех выгод, которые сулила им караванная и рыночная торговля.

Таким образом, заканчивая краткий обзор экономического состояния западнояросского государства, представляющий не более, чем рабочую схему, своеобразный фундамент, на котором еще предстоит усилиями многих исследователей создавать полную, ясную и глубокую картину социально-экономического строя государства, а также в целом истории империи Западная Ляо, мы должны отметить необычайную сложность этой истории. Ввиду неудовлетворительного состояния письменных источников, часто дающих только косвенные данные, во весь рост встает проблема привлечения источников вещественных, т. е. данных археологии. Только используя в совокупности данные письменных и археологических источников, проверяя их и подтверждая одни другими, можно добиться понимания одного из самых сложных периодов среднеазиатской истории. Нельзя уже, как прежде, обходить этот вопрос молчанием, акцентируя все внимание лишь на политической истории. Привлечение социально-экономических данных не только поможет выяснить неясные моменты политической истории, но и, как знать, быть может, заставит иначе взглянуть на многие, уже казалось бы ясные.

⁷⁵ Ibid., p. 662.

⁷⁶ Бартольд В. В. Сочинения, т. V, с. 544—545.

⁷⁷ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 132.

⁷⁸ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662.

⁷⁹ См. карту «Средняя Азия в 9—13 вв.» (Бартольд В. В. Сочинения, т. IX. М., 1977, приложение).

⁸⁰ Wittfogel K. A., *Fêng Chia-shêng*. Op. cit., p. 662.

МОНГОЛЫ В VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII В.

«Об этих же племенах, о каждом в отдельности, существует много летописей и рассказов, но они не дошли до нашей страны и обстоятельства жизни их вождей в подробностях не известны. Каждое племя знает из повествований о себе лишь кое-что, потому что у них не было такой летописи, из которой они могли получить надежные сведения о прошлых веках», — писал персидский историк Рашид-ад-дин¹.

В последние годы появились работы Комаи Есиаки, Тамура Дзипудзо, Луи Амбиса и других авторов, которые попытались проследить историю племени монголов с глубокой древности до середины XII в., до появления Чингисхана. Автор данной статьи ставит своей задачей ознакомить советского читателя с итогами этих исследований, обращаясь непосредственно к первоисточникам или к цитатам из первоисточников в статьях на японском языке, пополняя сведения о древних монголах из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина и высказав свое мнение по ряду частных вопросов.

Речь пойдет не о проблеме сложения группы монголоязычных племен вообще и их расселении, а прежде всего об истории той группы племен, которая именовалась монголами, и о ее переселении на территорию нынешней Монголии. На последнее обстоятельство — приход собственно монголов в Монголию и возможное время этого важнейшего события — в советской исторической литературе не обращалось должного внимания.

Свидетельства китайских источников позволяют убедительно проследить историю монголов в глубь веков до племен сяньби. Прямое родство монголов (протомонголов) с гуннами, о котором нередко пишут², можно скорее рассматривать как возможное, чем имеющее строгие научные обоснования.

Монголы под именем «мэнъу» или «мэнва» упоминаются в старой и новой историях ди-

настии Тап (618—908 гг.) среди племен ши-лэй. «Шивэй — особый род киданей. Живут по северным [берегам] реки Яюехе. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли. На востоке [оно] простирается до хэйшуй моха, на западе до туцзюе, на юге сопредельно с киданями, а на севере доходит до моря. В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя и зависят от туцзюе. В качестве боевого оружия имеют роговые луки и стрелы из дерева ху³ и являются превосходными стрелками из лука. Временами собираются на охоту с легкими метательными копьями⁴, а когда дело закончится, расходятся. Эти люди обрабатывают землю, но не платят земельного налога. В вотчинах [своих] строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурами. Объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических сошников (лезвий). Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать (для пахоты) быков. Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления выделанных кож. И мужчины, и женщины из (этих кож) шьют одежды. Волосы [у них] растрепаны, одежды застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшения из разнообразного пятицветного жемчуга. Законы, регулирующие вступление в брак, [таковы]: жених прежде входит в дом невесты и работает [там] три года. По этой причине он может лично близко общаться с этой женщиной. Когда срок отработки кончится, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся в одну теле-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.-Л., 1952, с. 8.

² Сухбаатар Г. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну). — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1, с. 123—133.

³ Дерево с красной корой, тальник?

⁴ Интересно, что и в середине XII в. копье оставалось одним из главных видов вооружения монголов. См.: Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 41.

гу и нагружают [ее]. С барабанным боем и плясками [они] вместе возвращаются [в дом мужа]... Говорят, что при нашей [династии] Тан есть девять племен шивэй. Это так называемые линси шивэй (шивэй, живущие западнее горного хребта), шаньбэй шивэй (шивэй, живущие к северу от гор), хуантоу шивэй (желтоголовые шивэй), дажучжэ шивэй (шивэй, похожие на больших людей, рослые шивэй) сяожучжэ шивэй (шивэй, похожие на маленьких людей, малорослые шивэй), пово шивэй (название не переводится.— Е. К.), нобэй шивэй (шивэй, живущие к северу от реки Но) и лото шивэй (шивэй — верблюды). При этом все они живут к северо-востоку от области Лючэнцзюнь (г. Чаоян, пров. Ляодун), самые близкие на расстоянии 3500 ли (1750 км), самые дальние 6200 ли (3100 км). Ныне самыми западными шивэй, теми, которые имеют общую границу с уйгурами, являются племена усугу, размещающиеся к юго-западу от озера Цзюйлуньбо (озеро Келен, оно же Хулунь, оно же Далай-Нор). К востоку от них есть племя исайлю, а еще восточнее — племя сейхачжи. Эти племена имеют отличных лошадей, число людей в них тоже велико. Живут они на реке Чохэ, иначе эту реку называют Яньчжихэ. Далее также имеется племя хэцзе, еще далее к востоку — племя улохоу. Кроме того, есть племя нали, а еще далее к северо-востоку живут шаньбэй шивэй. Еще севернее — сяожучжэ шивэй, а еще севернее — ново шивэй. На востоке еще есть линси шивэй, а на юго-востоке достигаем до хуантоу шивэй. Это племя имеет сильное войско и также много людей. На северо-востоке оно соприкасается с дахоу. К северу от линси шивэй есть нобэйчжи шивэй. Это племя сравнительно малочисленное. В двухстах с лишним ли к северо-востоку от улохоу, к северу от реки Нахэ есть потомки древних увань... К северу от них, севернее Больших гор (Да шань) есть племя да шивэй (большие шивэй). Это племя живет около реки Ванцзяньхэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах владений туцзюе (тюрков), у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы владений западных шивэй (си шивэй), далее она течет снова на восток и протекает через границы больших шивэй, еще далее на востоке она протекает к северу от мэнью шивэй (выделено мною.— Е. К.) и к югу от лоцзу шивэй. Затем она течет еще далее на восток, где и сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ, еще далее на восток она течет к северу от южных хэйшуй мохэ и к югу от северных хэйшуй мохэ и, протекая [далее] на восток, впадает в море»⁵.

⁵ «Цзю Тан шу», гл. 199Б, с. 1673. (Шапхай, изд. «Сыбу бэйяо», 1935).

В тексте «Новой истории династии Тан» о шивэй есть некоторые разночтения и дополнения. Здесь шивэй названы не только особым родом киданей, но и потомками динлинов. Местом их жительства, опорным пунктом, кроме р. Яюяхэ, считается Хуанлун, район к северу от Мукдена и Кайюаня, охватывавший всю территорию Гирина, на востоке до границ Внутренней Монголии. Наименование главных правителей шивэй, их старейшин, передано не как мохэфу, а как мохэдо. Добавлено, что младшие из них имеют в своем ведении около тысячи семей, более сильные — по несколько тысяч семей. В общем-то это стандартное китайское представление о силе того или иного племени, но не исключено, что оно отражает бытовавшую в древние времена в Центральной Азии десятиричную систему социальной стратификации. «Живут, рассеявшись, по речным долинам, ищут траву и воду и селятся [там]». «Не имеют системы взаимной подчиненности (вассальной зависимости). Хотя [они] дерзки, отважны и любят воевать, но войска [у них] недостаточно для того, чтобы создать сильное государство». Повторены те же сведения об обработке земли, но подчеркнуто, что урожаи очень малы. О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то его вдова вторично не выходила замуж. Есть дополнение о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на них сверху клали трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал главный правитель, наследником становился его сын, лишь в случае отсутствия у правителя сына на его место ставили сильного и решительного человека. В стране было мало золота и железа, и металлы получали из Кореи. Ездили на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами, или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты или кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спутанными. Добавлено, что среди домашних животных нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили из шкур и кож, шивэй называли на своем языке «мохэ». Сказано, что было двадцать с лишним племен шивэй (вместо девяти по «Цзю Тан шу»). Перечень племен не имеет существенных различий. Интересующий нас текст о древних монголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами [живут] большие шивэй, которые расселены по берегам реки Шицзяньхэ (верховья Амура, название сохранилось в наименовании современной реки Шилка.— Е. К.). Река вытекает из озера Цзюйлунь и течет на восток. К югу от [этой реки] есть племя мэнва (выделено мною.— Е. К.), а к северу от нее — племя лотань. Река

течет на восток и сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ»⁶.

В том и другом случае шивэй названы «особым родом киданей». О соотносительности киданей и шивэй хорошо сказано в более раннем источнике — в «Суй шу». «Шивэй — одного рода с киданями. Тех, кто образуют южную часть этих племен, называют киданями, а тех, кто северную, шивэй»⁷. Если следовать сохранившейся китайской историографией традиции, то кидане были одного рода с кумоси, а кумоси, в свою очередь, восходили к восточным сяньби, к роду юйвэнь⁸.

Таким образом, в VI—IX вв., в эпоху Тан, в китайских источниках встречаются первые достоверные упоминания о монголах — мэнту, мэнва, древнее китайское чтение *mong-nguot*, что, по мнению проф. Луи Амбиса, «в точности передает *mong'ol*»⁹. Племена шивэй, к которым принадлежали монголы, были родственны киданям; по более ранним сведениям, они составляли северную их часть и вели свое происхождение от сяньби, а поскольку принадлежность киданьского языка к языкам монгольским нынешней наукой не оспаривается, допускается лишь известное влияние тунгусо-маньчжурских языков, то шивэй мы тоже в праве считать группой племен, по преимуществу говоривших на монгольских языках. Последняя оговорка нужна, ибо это был не только стык, смешение ареалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но и эпоха, когда эти языки могли быть не слишком разделены и иметь гораздо больше общего, чем позднее.

На основании процитированных материалов можно рассмотреть центральную проблему — проблему локализации древних монголов. Большинство географических наименований цитированных текстов детально исследовал проф. Комаи Есиаки. По его заключению оз. Цзюйлунь — это оз. Хулуньчи, Хулунь-Нор или Далай-Нор (современная северная часть автономного района Внутренняя Монголия, КНР), в которое впадает р. Керулен. Р. Чоха, она же Яньчжихэ, — это современная р. Нонни. Р. Ванцзян, или Шицзян, — р. Амур в верхнем и среднем течении. Р. Нахэ — р. Сунгари, р. Хухань — р. Хурха (Муданьцзян), южный приток Сунгари, р. Яюехэ — р. Танванхэ, северный приток Сунгари, впадает в Сунгари несколько ниже по течению, чем р. Муданьцзян¹⁰. В итоге Комаи Есиаки приходит к выводу, что в эпоху Тан та часть племен шивэй,

которая именовалась монголами, жила по южному берегу р. Амур, западнее впадения в Амур р. Сунгари и восточнее р. Малый Хинган¹¹. Проф. Тамура Дзицудзо также отождествляет оз. Цзюйлунь с оз. Далай-Нор. Р. Ванцзян он предлагает считать Аргунью. Других географических названий он не отождествляет, а делает вывод, что «монголы в это время (VI—IX вв. — Е. К.) жили кочевой жизнью в степных районах к югу от р. Аргунь» (Шицзянхэ в «Синь Тан шу») ¹².

Проф. Л. Амбис, также не давая подробного анализа географических названий текстов, приходит к заключению, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Келеп, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть Верхнего Амура, и к югу от этой реки»¹³.

Итак, по мнению специалистов, древние монголы жили или к югу от среднего течения Амура, между Малым Хинганом и нижним течением Сунгари, или по южному берегу нижнего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Исходя из описания племен шивэй, автор данного сообщения склоняется к тому, что локализация Комаи Есиаки наиболее аргументирована. Действительно, мэнту шивэй жили на самом восточном участке течения той великой реки, которая именовалась Ванцзян, или Шицзян, и описание которой дается столь подробно. Эта река сливалась с реками Нахэ (Сунгари) и Хухань (Муданьцзян) и далее текла по владениям мохэ. Мэнту шивэй, по описанию источника, были соседями южных мохэ и жили на крайнем северо-востоке расселения племен шивэй. Великая р. Ванцзян брала начало у оз. Цзюйлунь (Далай-Нор) и текла до моря. Верхнее ее течение — бесспорно Аргунь, а среднее и нижнее — Амур. Это подтверждается представлением об Аргуни и Амуре как одной большой, поистине Великой реке, протекавшей на громадном пространстве от оз. Далай-Нор до моря, из глубин Азиатского материка до океана. Монголы жили к югу от реки, а значит, не по Аргуни, ибо тогда китайцы написали бы — к востоку от реки. Следовательно, они расселялись к югу от среднего течения Амура. Во всяком случае, на данный момент выводы Комаи Есиаки представляются наиболее убедительными, вытекающими непосредственно из текста танских историй. Чтобы опровергнуть их, нужно заново в деталях изучить историческую географию региона во второй половине

⁶ «Синь Тан шу», гл. 219, с. 1671. (Изд. «Сыбу бэйяо»).

⁷ «Суй шу», гл. 84, с. 602. (Изд. «Сыбу бэйяо»).

⁸ Комаи Есиаки. Моко си дзэсацу. Киото, 1961, с. 324.

⁹ Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles, et la documentation conservee par Rashidu-d-din. — "Central Asiatic Journal", 1970, vol. XIV, N 1—3, p. 126—127.

¹⁰ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 325—329.

¹¹ Там же, с. 329—330.

¹² Tamura Jitsuzo. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning the Migration. — "Acta Asiatica", 1973, 24, p. 3—4. См. также: Тамура Дзицудзо. — Тюоку сэйфуку отё-но кэнкю, т. 2. Киото, 1971, с. 363—366.

¹³ Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan..., p. 130. Idem. Gengis-Khan. Paris, 1973, p. 7.

I тыс. н. э. и наложить результаты исследования на тексты, рассказывающие о расселении шивэй, т. е. еще раз проделать ту же работу, которую выполнил японский ученый, в частности, пересматривая результаты исследований своих предшественников.

Комаи Есиаки дает карту расселения всех основных упоминаемых в текстах племен шивэй¹⁴. Предлагаемая им схема такова: на востоке шивэй граничили с мохэ, жившими к северу от Амура, от места впадения Сунгари на восток, и с мохэ, жившими к югу от Амура, от места впадения Сунгари на восток, и в бассейне р. Уссури. По северному берегу Амура, к западу от места впадения Сунгари, проживали лоцзу, или лодань шивэй, набэй шивэй и дажучжэ шивэй. По южному берегу Амура, между устьем Сунгари и Малым Хинганом жили мэнту шивэй (монголы), к западу от Малого Хингана — линси шивэй, западнее их — пово шивэй. При впадении в Амур рек Сюньхэ и Кэрфэнхэ расселялись да шивэй. По северному берегу среднего течения Сунгари до впадения в нее рек Муданьцзян и Таованхэ жили хуантоу шивэй и сяожучжэ шивэй. К востоку от р. Нонни — улоху шивэй. Усугу шивэй размещались на западной границе распространения шивэй у оз. Далай-Нор.

Насколько бы условной ни была эта схема расселения племен шивэй, важна общая картина; в VI—IX вв. племена шивэй занимали огромное пространство по южным берегам Амура от устья Аргуни до устья Сунгари и всю северную часть Маньчжурии между Сунгари и Аргунью. Если к этому добавить проживавших юго-западнее си и киданей (бассейн р. Шара-Мурэн), то получим приблизительно точную картину расселения предков монголоязычных племен. Их западными соседями были тюрки и уйгуры, занимавшие территорию, где ныне расположена Монгольская Народная Республика, а восточными — жившие по течению Амура, восточнее Сунгари и в бассейне Уссури племена мохэ, бохайцы и весь прочий мир предков тунгусо-маньчжурских народов. Можно быть уверенным, что границы между монголоязычными шивэй и киданями и тунгусо-маньчжурскими мохэ, бохайцами и др. и в языковом отношении и этнически были более стертыми, образуя массу переходных групп, по сравнению с более резкими границами между тюркоязычным и монгольским миром, хотя и здесь, наверное, были переходные группы племен, промежуточные по языку, этносу и культуре. Общая зависимость шивэй от тюрков, культурные контакты с ними объясняют наличие тюркских элементов в культурах Амура и Приморья, которые обнаруживают археологи.

Теперь мы подходили к другому важному моменту в истории монголов — их исходу с

прародины, с южных берегов Амура, постепенному движению на запад, юго-запад и вытеснению ими с территории Халхи, из современной Монголии тюркоязычных племен. К сожалению, проследить этот процесс почти невозможно. Начавшись где-то в IX—X вв., он протекал в тот период, когда монголы и прочие монголоязычные племена были отгорожены от Китая киданьским государством Ляо (916—1124 гг.) и сведения о них в единственно возможных на данный момент китайских письменных источниках крайне скудны, средневековая археология этого района пока слабо развита, а прочие источники практически отсутствуют. Основатель киданьской империи Абаоцзи воевал с шивэй и подчинил их в 885—887 гг.

Между тем факт переселения монголов отражен прежде всего в собственных монгольских преданиях. «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тэнгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-Халдуне, а потомком их был Бата-Чиган»¹⁵. Позднейшие источники, подчиняясь буддийской историографической традиции, выводили Борте-Чино из Тибета. По «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, сын тибетского царя, прибыл из Тибета на север, там он женился на девушке по имени Гоа-Марал («Прекрасная лань») и уже вместе с нею «переправившись через Тэнгис-Далай, они поселились около Бурган-Галдуна»¹⁶. По другой истории с тем же названием Борте-Чино был сыном неба, «одним из перерожденцев Маньчжурии», он тоже прибыл из Тибета в страну монголов. От его брака с Марал-Хатун родился сын Батачи-хан. В источнике приводится точная дата рождения Батачи — 786 г.¹⁷ Действительно, не была ли именно вторая половина VIII в. началом какого-то передвижения монгольских племен. Эта дата не произвольна. Рашид-ад-дин считал, что к моменту рождения Чингиса (1154—1155 гг.) его роду было «примерно около 400 лет»¹⁸, т. е. он начался в середине VIII в. В свете изложенного выше, тем внутренним морем, через которое некогда переправлялись предки монголов, могло быть оз. Далай-Нор.

По тем же монгольским преданиям, которые дошли до эпохи Чингиса и его потомков «путем изустной передачи»¹⁹, причиной переселе-

¹⁵ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. 1. М.-Л., 1941, с. 79.

¹⁶ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастинной. М., 1973, с. 53.

¹⁷ Балданжапов П. Б. Алтан Тобчи, монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970, с. 137.

¹⁸ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 8.

¹⁹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова. М.-Л., 1952, с. 153.

¹⁴ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 329.

ния — преодоления огромного пути от Сунгари и Малого Хингана до верховий Онона — явились войны с соседями, «распря с другими... племенами», которая и «закончилась сражением и войной». Возможно, это были упомянутые войны с киданями в конце IX в. «Над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение [среди] них, что в [живых] осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе пред врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-Кун. Значение слова «кун» — «косогор», а «эргунэ» — «крутой», иначе говоря, «крутой хребет». А имена тех двух людей были Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножились»²⁰.

Итак, причиной переселения явилось наступление соседей — войны. Ушли немногие. Рашид-ад-дин называет две семьи — Нукуза и Кияна. Большой остановкой на пути на запад была местность Эргунэ-Кун, которую можно сопоставить с районом Большого Хингана и р. Аргунь. Монголы в эти годы были не сильны, и само предание толкует слово «монгол» как выражение слабости. «Слово же монгол сперва звучало [букв. — было] мунгол, то есть „бессильный“ и „простосердечный“». Ядром монгольских племен были кияты. «По-монгольски киян значит „большой поток“, текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный. Так как кияты были отважны, храбры и крайне мужественны, то это слово положили их именем. Кият — множественное число от киян, тех из этого рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият»²¹.

Предание фиксирует два момента. В Эргунэ-Куне монголы размножились, им стало тесно, и здесь они широко развили железоделательное производство. Вспомним, что на прародине им не хватало железа и его возили из Кореи. Искусство плавления железа помогло им выбраться из горных теснин на простор нынешних монгольских степей, к глубокому Керулену, золотому Онону. По легенде это была общенародная операция: «И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так обо-

рудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи»²². Предок рода Чингиса Борте-Чино был как раз среди тех, кто вышел из теснин Эргунэ-Кун²³. Главным организатором расплавления горы были кияты, им помогали урянкаты, «несколько других племен претендуют [на участие в] раздувании мехов»²⁴.

Это, конечно, легенда, но за ней мог стоять факт создания большой плавильной печи и выплавки огромного, по понятиям тех времен, количества железа. Ясно, что гору, которую можно было расплавить, в те времена можно было и обойти, тем более, что выход из теснин был. Оказывается, кунгираты и некоторые другие племена «прежде других, без совета и обсуждения, вышли [из ущелья], потоптав ногами очаги других племен»²⁵, т. е. по древнемонгольским понятиям совершив святотатство. Этим фактом подтверждается заведомо легендарный характер сведений об исходе из горных теснин, хотя горы на пути были и легенда была нужна, чтобы показать трудности пути. Очень вероятно, что за данной легендой стояла многовековая традиция разработки похожего сюжета, как это хорошо показал монгольский ученый Г. Сухбаатар. Подобные легенды засвидетельствованы китайскими источниками еще для сяньбийского времени²⁶, т. е. IV—VI вв. н. э. Связь между монгольской и сяньбийской легендами вероятна, вспомним прямое соответствие другой сяньбийской легенды о том, что каждый прут можно переломить отдельно, а пучок прутьев переломить невозможно, легенде об Алан-гоа и ее сыновьях²⁷, зафиксированной «Сокровенным сказанием». Поэтому не мудрено, что понимание буквального смысла легенды уже во времена Чингисхана ставилось под сомнение. «Группа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая Эргунэ-Кун, — сообщает Рашид-ад-дин, — утверждает, что хотя это место [для жизни] тяжелое, но не до такой степени, [как говорят], целью же расплавления ими горы было [лишь] открытие иного пути для [своей] славы»²⁸. Пусть так, тем не менее хвала и слава древним монгольским металлургам, сумевшим расплавить гору! Род Чингиса происходил от этих знаменитых металлургов, и в этом роду су-

²² Там же, с. 154.

²³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 9.

²⁴ Там же, т. 1, кн. 1, с. 154.

²⁵ Там же.

²⁶ Сухбаатар Г. Указ. соч., с. 126.

²⁷ Лисевич И. С. Сюжет эзоповой басни на Востоке. — В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., «Наука», 1972, с. 280—310.

²⁸ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 154.

²⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 153.

²¹ Там же, с. 154.

ществовал обычай «в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив [его] на наковальню, бьют молотом и вытягивают [в полосу] в благодарность [за свое освобождение]»²⁹. Неслучайно личное имя Чингиса — Темучжин в переводе с древнемонгольского означало «кузнец».

Правнуки Борте-Чино, четыре сына его внука Тамача, на пути в Монголию преодолели большую реку. «Они собрали множество хвоста и из него связали [нечто] вроде плота, ... сели на него и, переправившись через реку, вступили в другие области»³⁰. Этой рекой могли быть или Аргунь или Керулен.

Возможно, приход собственно монголов в Монголию мог произойти где-то во второй половине X в., даже в начале XI в. Проф. Тамура Дзицудзо обращает внимание на тот факт, что еще в середине X в. во время походов на р. Орхон в район древней уйгурской столицы Карабалгасуна кидане не застают монголов в этом районе. Он приходит к выводу: «Обзор путей миграции монголов показывает, что они начали движение в конце X — начале XI в. с их родных мест обитания в период Тан, вероятно, на равнинах Хайлара и по среднему течению Аргуни. Как показывает легенда о Бодончаре, во второй четверти первой половины XII в. они пересекли озеро Кулунь-Нор и вышли к нижнему и среднему течению реки Онон, где они приняли кочевой образ жизни. После смерти Есугая семья Темучжина была покинута улусом тайчиутов, главной силой монголов. Таким образом, они приблизительно двигались вверх по реке Онон к районам, прилегающим к Бурхан-Халдуну»³¹.

Думается, что Тамура Дзицудзо несколько сместил хронологию и монголы раньше пришли в район Онона и Бурхан-Халдуна.

Проф. Л. Амбис представляет себе картину переселения в общих чертах так: «В течение столетий, которые последовали за эпохой Тан, монголы покинули эти районы (районы их первоначального обитания. — Е. К.), чтобы постепенно занять территории к западу от Большого Хингана до района, простирающегося до озера Келен (Далай-Нор. — Е. К.), в которое впадает Керулен, и до озера Буир, района, занятого татарами, заселявшими также и территории, расположенные к югу. Представляется, что в это время монголами понемногу были заняты и территории к западу от Керулена и простирающиеся до Байкала»³². Ученые осторожны в выводах, и это понятно: нет хронологии, указания точных направлений движения

монгольских племен. Но важно твердое убеждение в том, что приход монголов в Монголию где-то во второй половине X — в начале XII в. — очевидный исторический факт.

За р. Керулен расселение монгольских племен происходило в разных направлениях. В освещении этого вопроса на помощь приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертным трудом. Род Чингиса и его многочисленные сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы³³. Урянхаты, претендовавшие на участие в расплавлении горы, заселили северо-восточные области Монголии и Забайкалье. Впоследствии они составили тысячу, охранявшую прах Чингиса в Бурхан-Халдуне. Из урянхатов был и прославленный полководец Субелэй-багатур. Кунгираты, первыми покинувшие Эргүнэ-Кун, без всякого расплавления горы и расплатившиеся за поппание очагов соплеменников наследственной болезнью ног, были брачными партнерами рода Чингиса. Они имели свою легенду о происхождении, их предки «трое сыновей появились на свет из золотого сосуда»³⁴, а «большинство их и их детей брали девушек из рода Чингисхана, а в его [род] давали [своих]»³⁵. Из кунгиратов была мать Чингиса Оэлун. Братья Оэлун, фактически дядя Чингисхана, были женаты на старшей и младшей его дочерях, первую жену Борте Чингисхан взял из кунгиратского племени. Жили кунгираты в Восточной Монголии, на границах с киданьским государством. Комаи Есиаки предполагает, что в период У дай (X в.) кунгираты упоминаются в китайских источниках под именем юйцюелюй. «На западе — тюрки и уйгуры. На северо-западе доходим до юйцюелюй. Это люди высокого роста, с косматыми головами. Старейшины, если волосы у них сильно разрастутся, укладывают их в фиолетовые мешочки. Земля там трудная и холодная, в реках водится крупная рыба, которую очень любят есть кидане, еще много черных, белых, желтых собольих шкурок, [их] хватает на то, чтобы удовлетворить потребности всех государств севера. Это люди очень отважные, и соседние государства не осмеливаются нападать на них»³⁶.

Из племени уряут происходили сподвижники отца Чингиса Есугай-багатура и самого Чингиса во главе со знаменитым Мунликом. Сын Мунлика Кокочу, известный шаман Тэб-Тэнгрий, внушал Чингису идеи мирового господства и дал ему титул. «Он всегда приходил к Чингизхану и говорил: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» И чингизханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: «Повелением бога имя твоё таково должно быть»³⁷.

²⁹ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 154—155.

³⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 9—10.

³¹ Tamura Jitsuzo. Op. cit., p. 6, 13.

³² Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan..., p. 131.

³³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 10, 17.

³⁴ Там же, т. 1, кн. 1, с. 160.

³⁵ Там же, с. 162.

³⁶ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 359.

³⁷ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 167.

По р. Селенге и ее притоку р. Джиде (в пределах Забайкалья) жили баяуты, а по р. Онону — тайджиуты, чингисова родня, сильнейшее в первой половине XII в. из монгольских племен. По берегам Керулена жили джалаиры, числом до 70 тыс. кибиток. «Часть их становищ была в местности Онон». Здесь они в свое время потерпели сильное поражение не то от киданей, не то от чжурчженей, «в древние времена хитайские войска устроили такую бойню этой части джалаилов, что лишь немногие могли убежать». «Хитай перебили все те столь многочисленные племена джалаилов вплоть до детей ростом с плетъ, а их скарб и скот разграбили»³⁸.

Пограничная юго-восточная зона расселения монголоязычных племен на рубежах Ляо и Цзинь была заселена татарами. «Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-наур»³⁹. Татары были сильны и дерзки. «Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих... не были бы в состоянии противостоять им»⁴⁰. В среде татаро-монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покровителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием и могуществом и полным почетом [от других]»⁴¹. Именно татары, племена сильные и соседние с Китаем, киданями, чжурчженями, тангутами, дали, во всяком случае в XII в., первое общее наименование татаро-монгольских племен — «татары». «Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские⁴² роды, при [всем] различии их разрядов и названий стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того, как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингизхана и его рода, поскольку они суть монголы — [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, керентам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище — все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени

монголов и именуются [этим именем] — а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен»⁴³. Имя «татары» осталось позднее за теми, только тюркскими племенами, которые «вследствие силы и могущества татар ...по этой причине еще [и поныне]... в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кипчаке, в северных [от него] районах ...все тюркские племена называют татарами»⁴⁴. Обычно принято считать, что в X—XI вв. при династии Ляо татары упоминаются в китайских источниках как цзубу. Комаи Есиаки подробно исследовал этот вопрос. Он установил, что цзубу 93 раза прибывали ко двору Ляо, основными подарками от них были лошади, верблюды, шкурки грызунов и соболя и охотничьи соколы. Большая часть этих продуктов была с территории Монголии, соколы — из Маньчжурии. По его мнению, очень трудно установить точно территорию расселения цзубу. Анализируя тексты, Комаи Есиаки пришел к выводу, что цзубу жили от берегов Керулена до северо-западных границ Ляо, на границе с Западным Ся (Ордос) и ганьчжоускими уйгурами, т. е. в Южной Гоби. Вопреки традиции Комаи Есиаки не считает цзубу татарами, а полагает, что под именем цзубу подразумеваются тюрки шато⁴⁵. Действительно, в китайских текстах, относящихся к периоду Ляо, татары упоминаются параллельно с цзубу. В X в. татары (дадань — род мохэ), жившие к северо-востоку от киданей и си, были разгромлены киданями и рассеялись. Часть их поселилась у гор Иньшань (горные цепи Улашань, Дацишань и другие до Большого Хингана, отделяющие китайскую равнину от северо-западных областей). Это были отличные наездники и стрелки из лука, скотоводы, разводившие много коней и верблюдов. Кстати, китайские сведения о разгроме татар и переселении их на запад — юго-запад подтверждают общую картину переселения татаро-монгольских племен в Монголию. Далее китайские источники сообщают, что шу дадань — «цивилизованные дадань» знали земледелие, шэн дадань — «дикие дадань» жили в основном охотой. По описанию Ли Синь-чуаня («Цзянь-янь илай цзинянь яолу»), «татары жили на северо-западе от государства Цзинь. Те из них, которые жили по соседству с китайскими территориями, называли «шу татань» — «цивилизованными татарами». [Они] ели их [китайский] рис. Тех из них, которые жили далеко, называли «шэн татань», «дикиими татарами». [Эти татары] добывали себе средства к жизни только охотой. [По своему] нраву [татары] — люди храбрые, однако земля их не производит желе-

³⁸ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 92; т. 1, кн. 2, с. 18—19.

³⁹ Там же, т. 1, кн. 1, с. 101.

⁴⁰ Там же, с. 102.

⁴¹ Там же.

⁴² Рашид-ад-дин все татаро-монгольские племена считал «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются монголами» (Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 92).

⁴³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 102—103.

⁴⁴ Там же, с. 103.

⁴⁵ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 342—354.

за и поэтому наконечники стрел [они] делают только из кости»⁴⁶.

Сильным монгольским племенем были меркиты, «часть монгольского [племени]», «племя... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско»⁴⁷. Этноним «меркит» в транскрипции «мэйлицизи» не раз упоминается в «Ляо ши». В 1093 г. киданьский полководец Вотэла ходил в поход на меркитов и разбил их. Весной 1094 г. меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему старые, захваченные ранее киданями земли и преподнес дары. И хотя император Дао-цзун согласился вернуть меркитам захваченные у них земли, уже осенью того же 1094 г. Вотэла доложил о новом походе на меркитов и одержанной им победе. Наконец, кидане одержали победу над меркитами также в 1102 г.⁴⁸

По р. Селенге, «на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы»⁴⁹, жили баргуты, в верховьях Енисея и Селенги, в районе современного Хубсугульского аймака МНР, — ойраты и туматы. Племя джаджират, из которого происходил Джамуха, соперник Чингиса в борьбе за власть над всеми монголами, человек, который «постоянно... стремился к тому, чтобы забрать в [свои] руки государство»⁵⁰, упоминается в китайских источниках эпохи Ляо как чачжала. В 1094 г., видимо, в той же войне с монголами, которая велась и против меркитов, киданьский полководец Елюй Чэнь-цзяну совершил поход против джаджиратов и одержал над ними победу. В 1096 г. джаджираты были разбиты племенем угу⁵¹.

Предки Чингисхана по мужской линии, по нашему мнению, где-то в конце X в. двигались, возможно, на Онон и Бурхан-Халдун, когда

⁴⁶ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 366.

⁴⁷ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 114.

⁴⁸ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 354.

⁴⁹ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 121.

⁵⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., с. 118, 122, 190.

⁵¹ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 363. По р. Онгин-Гол и в районе современного г. Арбай-Хэрэ (МНР) имели свои зимние и летние ставки керейты. (Boyle J. A. The summer and winter camping grounds of the kereit. — Central Asiatic journal, 1973, vol. XVII, N 2—4, p. 108—110). О керейтах Рашид-ад-дин говорит, что «они [представляют собою] род монголов» (Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 127). Западные области Монголии заселяли найманы. О них Рашид-ад-дин выражается сдержаннее: «их обычаи и привычки были подобны монгольским» (Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 137). В связи с тем, что роды керейт и найман оказались позднее в составе тюркских племен (киргизов, казахов и др.), иногда их принадлежность к монголоязычным племенам ставится под сомнение. Рашид-ад-дин считал керейтов монголами («род монголов»). Что касается найманов, то, кажется, никаких прямых данных об их принадлежности к тюркам до XIII в. нет. Скорее всего появление найманов, керейтов и других представителей монгольских племен в тюркской среде — результат последующих событий конца XII — начала XIII в., связанных с деятельностью Чингисхана.

туда же из Забайкалья, из Хори-туматской земли, пришли его предки по женской линии и вместе с ними его прародительница «по имени Алап-Гоа, красивая, очень знатного рода и еще даже не за кого не просватанная»⁵². Наша датировка основывается на следующем факте. Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), писавший свой труд в 1300—1311 гг., полагал, что Алап-Гоа жила за триста лет до этого⁵³, т. е. что упомянутые события произошли в конце X в., возможно, в самом начале XI в. Эти сведения Рашид-ад-дина подкрепляются сведениями «Алтан-Тобчи» XVIII в. В последнем источнике прямо сказано, что сын Алап-Гоа, Бодончар, прямой предок Чингиса, родился в 970 г.⁵⁴ Значит, именно в конце X — начале XI в. происходили процессы расселения собственно монгольских и монголоязычных племен по территории современной МНР и сопредельным районам, и эти процессы были связаны с вытеснением или уходом тюркоязычных племен. В сочинении XII в. «Хуэй чжу лу» (автор Ван Мин-цзи) сказано, что кидане в старину были пастухами овец у уйгур, а татары — пастухами коров у уйгур. Когда возникло Ганьчжоуское уйгурское ханство (X в.), кидане и татары стали бороться с уйгурами за старшинство и постоянно воевать с ними. Уйгуры были разгромлены тангутами и перестали существовать как противник для киданей и татар, т. е. монголоязычных племен. Тамура Дзицудзо полагает, что закрепление монголов в Монголии не обошлось без конфликтов с тюркскими племенами и «в течение этого периода монгольские племена и тюркские племена были в некоторых племенных группах (улусах) в конфликте друг с другом»⁵⁵. Южными и юго-восточными соседями монголов на рубеже X—XI вв. были кидане. Обратимся к общим китайским сведениям о монголах в X—XI вв.

Считают, что монголы упоминаются в тексте X в. — в пассаже о ваецзы из «Сянь лу цзи» Ху-Цяо, жившего в государстве киданей с 947 по 953 г. Если это так, то в середине X в. монголы находились как раз на пути в Монголию. «К северо-востоку от киданей достигли ваецзы. У этих людей косматые головы, одежды шьют из тканей (холста), верхом ездят без седла. [У них] большие луки и длинные стрелы, и они превосходные стрелки из лука. Если они встретят [какого-либо] человека, то незамедлительно убивают его и едят его мясо сырым. Кидане и другие государства страшатся их, если пять киданьских всадников встретят одного ваецзы, они пускаются наутак. Их (ваецзы) государство с трех сторон окружает пивэй»⁵⁶. Л. Амбис вслед за П. Пельо вы-

⁵² Козин С. А. Указ. соч., с. 79.

⁵³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 103.

⁵⁴ Балданжапов П. Б. Указ. соч., с. 138.

⁵⁵ Tamura Jitsuzo. Op. cit., p. 8.

⁵⁶ Там же, с. 5. Приведен китайский текст.

сказывает мнение, что их «наименование, возможно, является палатализованной формой имени менгю». Они, по его мнению, были «без сомнения предками монголов в X в.»⁵⁷. Комаи Есиаки считает вадецзы меркитами⁵⁸. Факты людоедства, по мнению Л. Амбиса, засвидетельствованы у монголов и позднее, в эпоху Чингисхана, в частности солдатам монгольской армии было предписано в случае крайнего голода съедать одного человека из десяти⁵⁹.

Все известное современной науке о древних монголах из китайских источников, реальное и предполагаемое, собрал выдающийся китайский ученый Ван Го-вэй в труде «Мэнгу шиляо цзяочжу сы чжун» («Четыре вида исторических материалов о монголах с комментариями»). Он считает, что вторым по времени текстом, где упоминается о племени монголов, является труд Шэнь Ко (1030—1093 гг.) «Мэнци битань». «К западу от Хэйшуй находятся горы Ляншань, которые еще называют Елай... К западу от них живет племя, примечательное своей силой и храбростью, они едят только сырое мясо и пьют кровь и не варят пищу. Чужеземцы (ху) называют их «племя к западу от гор» (вспомним линси пивэй. — Е. К.), на севере они соприкасаются с территорией иноплеменников хэйшуй (мохэ), а на юге — с татарами». Отождествление описанного в этом тексте племени, как и предыдущего — вадецзы, с монголами, начиная с Ван Го-вэй, проводится лишь на одном основании — речь идет о народе храбром и сильном и к тому же употребляющем в пищу сырое мясо.⁶⁰ Основания не очень веские, но сбрасывать со счетов эти тексты нельзя, ибо данные характеристики в других близких по времени текстах отнесены и прямо к монголам. В источнике, составленном в конце XII в., но описывающем времена Ляо, есть описание «государства монгол» — «мэнгули го». Обратимся к этому источнику. «Государство монгол. У государства нет правителя, которым [оно] управляется, как нет вспашки земли и посевов. Занимаются охотой. Их местожительство непостоянно. Кочуют в каждое из четырех времен года, единственно гоняясь за водой и травой. Питаются только мясом и кумысом и все. Не воюют с киданями, а только лишь обменивают с ними быков, баранов, верблюдов, коней, кожаные и шерстяные вещи. [От них] на юг до Верхней столицы [Ляо] более 4 тыс. ли (2000 км)»⁶¹.

К XII в. переселение монголов на запад и юго-запад привело не только к освоению новых районов, изменению состава их населения, но и к смене у них типа хозяйства — из охотников

и скотоводов, племен, с китайских позиций, с примитивным земледелием, монголы постепенно превращались в кочевников-скотоводов.

Гибель дружественного в целом и, видимо, этнически достаточно близкого государства Ляо (1124 г.), поддержка племенами Монголии Елюй Даши постановила монгольские племена во враждебные отношения с победителями — чжурчженями. Татаро-монголы оказались соседями Цзинь (чжурчженей) у гор Иньшань, в районе Великой Китайской степи. Источники первых лет Цзинь упоминают племена «могэши», «маогэши» в таких сочетаниях, как «армия иньшаньских шивэй и могэши», «войска иньшаньских дадань и могэши», и исследователи справедливо видят в этих «могэши» и «маогэши» монголов⁶².

Монголы тревожили границы Цзинь. В сочинении «Сунмо цзивэнь» Хун Хао (1090—1155 гг.) сообщается, что «мангудцы — это тот народ, который кидане в своих записях событий называли Мэнгу го, «государством Монгол». Это люди ростом в 7—8 чи. Они ловят живыми оленей и едят их мясо сырым. Люди из Цзинь иногда захватывают их в плен, и многие из них попали в Янь. Они способны видеть на расстоянии более 10 ли (5 км). Они могут различать даже такие мелкие предметы, как тонкий волос и это без сомнения благодаря тому, что они не едят пищи, приготовленной на огне. Благодаря своему [превосходному] зрению они видят хорошо людей Цзинь, хотя и отделены от Цзинь рекой. [Они] постоянно переправляются на южный берег реки и грабят. Получив отпор, они возвращаются на свою территорию. Население Цзинь только и может, что сдерживать и отражать их вторжения»⁶³. Фактически этот же текст с небольшими вариациями повторен в «Да Цзинь гочжи». «Мангудцы, — говорится в этом источнике, — это тот народ о котором кидани говорили «государство Мэнгу». Это люди ростом в 8 чи. Ловят диких оленей и питаются ими. Очень зоркие и могут видеть на несколько десятков ли. Видят все, вплоть до волоса. Они потому такие зоркие, что не едят вареной пищи»⁶⁴. Конечно, рост в 7—8 чи — 2,2—2,6 м — это преувеличение. Однако высокорослых людей отмечает и «Сокровенное сказание». Один из потомков Алан-Гоа по линии ее сына Бодончара — Баруитай «ростом был велик и горазд до еды»⁶⁵. В сочинении южносунского ученого Ли Синь-чуаня имеется также схожий текст о монголах. «Есть еще государство, которое [именуется] Мэнгу, находится к северо-востоку от чжурчженей. При

⁵⁷ Hambis L. Gengis-Khan, p. 8.

⁵⁸ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 355—356.

⁵⁹ Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan, p. 129.

⁶⁰ Там же, с. 127.

⁶¹ Е Лун-ли. Цидань гочжи, 1793, гл. 22, с. 66.

⁶² Tamura Jitsuzo. The Legend of the Origin of the Mongols, p. 9.

⁶³ Хун Хао, Сунмо цзивэнь, Ляохай цуншу, 1933—1936, т. 1, бэнь 7, гл. 1, с. 5а, 10б.

⁶⁴ Ли Э. Ляо ши ши и, Цуншу цзинчэн, 1937, гл. 18, с. 170.

⁶⁵ Козин С. А. Указ. соч., с. 83.

Тан их называли племена мэнгу, а также называют их и мэнгу. [Эти] люди не готовят себе пищу на огне и могут видеть ночью. [Они] делают доспехи из кожи акулы, способные отражать удары стрел. С годов правления Шао-син (1131—1162) они начали возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзун-би (Вачо, или Учжу, — 4-й сын Агуды) несколько лет подряд высылал против них войска, но [эти войска] не смогли их покорить. Тогда он разделил войска, которые заняли и стали удерживать стратегически наиболее важные пункты»⁶⁶.

О войнах и отношениях чжурчженей с монголами будет сказано ниже. Пока важно одно — в XII в., в эпоху Цзинь, в китайских записях сложился определенный стереотип представления о монголах, навеянный прежними сочинениями о тех же ваецзы и в то же время, вероятно, отразивший сложный переход от охоты, от лесной жизни к кочеванию. Можно думать, что древние монголы ели эпизодически или даже часто сырое мясо. Это, естественно, вызывало удивление и отразилось в летописях, хотя, конечно же, монголы знали огонь и обычно варили пищу. Здесь можно провести аналогию. У охотников Саян существует обычное дело есть сырой костный мозг убитого оленя, и именно об этом охотно пишут в наши дни журналисты. Необычное удивляет и заслоняет главное, если оно обыденно для наблюдателя. Кроме того, преимущества сыроедения, его полезность и естественность для мира природы обсуждались веками, сыроедение пропагандировалось у многих народов. Что же касается остроты зрения, то это свойство в самом деле могло быть связано с употреблением сырого мяса. Монголы и сами считали, что их предки были дальноворки. По-видимому, писавшие о монголах авторы явно знали монгольское предание. А по этому преданию, древнемонгольский циклоп Дува-Сохор обладал исключительной остротой зрения. «У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки»⁶⁷. Думается, что от этой легенды идет утверждение китайских источников XII в. о том, что монголы могли видеть на десять, а то и на несколько десятков ли. Чудеса дальноворкости продемонстрировал Дува-Сохор, когда узрел прародительницу рода Чингиса — Алан-Гоа. «Однажды Дува-Сохор вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом взобрался на Бурхан-Халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-Халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей. И говорит: «Хороша молодница в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану,

если окажется, что она незамужняя»⁶⁸. Так род предков Чингиса, мужских прародителей, потомков Пегого Волка и Прекрасной Лани, соединился с родом прародительницы Алан-Гоа, явившей миру рыжеволосых и синеглазых монголов божественного происхождения.

Итак, китайские тексты XI—XII вв., повествующие о монголах, несут в себе элементы трафаретного знания, для XII в. кое в чем устаревшего, если только их авторы, в частности Ли Синь-чуань, не имели в виду какую-то группу монголов, оставшихся по-прежнему в лесах Маньчжурии, явно в то время простиравшихся далее к западу, чем ныне, и отражают знакомство китайцев (и цзиньцев) с монгольским преданием.

Китайские авторы нарочито подчеркивали пристрастие древних монголов к сырой пище еще и потому, что приобщение монголов к «цивилизации», в данном случае к отказу от сырой пищи, несправедливо приписывать себе. «С годов правления Тянь-цзюань (1138—1140) [монголы] начали возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзун-би несколько лет подряд высылал против них войска, но [эти войска] не смогли [их] покорить. Тогда он разделил войска, которые заняли и стали удерживать стратегически наиболее важные пункты. С другой стороны, им были даны щедрые подкупы. Их государства [государь] также назвался цзюань хуанди — «император — основоположник династии». Иногда они устраивали на границах беспорядки. И если [им] дарили юношей и девушек, яшму и парчу, то враги, вспомнив о своих домашних делах, возвращали войска обратно. Монгол назвался императором, и, поскольку они нападали на государство Цзинь, они захватывали китайских и киданьских детей и женщин и делали этих [женщин] своими женами и наложницами. С этих пор родившиеся [от таких браков и связей] дети уже совершенно не походили на монголов. Итак, [монголы] постепенно стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовали свое государство Да Мэнгу го — «Государство великих монголов» (Великое монгольское государство). Однако два государства жили на востоке и на западе [соответственно], и обе стороны глядели друг на друга на расстоянии нескольких тысяч ли. Не знаем, по какой причине [их] объединяют и [они] получили единое наименование. Поэтому, когда Цзинь достигло расцвета, было учреждено северо-восточное пограничное управление, Дунбэй чжаотао сы, с целью защиты от мэнгу (монголов), Гаоли (Кореи) и юго-западное пограничное управление, Синань чжаотао сы, с целью управления северными районами, удерживаемыми Западным Ся и мэнгу (монголами)»⁶⁹.

⁶⁶ Ли Э. Указ. соч., гл. 18, с. 170.

⁶⁷ Козин С. А. Указ. соч., с. 79.

⁶⁸ Козин С. А. Указ. соч., с. 79.

⁶⁹ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 331 (кит. текст).

Этот текст, помимо общей информации о начале активных отношений монголов с Цзинь с конца 30-х годов XII в., т. е. почти сразу после создания государства чжурчженей, содержит два достойных внимания момента: упоминание о цивилизаторской миссии китайских и киданьских женщин — давняя китайская идея о роли смешанных браков в аккультурации и ассимиляции (китаизации) иноплемеников (в нашем случае в антитезе: до не ели вареной пищи, после стали есть вареную пищу), и важный вопрос о том, была ли у монголов XII в. государственность, существовал ли Хамаг монгол улус (государство всех монголов), китайскую кальку которого мы можем видеть в Да мэngu го (Государстве великих монголов), и, наконец, сколько было монгольских государств.

Начнем с последнего. Давнюю трудность представляет трактовка того места цитированного только что текста Ли Синь-чуаня, где речь идет о «двух государствах». Текст не очень четок, хотя это место — «два государства находятся на востоке и западе» — связывают с зачином отрывка — «есть еще то государство, которое [именуется] мэngu». Комаи Есиаки считает, что «два государства» — это не монголы и Цзинь, а монголы и татары, которые еще не объединились в XII в., как позднее при Чингисе, и не получили единое наименование «монголы»⁷⁰. Есть другая версия, возможно, идущая от включения текста Ли Синь-чуаня Ван Го-вэем для комментирования «Мэн-да бэй-лу», связанная с предположением о гибели в XII в. древних монголов. «Нынешние татары очень примитивны и дики и почти не имеют никакой системы управления. [Я], Хун, часто расспрашивал их [об их прошлом] и узнавал, что монголы уже давно истреблены и исчезли». Далее идет комментарий Ван Го-вэя: «В „Цза цзи“ [Ли Синь-чуаня] сказано: „Существовало еще какое-то монгольское государство. Оно находилось к северо-востоку от чжурчженей... Но эти [два] государства отстоят друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли. Неизвестно, почему [они] объединены под одним именем“»⁷¹. Издатель нового перевода текста «Мэн-да бэй-лу» Н. Ц. Мункуев, несмотря на обильный комментарий к тексту, этого места не комментирует. В чем дело? Может быть, было действительно два монгольских государства? Мы полагаем, что китайских авторов, в частности Ли Синь-чуаня, в XII в. уже смущало противоречие, состоявшее в том, что в китайских источниках были сведения о каких-то монголах, живших явно на Амуре, на севере Муньчжурии (а уважение и доверие к старому тексту в Китае было вели-

ко), и фактическим проживанием монголов в XII в. на территории современной МНР. Они не могли отчетливо увязать эти два факта и, не допуская мысли о переселении, ибо китайская историография в описании иноземцев в средние века в основе своей строилась на том принципе, что каждый народ жил на одном «своем» месте (отсюда древние перечни племен с древности до наших дней) и племена преемствовали друг другу, выходили одно из другого. Указывались только факты явных и хорошо известных переселений. Поэтому вдумчивые историки или недоумевали, как Ли Синь-чуань, хотя и его текст не четок, или, как Чжао Хун, автор «Мэн-да бэй-лу», утверждали, что древние монголы были истреблены. Последняя версия вполне могла исходить от самих монголов, от их преданий, как мы видели из изложения их содержания Рашид-ад-дином. И современная наука не сразу подошла к выводу о переселении древних монголов. В настоящее время этот вывод остается самым убедительным, хотя бы потому, что косвенно он подтверждается монгольскими преданиями, приводимыми в «Сокровенном сказании» и труде Рашид-ад-дина, и даже китайскими текстами дочингисовой эпохи, повествующими о разгроме татар и их переселении после этого с северо-восточных границ Китая на северо-западные. Этот текст приведен выше.

Таким образом, активные отношения Цзинь с монголами начались с 30-х годов XII в. В 1130 г. чжурчжени вылавливали в северных провинциях страны всех бесхозных людей, прокалывали им уши и ставили знак, свидетельствующий о принадлежности этих людей казне. Часть их казна потом продала прямо в Цзинь, а часть погнали к границе, где их меняли на лошадей. В числе покупателей таких людей были и монголы⁷².

Первые набеги монголов на границы Цзинь упоминаются в тексте на стеле, найденной в пров. Гирич. Текст посвящен создателю чжурчженского письма Ваньянь Синию. Когда «мэngусы обеспокоили границы, ван вместе с командующим Цзун-пане (Полуху, старший сын Уцимая) был пожалован императорским указом отправиться в карательный поход против них»⁷³. Считают, что первый набег монголов на Цзинь произошел в 1135 г.⁷⁴ Собственно этот набег и положил начало длительной войне, завершившейся в 1147 г. По данным Рашид-ад-дина, войне предшествовала попытка чжурчженей завязать добрые отношения с монголами. Хабул-хан приехал ко двору Цзинь. В его честь был устроен пир, и он получил дорогие подарки. Когда Хабул и его свита покинули пределы

⁷⁰ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 331—332.

⁷¹ «Мэн-да бэй-лу». (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева. М., «Наука», 1975, с. 50—51.

⁷² Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 334.

⁷³ Сюй Бин-чан. Цзяо Цзинь Ваньянь Синь пэнь-дао бэй шу хоу.—«Шисюэ цайкань», 1936, № 1, с. 17.

⁷⁴ Tamura Jitsuzo. Op. cit., p. 10.

Цзинь, за ними были отправлены люди императора Цзинь с заданием задержать Хабул-хана и казнить его как опасного потенциального врага. Хабул-хан был задержан, но сумел бежать. Когда очередное посольство прибыло из Цзинь, он в отместку за покушение на его жизнь, перебил послов. Это и послужило поводом к войне⁷⁵.

В 1138 г. в ходе монгольско-чжурчженской войны 1135—1147 гг. темник Хушаху был послан в поход против монголов, но у армии не хватило продовольствия и войска возвратились обратно. Монголы преследовали их, вторглись на территорию Цзинь, но были разбиты в местности Хайлин, к северо-западу от Верхней столицы Цзинь (к северу от современного г. Харбина). В 1140 г. цзиньские власти для борьбы с набегами монголов создали на границе военные поселения. Через некоторое время к монголам присоединился Шэнхуаду, сын казненного властями сановника Далая. Он возглавил буюй, бывших лично несвободных людей, принадлежавших его отцу, и стал вместе с монголами нападать на Цзинь. Цзиньские власти ряд лет вели с ними борьбу, пока в 1147 г. между монголами и Цзинь не был заключен мир. Цзиньские власти отдали монголам 27 укреплений к северу от р. Сипинхэ, которая была признана пограничной. К сожалению, ее точного отождествления с какой-либо рекой наших дней нет. Монгольский хан Аоло боцзиле (в другой транскрипции — Олунь бэйлэ) был признан чжурчженями государем государства Мэнфу (Мэнфу го чжу). Однако сам Аоло не довольствовался этим и принял императорский титул Цзюань хуанди — императора, основателя династии. Он объявил собственный девиз царствования Тянь-син — «Подъем (расцвет), [дарованный] Небом». При этом монголы проявили отличную осведомленность в китайской титулатуре. Когда чжурчжени предложили Аоло боцзиле отказаться от титула император (хуанди) и принять титул князь государства (го ван), то Аоло отказался. По договору цзиньские власти ежегодно снабжали его зерном и скотом⁷⁶. И Комаи Есиаки и Тамура Дзипудзо сходятся на том, что под именем Аоло боцзиле скрывается один из предков Чингисхана Хабул-хан. В «Сокровенном сказании» о Хабул-хане сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми монголами стал веда́ть по слову Хабул-хагана сын Сенгун⁷⁷ Бильгея Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семерых сыновей»⁷⁸. Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя

улуса» — «камукун какап, улус-ун эджен»⁷⁹. Вряд ли меньший титул имел и его предшественник Хабул-хаган. Монгольское «улус ун эджен» если не соответствовало китайскому «хуанди», «император», то уж наверняка могло иметь своим абсолютным эквивалентом титул «го чжу» — «государь государства». Рашид-ад-дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных»⁸⁰.

В связи с материалами китайских источников об Аоло боцзиле и принятии им титула императора вряд ли так безусловно можно верить в то, что употребляемые в «Сокровенном сказании» титулы, в частности титул хаган, — «результат влияния поздней традиции на авторов или скорее переписчиков»⁸¹. Можно все-таки думать, что в середине XII в. существовало единое государство монголов, монгольский улус, так же, как государства-улусы татар, керейтов, найманов, меркитов, Мы уже выступали с обоснованием своего мнения о том, что татаро-монгольские улусы XII в. были государственными образованиями⁸². Более аргументировано, на наш взгляд, эта позиция изложена в другой нашей статье «О татаро-монгольском улусе XII в.», сданной в сборник памяти акад. Б. Я. Владимирцова. Добавим только, что Рашид-ад-дин характеризует улусы Монголии XII в. как государства. Он говорит о керейтах, найманах, онгутах и других народах, «которые были похожи на монголов и из которых каждый имел [свое] государство»⁸³. Термин «го» — «государство» употребляли по отношению к монгольскому улусу и китайские авторы XII в.

Возвышение Чингисхана и объединение им Монголии были результатом длительного социального прогресса монгольских племен. Вряд ли можно обосновывать эти процессы изменениями климата, даже если кто-то «лишь намеревается предположить, что климатический фактор в данном случае — значимость, обладающая достоинством удовлетворительного объяснения, на основе чего его можно поставить в один ряд с другими факторами, которые возможно обнаружить в литературе о Чингисе»⁸⁴. Отрицать роль среды обитания, климата невозможно. Но если изменения среды обитания за 40—50 лет привели к серьезным социальным изменениям, они должны были проявиться в

⁷⁵ Там же, с. 84, 208.

⁷⁵ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 104; т. 1, кн. 2, с. 35—36.

⁷⁶ Комаи Есиаки. Указ. соч., с. 336—338.

⁷⁷ Это явно китайский титул: сянь гун — «мудрый князь».

⁷⁸ Козин С. А. Указ. соч., с. 84.

⁸⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 103; т. 1, кн. 2, с. 35.

⁸¹ «Мэн-да бэй-лу», с. 113.

⁸² Кычанов Е. И. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен в XII в. — В кн.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974, с. 165—170.

⁸³ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 75.

⁸⁴ Jenkins Gereth. A note on climatic cycles and the rise of Chinggis Khan. — «Central Asiatic journal», 1974, vol. XVIII, N 4, p. 221.

природных катаклизмах, которые для данной эпохи должны были отразиться в источниках. А таких свидетельств для второй половины XII в. — первой четверти XIII в. нет. Уж так ли суров и неблагоприятен был климат страны, если племя монголов в XII в. как никогда усиленно множилось и социально развивалось? На конец XIII в., по данным Рашид-ад-дина, только монголов, прямых потомков прародительницы рода Чингиса Алан-Гоа, было «больше ста туманов»⁸⁵, т. е. более одного миллиона человек. А если учесть, что под тысячью и тысячами понималось все-таки не просто тысяча или десять тысяч человек, а социальные ячейки, способные выставить приблизительно тысячу или десять тысяч воинов, то, очевидно, что это число следует по меньшей мере удвоить!

Мы остановились на Хабул-хане. Обстоятельства монгольской истории после Хабул-хана уже более широко известны, прежде всего из «Сокровенного сказания» и труда Рашид-ад-дина. Его потомки вступили в период длительной вражды с татарами, «с обеих сторон поднялась распря, они постоянно воевали друг с другом

и давали сражения»⁸⁶. В эту вражду монгольских племен вмешивалось и государство Цзинь. Для татар эти войны закончились в 1202 г. почти полным их истреблением Чингисханом. Для монголов — распадом единого древнемонгольского улуса (государства), воссозданного через полвека вновь Чингисханом, объединившим затем всю Монголию.

Подводя итоги изложенным выше сведениям по проблеме истории монголов с VI в. до середины XII в., мы должны отметить важнейший результат ее исследования за последние десятилетия — постановку вопроса о переселении монголов. Это переселение в настоящее время вряд ли может подвергаться сомнению. Можно спорить о частностях — месте расселения древних монголов, путях их миграции на запад, времени и сроках переселения, но только признание самого факта миграции позволяет приемыслю объяснить почему территория Монголии, бывшая веками вотчиной тюрок, стала местом формирования монгольской народности⁸⁷.

⁸⁵ Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, с. 13.

⁸⁶ Там же, с. 58.

⁸⁷ Ср. Кызласов Л. Р. Ранние монголы. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии, т. III. Новосибирск, 1975, с. 170—177.

ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЖУРЧЖЕНЕЙ

При изучении истории Маньчжурии выявляется крайняя неоднородность, пестрота и сложность этнического состава населявших ее народностей. Преобладающим компонентом в районах Приамурья, Северо-Восточной Маньчжурии и Приморья несомненно были тунгусо-маньчжуров. Однако в этногенезе тунгусо-маньчжуров значительную роль играли этнически чуждые им племена и народы. Китайские и корейские средневековые источники далеко не всегда позволяют дифференцировать эти этносы, что объясняется как удаленностью этих территорий, недостаточностью прямых контактов, так и пренебрежительным отношением к «варварам», которое веками господствовало в официальной историографии этих стран. Так, в китайских исторических сочинениях для обозначения различных по своей национальной принадлежности племен Маньчжурии (чжурчжени, монголы, тюрки) часто используются общие термины (дунбэй-и — «северо-восточные варвары», дун-ху — «восточные варвары», е-жэнь — «дикари», фань — «варвары»).

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении этнической истории чжурчженей, — это значительное влияние монгольского элемента. Монголы исторически составляли существенную часть населения Маньчжурии, особенно ее западных областей. До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, являлись ли одной из ветвей монголов кидани, создавшие на территории Южной Маньчжурии и Северного Китая империю Ляо (916—1124 гг.). Некоторые исследователи (Менгес, Пеллио) считают киданьский язык древним южномонгольским. Мураяма Ситиро прослеживает связь между так называемыми «малыми киданьскими письменами» и тюркскими рунами, восходящими к монгольскому элементу. К заключению о близости киданьского языка с монгольским приходит и венгерский востоковед Л. Лигети. Считают, что монгольским было племя шивэй (шивэй жуцжэ — одни из возможных предков чжурчженей). Можно предполагать, что, если кидани и не были монголами, то во всяком

случае имели сильную монгольскую примесь. Чжурчжени (по крайней мере их часть) до 1115 г. были вассалами киданей. В 3-й главе составленного в XII в. «Саньчао бэймэн хуэйбянь» говорится о том, что основатель Ляо — Абаоцзи переселил на киданьские земли несколько тысяч чжурчженских дворов¹. Из этого видно, что чжурчжени не только довольно тесно контактировали с киданями, но и порой большими группами переселялись на их территорию и, возможно, частично смешивались с ними. Монголы были многочисленным народом. По оценке Н. Ц. Мункуева, к началу XIV в. их общая численность составляла около полутора миллионов человек². Влияние монголов на Маньчжурию и их доля в ее населении особенно возросли в результате завоевательских походов Чингисхана.

После разгрома Цзинь монголами в 1234 г. множество чжурчженей, переселившихся в середине XII в. в Китай, в ходе кровопролитных военных действий было истреблено. Полностью был уничтожен царский род Ваньянь. Часть чжурчженей осталась на территории Китая, основав там свои поселения (например, в Шаньдуне), часть бежала на свои исконные земли. Территорией обитания чжурчженей вновь стали Маньчжурия, Приамурье и Приморье.

Данных о численности чжурчженей в эпоху Юань и Мин у нас нет. Более или менее достоверные данные можно извлечь лишь из цзиньской статистики. На основании переписи 1183 г. можно предположить, что к 1200 г. в Цзинь проживало не более 4—5 млн. чжурчженей³. Трудно хотя бы приблизительно оценить численность чжурчженского населения Маньч-

¹ Franke H. Chinese texts on the Jurchen. A translation of the San-ch'ao pei-meng hui-pien. — "Zentralasiatische Studien", (Wiesbaden), 1975, N 9.

² Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 394—395, 400.

³ Franke H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberung: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chindynastie (1115—1234) — Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge G 228, Westdeutscher Verlag, 1978, S. 14.

журии в юаньское, а тем более в минское время. Судя по всему, оно было значительным и, возможно, составляло несколько миллионов человек.

Западная часть Маньчжурии была населена в основном различными монгольскими племенами. Вследствие тесных контактов с монголами и длительного монгольского господства над Северо-Востоком часть чжурчженских племен, в первую очередь родовая аристократия, до определенной степени монголизировалась. В китайских и корейских источниках эпохи Мин («Мин ши», «Юн-лэ ши», «Корё са» и др.) в описаниях, посвященных чжурчженям, часто встречаются личные имена и названия целых племен явно монгольского происхождения. Например: «Кададай, вождь диких чжурчженей» (от монг. *qada* — «скала»); «Бату — бука, вождь диких чжурчженских племен», (монг. *buqa* — бык, распространенное монгольское имя)⁴. В корейской хронике «Корё са» среди чжурчженских территорий, расположенных на северо-восточных границах Кореи, упоминается область мэngu (т. е. монголов). Китайские и корейские источники часто сообщают о чжурчженском племени улянха. Хироси Икеути помещает это племя между рекой Хайлань и верхним течением р. Тумэнь к северо-западу от Хуэйнина, т. е. на исконно чжурчженских землях⁵. Этноним «урянхай» широко известен среди монголов. Возможно, это потомки урянхайских монголов, а может быть, просто сильно монголизированные чжурчженские племена. В XV—XVI вв. корейцы часто называли чжурчженей оранкайцами (видоизмененное от «урянхай»). Это слово прочно вошло в корейский язык и стало обозначать там «варвар», «дикарь», «чужеземец»⁶.

В 1592 г. оранкайцы помогли корейцам отразить нападение японских пиратов⁷.

Можно указать еще на один пример. Так, по мнению Г. Франке, чжурчженский клановой этноним «Гуан-цзи-ла» несомненно связан с монгольским этнонимом «хунгират». Хунгираты — известное монгольское племя, из которого члены клана Чингисхана традиционно выбирали себе жен⁸.

Можно предположить, что сам язык чжурчженей подвергся определенному влиянию со стороны монгольского. Письменность чжурчженей до сих пор не расшифрована. В сочинении XIV в. «Хуа-и и-юй» содержится более 800 затранскрибированных китайскими иероглифами чжурчженских слов с переводом их зна-

чений. По крайней мере некоторые из этих слов могут быть идентифицированы как монгольские. В XV—начале XVI вв. в поздне-чжурчженском языке число монгольских заимствований заметно возрастает⁹.

Подчеркивая значительность монгольского элемента в Маньчжурии, О. Латтимор пишет: «В середине XVII в., когда маньчжуры начали завоевание Китая, монголы занимали от одной трети до одной четверти территории современной Маньчжурии»¹⁰.

Помимо тунгусо-маньчжуров и монголов Маньчжурию населяли и некоторые тюркские племена. Одним из них, по-видимому, было племя си. Исконной территорией си была ляоская область Дадин-фу, расположенная, как сообщается в «Саньчас бэймэн хуэйбянь» (гл. 3), «в 1000 ли от Яньшаня» (т. е. Пекина). Дадин-фу соответствует современному Цаган Субургану в бывшей провинции Жэхэ¹¹. Тюркское влияние прослеживается в языке и ономастике чжурчженей. Так, чжурчженское имя Ван-гу (Юн-гу, Хуан-го), видимо, связано с тюркским племенным этнонимом «онгут»¹².

Значительное влияние на историю и этногенез чжурчженей оказали бохайцы. Бохайцы — собирательное название для федерации различных по своему происхождению племен, которые в VIII в. создали на севере Кореи и большей части Маньчжурии одноименное государство. Большую роль в их этногенезе, видимо, сыграл корейский элемент¹³. Можно вспомнить, что, согласно преданию, предки правящего цзиньского рода были выходцами из Кореи. Некоторые чжурчженские роды вели свое происхождение от бохайцев.

Сложность этнической ситуации в Маньчжурии и отсутствие непосредственных контактов приводили к тому, что китайские историки подчас плохо представляли себе реальную обстановку в этом районе. Можно целиком согласиться с Г. В. Мелиховым, когда он пишет, что «для китайских и маньчжуро-китайских источников весьма характерно упоминание о частях одного и того же племени, обитавших в разных местах, под разными названиями, равно как и противоположная тенденция — когда используется одно общее название для группы совершенно различных племен»¹⁴.

Все это следует иметь в виду при изучении средневековой истории чжурчженей.

⁹ Franke H. Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen im Liao-Reich. — "Zentralasiatische Studien". (Wiesbaden), 1969, N 3. S. 9.

¹⁰ Latimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers (1928—1958). Paris — La Haye, 1962, p. 327.

¹¹ Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949, p. 76.

¹² Franke H. Nordchina am Vorabend. . . , S. 18.

¹³ Franke H. Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen. . . , S. 11.

¹⁴ Мелихов Г. В. Ян Бинь и его труд «Любянь цзиньлюэ». — В кн.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика. М., 1961, с. 71.

⁴ Serruys H. Sino — Jürched relations during the Yung-lo period. Wiesbaden, 1955, p. 29—31.

⁵ См. Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975, карта-схема 3.

⁶ Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asian Sources, vol. II. London, 1940, p. 175.

⁷ История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 407.

⁸ Franke H. Nordchina am Vorabend. . . , S. 18; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. 1. М. — Л., 1952, с. 68—72.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В. Е. ЛАРИЧЕВ. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии	8
С. Т. КОЖАНОВ. Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь (1125—1127 гг.)	39
В. С. КУЗНЕЦОВ. Нурхади — основатель маньчжурского государства	48
В. С. ТАСКИН. Материалы по истории ухуаней и сяньби	54
А. Г. МАЛЯВКИН. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии	103
Г. Г. ПИКОВ. Некоторые вопросы экономики западных киданей	127
Е. И. КЫЧАНОВ. Монголы в VI — первой половине XII в.	136
В. В. ЕВСЮКОВ. К этнической истории чжурчженей	149

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА**

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

**Ответственный редактор
Виталий Епифанович Ларичев**

Редактор издательства Т. Б. Мелкозерова
Художественный редактор В. И. Шумаков
Технический редактор А. В. Семкова
Корректоры В. В. Борисова, М. В. Спиридонова

ИБ № 10183

Сдано в набор 15.08.78. Подписано к печати 25.02.80. МН-05515. Формат 60×84¹/₈. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л., 17,7. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 1400 экз. Заказ № 242. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Сталиславского, 25.